

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)-8

Ф 62

Фирсов, И. и.

Ф 62 Исторические портреты: Павел Нахимов, Фёдор Ушаков, Степан Макаров... / Иван Фирсов. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 541 [3] с.: ил.

ISBN 978-5-17-038051-0 (АСТ) (ИБ)

ISBN 978-5-271-14401-1 (Астрель)

ISBN 978-5-17-051464-9 (АСТ) (ИБ-2)

ISBN 978-5-271-20538-5 (Астрель)

В данном томе представлены жизнеописания Григория Спиридова, Федора Ушакова, Дмитрия Сенявина, Владимира Корнилова, Павла Нахимова, Степана Макарова и других прославленных флотоводцев XVIII—XX вв.

Книга рассчитана на всех, интересующихся историей России.

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)-8

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 30.03.2008.

Формат 84×108¹/32. Гарнитура «Школьная».

Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 1000 экз. Заказ 1732.

Тираж 2000 экз. Заказ 1733.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ISBN 978-985-16-5216-3

(ООО «Харвест») (ИБ)

ISBN 978-985-16-5217-0

(ООО «Харвест») (ИБ-2)

© Фирсов И. И., 2006

© ООО «Издательство Астрель», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необозримые морские дали, бескрайние океанские просторы... Мировой океан.

Где найти слова, чтобы выразить твоё величие, мощь и красоту! До сих пор хранишь ты немало тайн и загадок в глубинах своих. Извечна тяга человека к познанию неведомого, влечение его вперед, наперекор стихиям и опасностям, и все это таит в себе океан, простирающийся на четырех пятых поверхности планеты.

Шестьдесят столетий бороздит его просторы человек, пятьдесят веков плещут паруса над океаном.

Водная стихия разделила некогда материки, а затем связала их накрепко вновь, развились мореплавание и торговля.

Море, как и суша, стало ареной соперничества вооруженной борьбы. Зачастую исход войны решался в морских сражениях. Могущественная Персия в конце концов потерпела поражение, проиграв борьбу с Грецией на море.

Славяне приохотились к мореходству в середине первого тысячелетия. На своих легких лодках-однодеревках они плавали в Черном и Эгейском морях, ходили в походы по Средиземноморью. Лихость и стойкость их характера воплощались в ратных схватках на морях. Еще до появления Рюриков славяне-русы не раз устрашали набегами Византийскую империю, прикаспийские ханства.

В конце VIII века новгородский князь Бравлин с моря напал на византийские колонии в Крыму, овладел Сурождью, разорил побережье от Херсона до Керчи. Спустя десятилетия русы набежали на острова в Эгейском море, напали на Амас-

триду на южном берегу Понта Эвксинского, который древние летописцы называли Русским морем, пошерстили побережье от Босфора до Синопа.

Летописцы не называли имена предводителей-моряков, но вот что сказал об этом периоде авторитетный английский историк Ф.Т. Джен: *«Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим; однако в действительности он по праву может считаться более древним, чем британский флот. За столет до того, как Альфред построил первые английские военные корабли, русские участвовали в ожесточенных морских сражениях, и тысячу лет тому назад именно русские были наиболее передовыми моряками своего времени».*

Примечательно, что морскими дорогами в Киевскую Русь из Византии проникло и христианство. Не раз успешно оканчивались морские набеги на Константинополь киевских князей Олега, Игоря и их последователей.

Крепла и развивалась Киевская Русь. Но, как и повсюду, соперничество и жажда власти честолюбивых «князьков» постепенно разрушили некогда могучую державу, и она распалась на мелкие и слабые уделы. В ту пору на Русь обрушились несметные полчища Батые с Востока. Слабых князьков били поодиночке, людей обращали в рабство. Над Русью на два с половиной столетия нависла черная туча ига Золотой Орды. Именно с тех времен пресмыкательства перед Ордой, стремление князей любой ценой получить «ярлык» на правление вотчинами заразили Русь занесенными с Востока язвами предательства, доноительства и клеветы, зависти и корыстолюбия. Стали привычными мздоимство и подношения.

Но и в ту мрачную эпоху не иссякала в народе тяга к полноводным рекам, бескрайним морским просторам.

Новгородцы боролись с ливонскими рыцарями и шведами за выход к Балтийскому морю, бились за каждый клочок побережья Финского залива. Через Ладогу и Онегу пробились к Беломорью, осели в устье Северной Двины, проторили путь в Студеное море.

Битва на Куликовом поле изгнала татарское иго. Очистился небосвод над Русью. Московские князья собрали воедино разрозненные земли, возродилась держава, и вновь оживились торговые пути, но, увы, только по суше. А диковинные товары купцов с Запада и Востока приносили в Московию привкусы моря с Балтики и Каспия. Иноземцы, по-

именная, порой за бесценок торговали добротные русские товары.

Не мирился с безысходностью отторжения Руси от моря царь Иван Васильевич Грозный. Удачные походы против Казанского и Астраханского ханств открыли русским купцам водные просторы Волги и Каспия. Московские товары появились на персидских и азиатских базарах. Поначалу успех сопутствовал русским войскам в борьбе с Ливонским орденом за выход на берега Балтики. Разгромив тевтонских рыцарей, русский отряд спустился из Ивангорода в устье реки Наровы и начал сооружать морской порт Нарву. Почти два десятилетия русские купцы оживленно торговали через Нарву с ганзейскими городами, Голландией, Англией, Францией.

Речь Посполитая, Швеция и Германия оцетинились на новоявленного конкурента, запретили своим купцам торговать через Нарву. Шведы и поляки выпустили в море каперон¹, грабить суда, идущие в Нарву. Иван Васильевич был не из пугливых. Своих судов не было. Объявился датский лихой капитан Карстен Роден. Царь принял его на службу.

— Побьешь швецких да польских ушкуйников, — наставлял он Карстена Родена, — да и нам прибыток станет.

Бравый моряк быстро сколотил флотилию из пяти судов и навел страх на противников. За одну кампанию захватил 22 вражеских судна и выручил полмиллиона таллеров. Все бы хорошо, но датский король приказал арестовать Карстена Родена и конфисковать его суда. Четверть века отстаивал Иван Грозный морской берег. Но под натиском объединенных войск Речи Посполитой, Швеции, постоянных угроз крымских татар вынужден был отступить.

Утешением для Ивана Грозного явилось появление в Москве английского капитана Ричарда Ченслера. Занесенный штормовыми ветрами в Белое море храбрый моряк с удивлением обнаружил довольно обустроенный порт в устье Северной Двины. С тех пор через торговые связи установились дружественные отношения русского царя с английским королем Эдуардом VI...

Но эта сторона задолго до появления Ченслера, как заметил историк А. Висковатов: «...новгородцы, даже прежде призвания Рюрика, вели судоходную торговлю с народами, обитавшими при Волге и Каспийском море... Через этот обширный край существовали два пути судоходного, долгое время важного по торговле, сообщения Каспийского моря

с Северным Ледовитым океаном, или, как называли его у нас, — Студеным морем.... Из устьев Северной Двины и Печоры, держась по возможности берегов, русские ходили для промыслов и торговли через Югорский шар и Карское море, в реку Обь и далее до Енисея, и нет сомнения, что в этих плаваниях они открыли лежащую к Северу от Вайгача Новую Землю».

Затем позднее в дело включилось купечество: «именитые люди» Аникий и Яков Строгановы, владевшие обширными землями по рекам Каме и Чусовой, посылали в Антверпен нанять сведущих и опытных мореходов, которые, прибыв в Россию, построили в Северной Двине два корабля... но есть причина полагать, что целью их было плавание к Новой Земле, где по носившимся тогда слухам находились серебряные прииски.

Первенец династии Романовых, Михаил Федорович, не остался в стороне от мореходства. Прислал к нему на поклон голштинский герцог Фридрих послов. Пожелал он завести у себя торговлю шелком, но лакомый товар покоился за морями, в Персии. Путь туда лежал через Русь и Каспий. Царь Михаил благосклонно разрешил голштинцам построить в Нижнем Новгороде, с помощью русских плотников, десяток судов. Но при условии «а от тех плотников корабельного мастерства не скрывать».

Построенное худо-бедно иноземцами плоскодонное судно «Фридерикс» отправилось в 1636 году в плавание вниз по Волге. На пути из Астрахани к Дербенту судно попало в жестокий шторм и потерпело крушение... «Такова была участь первого военного судна, построенного в русской земле, русскими руками и из русского леса».

Почин родителя продолжил его наследник, царь Алексей Михайлович. В приказе Новгородской Чети 1667 года сказано: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России самодержец, указал для посылок из Астрахани на Хвалынское море делать корабли в Коломенском уезде в селе Деминове, и то корабельное дело ведать в приказе Новгородские Чети боярину Офонасью Лаврентьевичу Ордину-Нащекину, да думным дьякам Гарасиму Дохтурову, да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву». Неспроста царь поручил «делать корабли» Афанасию Ордину-Нащекину. За десять лет до этого, во время Ливонской войны, он, воевода, создал на Западной Двине флотилию из десятков морских галер... Главным распоряди-

телем на верфи Ордин-Нащекин поставил сметливого и рас-
торопного дворянина Якова Полуектова. Для помощи в но-
вом деле выписали из Голландии опытных корабельных мас-
теров и моряков. Уже спустя год Полуктовы доносил: «Ко-
рабль и яхта, да два шлюпа и бот сделаны совсем наготове». Весной 1669 года первый корабль «Орел», построенный на
русской верфи, отправился по Волге на Каспий. Но «Орлу» не
повезло: судно впоследствии было захвачено и сожжено вата-
гой Степана Разина...

*«И хотя намерение отеческое не получило конца свое-
го, — сказано в Предисловии к Морскому уставу Петра I, —
однакож достойное оно есть вечного прославления... от на-
чинания того, аки от доброго семени произошло нынешнее
дело морское».*

Такова краткая предыстория морского дела на Руси до
появления регулярного Военно-морского флота.

Случилось так, что бот, построенный в Дединове², заро-
нил в душу молодого царя Петра влечение к морскому делу,
которое стало впоследствии страстью и жизненной потребно-
стью до последних дней его бытия.

Осознав значимость морской силы для державы, Петр I, на-
чав с нуля, создал флот, «вторую руку» военной мощи России.

Мысленно окидывая взором окрестности державы на
Балтике и Черном море, Севере, Каспии и Великом океане,
четко представляя себе, что делать: первое — выйти к морям,
основать базы флота, другое — строить корабли, последнее,
но главное — учить русских людей мореходству.

Увы, Петр I, создатель флота, был первым, и единствен-
ным, из правящей династии Романовых, кто по-настоящему
пестовал и ценил Военно-морской флот, знал его возможнос-
ти и понимал роль для обороны России.

До этого Россия чествовала своих военных предводителей
на суше — полководцев.

Адмирал Петр Романов положил почин замечательной
плеяде российских флотоводцев. Примечательно, что с той
поры от поколения к поколению на русском флоте не преры-
валась преемственность лучших боевых традиций и начина-
ний российских флотоводцев.

Последующие владельцы российского трона вспоминали
о флоте от случая к случаю, лишь как о военном инструменте
для успешного ведения внешней политики. Так было при
Елизавете, Екатерине II, Павле I, Александре I. Когда же

царствующие особы пренебрегали флотом, противники ставили Россию на колени. Так было в Крымскую войну, так случилось после Цусимы.

Но, несмотря на все невзгоды, русские моряки всегда стояли насмерть в схватках с неприятелем, отстаивая честь Родины под Андреевским флагом.

Лучшие флотские боевые традиции, заложенные Петром I, живой нитью связывали его последователей — Апраксина, Спиридова, Ушакова, Сенявина, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Бутакова, Макарова.

В последние годы, на волне гласности, в ряду «Самых знаменитых флотоводцев» (изд. «Вече», 2000 г.) вдруг оказались Ф. Лефорт, никогда не командовавший кораблями в море, де Рибас, ни разу не выходивший под парусами в море, принц Нассау-Зиген, позорно проигравший крупное сражение со шведами...

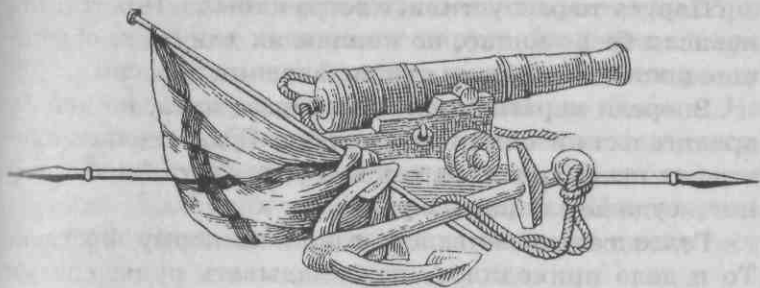
Цель настоящего издания — строго следуя первоисточникам, ознакомить читателей с основными вехами жизненного пути русских флотоводцев, чьи имена наряду с известными полководцами золотыми буквами вписаны в летопись Боевой славы России.

Иван Фирсов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Иван Фирсов

Петр Великий

В лето года 1693 на Руси произошло необычайное — царь, самодержец Всероссийский, Петр I, двадцати одного года от роду, на построенном в городке Архангельском судне вышел в море Белое и во главе с большим караваном иноземных купеческих шхун двинулся на север, к выходу в океан...

На рассвете 4 августа у пристани тут и там сновали дощаники, шлюпки, карбасы. Заводили буксирные концы, оттаскивали по очереди царскую яхту, голландский фрегат, купеческие суда. Погода стояла ясная, но безветренная. Петр перешел на фрегат, всматривался в работу экипажа.

Первым потащили фрегат за нос две голландские шлюпки, разворачивая по течению. Едва отошли от пристани, свистнула боцманская дудка — матросы влезли на ванты, разбежались по реям, распустили паруса. Задрав голову, Петр смотрел минуту-другую, потом не выдержал. Скинул кафтан, бросился к фок-мачте, вскарабкался по вантам на нижний рей, стал работать рядом с матросами. Капитан фрегата Голголсен только таращил глаза и покачивал головой...

Паруса-то распустили, а ветра не было. Полотнища повисли беспомощно, по концам их тянулись обмякшие шкоты — веревки для управления парусами.

Впереди каравана шла государева яхта, на ней — архангельский помор за лоцмана. Суда плелись еле-еле, их несло течением реки, и управлять было трудно — суда не слушались руля.

Голголсен поеживался, глядя на корму фрегата. То и дело приходилось переключивать руль, следуя в кильватере за яхтой. У Березовского устья Голголсен решил отстояться на якоре. Вызвал канонира, что-то приказал.

— В таких случаях, ваше величество, — пояснил он, — надлежит дать сигнал эскадре, чтобы стать на якорь. Мы условились палить из пушек три раза.

Петр понимающе кивнул, усмехаясь, проговорил:

— Прошу тебя, мин херц, зови меня попросту скипером.

Голголсен улыбнулся, покачал головой: так нельзя. Борт фрегата изрыгнул огонь, пахнуло порохом. Раздались три выстрела один за другим.

Когда весь караван отдал якоря в безопасных местах, Голголсен пригласил Петра к обеду.

— Сие приятно, но прежде я твой фрегат весь обшарю. Даже глядел поверху, — ответил Петр, принимая приглашение.

Обед пришлось перенести на два часа, но Петр теперь убедился окончательно: фрегат, слаженный им на Плещеевом озере запрошлым летом, годился только для потехи.

Обедали вдвоем. Гостеприимный Голголсен, как и всякий настоящий капитан, поклонялся Бахусу, и в его лице царь нашел себе хорошего товарища. Разговаривали о многом, но Петр жадно выспрашивал о голландских верфях: где, да что и как. Капитан пояснил:

— Голландия небольшая страна на суше, но великая на море. На наших верфях в Амстердаме, Саарда-

ме, других местах десятки фрегатов и купеческих бригов каждый год поднимают паруса. Наш флот встретишь и в Индии, и в Америке. — Собеседники раскурили трубки, пригубили в очередной раз вино. — Недавно наш храбрый Вильгельм привел к покорности Англию и занял королевский престол. И все это потому, что Голландия имеет сильный флот. Наши купцы торгуют по всему миру и дают отличный доход государству.

Несмотря на выпитое вино, Петр не прерывал собеседника, слушал молча, грыз ногти.

«Хорошо вам, голландцам, с флотом, а нам-то как? С голой задницей? Моря-то нет, разве здесь, в Архангельском?»

— Чтобы иметь такой добрый флот, — продолжал Голголсен, не торопясь, с расстановкой, несколько добродушно, не выказывая перед собеседником своего превосходства, — наши люди многие века воевали с морем. Затем долго-долго строили суда. Сначала неважные, потом добротные.

Голголсен внимательно разглядывал своего гостя. Не каждый день вот так запросто можно беседовать с царской особой. Капитан сразу почувствовал необычность характера царя. Одно безусловно — неравнодушен к морю. Тут они союзники по духу.

Прошло время ужина, солнце коснулось горизонта, сплошь усеянного сосновыми лесами, а в каюте капитана продолжали звенеть бокалы.

Голландец сам проводил высокого гостя на яхту, где, в свою очередь, шкипер-царь потчевал его до полуночи...

Голландский капитан растревожил Петра воспоминаниями о недавнем прошлом. Два дня караван ждал попутного ветра, а царь перебирал в памяти события минувших лет, всколыхнувшие его душу, привязавшие его натуру к «морской утехе».

...Началось все исподволь, не вдруг. Сколько себя помнил Петр, сначала его зачаровали кораблики на

красочных картинках, расписанных по велению его первого наставника дьяка Никиты Зотова, для познания царевичем российской истории. Манили неизвестные, собранные отцом модели «малых кораблей». Потом жарким летом 1688 года нашли в сарае старый ботик деда, Никиты Ивановича Романова. Пока давно обрусевший старик-голландец Карстен Брант ремонтировал бот, плотники выделывали мачту, а бабы шили парус, Петр постигал премудрости новой потехи. Ботик спустили на воду. Стояла знойная жара, как назло, безветрило. От зари до зари он старательно перенимал у Бранта навыки работы со снастями, ставил мачту, поднимал и убирал паруса. Когда в один из вечеров поймали, наконец, ветер, ботик медленно, наполняя парус, пошел против ветра, что-то дрогнуло внутри у царя. Будто расправляя крылья, двинулось суденышко вперед, ускоряя ход. Петр, озираясь, смотрел на уходящие назад берега, взглянул непонимающе на повеселевшего Карстена, недоумевающего «потешного» Федосейку Склеява, примолкшего Сашку Меншикова. Взнуздав ветер, они плыли навстречу ветру. Петр ласково погладил пузатый парус. Вроде бы обычная тряпица, а сколько силы, видимо, таит в себе. Зачарованный этим волшебством, почувствовал он, как что-то неизъяснимое невольно заполняет все его существо. Постепенно страх вытесняла радость странного ощущения иной жизни, чем та, что дремала на берегу. Но ботик вдруг ткнулся носом в берег. Петр растерянно глянул на Карстена. Тот улыбнулся:

— Вылезай и сталкивай!

...Вскоре вспыхнувшая страсть привела неугомонного Петра на Плещеево озеро. За три года на озере построили целую «потешную» флотилию, десяток военных судов во главе с флагманом 24-пушечным фрегатом «Марс».

Но в «колыбели флота», как прозвали Плещеево озеро, стало тесно, и вот теперь на Белом море царь испытывал на поверку свое влечение к водной стихии...

На утренней заре 6 августа раздался пушечный выстрел. Петр босиком, в подштанниках выскочил на палубу. Ровный, приятный ветер дул с юта.

— Шелоник задул, это к добру, нам в путь, — проговорил стоявший за спиной архангельский помор.

Петр кивнул на голландский фрегат. Там на баке копошились матросы, на реях замелькали фигурки, развязывая паруса.

— Солдаты на баке выбирают якорь, государь, другие паруса ставят, — доложил помор.

Он перекладывал руль. Яхту потянуло вперед, корпус вдруг вздрогнул.

— Якорь встал! — донеслось с бака.

Помор, лихо вращая штурвал, широко улыбнулся, подмигнул Петру, кивнул на корму. Там, лениво разворачиваясь на якорных канатах, снимались с якорей фрегат и купеческие бриги.

— Мы-то пошли! — весело крикнул помор, показывая глазами на берег.

Яхта, освободившись от якоря, чуть уваливаясь под ветер, слегка накренилась и, набирая ход, двинулась на север.

Спустя полчаса, поставив все паруса, яхта уверенно заняла место в голове колонны кораблей. Остался далеко за кормой остров Линский, справа уходил низменный, белесый, покрытый ельником берег.

— Двинским берегом, — кивнул за борт помор, — полдня будем идти, не менее. Подале, справа, Мудьюжский остров. Стража там стрельцовая, таможня и наш брат лоцман обитает.

— Почему без ландкарты идешь, по компасу не поправишь? — спросил Петр.

— Оное все здесь, государь, — усмехнулся помор, ткнув пальцем в голову. — Ежели ночь, туман, — дело другое. В чистом море или окияне, там без матки не обойтись. А картишка имеется, в кубрике она у меня, в рундуке. Спонадобится — достану.

На Мудьюге стояло несколько хибарок. Вдоль тя-

нулась холмистая гряда, усеянная плотным ельником. Кое-где сиротливо жалась к земле пришибленная северными ветрами береза-ползушка. Проглядывали болотца, покрытые бархатными мшистыми кочками.

Мористее, слева, с яхтой поравнялся фрегат и медленно начал выходить в голову каравана. Петр тронул помора за плечо:

— Дай-ка мне кормило.

Помор кивнул на компас.

— Держать надобно на северок, чуть к западку, по этой отметке. — Он показал на картушку компаса. — Стало быть, ноод-норд-вест по-иноземному.

Едва взяв в руки штурвал и заметив курс по компасу, Петр почувствовал неладное. Сначала яхту вдруг ни с того ни с сего повело влево. Не успел он переложить руль, как она произвольно покатила вправо. На штурвал легла мозолистая рука помора.

— Нынче, государь, нам шелоник в корму дует. Сие попутный ветерок, довольно свежий. — Помор показал рукой за борт. — Волна от шелоника пошла, ветерок-от работает, поди, часа три.

За бортом, догоняя яхту, катились вспененные, довольно крутые волны, кое-где на их гребнях курчавились белые барашки.

— Волна, стало быть, нагоняет нас и подбивает корму, ударяет в кормило-то. Оттого и кидает нашу яхту то вправо, то влево. Волна-то не стрункой ходит.

Поясняя, помор незаметно, но твердо подправлял перекладку штурвала. Петр с непривычки вращал штурвал резко, рывками, пытаясь задать движению яхты верный курс. Но волна ударяла в перо руля, подбивала корму еще сильнее, и поэтому нос яхты довольно заметно бросало из стороны в сторону.

— Править кормилом в такой вроде бы попутный ветерок умельство требуется немалое, государь, — терпеливо растолковывал помор, — первостепенно здесь почуять судно душою, будто тварь живую...

«Холоп, а мыслит толково», — подумал Петр, искоса поглядывая на помора.

В самом деле: стоило ему ощутить и как бы слиться с движением яхты, — и дело пошло на лад. Он заранее предугадывал перемещение судна под воздействием попутной волны в ту или иную сторону. Ловил эти мгновения, тут же перекладывал руль, удерживал яхту на заданном курсе.

За бортом нашли светлые сумерки: скрылся в дымке горизонт и все вокруг. Лишь на юте у штурвала мерцал огонек перед компасом да в такт качке размашисто описывал дугу подвешенный на ноке рея ходовой фонарь.

Утро застало караван у Терского берега. Ветер посвежел, пошла волна с океана, суда раскидало по сторонам. Вода вокруг потемнела, из белесой стала свинцовой, с черноватым отливом. Довольно сильный ветер еще с утра зашел с севера, и суда часто лавировали, изменяя галсы. Заметно выше стали волны. То и дело били они в скулу корпуса, и штурвал приходилось удерживать уже вдвоем. Небо вдруг потемнело, по палубе затарабанила крупа.

— Рановато нынче чага сыпала, — проговорил помор, прикрывая глаза.

Спустя полчаса крупа так же внезапно перестала идти, и выглянуло солнце. Под берегом материка явно просматривались острова.

— Три острова, государь, — проговорил помор. — Дозволь совет дать? — Царь кивнул. — Далее плыть нашей посудине несподручно. Купцы-то и фрегат в грузу. Волна с окияна в вечер разойдется поболее, а нас, гляди, и сейчас на борт валит. Пора бы в возверток поворачивать.

«Святой Петр», дважды пальнув из пушки, направился к фрегату. Там приспустили паруса, «Святой Петр» в двух-трех кабельтовых лег в дрейф. В рупор прокричали последние слова расставания и взаимного пожелания «попутного ветра»...

В Архангельске Петр назначил нового воеводу, своего ближнего стольника Федора Апраксина.

— Принимай, Федор, под руку Белое море, — объявил он Апраксину, — на Плещеевом озере ты поднатерел по судовому строению. Здесь, на Соломбале, верфь соорудим, свои суда ладить станем. Нынче же заложим корабль о двух десятках пушек. В Голландии закажу фрегат на сорок пушек.

Замечено — море испытывает человека при первой встрече. Оно способно очаровать, а боязливому может внушить страх. Бывает, чары моря околдовывают и заставляют искать постоянного общения с загадочной стихией.

Не прошло и года, как Петр снова приехал на Беломорье, спустил на воду первое судно.

Подпоры на стапелях Соломбальской верфи царь выбил собственноручно в солнечный день 20 мая 1694 года. Первый 24-пушечный корабль российский, набирая ход, скользнул в устье Двины, рассекая зеркальную гладь. Грянула пушка, повеяло гарью от полозьев на стапелях, зашипели в воде всплывшие салазки. С носа яхты бултыхнулся в воду якорь, с двух сторон спешили шлюпки, заводили буксиры, тянули судно к достроечной пристани. После по сложившейся традиции на палубе яхты праздновали успешный спуск и подъем флага.

Поход к океану Петр желал совершить на новом фрегате, построенном в Голландии. Прибытие этого судна задерживалось, а нетерпеливая натура жаждала моря. Царь отправился на «Святом Петре» к Соловецким островам. Море словно ждало случая испытать новоявленного морехода. Три дня разбушевавшаяся стихия кидала судно по вспененным гребням волн, трещали переборки, рвались в клочья паруса, крушило мачты.

Красочно описал эту панораму летописец: «...но как зашли за морскую губу, Унскими рогами называемую, тогда нечаянно восстал ветер сильной и прикрутной, от которого причинилась буря великая в мо-

ре, и от того суда государевы носились волнами. Все тогда утверждение на судах начало сокрушаться, и едва якорями возмogli удержаться. Все тогда было столь великой скорби, что и отчаиваться начали о избавлении своем, чего ради все мольбу ко Господу Богу приносили и преосвященный архиепископ Афанасий молебное пение совершал, а государь, учиня христианскую исповедь, приобщился Святых Тайн Пречистого Тела и Крови Христовой из рук преосвященного».

Но все обошлось...

В Архангельск вскоре прибыл из Голландии 44-пушечный фрегат, который нарекли «Святым Пророчеством». 10 августа 1694 года под штандартом Петра он вышел в море.

На закате солнца слева обозначился Терский берег, потом миновали устье Поноя. Вспоминая прошлогоднее плавание, Петр проговорил:

— Стало быть, после полуночи минуем Три острова, — ежели ветер нам будя в корму, попутный, поплывем далее, к окияну.

В утренних сумерках 16 августа караван обогнул Орлов мыс, оставив далеко позади Три острова, и вышел в океан. Ветер переменился, задул с востока, а с севера накатывалась океанская зыбь. Впервые царь ощутил мощь и величие этой водной громады. Бескрайний горизонт был чист, и лишь слева виднелась вдали белесая гряда облаков.

Петр собрал капитанов русских судов на совет:

— Пойдем далее к окияну, поелико возможно. Ежели задует «противник», попрощаемся с купцами и повернем в Архангельский.

Лумбовскую губу миновали ночью, а к рассвету на траверзе Святого Носа ветер зашел круто к северо-западу и развел большую волну. Началось утомительное лавирование и черепашие продвижение вперед.

Взглянув на карту, Петр распорядился:

— С окияном поцеловались, давай сигнал на обратный курс.

Пять пушечных выстрелов разорвали безмолвие океана. Три российских корабля развернулись и направились к Белому морю.

...Перед отъездом в Москву Петр поделился сокровенными замыслами со своим «дядькой», как ласково называл он Ф. Апраксина.

— Здесь привольно, однако же Беломорье на зиму закрыто льдом, да и далече от глубинки. По весне пойду воевать у турок Азов, там привольнее.

Так закончилась беломорская эпопея в жизни Петра-морехода. Собственно, здесь он принял «морское крещение» и был причислен к царству Нептуна.

Неудачей завершился в 1695 году первый Азовский поход. Одна из главных причин — отсутствие морской силы. Турки свободно снабжали морем осажденный Азов...

За зиму Петр исправил дело, на штурм Азова двинулись десятки стругов и галер, построенных на Воронежских верфях.

«Мая 3 числа великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великие и малые и белые России самодержец изволил идти с Воронежа большого морского всего флота на уготованной первой ка-торге», — отметили дьяки Разрядного приказа.

На первой галере каторге «Принципум» держал штандарт Петр. Флот решил успех кампании. Турецкая эскадра не посмела вступить в схватку с русскими и ретировалась, оставив крепость на произвол. Азов капитулировал. Взятие крепости окончательно показало Петру значимость флота.

20 октября 1696 года боярская дума в Преображенском внимала царскому посланию. Думский дьяк Никита Зотов зычным голосом читал:

— *«Статьи удобные, которые надлежит к взятой крепости или фортеции от турок Азов. Ничто же лучше мне быть, еже воевать морем, понеже зело близко есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю, многих*

ради честных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К тому же потребен, есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить, не испустя времени сколько каких судов и со много ли дворов и торгов, и где делать».

И бояре приговорили: «Морским судам быть, а сколько, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всех чинов людьми, о том выписать и доложить не замолчав».

Итак, корабельное строение начато, но кто поведет в бой парусники и гребные суда? И об этом подумал Петр, о чем бояре вскоре узнали из указа: «Стольникам обеих государей сказано, в разные государства учиться всяким наукам, для научения морскому делу. Многие стольники из княжеских фамилий ума набираться поедут, недоросли за свой кошт. Мало того, каждому временно взять солдата и обучать там морскому делу, то казна оплатит».

Петр решил начать пробуждение Руси с осуществления своих замыслов о ее морской мощи. Он задумал дело, которого ни до него, ни после не знала история, — оделся в матросскую куртку и, взяв в руки топор, пошел учиться ремеслу корабельного строителя.

Подавая пример, царь отправился весной 1697 года на верфи в Голландию, постигать суть и тайны корабельных мастеров. Прихватил с собой сверстников — «потешных» — Склаева, Верещагина, многих других, да и впристешку потянул на вояжах упиравшихся сынков боярских. Увы, тамошние корабли строили не по науке, по своим «глазомерным» правилам и долголетнему опыту...

Пришлось перебраться в Англию, где Петр постиг корабельную архитектуру на основе математических расчетов и выкладок.

По возвращении вскоре на Воронежской судовой верфи сошел со стапелей построенный по чертежам Петра русскими умельцами первый линейный корабль «Предистинация», что суть «Предвидение».

Вскоре один за другим сходили со стапелей Воронеж-жа корабли, галеры, бомбардирские суда, бригантины для Азовского флота...

Ранним июньским утром 1699 года наместник султана в Керчи всполошился. На рейде вдруг объявилась русская эскадра в 11 выпелов. Азовский флот провожал в Константинополь 46-пушечный корабль «Крепость» с посольством к султану для замирения.

Но Азов лишь узкая калитка к морским просторам, южные ворота еще крепко держит на запоре Порта. За ее спиной стоит Франция. С ними совладать нынче непросто. Да и неблизкий путь лежит отсюда к древним гнездовьям Руси. Намного ближе шумит ветрами Балтика, по которой в древности хаживали еще новгородцы. Там надобно воевать крепость Нарву — ворота к морю.

Переговоры с турками затянулись, и лишь в августе нового, 1700 года гонец из Константинополя привез весть о мире. На следующий же день Петр отправил в Швецию послание королю Карлу XII о начале военных действий «за многие их свейские неправды... и подданным за учиненные обиды...». Войска двинулись к Нарве, но вдруг в Дании неожиданно высадилась армия Карла XII. Союзники России, Дания и Саксония, пошли на попятную. Однако осада Нарвы затянулась, не хватало пороку, пушек. К стенам крепости подошли хорошо обученные войска короля, и русская армия отступила, потерпев поражение.

Неудача под Нарвой не сломила дух Петра.

Войска, отходившие из-под Нарвы в «конфузии», привели в порядок, построили укрепления. Новые пушки лили из церковных колоколов, и на следующий год армия получила 300 новых орудий. На Белом море по указанию Петра спешно достраивали Ново-Двинскую крепость для обороны Архангельска.

В июне 1701 года в устье Двины объявилась шведская эскадра вице-адмирала Шеблата из семи кораблей.

Захваченные в плен русские рыбаки Иван Рябов

и Дмитрий Борисов привели непрошенных гостей под стены новой крепости, о которой шведы не знали. Шнява и галиот сели на мель, и их уничтожили огнем крепостных орудий. Остальные шведские корабли убрались восвояси. А в Лифляндии потерпел поражение Шлиппенбах. Вручая Шереметеву награды за первые победы, царь сказал:

— Сия виктория, господин фельдмаршал, надеюсь, не последняя. Мыслью воевать шведа. Начать там, где нас не ждут, на Ладоге и далее в Неве. Первым штурмовать Орешек, стало быть Нотебург, а затем Ниеншанц, дабы выйти в залив Финский.

Еще не сошел снег, а Петр с пятью батальонами гвардии выступил из Москвы на дальний север — к Архангельску. Там скоро и скрытно уже построили два малых фрегата. В августе флотилия из 13 судов с войсками вышла в Белое море, якобы к Соловецкому монастырю, а пошла на запад к местечку Нюхча. Оттуда вдоль широкой, заранее скрытно прорубленной просеки на плечах солдат и согнанных мужиков втайне от шведов тащили два малых фрегата и одиннадцать других судов. Рубили просеки, мостили стволами гати. Летели не только сучья и щепы, но и головы за малейшее неповиновение. Люди гибли от болезней и истощения. Могильными крестами обвеховалась «государева дорога».

Но и в этой тяжелой, порой непосильной работе Петр был среди простых людей. Не менее, а подчас и более трудился он, заражая своим примером окружающих. И днем и ночью был на ногах, не только скаком, а и показом сметал невзгоды на пути. На привалах присаживался к походной поварне и ел кашу с солдатами из одного котла. Не прошло и двух недель, как перетаскивали корабли на сто верст от Белого моря до Онежского озера.

Пять недель спустя крепость Орешек, запиравшая вход к Неве и на Балтику, была взята русскими войсками. «Таким образом, через помочь Божью отечест-

венная крепость возвращена, которая была в неправедных неприятельских руках 90 лет, — писал Петр, — правда, что зело жесток этот орех был, однако же, слава Богу, счастливо разгрызен...» И назвал крепость Шлиссельбургом — ключом городом.

Следующей весной русские войска после штурма заставили капитулировать крепость Ниеншанц в устье Невы. Утром 2 мая 1703 года Преображенский и Семеновский полки заняли крепость. Вечером, едва начались торжества по случаю победы, в палатку Шереметева вбежал поручик:

— Ваша светлость, сторожевые посты доложили: на взморье неприятельская эскадра!

— Передай немедленно поднять на крепости шведский флаг, — ответил быстро фельдмаршал и бегом направился к Петру.

...Вице-адмирал Нумерс, как обычно, едва сошел лед в Финском заливе, привел эскадру к Ниеншанцу. Встречный ветер гнал воду в залив, значит, устье реки обмелело...

«Крепость должна иметь надежную опору с моря, эти русские просочились уже в Ладожское озеро».

— Господин вице-адмирал, в Ниеншанце все в порядке, на крепости наши флаги, — доложил капитан.

Нумерс довольно кивнул головой и ответил:

— Передать на корабли — салютовать крепости и становиться на якоря.

Едва смолкли корабельные пушки, крепостная артиллерия Ниеншанца, как положено, приветствовала приход шведской эскадры.

На следующий день Нумерс вызвал капитанов 10-пушечного галиота «Гедан» и 8-пушечной шнявы «Астрильд».

— Наши суда, господа, с небольшой осадкой. Завтра снимайтесь с якоря и лавируйте к Ниеншанцу. Комendant крепости уведомит вас о необходимой помощи.

...Два дня лавировали, выбираясь против ветра, шведские галиот и шнява и только вечером 6 мая во-

шли в устье Невы и стали на якоря. Капитаны распорядились — истомленным офицерам и матросам отдыхать. Сытный ужин, сдобренный доброй порцией вина, разморили уставших моряков, и вскоре ничего не подозревавшие шведы беспечно похрапывали в каютах и кубриках... Они и предположить не могли, что этого только и ждут за крепостными стенами Ниеншанца.

...Три дня Петр пытался разгадать намерения шведов. Едва увидев, как два судна направились к устью Невы, он созвал военный совет.

— Другому случаю не бывать, — начал он, поглядывая на Шереметева. — Надобно этих свейских попытаться полонить.

— Ваше величество, — начал осторожно Шереметев, — для сего сведущие в морском деле поручики потребны...

— Адмирал у нас есть, — лукаво ответил Петр, кивнув на Головина, — а понеже иных на море знающих никого, кроме меня с Меншиковым, нет, нам и быть за тех поручиков...

Он тут же изложил дерзкий план. Два отборных отряда преображенцев и семеновцев за ночь скрытно подойдут к судам и возьмут их на абордаж.

— Ты атакуешь галиот, который ближе к устью, — приказал Петр Меншикову, — а я с другим отрядом пойду мористее, дабы отсечь путь шведам к берегу, и стану штурмовать шняву.

...Едва солнце скрылось за горизонтом, в светлые сумерки 7 мая к устью Невы на лодках направились два отряда преображенцев и семеновцев.

Вооруженные ружьями и гранатами гвардейцы незаметно подошли к шведам и сцепились с ними на абордаж. Петр первым вскочил на палубу «Астрильда» и схватился с выбежавшим на палубу шведом. Один за другим прыгали на палубу через фальшборт солдаты. На выстрелы выскакивали из люков матросы и офицеры. На верхней палубе завязался жестокий

бой. Схватка была короткой, но кровавой. Из 77 шведов на обоих кораблях погибло 64 человека.

В полдень 8 мая крепостные орудия приветствовали первые трофеи на Балтике возвращающихся победителей: впереди на «Астрильде» шел Петр, в кильватер ему — Меншиков на «Гедане».

Фельдмаршал Шереметев возложил знак ордена Андрея Первозванного на Петра, а адмирал Головин — на поручика Меншикова. Петру присвоили чин капитана-командора. Всем офицерам вручили золотые медали, а солдатам серебряные с надписью: «Небываемое — бывает».

Минула всего неделя, и 16 мая 1703 года на островке, в устье Невы, царь заложил крепость и церковь по имени святых апостолов Петра и Павла и основал новый город на берегах Финского залива — Санкт-Петербург. Для защиты города от неприятеля со стороны моря той же осенью на острове Котлин начали возводить по чертежам Петра крепость Кроншлот.

Исподволь, пока еще незаметно для Европы, приходили победы над шведами. По приказу короля шведская эскадра адмирала Анкерштерна пять раз нападала на остров Котлин и крепость Кроншлот. Цель была одна — уничтожить русские суда и овладеть островом. Пять атак отбили русские моряки. Два крупных десанта сбросили в море. Однажды шведы едва унесли ноги, потеряв около 600 человек. Дважды русские галеры атаковали шведов и заставляли отступить.

Откуда в устье Невы появились русские военные суда? Еще до похода из Нюхчи к Онежскому озеру Петр основал первую верфь на реке Сяси, а затем на Ладоге и Волхове. Началось строительство верфи в Санкт-Петербурге. В Сяси талантливый мастер Федор Скляев спустил на воду 28-пушечный фрегат. У моря, наконец-то отвоевали Нарву. Шведы отчаянно сопротивлялись. У них была сила на море. Они крепко надеялись на помощь флота.

Весной 1704 года Карл повелел послать из Выборга морем подкрепление в Нарву, больше 1000 солдат. Эскадру повел к устью Нарвы француз вице-адмирал де Пруе.

Приняв десант и запасы в Выборге, его эскадра в шестнадцать вымпелов в начале мая бросила якоря на рейде, неподалеку от устья Нарвы. На борту 1200 солдат, порох и ядра, провизия. Их надо доставить по реке к крепости.

Осмотрев берега, де Пруа направил к берегу мелко-сидящие шхуны. Едва шхуны вошли в устье Нарвы, с правого берега, из кустарника, загремела пушечная канонада, засвистели ядра, загудела картечь... Испуганные капитаны едва успели развернуться, показывая корму.

На этот раз шведы опоздали. Почти месяц назад по приказу царя обложил Нарву окольный Петр Апраксин, старший брат Федора Апраксина. Русские пушкарки приловчились бить по судам на Ладоге, под Шлиссельбургом.

Вице-адмирал отстаивался на рейде, не решаясь рисковать кораблями. В конце мая Петр привел под Нарву 17 тысяч пехоты. Узнав о шведской эскадре, сразу поскакал к морю.

— Переправляй пушки на левый берег. Оседлаем устье, шведы не пройдут. Припасы из Питербурха будем теперь морем доставлять на галерах, — распорядился Апраксину.

На следующий день развернули батареи и войска, окопались на обоих берегах. Осмотрели укрепления, Петр собрался уезжать к Нарве, но, как всякий моряк, бросил прощальный взгляд на водную гладь. А в это время с севера задул свежий ветерок, развело волну. Вдали от стоявшей на рейде эскадры вдруг отделились две шхуны.

«Так и есть. Видимо, они снялись с якоря, а противный ветер несет их к берегу».

Петр оглянулся на Апраксина:

— Крикни солдат, пускай берут мушкеты и мигом в лодки садятся.

Между тем шхуны сдрейфовали к устью реки и приткнулись близко к берегу. На палубах суетились фигурки моряков, махали беспомощно руками. Солдаты в лодках тоже замешкались, не могли выгрести против ветра.

«До шхун рукой подать, а как их взять? Раз сели на мель, значит, фут пять-шесть глубины, не более».

— Эх-ма, — крикнул Петр и приказал подбежавшему рослому сержанту: — Бери солдат с мушкетами, долгих, себе под стать, и айда за мной!

Оторопевший Апраксин схватил поводья, а царь, ударив шпорами, направил лошадь к урезу воды.

Спустя полчаса все было кончено. Схватка была короткой и без потерь с нашей стороны. В Поденной записи появилось сообщение о происшествии: *«Мая, в 31 день о полудни, изволил Великий государь ходить с исправною, преображенских солдат ротою, к Наровскому устью, получа ведомость, што шведского флота 2 штуки сорвало с якоря и снесло на мель по великому шторму. Сам Великий Государь в первых верхом и при нем некоторые солдаты бросились во всем платье в воду вброд и вплавь, тотчас взошли и овладели оными. На тех обеих шхунах взято в полон — 2 поручика, 1 шкипер, 1 аудитор, штурман, 25 матрос, 1 сержант, 75 человек солдат, флаг шведский, 100 мушкетов. Шведский вице-адмирал посылал корабли, отбили и корабли».*

В кампанию 1709 года Петр отплыл на вновь построенных в Воронеже бригантинах по Азовскому морю, изыскивал порты для флота. Но пришлось сойти на берег.

Наступил черед Полтавы. И здесь на суше сражались рядом с Петром товарищи — корабельцы.

...Четвертая рота Преображенского полка замерла — справа на гнедом коне к полку подскочил Петр с небольшой свитой. В лучах заходящего солнца его

затененная фигура казалась гигантской. Царь остановил коня как раз напротив ротного командира — морского поручика Федосея Склеяева.

— Воины! Вот и пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за Отечество, за православную веру нашу...

Федосей пристально всматривался в резко очерченные, ставшие ему давно близкими черты лица.

— А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!

Имея небольшое преимущество в силах — 42 тысячи русских, против 30 тысяч шведов — Петр I замыслил измотать войска Карла XII на своих редутах и сокрушить их затем в решительном полевом сражении.

Битва началась на рассвете 27 июня, а к полудню разгромленные шведы обратились в беспорядочное бегство, оставив на поле боя более девяти тысяч убитых. В плен попал почти весь генералитет с главнокомандующим, первым министром короля Пипером... Могущество Швеции подорвалось на десятилетия...

Русская армия потеряла в шесть раз меньше, чем шведы. Тяжело ранило Федосея Склеяева. После битвы Петр написал Апраксину: *«Понеже г. Склеяев при баталии с нами был, того ради здесь как, давал чины, и оному чин капитана морского объявлен, и того ради прошу, дабы оные ему чин конформировать изволил»*. Его единственного царь пожаловал морским званием. Петр I удостоился звания контр-адмирала, или, как тогда значилось, шаутбенахта.

Один за другим сходили со стапелей и поднимали Андреевские флаги фрегаты, галеры, бригантины в Воронеже и на Балтике. Командовали ими в основном иноземцы. Своих, доморощенных, недавно начала пестовать основанная Петром в Москве Школа математических и навигацких наук.

На Балтике российский флот прирастал морскими

портами — Нарвой, Ригой, Выборгом. А кораблей не хватало, шведы властвовали в море, имея в несколько раз превосходство по линейным кораблям.

Петр задумал закупить такие корабли в Европе. Направил для этой цели в Голландию, Францию и Англию лучшего корабельного мастера капитана Федора Салтыкова³.

Случилось это в 1711 году, накануне неудачного Прусского похода русской армии. Расплатой за несчастную осечку войск Петра стал Азов и все Причерноморье. Теперь все внимание Петра к Балтике.

Шведский король мало-помалу уяснил, что с русскими плохи шутки. Почти весь берег Финского залива в их руках. Еще усилие, и русские галеры появятся в Ботнике, за которой исконные земли королевства Швеции.

В начале кампании 1714 года русский гребной флот в составе 99 судов с 15-тысячным десантом под командой генерал-адмирала Федора Апраксина перешел из Петербурга в Гельсингфорс, а затем направился к Тверминне на юго-восточном побережье полуострова Гангут. Дальнейший путь в Ботнический залив, к Аландским островам преградила шведская эскадра...

Казалось, Полтавская битва приблизила исход войны со шведами. Но так лишь казалось. Долгих двенадцать лет отделяло Россию от желанного конца войны. Карл XII и не помышлял о мире. Он считал, что война идет далеко от Швеции, надежно упрятанной за Балтийским морем, где господствует ее сильный флот. Иные думы владели Петром. Надежный мир без решительных ударов по неприятелю на его земле невозможен. Это уяснили в Стокгольме.

Весной 1714 года, узнав о намерении русских высадить десант в Швеции, Адмиралтейство послало сильную эскадру адмирала Ватранга — 15 линейных кораблей, 3 фрегата и отряд гребных судов.

Напутствовал Ватранга Королевский совет.

— Шведский флот испокон века владеет Балтийским морем и не имеет пока достойных соперников. Не забывайте этого, Ватранг, и докажите русским, что здесь не украинские степи. Ваша задача не допустить русский флот в Ботнический залив.

В конце июня в Тверминне прибыл Петр. На вопрос Апраксина, придет ли корабельный парусный флот из Ревеля, — ответил:

— Полагаю, господин адмирал, флоту нашему корабельному малость возмужать надобно, дабы наверняка сразить неприятеля. Кроме прочего, Санкт-Петербург немочно оставить без обороны морской.

За два дня он тщательно разведал полуостров, позицию кораблей Ватранга, затем созвал военный совет.

— Наперво выставить дозоры скампавей, дабы дено и ночью смотреть за шведами и чуть что, — давать знать. — Петр обвел взглядом присутствующих. — Мыслью учинить диверсию неприятелю. Для того, — он показал на карту, — зрите сей перешеек у Лапвика? Сам проверил, не более двух верст. Надобно борзо соорудить помост деревянный. По нему перетащим малые скампавеи и прямо в Або выйдем...

Но шведский адмирал был настороже.

На другой день Ватранг прознал от рыбаков-финнов, что русские готовят переволоку. Об этом он рассказал вице-адмиралу Лиллье и контр-адмиралу Эреншильду.

— Русские надеются нас провести, но они плохо знают шведов.

Ватранг жестом пригласил адмиралов к карте:

— Вам, Лиллье, с восемью линейными кораблями и двумя бомбардирскими судами следует скрытно атаковать русских в Тверминне. — Он повернулся к Эреншильду: — А вы, мой дорогой адмирал, возьмете фрегат, шесть галер, три швертбота, обойдете Гангут с запада и перекроете место переволоки русских судов. — Ватранг с улыбкой посмотрел на адмиралов. — Таким образом мы захлопнем царя Петра в мышеловке...

Петр зорко смотрел за Ватрангом — дозорные отряды сразу доносили ему о движении шведов. В ответ на их маневр он решил немедленно в тот же день идти в Або-ские шхеры, используя штиль на море. В ночь на 26 июля, пока на гребных скамповеях по тревоге готовились к бою, снаряжали орудия, готовили абордажные партии, Петр наставлял капитан-командора Матвея Змаевича:

— Зришь, Ватранг прижался к берегу, — Петр протянул ему подзорную трубу, — на море штиль и дымка. Уходи гораздо мористее, чтобы пушки шведов тебя не достали, и нажимай на весла. Обойдешь Гангут и закупоришь в шхерах Эреншильда, а там, дай Бог, и мы прорвемся.

Все получилось, как задумал Петр. Пока шведы спохватились, спустили шлюпки, начали медленно буксировать свои тяжелые корабли, чтобы атаковать русских, скампавеи Змаевича без потерь обогнули полуостров и заперли Эреншильда в шхерах.

Ватранг всполошился — русские опять могут обойти его. Он срочно вернул Лиллье, и вся шведская эскадра отошла в море.

Петр и тут перехитрил Ватранга.

Вечером он собрал военный совет. Царь не скрывал радости.

— Нынче надобность в переволоке миновала. Ватранг со всей эскадрой ждет нас в море, перекрыл нам путь, где давече Змаевич проскочил. — Петр склонился над картой. — Ан мы пойдем прибрежным фарватером. Там, где нас не ждут. Не мешкая, после полуночи сразу. — Петр выпрямился. Все эти дни он применял — обычно ночью ветер стихал и до полудня устанавливалось полное безветрие.

— Дай-то Бог, лишь бы опять штиль установился...

В 4 часа утра 27 июля скампавеи, прижимаясь к берегу, двинулись кильватерной колонной на прорыв.

В авангарде шел генерал А. Вейде, за ним следова-

на кардибаталия Ф. Апраксина, в арьергарде — генерал М. Голицын.

Обнаружив русские суда, шведская эскадра открыла жестокий огонь, но почти все ядра падали в воду, не достигая цели.

К полудню, обогнув полуостров, колонна скампаней соединилась с отрядом Змаевича.

У Рилакс-фиорда дугой выстроился готовый к бою отряд шведских кораблей. Петр предложил шведскому адмиралу сдаться. Эреншилд надменно отказался. Он имел 10 боевых вымпелов, 116 орудий и, главное, рассчитывал на помощь Ватранга.

— Господин адмирал, поднимайте сигнал «Атаковать неприятеля», — приказал Петр Апраксину. — Я сам поведу в атаку авангардию.

Три часа продолжался ожесточенный бой. Дважды просто бросались русские гренадеры на abordаж, и только третья атака с флангов принесла победу...

Шквал жесточайшего артиллерийского и оружейного огня встретил атакующих. Шведы, оказавшись в смертельной ловушке, бешено сопротивлялись. Эреншилд имел только один выход — прорваться с боем и уйти. Другого он не мыслил. Шведский флот не знал себе равных на Балтике и еще ни разу не спускал флаги перед неприятелем в морских сражениях.

В первой атаке погибло много гребцов, сплошная стена огня выросла перед галерами, и авангард отошел. Эреншилд приказал удвоить мощь огня, и вторую атаку шведы также отбили. Тогда Петр изменил тактику и решил, разделив атакующих, зайти с флангов, где огонь был слабее, и это принесло успех. Прорвавшись сквозь завесу шквального огня, русские моряки бросились на abordаж. Несмотря на яростное сопротивление, шведы были сломлены, и шведские суда один за другим начали спускать флаги. Самый ожесточенный abordажный бой разгорелся на флагмане, фрегате «Элефанат». До последнего бились шведы,

но сдержатъ напора атакующих не смогли. Весь в ранах, Эреншильд пытался уйти от позорного плена на шлюпке, но был захвачен. Трофеями стали все 10 судов Эреншильда, отряд которого потерял убитыми 360 человек. В авангарде было убито 8 русских офицеров и 119 рядовых. Путь русским войскам в Швецию был открыт.

«Воистину нельзя описать мужество российских войск, как начальных, так и рядовых, — отмечал Петр, — понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны». Всех участников сражения наградили медалями, а Петру I пожаловали чин вице-адмирала.

В европейских дворах впервые заговорили о морской мощи России. На берегах Темзы забеспокоились: флот Петра I вырастал в грозную силу и мог стать серьезным соперником Британии на море.

Англичане с тревогой посматривали на растущий не по дням, а по часам Балтийский флот, да и царь после Гангута по-другому разговаривал с высокомерными британцами. Не замедлил донести об этом посол Мекензи своему партнеру в Лондоне лорду Таунсену на исходе 1714 года.

«Что касается того, что может случиться, если шведский король возобновит войну в этой стороне, то слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, то он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника. Царь разговаривал при этом с видным равнодушным и не преминул высказать высокое мнение, которое он имеет о своем флоте, и что этот флот может ему помочь получить хорошие условия мира».

Весной Мекензи прощался с Россией. На английский престол скончавшуюся королеву Анну сменил Георг I. Петр достоверно знал о враждебности Мекензи к стране пребывания и позволил себе то, о чем десять лет назад и не помышлял бы.

На прощальной аудиенции, услышав отзывные грамоты английского посла, царь вызывающе спросил у Головкина:

— Кто кредитив сей подписал?

— Королева Анна, государь.

— Покойница? — раздраженно крикнул Петр. — Верни их послу. С того света грамот не приму.

Растерявшийся Головкин вернул Мекензи грамоту. Побледневший посол пробормотал:

— Документ, государь, составлен по всей форме.

— Этак я тебе кредитивную грамоту дам к моей матушке, царство ей небесное, Наталье Кирилловне.

Мекензи еще больше смешался, развел руками, а Петр вдруг захохотал:

— Передашь моей матушке приветствие от меня?

Разговор принимал угрожающий характер.

«Бог мой, — думал Мекензи, — черт с ними, с грамотами, только бы ноги унести. Головы-то царь рубит часто без разбора».

Долго еще издевался царь над послом. Быть может, вспомнил, как в свое время глумились англичане над послом Матвеевым?

Свою твердость он проявил не напрасно.

Возвратившись из плена, Карл XII наотрез отказался вести мирные переговоры. Он надеялся на войну до победы. Значит, надлежало «разговор» с ним вести прежний, тем более что король издал «каперский указ», и прошлым летом шведы захватили полсотни купеческих судов, направляющихся в Россию. Посматривал Петр и на Европу. Там наконец-то развязались руки у Англии, окончилась война за Испанское наследство.

«Того ради, — писал царь Долгорукову в Данию, — короля лучше на том Шведском берегу посетить, и к желаемому миру принудить; а ежели в том слабо поступить, опасно, дабы кто из сильных в медиаторы не вмещался, и тогда принуждены будем все по их музыке танцевать».

Шведы намеревались отыгаться за прошлогоднюю неудачу. Набежали на Ревель. Врасплох русских не застали. Уже при входе батарея на мысу охладила их пыл. Потом заговорили пушки двух бригадин. На пристань быстро выставили полковые пушки и стреляли в упор. Пришлось убраться восвояси.

В конце июня 1715 года вице-адмирал Петр Михайлов поднял флаг на «Ингерманланде», авангард возглавил капитан-командор Меншиков.

Эскадра готовилась сняться с якорей, но случилась беда. Лето стояло жаркое, сухое, без дождей. Ночью 27 июня разразилась гроза. Молния ударила в «Нарву». Корабль мгновенно вспыхнул и через несколько минут взорвался. Погибло 300 офицеров и матросов, вместе с командиром...

Вторую кампанию эскадра выходила в море под командой Петра. Галерный флот возглавил Апраксин. Из Ревеля Петр отправил галеры в Либаву.

— Наши союзники что-то мудрят в Датском королевстве, — объяснил он Апраксину, — и хочется им, и колется. Швецию воевать желают, а на меня озираются, побаиваются. Нынче Змаевича с войсками определим в Либаву. На ту кампанию двинемся в Данию.

На подходе к Ревелю Петру доложили:

— На рейде две эскадры, под английским и голландским флагами. Двадцать два вымпела.

Петр первым разглядел адмиральские флаги, не опуская трубы, сказал Апраксину:

— Англичанин — адмирал, голландец — шаутбенахт. Салютовать им не будем, твой чин равный.

Голландский флагман порядок соблюдал, приветствовал салютом русского адмирала, Апраксин вежливо ответил. Морские салюты, кроме чинопочитания, означают уважение к флоту государства... Морские традиции незыблемы. Первыми наведались гости на корабль под царским штандартом.

— Адмирал Норрис, шаутбенахт Дефет, — представились они Петру.

Оказалось, что они сопровождают большой караван, около сотни купеческих судов, в Петербург.

— В прошлую кампанию мы понесли большие убытки от шведских каперов.

Петр согласно кивнул и похвалился:

— Нынче весной мы уже изловили пяток каперов, но брат Карл не унимается, не желает нашей обоюдной торговли.

Потягивая вино из бокалов, гости благожелательно улыбались: хорошо, когда царская особа занимается морским делом, понимает их...

Начались взаимные визиты, встречи. Распределяли, чтобы не было ущемления, кому первому играть утреннюю зарю, кому вечернюю.

Первым начинал старший по званию. Апраксин и Норрис по званию оказались равными: Норрис играл утром, Апраксин — вечером...

Вместе с англичанами и голландцами приплыли из Англии еще три купеческих корабля — «Ричмонд», «Лондон», «Британия».

Первую годовщину Гангутской победы Петр отмечал торжественным обедом. Приглашенные адмиралы-союзники пили за здоровье государя и за российский флот, а Норрис про себя подумывал: «Как бы нам вскорости не разойтись контркурсами». Перед уходом из Англии первый лорд Адмиралтейства предупредил Норриса: «Присматривайтесь к русским кораблям и капитанам, оценивайте их мощь, осваивайте гавани и рейды».

Время бежало, на Ревельский рейд один за другим возвращались зарубежные купцы с товарами из Петербурга. Гости собирались в дорогу. Начались прощальные визиты адмиралов. За время стоянки в Ревеле Петр не раз гостил у Норриса, тот наносил ответные визиты. За столом, за чаркой доброго вина, у моряков всегда отыщется свой флотский интерес. У Норриса в подчинении был еще шаутбенахт. Он тоже часто составлял компанию флагманам. В знак

расположения к новым знакомым Петр подарил Норрису свой портрет с алмазами, а шаутбенахтам, английскому и голландскому, презентовал бриллиантовые перстни.

Кампания 1716 года обещала стать переломной в ходе Северной войны. Петр договорился, правда на словах, с королями — польским, прусским и датским — о совместной высадке десанта на побережье Швеции. Флот опять выходил на передовые рубежи войны.

В прусском порту Росток на борт галер и бригаantin дополнительно погрузили войска. Под флагом вице-адмирала Петра Михайлова галерный флот в начале июня появился на рейде Копенгагена. В гавани уже стояли на якорях пять кораблей Наума Сенявина и Бредаля. Четыре из них только что построили на верфях Голландии по заказу Салтыкова.

Через две недели на рейд Копенгагена, салютуя, вошла Ревельская эскадра капитан-командора Сиверса. Петр поднял свой флаг на «Ингерманланде». Рядом на якорях расположилась английская эскадра Норриса, голландская командора Гуля, датская адмирала Гульденлева.

Петр поторапливал датчан с десантом, а те день за днем отговаривались. Ждут, мол, подкрепление от берегов Норвегии, где действовала против Швеции эскадра датчан.

Петр не выдержал, пошел разведывать на шняве «Принцесса» шведский берег для высадки десанта. Шнява прошла вдоль побережья, вызвала огонь батарей. Видимо, шведы укрепились и ждали десант.

Возвратившись, Петр досадовал:

— В Копенгагене соединенный флот — шесть десятков кораблей. Шведы пока отсиживаются в Карлскроне, боятся нос высунуть, на Аландах Апраксин ждет моего приказа десантировать войска у Стокгольма. Чего датчане мешкают?

Излил душу Апраксину в письме: «Бог ведает, что

на мучение с ними, самое надобное время упускают и как будто чужое дело делают».

Мешкали датчане потому, что с опаской поглядывали на русские вымпелы с десантом. А в Ростоке стоял еще двадцатитысячный корпус Шереметева, ожидая датских транспортов. Пошли слухи, что русские намереваются остаться в Дании надолго. Опасения возникли после того, как Петр договорился с мекленбургским герцогом о династическом браке с племянницей Екатериной Ивановной. Англичане усмотрели угрозу своему безраздельному морскому владычеству. Русские уже в Курляндии, теперь осядут в Мекленбурге, и все Балтийское море у них. Петр догадывался об этой подоплеке, но виду не подавал.

А ныне приходилось бездействовать. Как говорится, «флот сушил паруса» не первую неделю, на рейде Копенгагена скопилось около сотни купеческих судов, ожидали конвоя для следования в Россию.

Петр задумал провести этот караван через Балтику. Все адмиралы поддержали его и единогласно предложили Петру командовать соединенным русско-англо-датско-голландским флотом.

5 августа флагман «Ингерманланд» поднял сигнал: «Эскадре сняться с якорей, вступить под паруса». Русский вице-адмирал вывел в море соединенную эскадру четырех государств. Шестьдесят вымпелов следовали в кильватер «Ингерманланда», прикрывая сотню купеческих судов.

У Борнхольма эскадра легла в дрейф и бросила якоря. Петр выслал вперед крейсера — разведать о шведском флоте. Через три дня поступило донесение: «Шведский флот укрылся в Карлскроне без признаков жизни».

— Слава Богу, прикусили язык, — рассмеялся Петр и распорядился отпустить купеческий караван. Путь в Россию был расчищен.

14 августа 1716 года Петр спустил штандарт командующего и с русской эскадрой ушел к Штральзун-

ду проверить транспортировку войск в Данию. Поход моряков соединенной эскадры, единственной за всю историю, был запечатлен в медали с изображением Петра, русским штандартом, английским, голландским, датским флагами и надписью: «Владычествует четверья. При Борнхольме».

Минул еще месяц, датский король тянул время, и терпенье Петра истощилось. Близилась зима, бросать десятки тысяч войск на шведский берег было рискованно.

— Десанту не быть, понеже время позднее. Грузить войска на галеры и уходить в Росток, — приказал он Шереметеву.

Петр после долгого странствования по Европе спешил домой. В его отсутствие, накануне зимы, в Ревеле жестокий шторм порушил часть кораблей. Узнав об этом с опозданием, он с тревогой писал Меншикову: «Храни Боже! Все наши дела ниспровергнутся, ежели флот истратится».

Фраза несомненно историческая. Петр кладет на чашу весов будущее державы и судьбу флота. Об этом не следует забывать нынешним правителям России.

Но прошедшая кампания на море не давала повода тревожиться. Шведы, казалось, притихли. Эскадра Апраксина смело действовала в сердцевине Балтики, успешно высадив десант на Гогланд, держала под контролем обстановку на морском театре.

Кампанию 1719 года Петр встретил на море. До него дошли сведения, что в середине мая шведы собираются послать из Пиллау в Стокгольм караван купцов под охраной отряда кораблей капитан-командора Врангеля. Совет флагманов решил шведов «с бою взять». По настоянию Петра дело доверили капитану второго ранга Науму Сенявину. Со времен пленения шведского борта у Выборга царь пестовал Наума. До сих пор морских баталий под парусами не было. Капитанами на судах сплошь ходили иноземцы. И в этот раз четверья кораблями командовали они.

На рассвете, 14 мая эскадра вышла из Ревеля на поиск неприятеля. Брейд-вымпел флагман поднял на 50-пушечном корабле «Портсмут». В кильватер ему держался такой же корабль «Девоншир» под командой капитана 3-го ранга Конона Зотова. Замыкала колонну шнява «Наталия» лейтенанта Семена Лопухина.

Ночи стояли светлые. Сенявин коротал их на шканцах, прихлебывая крепкий чай. В полночь с марса раздался возглас:

— Вижу неприятеля на норд!

Сенявин разглядывал шведов в подзорную трубу. Он насчитал три боевых вымпела, шведы держались на северо-восток.

«Хуже не придумаешь, — размышлял Сенявин, — мы у них почти на корме и ветер крутой. Мы под ветром». По всем тактическим канонам он обязан был отказать от атаки неприятеля. «Однако такого другого случая может и не быть».

— Поднять сигнал: «Прибавить парусов. Держать на шведа», — скомандовал флагман.

Рядом выросла встревоженная фигура первого лейтенанта-датчанина.

— Но, господин капитан, атака с подветра стройнейше запрещена...

— Кем же? — ухмыльнулся Сенявин.

— Тактикой Госта и печальным опытом, — побледнев, ответил лейтенант. — Несколько лет назад мой соотечественник, храбрый капитан Хвитфельд, отважился подняться на линию шведов, но те перекрестным огнем быстро потопили его. Со всем экипажем.

— Восхищаюсь вашим капитаном. Однако государь наш любит присказку «Пульки бояться, в солдаты не идти». К тому же на матросов своих надеюсь, выучка отменная. Канониры не подведут.

Сенявин оглянулся и нахмурился. В кильватер ему держались лишь корабль Зотова и шнява Лопухина. Остальные корабли заметно отстали.

Тем временем шведы приближались, и бой пришлось начать малыми силами.

С первых же минут канонады шведы старались, имея преимущество в ветре, взять «Портсмут» под перекрестный огонь и выбить его из строя. Через два часа им удалось задуманное. Перебитые марса-реи «Портсмута», страшно закачавшись, полетели вниз...

Шведы ликовали. Лишившись основных парусов, русский флагман волей-неволей выйдет из строя и увалится под ветер.

— Лево руля! — скомандовал Сенявин.

Используя остаточную энергию, он направил свой корабль на прорезание линии строя шведов.

Медленно, но неотвратно, развернув полностью пушки своего борта, «Портсмут» буквально втиснулся между шведами, навстречу ветру. Радость шведов сменилась ужасом. Их пушки не могли стрелять по русскому кораблю. А прямо на них смотрели черные жерла двадцати шести заряженных картечью пушек левого борта «Портсмута», точно по форштевню неприятельского фрегата. Канониры ждали команды. Фитили дымились.

— Пали!

Продольный залп, особенно картечью, страшен. Он сметает все живое на верхней палубе, в клочья рвет паруса, крушит рангоут. На фрегате, не дожидаясь второго залпа, спустили флаг. Бригантина последовала примеру старших. Флагман шведов «Командор» начал разворачиваться, пытаясь уйти. Дав по его корме два залпа ядрами, Сенявин послал вдогонку за кораблем Врангеля подоспевших наконец-то капитанов Деляпа и Шاپизо. Настигнув 52-пушечный «Командор», они принудили его к сдаче. Деляп и Шاپизо наперегонки, на шлюпках, устремились к борту «Командора», помогаясь первыми принять капитуляцию шведского флагмана. Наблюдая за ними в подзорную трубу, Сенявин невольно усмехнулся:

— Здесь-то вы не опоздаете приз заполучить.

Пороховой дым окончательно рассеялся. На всех трех плененных судах бывшего отряда капитан-командора Врангеля развевались флаги Святого Андрея Первозванного...

Тепло встретил Петр победителей. Выслушав рапорт Сенявина, сказал:

— Молодец, творил не по букве, а по разумению. Добрый почин учинил русскому флоту капитан-командор, — и первым поздравил с новым званием. — Братца нынче ты обскакал, через ступеньку скакнул.

Так уж совпало, что повелением царя в один день начал строить «потешное» судно, прообраз подводной лодки, Ефим Никонов 13 января 1720 года, и вице-адмирал Петр Алексеевич Романов подписал указ о введении Морского устава России — «О всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море». Отныне молодой российский флот обрел свой первый статус жизни.

Не один год поздними вечерами, а иногда и по четырнадцать часов в сутки просиживал Петр, сочиняя первый закон бытия и боевых действий своего детища. *«И понеже сие дело необходимо, нужное есть государству, — писал в указе Петр, — по оной присловице, что всякий потентат, который единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который флот имеет, обе руки имеет — того ради сей воинский Морской устав учинили, дабы всякий знал свою должность и неведением никто б не отговаривался...»*

Четко прописал в этом кодексе морской жизни все возможные случаи и определил действия в них всех, от матроса до адмирала: как в бою, так и в обыденной корабельной жизни.

Одну библейскую заповедь Петр поставил во главу угла морской службы. Начал с генерал-адмирала, самого старшего флотского начальника, ибо рыба с головы тухнет.

«И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий Аншеф должен блюсти себя

от лихоимства, и не точию блюсти, но и других от онаго жестоко унимать и довольствоваться определенным. Ибо многие интересы Государственные через сие зло потеряны бывают. И такой командир, который лакомство великое имеет, не много лучше изменника почтен быть может». Во так-то приравнял казнокрадство к измене отечеству.

Весной 1720 года определилась явно скрытая ранее политика Англии. Король Георг I подписал мир и заключил союз со Швецией. Следом, будто только и ждали этого, один за другим отделились от России и пошли на мировую со шведами «союзники», Пруссия и Дания.

В последний майский день у входа в Ревельскую бухту замаячили паруса англо-шведской эскадры, тридцать пять вымпелов под командой Норриса.

К борту английского флагмана подошла шлюпка с белым флагом. Русский офицер достал письмо адмирала Апраксина.

«Зачем пришли? Такое ваше приближение к оборонам здешних мест принадлежащим, не инако как за явный знак неприяства от нас принято быть может и мы принуждены будем в подлежащей осторожности того себя содержать».

Английский адмирал ответил не Апраксину, а на имя царя.

Но Апраксин возмутился:

— Не по адресу ответ. Письмо сие не распечатывать, вернуть Норрису.

Ответа Апраксин не дождался, ночью его разбудили:

— Над островом Нарген дым и огонь, неприятель снимается с якоря.

Спустя два часа паруса незваных гостей растаяли на западе в предрассветной дымке.

Норрис спешил к Стокгольму, там началась паника: русские казаки наводят ужас в окрестностях Умео...

Петр вывел на Котлинский рейд пять новых, толь-

но что сошедших со стапелей весной 1720 года линкоров, провел учения с ними, отработал артиллерийские стрельбы. После этого осмотрел укрепления на Котлине, остался доволен сделанным, оставил шаутбенахту Сиверсу краткий указ:

— Оборонять флот и сие место до последней силы и живота — наиглавнейшее дело.

Норрис больше не показывался у наших берегов, а шведы получили еще один предметный урок на море...

Выполняя приказ Петра выбить шведов с Аландских островов, командующий галерным флотом, в составе 61 галеры, генерал М. Голицын в конце июля 1720 года направился к острову Дегре. Он искал неприятеля в шхерах. Обнаружив шведскую эскадру вице-адмирала Шеблата — линейный корабль, фрегаты, галеры, всего 14 выпелов, Голицын 27 июля подошел к Гренгаму, считая его место наиболее удобным для боя галер. Голицын помнил, как Петр у Гангута не шел напролом на неприятеля, имевшего превосходство в парусных судах, а завлекал его в западню.

Увидев русских, шведы, используя сильный ветер, снялись с якорей и атаковали их галерный флот. Голицын скомандовал отходить в шхеры.

Увлечшись преследованием, шведская эскадра попала в узкости между островами и подводными каменистыми банками и потеряла преимущество маневра парусных кораблей.

Прицельный огонь по парусам и такелажу фрегатов позволил настигнуть их и после кровопролитного боя взять на абордаж.

На четырех взятых фрегатах — «Стор-Фениксе», «Венкере», «Кискине» и «Данск-Эрне» — шведы потеряли свыше ста человек убитыми, а в плен попало более четырехсот.

Потери у Голицына были меньше, 82 убитых. Шведские артиллеристы на этот раз били метко, и многие галеры Голицына зияли пробоинами. Но рус-

ский флот на Балтике без потерь в кораблях победил и пленил неприятеля, а где-то неподалеку в это время крейсировала эскадра Норриса...

Петр не без иронии писал Меншикову: «Правда, не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах аглицких, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот».

И все же, несмотря на поражение, шведы затягивали переговоры о мире. Весной 1721 года Георг I вновь направил на Балтику в помощь шведам эскадру Норриса. На рейде Борнхольма бросили якоря 25 линейных кораблей и 4 фрегата. Однако путь к Швеции был в наших руках. На ее берега высадили 5-тысячный десант казаков и пехоты. Шведские войска отступали к Стокгольму, не принимая боя... Уполномоченный короля в Ништадте срочно запросил перемирия. Решительные действия русского десанта на побережье Швеции вынудили короля Фридриха 30 августа 1721 года заключить Ништадтский мирный договор.

Узнав об этом, Петр немедленно отправился в столицу и на Троицкой площади при большом стечении народа сообщил о конце войны, «которая продолжалась 21 год, оную всемогущий Бог прекратил и даровал нам со Швецией вечный мир».

Как бы подводя итог Северной войны, Петр повелел выбить знаменитые слова:

«Конец сей войны таким миром получен не чем иным, токмо флотом; ибо землю никаким образом достигнуть было невозможно, ради положения места...»

Балтика наконец распахнула России окно в Европу, а Петр обратил опять свой взор к морям южным. Азову пора еще не приспела, а на Каспии морские пути вели к Персии и Индии.

В середине июля 1722 года Апраксин поднял кайзер-флаг, адмирал Петр Михайлов возглавил авангард, флотилия из двухсот стругов и транспортов вышла в море. Частенько штормивший «седой» Каспий

на этот раз встретил приветливо. На море установился полный штиль, солнце, небо без единого облачка, одни крикливые чайки кружились над зеркальной гладью. Размеренно поднимались и опускались весла, отдохнувшие за месяц гребцы навалились дружно. Лодки скользили бесшумно, не мешала волна, не свистел ветер.

К устью Терека, на Аграханский рейд, флотилия добралась без особых помех. Высаживали на берег войска. Напротив острова Чечень по традиции не забыли отметить пиршеством годовщину Гангута и Гренгама.

«А понеже сей день воспоминания виктории, бывшей при Гангуте в 1714 году, — отметили в журнале Петра, — где взяли шведского шаутбенахта с одним фрегатом и 6-ю галерами, також и с шхерботами, также и при острове Гренгам, где взяли 4 корабля шведских в 1720 году, того дня, при отпении часов, стреляли с гукара, на котором был генерал-адмирал граф Апраксин, из пушек, а потом со всех островских лодок солдаты из мелкого ружья беглым огнем один раз».

Через неделю берегом подошла конница и обоз. Армия двинулась на юг вдоль побережья к Дербенту, флотилия направилась морем с пушками и припасами, помогая войскам. В Дербент вступили без единого выстрела. Мусульманские жители встретили дружелюбно и гостеприимно. Что и заметил Петр в письме: *«Когда приближались к сему городу, то наиб (наместник) сего города встретил нас и ключи поднес от ворот. Правда, что сии люди не лицемерно с любовью принесли и так нам рады как бы своих из осады выручили. Из Баку такие же письма имеем; как из сего города прежде приходу имели, того ради гарнизон туда отправим, и тако в сих краях, с помощью Божию, фут получили, чем вас поздравляем. Марш хотя сей недалек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров».*

Выждав затишье, флотилия вернулась в Астрахань.

«И тако можем мы, — доносил Петр сенату, — благодаря Вышнему, сию кампанию довольны быть: ибо мы ныне крепкое основание на Каспийском море получили».

Но мысль о морском пути в Индию не оставляла Петра. В 1723 году начали готовить в дальний путь экспедицию на Мадагаскар. Отряд судов вышел в море в декабре, но жестокие зимние шторма заставили отложить вояж на Мадагаскар.

А Петр вновь вспомнил о далекой Америке. Четыре года назад отправил он экспедицию навигаторов к Тихому океану, Федора Лужина и Ивана Евреинова.

В январе 1719 года Лужин и Евреинов тронулись в путь. На руки им выдали инструкцию Петра.

«Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано. И описать тамошние места: сошлась (ли) Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить».

Навигаторы на утлых судах вышли в Тихий океан, обошли Камчатку и Курилы. Шторма и поломки заставили вернуться...

Незадолго до кончины, в январе нового, 1725 года, Петр последний раз прикоснулся к бытию флотскому — благословил и напутствовал Камчатскую экспедицию. Он «спешил составлять наставление такого важного предприятия, будто бы предвидя скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил».

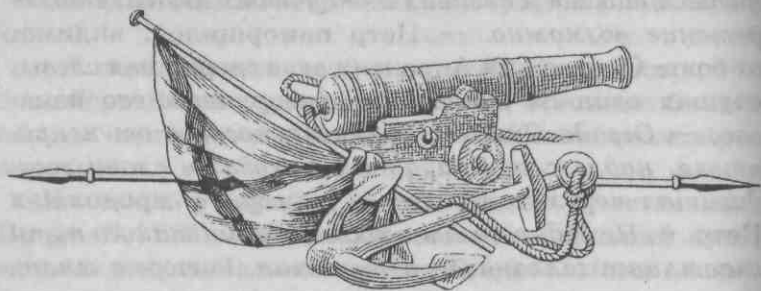
Наставление вручал генерал-адмиралу Федору Апраксину. Лежа в постели, читал:

«Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. В последнем пу-

тешествеи моем слышал я от ученых людей, что обречение возможно. — Петр поморщился, видимо, от боли. Стареющий Апраксин едва сдерживал слезы, слушая один из последних прозорливых его наставов. — *Ограда Отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусство и науку, — продолжал Петр. — Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских».*

Создатель русского флота Петр Великий начал преобразование державы буквально во всех сферах жизни. Среди коренных деяний, вне сомнения, его титанические усилия по строительству флота. Такое было под силу лишь гениальному человеку, обладавшему всей полнотой власти и одержимого страстью к морскому делу.

Первый русский историк и сподвижник Петра Великого кратко, но выразительно оценил его заслуги: Василий Татищев *«малоизвестное и всему миру некогда чаемое: великий флот на четырех морях в славу своей империи, на страх неприятелей соорудил... соединением Каспийского, Балтийского и Белого морей каналами и великих перспективных путей чрез так великое государство, как для войны, так и для купечества, великия пользы государству приобщил».*

Федор Апраксин

о росписи придворных чинов XVII века стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и дьяков.

Стольник Матвей Апраксин верой и правдой служил астраханским воеводою царю Алексею Михайловичу. Возвращаясь в Москву, в глухой степи, вместе с челядью был убит злодеями-калмыками. Осталась вдовою Домна Богдановна с малолетками — тремя сыновьями — Петром, Федором, Андреем и младшей дочерью, Марфенькой. Марфа росла пригожей, приглянулась царю Федору Алексеевичу. По заведенным порядкам братья царицы Марфы определились в царские стольники. Вскоре царь скончался, дороги братьев-стольников разошлись. Федор в лето 1682 года, на двадцать первом году от роду, был пожалован стольником к десятилетнему царевичу Петру Алексеевичу. И с той поры их жизненные пути шли бок о бок. Все радости и невзгоды делили вместе, нередко Федору Апраксину поручал царь важные дела, частенько только ему изливал душу...

Федор, исполняя наказ опальной вдовы-царицы

Натали Кирилловны, не на шаг не отставал от подопечного царевича и в забавах, и в потехах...

Страсть как любил пятнадцатилетний царь, кроме прочего, шастать по разным подворьям, амбарам, высматривать разные поделки, устройства. В последнее время, кроме Апраксина, брал с собой Франца Тиммермана из Немецкой слободы, знатока разных приспособлений. Он первый объяснил недавно хитроумную новинку — астролябию. Как-то июньским полднем забрели они в усадьбу Никиты Ивановича Романова в Измайлове, двоюродного брата Михаила Федоровича Романова, деда Петра. В свое время тот прослыл любителем всяких европейских диковинок. На льняном дворе заглянули в дальний амбар. Среди хлама в дальнем углу, около стены, лежала на боку лодка. Петр раскидал рухлядь, поднялась пыль.

— Гляди-ка, лодья, откуда она здесь? Федя, крики мужиков.

Подтащили лодку к выходу, смахнули пыль. Видно, давно она валялась в сарае, потемнела от времени.

Франц обошел лодку кругом, заглянул под один борт, присел на корточки возле кормы.

Петр цепко следил за ним, нетерпеливо спросил:

— Что сие за штуковина?

— Сие, государь, видимо, бот аглицкий, ходит не только по ветру, но и против него.

— Коим образом?

— Для того надобно ему машту соорудить, парусину из холста сшить. — Франц провел рукой по днищу. — Судно, как видно, долгое время здесь без присмотру находилось.

Апраксин вдруг хмыкнул:

— Видел я подобный бот в Дединове, когда с тятенькой бывал там.

Петр быстро повернулся:

— Не путаешь?

— Слава Богу, память не отшибло. Там еще один такой был.

Тиммерман пожал плечами:

— Может, и так, государь, я в Дединове не бывал.

— Франц, что тебе потребно для поправки лодьи?

Голландец добродушно улыбнулся. Он не раз слышал в Немецкой слободе на Кукуе о любознательности молодого царя. Лефорт вечерами в аустерии рассказывал о его настырной пытливости.

— Исправить судно мне не под силу, не хватит уменя. Я мало занимаюсь плотницким делом, а тут надобен корабельный мастер. Но я найду такого мастера, есть у меня на примете старинный мой земляк.

Петр умоляюще посмотрел на собеседника. Здесь нахрапом не возьмешь.

— Послушай, Франц, бери мою повозку и с Федькой поезжай, разыщи того умельца.

В Немецкой слободе плотника не оказалось. Разыскали его у водяной мельницы, ремонтировал колесо. Франц объяснил, в чем дело, и они втроем поехали в Измайлово. По пути Апраксин долго присматривался к попутчику, узнал, что зовут его Карстен Брант, потом решился спросить вежливо:

— Случаем, вы не бывали в Дединове?

— О, я жил там полгода, но откуда вы так предполагаете?

Апраксин ухмыльнулся довольный, вздохнул, будто освободился от мучительных поисков в памяти:

— Приходилось мне там бывать с тятенькой мальцом, годков двадцать тому.

В Измайлове, на берегу Яузы, нетерпеливо расхаживал Петр. Тиммерман с поклоном подвел Брандта.

— Кристиан Брандт, — представился тот Петру.

— Стало быть, Карстен? — весело проговорил Петр.

Разговорились, оказалось, что голландский мастер старый моряк. Пригласил его в Россию еще отец Петра, Алексей Михайлович.

Не спеша осмотрев ботик, он облокотился о борт,

раскурил маленькую трубочку. На Петра повеяло терпким дымком. Он раздул ноздри, слегка закашлялся.

Брандт провел ладонью по шероховатому планширю, взглянул на Тиммермана:

— Подобный бот, помнится мне, мы ладили в Дединове.

— Ты служил на «Орле»? — вскинулся Петр.

— Верно так, государь. По указу вашего батюшки, царство ему небесное, великого государя Алексея Михайловича в Астрахани плавал.

Петр присел на бревно, кивнул Карстену:

— Садись рядом. А каким образом ты попал в Москву и что за корабль был «Орел»?

Брант раскурил трубочку, попыхтел молча.

— Давненько это было, государь. — Он чисто выговаривал русские слова. Видимо, основательно пообщился на русских землях. — В Московии обретался тогда наш негоциант Иван Сведен. Царь Алексей Михайлович просил его нанять в Голландии шкиперов, матросов, пушкарей на корабль «Орел». По этому поводу и встретил меня в Амстердаме капитан Давид Бутлер. — Брандт оживился, расправил плечи. — Молод я тогда был, холост, констапелем на королевском флоте кончил контракт. Давид знал меня по службе, заманил в Московию. Обещал хороший заработок. Нас тогда чертова дюжина набралась кормщики, парусники, пушкари. Я тогда в Дединове за корабельного плотника трудился.

— А что, «Орел» против ветра выхаживал? — спросил как бы невзначай Петр.

— Паруса на судне токмо для того и служат, — пожал плечами Брандт. — Каждый парусник идет против ветра. Только по-разному — один ходко, другой валко.

Царь кинул взгляд на смущенного Тиммермана.

— А что, и по Волге такие лодьи шастают?

— И по Волге, и по морю из Астрахани царские ку-

печеские брига в Баку и Персию с товарами отправляются. Рыбачьих парусных карбасов на взморье всегда полно.

Рассказ Брандта все больше завлекал, бередил любопытство Петра.

— Чего для выделявали тот корабль в Дединове?

— Великие надежды возлагал царь ваш батюшка на «Орел». Хотел отправить послов в Персию и Индию. Торговлю завести с теми странами. Да жаль, все порушилось.

— Что же помехой стало?

— В ту пору смутьяны в наших краях объявились. Атаман казачий Стенька Разин пришел в Астрахань, захватил и «Орел». Царских слуг в то время не миловали. Наши товарищи на шинях смогли уйти в Персию, а мы с капитаном Бутлером не успели и потом еле ноги унесли от разбойников. Целый год, почитай, добирались до Москвы... — Брандт выколол трубочку, поднялся, подошел к корме ботика, ласково потрогал полукружье транцевой доски. — Сей бот остался с тех времен. Даже узорчатые кромки по бортам и на корме сбереглись, только краска вся полиняла.

Брандт замолк, встал и, улыбаясь, кивнул на Апраксина:

— А ваш слуга, государь, тоже те времена помнит. Ему довелось «Орел» видывать, и меня он вроде не забыл.

Апраксин густо покраснел, а Петр захохотал:

— Сие не слуга мой, а дядько, почитай, родственник. А што с «Орлом» знался, то к добру, нам в помощь.

В те дни на Плещеевом озере началось приобщение Федора Апраксина к морскому делу. Пытливый стольник ни на шаг не отставал от царя. Он поневоле, помогая Петру в освоении пока примитивных навыков постройки судов, с увлечением втягивался в ту работу. Теперь Федор с удовольствием трудился на верфи, а потом бился... в «потешных» сражениях на воде.

Приобретенный за 4 года на Плещеевом озере опыт вскоре пригодился.

В 1693 году, во время пребывания с царем в Белом море, Федор отправился с ним в плавание к Баренцеву морю. Верно оценив значимость единственного морского порта России, Петр ставит верховодить в этом крае близкого ему человека. О чем упомянул и летописец:

«Сего же августа 22 числа великий государь пожаловал ближнего своего стольника Федора Матвеевича Апраксина: указал быть на Двине воеводою на место Андрея Артамоновича; и того же числа великий государь изволил окольниковяго Андрея Матвеева послать в Москву».

Воеводы на Руси управляли воинами, водили в бой полки большие и передовые, правой и левой руки. Царь Михаил Федорович, укрепляя оборону, начал ставить воевод правителями в пограничных городах и уездах, где им принадлежала «по всем делам» власть, кроме духовной. Одним из них оказался дед Федора, Василий Петрович Апраксин, который был послан царем воеводою в город Севск. По закону, воевода не собирал кормов и пошлин, но не были воспрещены «добровольные приносы» в почесть. Воевода брал их без зазрения «сколько рука выможет», ибо был наместником, а значит, правил и судил. Широта власти его не была определена законом, потому волей-неволей порождала злоупотребления. К тому же и наказания из Москвы предписывали в конце концов поступать «как пригоже, смотря по делу, как Бог вразумит». Немало худародных дворян, почуяв возможность без особых хлопот и риска набить кошелек, старались пробраться через знакомства при царском дворе в воеводы.

Перед отъездом в Москву царь заложил в Архангельске верфь для строительства судов. Апраксину наказал сооружать 20-пушечное судно.

— Не забудь леса припасти до зимы для строения новой яхты. Потолкуй с купцами Баженовыми на

Вавчуге, нынче к ним загляну. Пушки отольем в Олонце, блоки я сам обточу. На верфь пришлю пару-тройку подмастерьев из Голландии, без них не сладить по-доброму.

Потекли воеводские будни. Казна требовала денег, город и деревня порядка, народ суда по справедливости. Дьяки, подьячие прочие чины старались побольше урвать, за всеми нужен был глаз.

По первому снегу повезли из Вавчуга доски и бруссы. Почти каждый день разгребали верфь от снега, стряхивали порошу с аккуратно сложенных стопками досок. Над Двиной замельтешил снегопад, укрывая скованную льдом полноводную реку. Долгие ночи сменял короткий день. Оно и день не день. В полдень изредка стылое солнце проглянет сквозь морозную мглу, а так метель да снегопад неделями скрывают светило, и недолгие дни кажутся серыми и тоскливыми.

После Рождества пришла весточка воеводе от брата Петра. Наталья Кирилловна занемогла.

Спустя три недели одному Апраксину поведал о своем горе царь, кончине матери.

— Федор Матвеевич, — по-родственному обращался он. — Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла, *«еже не возвратити день, иже мимо иде», сия вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чем и сам подлинно ведал), еще поелику возможно, рассуждаю яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу (как угодно). Аминь».*

С открытием навигации 1694 года в Архангельск потянулись десятки иноземных судов. Хлопот у воеводы прибавилось — всех принять надо по-доброму, но смотреть зорко за мошенниками. Как бы товар гнилой не привезли, не околпачили наивных русских купцов.

В мае прибыл царь, спустили на воду первое судно, построенное в Соломбале под присмотром Апраксина,

окрестили «Святым Павлом». Проводив царя в поход на Соловки, Апраксин присматривал каждый день за достройкой на воде «Святого Павла». Предстояло на нем совершить второе плавание к океану, к Баренцеву морю.

В августе в Архангельске встал на якорь первый фрегат «Святое пророчество» в 44 пушки, построенный в Голландии. На гафеле развевался по ветру российский флаг, бело-сине-красный.

Отряд кораблей снаряжался к предстоящему походу. За все в ответе был Апраксин. Кроме закупки всех припасов надо было приискать матросов на фрегат и яхту. Поморы ушли в море рыбачить, бить тюленей и китов. Пришлось вылавливать по кабакам оставшихся рыбаков, уговаривать иноземных матросов. Те отнекивались, заламывая цену. Все же кое-как набрали команды.

Утром 10 августа заколыхались верхушки прибрежных елей, побежала рябь по воде, потянуло с верховьев Двины. «Святое пророчество» разразилось громом пушечных выстрелов: «Всем с якорей сниматься».

Один за другим, поднимая якоря, расправляя паруса, двинулись к устью суда морского каравана. Как на грех, в вечеру южак затих, пришлось пережидать безветрие на якорях в Березовском устье. До Мудьюга добирались трое суток. Потом дело пошло веселей. По-веяло с запада, с каждым часом крепчал ветер. Корабли потянулись к Терскому берегу. Перед заходом солнца ветер стих, колонна расстроилась, медленно продвигаясь к Терскому берегу. К утру ветер снова набрал силу, но едва в дымке показался Терский берег, нашел сильный туман. На судах ударили барабаны, зачастили корабельные колокола. Каждое судно обозначало свое место, предупреждая столкновение.

На закате солнца слева осталось устье Поноя, а на рассвете, оставив далеко позади Три острова, обогнули Орлов Нос и вышли в океан. Ветер постепенно зашел к востоку, с севера находила океанская зыбь.

Петр оглянулся: яхта «Святой Петр» опять не держала строй, отошла влево, прижимаясь к скалистому побережью. Ландшафт Терского берега в этом месте постепенно менялся. Исчезли редкие сосновые рощицы на склонах речных каньонов, вдалеке протянулась цепочка лысых сопок, покрытых кое-где снегом.

Море заштилело, Петр собрал капитанов на совет:

— Пойдем далее к окияну, поелико возможно. Ежели задует противник, попрощаемся с купцами и повернем в Архангельский.

Лумбовскую губу миновали светлой ночью, а к восходу солнца, когда вышли на траверз Святого Носа, ветер зашел круто к северо-западу и развел большую волну. Началась утомительная лавировка и черепашие продвижение вперед. Слева под берегом протянулась гряда островов. Кто-то из матросов-поморов проговорил: «Семь островов».

— Ну, покуда будет, — решил Петр, — с окияном поцеловались. — И распорядился: — Дать сигнал на обратный курс.

Пять пушечных выстрелов разорвали безмолвие океана. Обменявшись прощальными салютами голландскими и английскими судами, три российских корабля развернулись на обратный галс и направились к Белому морю.

Дважды Апраксин выходил с Петром к Баренцеву морю, но в этот раз царь решил претворить в жизнь давние замыслы.

— Нынче размышлял я о грядущем. Архангельский городок, худо-бедно, единые морские ворота в Европу. Покуда будем через них якшаться с иноземцами. Нынче снарядим «Святого Павла» товарами нашихинскими и отправим в Голландию. — Петр посмотрел на Апраксина: — Тебе, Федор, о том забота. Мы же волей Божию приуготовимся воевать у султана ворота в теплые края.

Историки как-то мимолетно упоминают о воеводстве Апраксина в Двинском крае. Но именно здесь

впервые проявились его умение и деловая хватка в снаряжении к плаванью в заморские края первого русского судна с коммерческой целью. Он дотошно готовил судно, подбирал экипаж, размышлял, какие товары отправить в Европу.

Наступила весна, и Апраксин получил весточку из Москвы:

«Min Her Gouverneur Arehangel, — обращался доверительно Петр в письме от 16 апреля, — понеже веда-ет Ваша милость, что какими трудами нынешней осенью под Кожуховым через пять недель в Марсовой потехе были, которая игра, хотя в ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше, однако ж после совершения оной зачалось иное, и прежнее дело явилось яко предвестником дела, о котором сам можешь рассудить, коликих трудов и тщания оное требует, о чем, если живы будем, впредь писать будем. С Москвы на службу под Азов, по их пресветлейшеству указу, пойдем сего же месяца 18 числа».

Только Федору открыл свои замыслы царь. Под Азов отправился и старший брат Апраксина, Петр⁴, царь доверил ему командовать любимыми полками — Преображенским и Семеновским. Накануне Федор Апраксин удостоился высокого звания «майор» Семеновского полка.

Покинул Белое море с русскими товарами «Святой Павел», а воевода умирал прибывших в Архангельск капитанов голландских фрегатов, сопровождавших караван своих купцов. Те думали захватить два судна своих неприятелей.

Петр похвалил воеводу за расторопность, но вскоре пришла весть о неудаче войск под Азовом. Одна из главных причин — отсутствие флота. Турки беспрепятственно снабжали осажденную крепость. Началось сооружение верфей в Воронеже, чтобы строить суда для предстоящей кампании. Как их ладить?

В Архангельске выгрузили разобранную на части голландскую галеру и спешно отправили по зимнику

в Москву. По ее подобию создавали флот. Чуть не силой воевода заставил мастера Виллима Мейера помогать в этом деле русским умельцам.

Наступившая зима оказалась суровой, а лето было дождливым, неурожай грозил голодом народу. Здесь проявилось сострадание воеводы Апраксина к простым людям.

О чем поведал двинский летописец: «В то же лето, грех ради наши... весна была вельми студена и не стройна, так же и лето, а страда была сенная вельми дождлива и протяжна за неустроением воздуха, а хлеб яровой и рожь самое малое число, что жали и то для толченины, протчее косили и скоту кормили, и под снег пошло не малое число и всякие земные плоды неродились. Многие деревенские люди для прокормления брели в верховские города. И сего ради на строения, милосердуя о народе, ближний стольник и воевода Федор Матвеевич Апраксин изволил положить на продажный хлеб цену по 10 алтын, и по той цене и покупали, и сам Федор Матвеевич взял на свое имя у иноземца Володимира Иевлева великую вологодскую лодию хлеба четверть по 20 алтын, по той же цене 20 алтын и в мире распродать велел, не по многу числу...»

Толика трудов двинского воеводы не пропали даром, турки сдали Азов. «Августа 10 числа в понедельник, — поведала летопись, — с Вологды на Холмогоры к двинскому воеводе Федору Матвеевичу Апраксину прислан нарочный посыльщик с ведомостью, что великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич вся великия и малые и белые России самодержец, поможу Божию град Азов взял июля 18 числа в субботу».

Архангельск разделил радость победы. «И после молебна архиепископ и воевода с начальными людьми в соборе оглушали литургию. Стрельцы обоих полков стояли от города на дороге к соборной церкви полным строем и урядством, и после литургии стрельба была из пушек и мелкого оружия троекратно. А воевода

и дяки с начальными людьми и архиерей были на перепутье».

Взятие первой приморской крепости, Азова, показало, что без морской силы морем не завладеть. Царь повелел, а боярская Дума осенью 1696 года приговорила: «Морским судам быть».

В те дни Апраксин отправил в Голландию фрегат «Святое пророчество» с российскими товарами. Отписал царю об этом и других событиях.

«Премилостивейшему, всесветлейшему моему государю, причестнейшему бомбардиру». Знал Федор, что царь требовал его величать официально бомбардиром, но приписал еще: «Рабски прошу твою милость и сообщаю...» — и завершил обычным манером: «Прошу у тебя, государя моего, милости и челом бью низко, многократно раб твой Федка Апраксин».

На Введение Святой Богородицы пришел долгожданный ответ от царя. Он пенял дружески воеводе.

«Федор Матвеевич, за письмо твое благодарствую, однако ж зело сумнимся ради двух вещей, — шутливо выговаривал царь за раболепие, — 1) что не ко мне писал, 2) что с зельными чинами, чего не люблю; а тебе можно знать (для того, что ты в нашей компании) как писать. А про нас похочешь ведать, дал Бог, живы, а письмо отдал жене твоей⁶. Сам по сем адравствуй. Piter».

Следом пришел царский указ: «Стольникам обоих комнат, — царей Петра и Ивана, сказано, — в разныя государства учиться всяким наукам».

В конце февраля 1697 года Апраксин покинул Архангельск, царь взял его в вояж по Европе. «Федор Матвеевич, — как пояснил историк П. Белавенец, — сопровождал государю за границу и в Амстердам, учился вместе с ним кораблестроению». Но недолго пробыл там Апраксин. Царь отправил его на верфи в Воронеж, по-новому ладить суда для Азовской флотилии. В Англии царь выучился азбуке математических расчетов для конструирования кораблей. Нанял

там мастеров, сведущих в этом деле, и послал в Воронеж.

На Воронежских верфях опытный в судостроении Апраксин сразу заметил непорядок. Любил он, как истинный мореход, порядок, честность в поступках, бережливость. На верфях все было не так. Приказчики воровали, глядя на них, работники трудились впоси-лы, многие ударялись в бег.

Присматриваясь к строительству «кумпанских» и казенных судов, Апраксин возмущался, пока про себя. Приписывали к строительству тысячи людей, а трудились сотни, на припасы отпускали большие деньги, а такелаж поставляли гнилой. Главный распорядитель на верфи, адмиралтеец Протасьев, смотрел на воровство сквозь пальцы. Доносительство не было в характере Апраксина. Он занялся делом. К тому же царь возвел его в подполковники гвардии Семеновского полка и отправил в Азов обустройства первую морскую силу России, Азовскую флотилию, готовить новую базу в Таганроге. Азовское море весной 1699 года окуталось пороховым дымом, салютовали русские корабли. Из Воронежа прибыла эскадра кораблей. Петр готовил к отправке в Стамбул посольство Украинцева на 52-пушечном корабле «Крепость». На Керченском рейде «Крепость» появилась в сопровождении эскадры.

Наместник султана всполошился, запаниковал. Как так? Черное море принадлежит султану? Кто позволил русским? Откуда у них столько кораблей?

На рейде в Керчи в сонной тишине дремала на якорях турецкая эскадра.

Петр пошарил трубой вдоль линии турецких кораблей, подозвал Апраксина:

— Вишь, второй с краю — ихний капудан-паша, флагман. Пойдешь к нему с визитом. Скажешь, «так и так, русская эскадра мирная, провожает своего посла к султану».

Потом адмирал Федор Головин утихомирил наместника Муртозу-пашу: «Крепость», мол, корабль мир-

ный, с добрыми намерениями плывет в Константинополь»...

Вернувшись в Воронеж и обнаружив лихоимство на верфях, зимой 1700 года Петр назначил Апраксина вместо проворовавшегося Протасьева. Царский указ гласил: *«Великий государь указал, Адмиралтейские и Корабельные дела ведать Стольнику комнатному Федору Матвеевичу, сыну Апраксину. А писать его во всяких делах Адмиралтейцем»*. Одновременно Апраксин стал воеводой азовским.

Вскоре началась Северная война со шведами, и под начало Апраксина перешли все новые верфи на Балтике — на Сяси, в Олонце и Санкт-Петербурге.

Адмиралтейцу Петр подчинил новый Адмиралтейский приказ. Отныне Апраксин отвечал за все корабельное строение на Руси. Зимой он обычно руководил работами на всех верфях, а летом открывал морскую кампанию Азовской флотилии. Кроме Воронежа, военные суда для флотилии строили на новых верфях в Ступине, на Хопре, в Чижевке, Павлове и других местах. За время правления Апраксина на всех этих верфях было построено около сотни боевых судов, в том числе не один десяток линейных кораблей. Одним из первых линкоров Апраксин вместе с царем спустил на воду 58-пушечную *«Предистинацию»*. Это был первый корабль, построенный по чертежам царя русскими умельцами.

«Будучи в Воронеже, — доносил в Гаагу посол Ван дер Гульст, — мы видели спуск очень красивого корабля, построенного самим царем с помощью русских рабочих. Ни один иностранный мастер не приложил руки к этому делу».

Начало кампании Апраксин встречал в Азове. Выходил с флотом в море, осваивал новую базу в Таганроге. На кораблях недоставало матросов, особенно ощущалось это в шторм, при работе с парусами. Когда выбирали якорь, офицеры становились к шпилью. Апраксин посылал на корабли рекрутов из полков.

Только толку от них поначалу было мало. Первую кампанию они испуганно прижимались к палубе, хватались за любую снасть мачты, боялись взглянуть за борт. В шторм не помогали ни зуботычины, ни линьки, прятались по закоулкам...

Первым помощником Апраксина в выучке экипажей стал присланный Петром в его подчинение вице-адмирал Корнелий Крюйс.

В Донском устье на случай нападения турок по приказу Апраксина перекрывались наглухо сваями и цепями все рукава, кроме северного, Кутюрьмы. Таганрог и Троицкая крепость вскоре опоясались каменной стеной с бойницами.

В течение шести лет деятельность Апраксина была сосредоточена преимущественно в Воронеже, где сооружался флот для Азовского моря. Кроме постройки судов и снабжения их всем необходимым, на нем лежала забота о проводке их в Азов, об устройстве верфей, пушечного завода в селе Липцах, заведения адмиралтейства и доков в Таврове, о постройке гавани и укреплений в Таганроге, об углублении мелководных устьев Дона и о производстве гидрографических работ для исследования незнакомого моря.

Очередная ступень службы Федора Апраксина возникла неожиданно и навсегда связала его судьбу с флотом. Из письма царя в августе 1706 года о внезапной кончине генерал-адмирала Федора Головина: «Хотя б никогда сего я вам не желал писать, однако воля Всемогущего на то нас понудила». Апраксину, ближайшему соратнику Ф. Головина, поручил царь проводить его в последний путь.

«Доношу, — писал Апраксин, — Вашему Величеству: письмо ваше из Киева 2 числа сего месяца получил, в котором изволил мне объявить о смерти превосходительнейшего г. Адмирала моего особливого благодетеля Федора Алексеевича, о котором сердечно болю и плачу...»

Вскоре после похорон Ф. Головина вышел царский

указ: «Адмиралтейца Федора Матвеевича Апраксина во всех его государевых указах и в приказных делах писать Адмиралом и Президентом Адмиралтейства».

Никогда не старался Апраксин выскакивать вперед, перебегать кому-нибудь дорогу, добросовестно трудился, старался делать все по совести, чтобы прежде всего не было стыдно перед самим собой. Теперь жизнь ставила его на ту ступень военной службы, где ты всегда на виду, где каждое слово твое воплощается в действие людей в морской форме. От того, насколько точно и верно отдана команда на корабле, зависит подчас судьба и жизнь сотен людей. И не только на войне. И в буднее время корабль постоянно живет в борьбе со стихией, коварной и часто непредсказуемой. Поэтому командиру в море ошибаться заказано...

Отныне Апраксин, кроме прежних обязанностей, стал командовать Балтийским флотом, возглавил Военский морской приказ, Навигацкую школу в Москве.

К Петербургу новый командир флота, Апраксин, подъезжал при сплошном грохоте ломающегося льда на Неве. Весна 1707 года вступила в свои права. Апраксин заранее предупредил Крюйса, командующего эскадрой:

— Свой флаг я подниму на фрегате «Олифант», а ты, Корнелий Иванович, подбери себе другого флагмана.

На Котлинском рейде Апраксин появился ровно через неделю.

— Шнява под адмиральским флагом. В кильватере следуют четыре бригантины с младшим флагманом, — доложили Крюйсу утром 9 мая.

Шнява, построенная на английский манер, ловко обогнула корабли на рейде и бросила якорь по корме «Олифанта». Было видно, как со шнявы спустили шлюпку и она понеслась к «Олифанту». Крюйс внимательно проследил, как быстро исчез белый адмиральский флаг с гафеля шнявы. И едва шлюпка подошла

к трапу «Олифанта», на нем взвился флаг старшего флагмана.

Один за другим входили в салон адмирала прибывшие и представлялись по-уставному:

— Вице-адмирал Крюйс здесь, шаутбенахт Боцис здесь...

За ними следовали капитан-командоры Рейс и Шелтинг, капитаны Эдварт и Весель...

Изучающим взглядом встречал прибывающих новый флагман, приглашал садиться. «Токмо иноземцы, — мелькнула грустная мысль, нет, а вот наконец-то свой, доморощенный, Наум Сенявин».

Первая встреча с подчиненными была короткой. Адмирал начал с успехов, отметил заслуги:

— Прошлую кампанию флот наш с доблестью устоял против шведов, не допустил неприятеля к Питербурху. В том ваша, господа, благодать. — Апраксин говорил размеренно, доброжелательно. Почувствовали и собравшиеся справедливое уважение в его словах их ратного труда. — Неприятель многократно превосходил наш флот, особенно линейными кораблями, которых у нас нет ни единого, но сие не означает, что нам позволительно отсиживаться за котлинскими пушками.

Апраксин подошел к карте:

— Для упреждения внезапного удара неприятеля выставим дозор к весту от Котлина. Распогодится, осмотримся, бригантинами набег произведем в шкелях. Ежели не будет превосходства неприятеля, попытаем к базам передовым выйти. Нарва-то теперь наша. — Апраксин взял со стола лист. — Составлена мной на первый раз инструкция командирам. — Он поискал глазами нужный абзац: — *«При встрече с неприятелем поступать при этом, как доброму и честному офицеру, которому надлежит потом во всех своих действиях добрый ответ дать».*

Внимательно следили командиры за каждым словом и жестом говорившего. В их жизнь входили новые

правила и кодексы, которые не только определяли ритм военной службы, но и брали заботу о их судьбах.

— В подробностях получите сие наставление нынче же в моей канцелярии...

Апраксин задержал Боциса, подозвал к карте:

— Подбери доброго капитана, отряди бригаنتين несколько, разведай до острова Гогланда, пошуруй шведов.

Осень вступила в свои права, как обычно в эту пору, в заливе зарядили дожди, иногда вперемежку со снегом. Неожиданно, без предупреждения, в Петербург приехал царь и в этот же день ушел на бригантине к Котлину, посмотреть обе эскадры, корабельную и галерную.

Хитро косил глазом на невозмутимого Апраксина: «Посмотрим, Федор, каков ты моряк на самом деле». Летом царь получил письмо от Крюйса. Вице-адмирал безмерно восхищался своим новым начальником: *«Морское дело здесь в два года так унизилось, что чуть в конце не развалилось, токмо Его Превосходительство великий адмирал зело дивно поступает и своим премудрым разумом то упалое дело ведал на лучшее учинить таким образом, что дивно есть и невозможно никому поверить».*

На рейде царь перешел на «Мункер». По установленному порядку капитан-командор Петр Михайлов считался командиром «Мункера».

Обходя на шняве выстроившиеся в линию корабли, Петр впервые остался доволен их внешним видом, порядком на палубах и в помещениях и вообще настроением людей. Сытые, довольные лица матросов говорили о многом. На «Дефаме» в артиллерийском деке царь поманил капрала:

— Заряжай пушку, отстреливайся.

Без заминки одни канониры побежали в крюйт-камеру за картузами, другие потащили ядра, разложили фитили, навели орудия. Выстрел произошел неожиданно для остальных кораблей. На палубах забегали,

поднимали запросные флаги. Довольный Петр поглаживал усики: «Кажись, никто не спит».

Вторую кампанию 1708 года на Балтике адмирал Апраксин командовал не только флотом, но и всеми сухопутными войсками в Приморье. Царь доверил ему оборону Санкт-Петербурга от наступающих на суше шведов. И в новой должности Апраксин показал себя с лучшей стороны.

Намереваясь овладеть Москвой, Карл XII задумал покончить с городом на Неве. О нем постоянно напоминал первый канцлер, который возражал против немедленного движения к Москве.

— Ваше величество, разумнее вначале овладеть нашими землями в Ингрии, — советовал осторожный Пипер, — захватить Петербург. А после этого двинуться на Москву.

Король уже решил по-своему:

— Корпус генерала Либекера сотрет с лица земли этот город, а эскадра Анкерштерна перебьет и потопит ветхие посудины Петра. На Балтике всегда владычествовал шведский флот.

Теперь Апраксину пришлось поневоле выступать в двух ипостасях — адмиралом и генералом. Свой флаг он держал на фрегате «Думкрат». После отъезда Петра он с эскадрой крейсировал западнее Котлина. Время шло, горизонт был чист. Под Выборгом генерал Либекер выжидал, а под Ревелем накапливал силы генерал Нильс Штремберг, но Апраксин не привык ждать ударов.

Разглядывая карту, высказал Крюйсу свой замысел:

— Вишь, будто клещами нас охватили Штремберг да Либекер, а Анкерштерн с моря пугает. Почнем-ка мы клешни обрубать, а первую как раз отсечем у Штремберга...

Лазутчики захватили в финских шхерах «языка», шведского капитана, который ехал на побывку в свою деревню. Он признался, что генерал Либекер намеревается через неделю наступать на Петербург.

— Оставайся на рейде, — приказал адмирал Крюйс, — Либекер мешкает, переберусь-ка я на сушу, пока на море спокойно — потревожу Штремберга. Ан все меньше потом забот станет. Но ты помей, если появится Анкерштерн, встречай его на якорях, у него линейные корабли. Они сильнее, куда в море.

— Можете не беспокоиться, ваше превосходительство, прошлым годом я его угостил картечью, едва он убрался.

В Нарве адмирал, помня советы царя, первым делом посадил пехоту на лошадей. Сколачивал отряд опытный боец, полковник Монастырский. Прихватил легкие пушки. Разведкой руководил сам Апраксин. Ловкие охотники вернулись через два дня. Доложили:

— Швед лагерем стоит, не доходя Ревеля верст пятнадцать, на мызе Рекобер. Дымят костры, кашу варят, с девками балуют, пикетов особых не видать.

— Сие нам на потребу, — довольный, певуче произнес Апраксин, похвалил лихих гренадеров, выдал каждому по рублю и распорядился: — Теперь, полковник, дело за нашими ребятами. Мешкать не будем, выступим сегодня же вечером.

Молниеносного удара русских гренадеров шведы не ожидали. На рассвете часть солдат спешила, нанесла штыковой удар по центру, а лихая атака драгун с фланга опрокинула неприятеля навзничь. Генерал Штремберг едва сам унес ноги.

«Помощию Божию, — доносил царю Апраксин, — пехотный полк и с офицеры без остатку побили, а от рейторского полку разве что малое осталось».

— Слава Богу, одну клешню у шведа отсекли, — удовлетворенно сообщил адмирал Крюйс, возвратившись к эскадре, — жди теперь гостей с моря. Как встречать гостей будешь, вице-адмирал?

Крюйс развернул карту:

— Нам ввязываться в морскую баталию с Анкерштерном пока не под силу. Встретим его, как и прежде,

на якорях. Сей швед уже отведал нашей похлебки не раз, как я говорил.

— Согласен, нынче фортеции на острове знатные, вороги сюда не сунутся. Наверняка поохотятся на Питербурх покушаться.

В середине августа дозорные корабли подняли сигнал: «Вижу неприятеля на весте».

— Яко мошенники, которые в избу нагло вломились, но завсегда готовы утекать без оглядки, — зло произнес Крюйс, считая вымпелы кораблей. — Двадцать два, — доложил он Апраксину.

Поглядывая на вице-адмирала, Апраксин размышлял: «Пожалуй, Крюйс в этих делах со шведами опыт имеет, отбивался и прежде, совладеет».

— Останешься командовать всем флотом и войсками на Котлине, — передал он свои полномочия Крюйсу, — а я пойду к Неве. Там небось швед объявится со дня на день.

Еще неделю назад разведчики из-под Выборга доложили: «Шведы двигаются по направлению к устью Тосны». День и ночь, укрываясь в лесах, сопровождали неприятеля русские лазутчики, так что Апраксин каждый день знал, где его противник, и имел время на раздумья. «Видно, шведы замыслили обойти Питербурх. Сие и ладно. И неладно. Значит, нас побаиваются, но желают хоть одной клешней захватить и взять измором».

Решал адмирал всегда обстоятельно. Первое приказание отдал Ивану Боцису:

— Поднимись в Неву с отрядом бригаantin и жди шведа у Тосны. Не допусти переправы, а нет, так побей их славно.

Генералу Фрезеру, начальнику драгунского полка и полковнику Бахметьеву, поставил задачу опустошить все запасы провизии в Ингрии от Тосны до Ижоры.

— Прошелестите все местечки до Копорья. Запасайтесь провиантом, посылайте в Питербурх, остальной — сжигайте. Пуцай у неприятеля животы подведет.

В этот раз лихой Боцис прозевал, и войска Либекера переправились на левый берег Невы.

...Обычно сдержанный, матерно ругал Апраксин оправдывающегося Боциса, да время ушло, двенадцать тысяч шведов двинулись в Ингрию, охватывая кольцом Петербург.

Либекер радовался, надеясь пополнить запасы еды: «Теперь-то мои солдаты будут сыты». Уходя из Выборга, армия захватила с собой лишь скудный паек. Рассчитывал поживиться в местах, где провизии прежде, как помнили шведы, было вдоволь. Но Апраксин опередил шведов.

«Я, — донес он царю, — послал Бахметьева с казаками во все Копорские уезды, и ежели куда неприятель будет приближаться, чтоб провиант весь сжечь».

Не сладко пришлось шведам, всюду перед ними плясали огненные «петухи», пришлось затягивать пояса потуже.

Не все проходило гладко и в корпусе Апраксина. Начальник кавалерии, чванливый Фразер, плутая с драгунами у Ямбурга, вдали от неприятеля, случайно наткнулись на большой шведский обоз с провиантом. Отправить бы трофеи в Петербург, где тоже было туго с провизией, так Фразер сжег все добро. Апраксин возмущался, а Фрезер кривил губы, усмехался. У адмирала не было права заменить его, и он обратился к Петру: *«Для того прошу Вашего Величества прислать в конницу доброго командира, а ежели не противно Вашему Величеству — известного из русских».* Как ни странно, вскоре несмышленость Фрезера пришлась кстати.

Когда Либекер высадился на левом берегу Невы, Апраксин с тревогой ожидал, что он двинется на север блокировать и штурмовать Петербург. Но шведский генерал трусил. С голодным войском он устремился к побережью залива, питая надежду, что эскадра адмирала Анкерштерна разбила русских. Наконец-то

вдали на рейде заполоскались на мачтах знакомые шведские флаги.

За Либекером с эскадры прислали шлюпку.

— Адмирал приглашает вас отобедать, — передал офицер.

Либекер пугливо оглянулся: «Слава Богу, кроме адъютанта, никто не слышал».

В адмиральском салоне генерал прежде всего накинусь на еду.

— Мои офицеры, не говоря о солдатах, второй день потребляют конину. К столу не подают вина. Русские выжгли все подчистую. Я надеялся, — насытившись, криво улыбнулся Либекер, — что королевский флот быстро расправится с русскими и появится у Петербурга.

— Я вижу, королевские мушкетеры и рейтары тоже не в восторге от русских, — подкусил в свою очередь адмирал собеседника. — И все же, что будем делать, генерал?

— Ждать, — допивая вино, чмокал губами Либекер. — Постараемся выманить русских в поле, и там-то мы возьмем верх.

...К Апраксину доставили шведского квартирмейстера Вико, накормили голодного офицера.

— В войсках хлеба осталось на неделю, — выложил он без обиняков. — Солдаты и офицеры перешли на конину. Офицеры поговаривают, что генерал Либекер подумывает уйти из Ингрии.

Апраксин хитро прищурился: «Надобно ему подсобить в этом». Послал за генералом Фрезером.

— Ты мастак шведам корму показывать, так сделай это теперь нарочно. — Апраксин вынул из портфеля запечатанный пакет. — Подберись поближе к шведам ночью, разбей палатку где вдалеке, рухлядь разную разложи для виду и этот портфель с пакетом брось поперек. Когда шведы на тебя пойдут, постреляй для острастки и уходи поспешно. Разыграй отступление.

Все прошло, как было задумано. Не успели шведские рейтары доставить портфель с письмом Либекеру, как тот заметался в испуге, забил тревогу:

— Дважды выстрелить из пушки, вызвать немедленно шлюпку с эскадры!

Потревоженный Анкерштерн с досадой слушал генерала.

— Мой адмирал, неприятное известие. — Он протянул собеседнику письмо. — Апраксин сообщает своему генералу Фрезеру, что ему на подмогу идут из Нарвы шесть тысяч войск и с Ладоги еще семь тысяч пехоты и драгун.

Лицо Либекера покрылось испариной.

— Мне думается, у самого Апраксина тысяч двадцать, и если прибавить подмогу, у неприятеля будет тройное превосходство против моего голодного войска.

— Что же вы предлагаете?

— Вся надежда на вас, адмирал. Мне надо спасать войска. Я готов, хоть сегодня, начать погрузку на корабли.

Анкерштерн сердито кашлянул. «Эти генералы ни черта не смыслят в нашем деле», — подумал он, и вслух произнес:

— На виду у русской эскадры грузить десант безрассудно. Пока офицеры и солдаты будут усаживаться в шлюпки, русские бригаантины навалятся на нас и всех потопят. Чтобы принять на борт двенадцать тысяч солдат, потребуется неделя времени.

— Так что же делать?

Анкерштерн поманил Либекера к карте:

— Самое удобное место — Копорский залив. Там можно укрыться от шторма и русские не обнаружат нас.

— Вы упомянули, адмирал, офицеров и солдат. А что же мне делать с лошадьми?

Анкерштерн зло зыркнул на Либекера:

— Пускай плывут к борту и поднимаются по шторм-трапу. У меня, генерал, не конюшни, а боевые корабли.

В тот же день казачьи разъезды донесли Апраксину, что неприятель сворачивает лагерь и спешно двигается вдоль берега.

— Так и должно быть, знамо, попались на наживку, — потирал руки адмирал. — Наблюдайте за шведами на море, они скоро с якорей снимутся.

Через два дня шведская эскадра начала переходить в Копорский залив. Апраксин вызвал Фразера и Бахметева:

— Нынче мы в авантаже, надобно не упустить случай. Обложим Либекера на видимости. Когда он половину войск увезет, начнем его кусать. Шведы запаникуют, а там мы их и добьем. Малой кровью викторию добудем.

И здесь опять Апраксин переиграл шведского генерала. Когда большая половина шведов перебралась на корабли, началась паника. Охранение поняло свою обреченность и разбежалось по окрестным лесам.

Русские гренадеры вломились в центр лагеря, крушили все на своем пути штыками.

Впереди бежал поручик Наум Сенявин.

— Ура, братцы! Бей шведа!

Свою бригадину он поставил на ремонт. Во время атаки шальная пуля прострелила ему ногу, но поручик не покинул поле сражения, колот шпагой неприятеля направо и налево...

Дело довершили драгуны, ударили с флангов из перелеска. Сначала шведы отбивались отчаянно, но потом одна половина кинулась к переполненным шлюпкам, другая бросилась в лесную чащу.

Атаке мешали тысячи трупов лошадей, убитых по приказу Либекера. А шведов полегло на копорском берегу больше тысячи, две сотни попали в плен.

— На море шведы обожглись, более не сунутся, — сказал Апраксин, глядя вслед поспешно снимающейся с якорей неприятельской эскадре. — Авось и по сухопутью дороги им будут заказаны...

Из журнала Наума Сенявина: «Октябрь. В 116 день г. адмирал был под Сойкиною мызою для провожания генерала Либекера. Он, шведский генерал, уехал на флот свой, а на позициях оставил майора и с ним с лишком 1000 человек, которых мы шпагами взяли. Я на той баталии был у гренадерской роты за капитана и ранен в правую ногу. У нас на той баталии убито: подполковник Грос, майор Озеров, 6 человек капитанов и несколько солдат».

Год 1708-й выдался для русского оружия победным и на море и на суше. Радовался от души царь. Под его началом у деревни Лесной русские полки взяли верх над непобедимой армией Карла XII.

Адмирала царь чествовал, впервые среди своих полководцев, именной медалью. Вызвал к себе гравера, набросал эскиз.

— Изобразишь на одной стороне персону адмирала Апраксина, с другой гравируй корабли флота, надпись такую отчеканишь. — Петр протянул граверу лист. — Читай!

«Адмирал Ф.М. Апраксин, храня сие, не спит, лучше смерть, а не неверность».

Как положено, медаль торжественно «обмывали». Одной медалью не обошлось. «За храбрые поступки, учиненные в Ингрии и Естляндии против неприятеля, пожалован графом и чином действительного тайного советника». Третьим русским графом, вслед за Шереметевым и Меншиковым, стал Апраксин. В отличие от Шереметева и Меншикова адмирал не выпрашивал милости материальные. Но накануне Рождества вышел указ «по высочайшему повелению положено производить ему, Апраксину, жалованье наравне с генерал-фельдмаршалом по 7000 рублей в год».

По табели о рангах генерал-фельдмаршал равнялся с генерал-адмиралом. Официально за ним до конца дней утвердилось прозвание генерал-адмирала.

Новый, 1709 год начался волнительно. Шведский король намеревался дать генеральное сражение. Царь

возложил на Апраксина задачу оберегать морские рубежи на Балтике, а сам отправился с построенными кораблями на Азовское море, проверить надежность южных морских рубежей. Вскоре поспешил к войскам под Полтаву. Наступало время решающей схватки с шведами на суше.

Первым в Петербурге о победе под Полтавой узнал Апраксин от царя, который с радостью сообщал ему: «Ныне уже совершенно камень в основание Санкт-Петербурга положен».

Для полного спокойствия новой столицы требовалось обезопасить ее с севера, изгнать неприятеля из Выборга. Поскольку на море перевес был на стороне шведов, Петр задумал перехитрить противника внезапностью. Послал Апраксина с войсками к Выборгу не на судах, а по замерзшему льду.

21 марта 1710 года, морозным утром, первым ступил на лед Апраксин. Скинул шапку, перекрестился, взмахнул рукой:

— С Богом!

Впереди тридцатитысячного корпуса шла рота, протаптывая дорогу, нащупывая полыньи и торосы. Первым впереди, наклонив голову, ступал адмирал и генерал. Рядом с ним, то и дело оглядываясь, бодро шагал бригадир Чернышев. Генералы шли следом во главе полков. Как положено, делали привалы, солдаты жгли костры, грелись, варили кашу, отдыхали в полудреме, привалившись друг к другу.

Через три дня добрались до суши на западном берегу залива.

Средневековый выборгский замок — цитадель с каменной башней «Лангерман» — виднелся за десяток километров. На пятьдесят саженей вверх уходили неприступные стены в пять саженей в поперечнике. Вокруг каменной крепости располагался новый город, обнесенный еще одной стеной, построенной при прежнем короле Густаве-Адольфе. Летом Выборг был неприступен, со всех сторон его окружала вода.

Комендант крепости полковник Магнус Стиенстреле за долгие годы привык к размеренной жизни. Крепость надежно укрыта, ее защищают почти пять тысяч войск, полторы сотни орудий. Припасов хватает, каждую весну приходит контр-адмирал Нумерс, привозит пополнение для войск, провизию и все необходимое.

В крепости много жителей, но мало жилья. Для двух полков выстроили дома и казармы в предместье Хиетала.

Рассвет дня весеннего равноденствия застал шведов врасплох. В Хиеталу с трех сторон внезапно ворвались русские войска. Схватка была короткой, шведы бежали и укрылись в крепости.

Ушло первое донесение царю: «...с караулом пехоты и кавалерии, через лед, морем с Котлина острова марш свой воспринял мимо Березовых островов». С этой же почтой Апраксин переслал царю захваченную у шведов карту.

Солдаты долбили промерзшую землю, с трудом выковыривая валуны и камни, строили шанцы. Укрепления сооружали не так, как хотелось. С высоченных бастионов шведы держали под обстрелом пушек все ближайшие подступы. Ядра легких осадных пушек до крепостных стен не долетали.

То и дело ржали изголодавшиеся кони. Пехота ежилась от холода, солдаты жгли костры, грелись, хмуро поглядывали на высокие мрачные стены крепости и с тоской переводили взгляд на почерневший местами лед в заливе: «Когда-то кораблики приплывут?»

Сытые шведы в крепости посмеивались. Запасов у них хватит на целый год, пороху вдоволь. Полторы сотни пушек то и дело посылали смертельные гостинцы.

«Шанцами к неприятельским крепостям приближались ближе фузейной стрельбы, — доносил Апраксин в Петербург, — и трудим бомбами сколько можем, а пушки наши нам мало помогают, понеже зело мало

и легки: когда мы начинаем стрелять, то неприятель противу одной из десяти стреляет».

Пехота доедала последние сухари, драгуны уныло отворачивались от выпученных голодных глаз лошадей, щурились на солнце, озирались на кромку талой воды у берега.

С крепостных стен временами доносился дружный хохот неприятеля. Комендант каждое утро подбадривал солдат, посматривая на залив:

— Скоро придет адмирал Ватранг с эскадрой. Русским будет конец.

...Каждое утро с восходом солнца Петр на галере, расталкивая льдины, спускался по Неве к заливу. Всмотривался в сторону Котлина. Лишь кое-где среди льдин чернели разводья. Дорог каждый день. Как только залив очистится от льда, появится шведская эскадра, с ней не сладить. А Апраксин ждет подмоги.

В середине апреля Нева очистилась ото льда. Из каналов и протоков корабельный и галерный флот потянулся к морю. Галеры тащили на буксирах девять фрегатов и пять шняв. Суда выглядели нарядно, свежепокрашенные борта сверкали на солнце, трепетали флаги и вымпелы. Тускло отсвечивали медью жерла в открытых портах.

Следом за боевыми кораблями выстроились две сотни транспортов с провиантом, осадными пушками, порохом. Флот двинулся на помощь армии, но природа уготовила ему тяжкие испытания, грозившие смертельной опасностью.

До Котлина колонна добиралась четверо суток разводьями. Впереди на несколько миль вода была чистой, дальше все тонуло в тумане.

Оказалось, путь к Выборгу пока начисто закрыт льдами. Флот стал на якоря, но льды днем и ночью докучали, затирали суда. Небольшие галеры, транспорта, карбасы плотно захватило в ледяной плен, якоря не держали, рвало якорные канаты. Ветер то и дело менял направление.

Петр дал знать Апраксину, чтобы он держался, а сам на «Лизетте» сходил в Петербург — на всякий случай готовить помощь по сухопутью.

Поступила депеша от Апраксина. «Провианту, государь, у нас остается почти за нет, от девятого числа разве с нуждою будет дня на четыре».

Петр сквозь льды двинулся с галерами к Выборгу.

...На самой высокой башне крепости Выборга радовались шведы:

— Ура! Идет наша эскадра?

Действительно, вдали показалась колонна кораблей под шведскими флагами. Корабли палили из пушек, но оказалось, они салютовали русским войскам. Предусмотрительный шаутбенахт Петр Михайлов решил схитрить, поднять шведские флаги: «А вдруг на берегу шведы с пушками?»

Апраксин не выдержал, по-родственному обнял Петра:

— Хлеба у нас, господин шаутбенахт, на один день, а пороху на два дня осталось.

— Все за... кормой, генерал-адмирал, принимай пять тыщ войску, мортиры, припасы. Да поживей, нам уйти надобно без мешкоты, пока Ватранг не нагрязнул.

На следующий день установили против крепости тяжелые мортиры. По старой бомбардирской привычке Петр сам навел одну на крепостные стены, пробанил ствол, зарядил пушку, перекрестился:

— С Богом! — зарядил фитиль.

Ухнула пушка, с тяжелым гулом двухпудовое ядро ударило в саженную стену цитадели. Полетели осколки, обнажая вековой пласт каменной кладки.

Флот только-только успел выйти из Выборгского залива, а на горизонте замаячили паруса. Спешила на выручку крепости шведская эскадра. Восемь линейных кораблей, пять фрегатов, еще шесть судов под флагом вице-адмирала Ватранга, шестьсот с лишним орудийных стволов готовы были помочь Выборгу,

но шведы опоздали. На борту кораблей эскадры шведского флагмана больше тысячи солдат, боевые припасы, провизия. Наконец сотни тяжелых корабельных орудий, а он бессилён помочь осажденному Выборгу.

В крепости довольно скоро поняли свою обреченность, да и слышали и знали по Ниеншанцу, Нотебургу, Нарве, что русские своего добьются. Всего месяц сопротивлялись шведы и выкинули белое полотнище, а на грозной башне «Лангерман» навечно водрузился флаг российский. Сам царь принял капитуляцию у храброго шведского полковника Стиенстрале, достались немалые трофеи — одних пушек полторы сотни.

На мундире Апраксина засияла звезда Святого апостола Андрея Первозванного.

Карл XII, бежавший из-под Полтавы к туркам, настропалил султана. Уяснил он смертельную опасность для своего королевства. Турция объявила войну в самое Рождество 1722 года, через месяц Москва ответила тем же. Петр, не мешкая, вызвал Апраксина:

— Заедешь в Воронеж и Тавров, спускай на воду все, что можешь. Плыви к Азову. Будешь там верховодом на флоте и во всем крае.

Указ об этом вышел давно: *«1710 года, февраля 6 дня В.Г. указал город Азов с принадлежащими городами всякими делами ведать адмиралу, генералу и губернатору азовскому и тайному советнику и президенту адмиралтейства, графу Федору Матвеевичу Апраксину с товарищи, и те дела из разряду отослать в приказ адмиралтейских дел».*

Апраксин покачал головой: «Опять морока, разве поспеешь?»

Генерал-адмирал направился в Таганрог, готовить флотилию к бою. Но на душе было тревожно. Как-то на суше, у государя?

Пока держалась внешняя вода, Крюйс повел из Воронежа небольшой отряд к Азову. В июне на реке Таганрога Апраксин с тоской осматривал суда.

— Срам какой-то, — бурчал он, — с дюжиной та-

ких корабликов и токмо бы и обороняться от турок, отстоять завоеванное.

— Не плошай, господин адмирал, — успокаивал Крюйс, — у нас в резерве лихие казаки на лодках. Дай мне побольше мушкетов.

Апраксин уехал в Азов, а Крюйс выслал в дозор две бригадины и десяток казацких лодок...

После полудня 2 июня разомлевшего от жары Крюйса поднял с койки раскат пушечных сигналов с корабля. На его палубе стоял прибывший накануне Апраксин.

В гавань неслись казацкие гички, поодаль, не спеша, под веслами, с обвисшими парусами, втягивались бригадины.

Вдали, на взморье, лениво шевеля парусами, медленно, один за другим, выплывали турецкие корабли.

— Тридцать два выпела. — Апраксин протянул подзорную трубу Крюйсу. — Собрались-таки, окаянные, супротив нас. Полторы дюжины линейных кораблей и дюжина галер. — Апраксин окинул взглядом небосвод: голубая лазурь, без единого облачка. — Авось господь Бог поможет. Ветра покуда не предвидится.

Две недели безветрия прошли относительно спокойно. Турки явно не спешили, выжидали, но казаки не выдержали. Заметив как-то утром отбившуюся турецкую фелюгу, бесшумно выскочили из засады в камышах, захватили первую добычу.

Турецкий капудан-паша все же решился проверить русскую оборону. На рассвете его галеры подкрались к внешнему рейду Таганрога. Продвигались ощупью, фарватера турки не знали.

Но Апраксин давно наблюдал за каждым движением неприятеля. Утром посвежело, наконец-то потянуло с верховьев Дона.

— Вызвать командиров, — распорядился Апраксин.

Прямо на палубе, у трапа, начался короткий совет.

Спустя полчаса навстречу туркам, набирая ход, двинулся 50-пушечный корабль под командой Крюйса и с ним три шнявы. Турецкие галеры не стали испытывать судьбу. Развернулись на обратный курс, удрали в море. Отошли к горизонту. Капудан-паша продолжал выжидать, осторожничал. Еще неизвестно, сколько выпелов на Азове. Вдруг ударят с тыла? Пока же у него одна цель — попытаться задержать русских у Таганрога. Турецкая эскадра подошла ближе к берегу, с кораблей спустили шлюпки, готовили десант. Цепко следили за малейшими движениями противника сигнальные матросы, вахтенные офицеры на русских кораблях. Апраксин предупреждал каждый маневр неприятеля, замаскировал на берегу войска, батареи.

Не успели турки ступить на берег, шквал картечи обрушился на них из укрытых кустарником пушек. Выскочила пехота с примкнутыми штыками, ударили лихие казаки.

Поспешили янычары на корабли, оставляя убитых, эскадра турок отошла в море.

Апраксин, наблюдая за их маневром, кивнул Крюйсу:

— Бери пять выпелов и припугни турок. Токмо далеко не суйся, но дай им знать нашу прежнюю хватку.

Турецкая эскадра, не ввязываясь в бой, ушла далеко за горизонт — и неделю турки не приближались к берегам.

Апраксин повеселел, теперь турки не сунутся. Как дела на суше? Давно нет вестей от царя.

Неожиданно рано утром Апраксина разбудила пушечная стрельба. Выскочив на палубу, он нахмурился. Издали, распустив паруса, медленно приближалась турецкая эскадра. Пушки палили непрерывно, но ядра не вспенивали воду.

— Холостыми палят, — хмуро проговорил Апраксин, — не к добру это.

Отделившись от эскадры, в гавань медленно, выки-

нув белый флаг, входила турецкая галера под вымпелом капудан-паши.

Подобрав полы халата, ловко поднялся по трапу капудан-паша. Лоснившееся от загара лицо турецкого флагмана сияло открытой улыбкой. Казалось, он спешит кинуться в объятия своего недавнего врага...

«С чего бы его?» — недобро вдруг заглодело внутри у Апраксина.

— Мой достопочтенный адмирал, — после взаимных приветствий начал без обиняков гость разговор через толмача. Он вынул сверток бумаги и протянул Апраксину. — Только что я получил фирман. Наш султан и ваш царь заключили мир. Война закончена без пролития крови. — С лица турка не сходила улыбка, а в глазах светилось затаенное торжество. Он вдруг поднял обе руки и обвел ими вокруг, кивнул на побережье, повернулся в сторону далекого Азова. — Теперь и навсегда все это принадлежит высокочтимому султану.

Недоумевающий Апраксин развернул лист. Как в тумане вчитывался он в полученное известие: *«Возвратить туркам Азов, уничтожить крепости в Таганроге, Каменном затоне, Самаре, уничтожить все корабли флота...»*

Подняв голову, смотрел пустым взором мимо улыбающегося капудан-паши. «Што стряслось-то? Одним махом все труды насмарку? Ножом по живому телу! Кровушки-то сколько пролито, живота положено!» Протянул фирман турку.

— Мне не ведомо сие. Покуда от государя указ не поступит, действий никаких предпринимать не стану. — Кивнул головой, разговор, мол, окончен.

Согнав улыбку, так же ловко подхватив полы халата, капудан-паша быстро спустился по трапу, явно недовольный приемом.

Глядя вслед удаляющейся шлюпке, Апраксин вдруг подумал о Петре: «Воевал бы у моря, как Досифей завещал. А то ринулся очертя голову в омут. — За-

першило в горле, закашлялся. — А ежели сие все правда?..»

На этот раз обыкновенно осторожный царь промахнулся, забыв поговорку: «Не ставь неприятеля овцою, ставь его волком».

Битва с турками в излучине Прута могла бы привести и к успеху русских войск. Но, не зная всех сил и настроения неприятеля и опасаясь разгрома, Петр, быть может, сдрейфил. К тому же он больше прислушивался к Шафирову и Екатерине Алексеевне, чем к генералам.

А русские полки рвались в бой, готовые сражаться до последнего, насмерть. В неприятельском же лагере янычары, измотанные боями, роптали...

Апраксин, получив наказ царя все сделать по договору с турками, при этом излил душу Федору: *«... и тако тот смертный пир сим окончился, которое хотя и не без печали есть, лишиться сих мест, где столько труда и убытков положено, но однако ж чаю сим лишением другой стороне великое подкрепление, которое не сравнительною прибылью нам есть»*.

С болью в сердце уничтожали корабли — разбирали, сжигали. Некоторые добротные, как «Предистинация», «Ластка», продавали туркам за десятки тысяч червонцев.

Многие галеры Крюйс повел по Дону в Черкассы.

После нового года Апраксин передал туркам Азов, спустя месяц взорвал крепость Таганрог. Окончилось его Азовское воеводство. Теперь и Воронеж ни к чему.

Все его заботы, президента Адмиралтейства, нынче о Северных верфях, где на стапелях сооружают фрегаты и галеры для Балтики. Ему, генерал-адмиралу, предстоят схватки на море со шведами. Но построить самый мощный корабль, линейный, не так-то просто, нужно два-три года. Еще не спущен на воду первый линейный корабль «Полтава», а у шведов сила на море, больше двух десятков линкоров.

Время не ждет, и накануне Прутского похода царь инкогнито послал в Европу лучшего корабельного мастера, капитана Федора Салтыкова. Ему предстояло тайно закупить и отправить в Россию линкоры. Отправляя Салтыкова, Апраксин поручил ему и присмотреть за племянником, недорослем Александром, который обучался мореходству в Голландии. Десять лет минуло после кончины супруги, а Апраксин так и остался вдовцом. Щедрый на заботу о людях, он теперь заботился о своих племянниках...

Кампания 1713 года началась активными действиями в Финляндии. Галерному флоту, войскам под командой Апраксина, надлежало очистить весь северный берег Финского залива.

В конце апреля Петербург пришел в движение. Готовились к выходу 200 галер, скампавей, бригаantin, шестнадцать тысяч войск.

В первых числах мая галерный флот в двести вымпелов под флагом генерал-адмирала Апраксина поднял якоря. Авангардом головной колонны командовал контр-адмирал Петр Михайлов, как велел именовать себя царь.

Первый бросок десант произвел в Гельсингфорс, овладел им, но вскоре пришлось отступить. Шведы всю зиму готовились к бою и встретили русских яростным шквалом огня. Но бригадир Чернышев с ходу бросил в атаку морскую пехоту, шведы не выдержали и отошли.

Шведа заставили-таки откатиться на запад, без боя сдать Лиллье Гельсингфорс. Флот получил надежную базу на финском берегу.

В конце августа войска вышли к берегам Вотнического залива, заняв порт Або. Но галерному флоту преградила путь грозная шведская эскадра у полуострова Гангут. Пришлось на зимовку возвращаться в Гельсингфорс.

Весной 1714 года шведское правительство, зная от разведки об усиленных приготовлениях русскими

большого галерного флота и мощного корпуса для крупных десантных высадок на побережье Швеции, выслало в апреле 1714 года ко входу в Финский залив под командованием адмирала Ватранга эскадру в составе 16 линейных кораблей (от 60 до 70 пушек каждый), 2 бригантины (16-пушечных), 2 бомбардирских кораблей и 8 галер. 25 апреля шведская эскадра заняла позицию у полуострова Гангут, чтобы преградить русским путь в Або-Аландские шхеры.

9 мая галерный флот в числе 99 полугалер и скампавей с 15 000 человек десантных войск под командой генерал-адмирала Апраксина вышел из Петербурга для следования по шхерному фарватеру в Або. Дойдя до Котлина, суда принуждены были остановиться, так как залив еще не совсем очистился от льда. 20 мая 1714 года, после получения известия, что в шхерах нет льда, галерный и корабельный флот вышли от Котлина к Березовым островам.

Галерный флот с десантным корпусом под командованием генерал-адмирала Апраксина должен идти к Або для совместных действий с корпусом князя Голицына, находившимся в Финляндии. Корабельный флот под командованием Петра I (9 кораблей, 4 фрегата, кроме того, 9 бригантин и 9 скампавей, отделенных от эскадры генерала адмирала Апраксина) после проводки галерного флота до Березовых островов должен был идти в Ревель. 11 июня галерный флот прибыл на Гельсингфорсский рейд. Здесь была сделана десятидневная остановка, необходимая для выгрузки на берег провианта и ремонта судов. Закончив работы, галерный флот вышел 24 июня из Гельсингфорса и через три дня прибыл в Поэ-Кирке. Оставив здесь бомбардирские корабли и 23 скампавей и выгрузив часть провианта, генерал-адмирал Апраксин перешел с остальными судами в Тверминнскую бухту. Дальнейший путь оказался невозможным, так как у самой оконечности Гангутского полуострова стоял шведский флот под командованием адмирала Ватранга.

Вынужденная остановка галерного флота в Твермининской бухте лишила войска князя Голицына, находившиеся в районе Або, не только непосредственной поддержки галер, но и боезапаса и продовольствия.

В дни летнего солнцестояния галерный флот Апраксина обосновался в Твермининской бухте. Вдали, у мыса Гангут, растянувшись цепочкой, угрожающе чернели громады линейных кораблей шведов.

— Слава Богу, — перекрестился Апраксин, сняв шляпу и вытерев пот со лба, — хоть здесь упредили шведа, и то ладно. — Он вскинул подзорную трубу, подзвал Змаевича: — Значит, так, капитан-командор, скампавеями нам здесь покуда не пробиться. Потому себя надобно обезопасить. Соорудим батарею на берегу, сюда шведы по мелководу не сунутся. Пошлем го-еударю эстафету, надобно кораблями помочь. Не худо бы диверсию против Ватранга совершить, отвлечь его, а мы на скампавеях прорвемся. Снаряжай добрых матросов на шлюпку, пойдем с тобой шхерами, своими очами все узорим.

Уточнив дислокацию шведов, в тот же вечер Апраксин отправил с бригантиной донесение царю в Ревель. Сообщил состав эскадры шведов, донес о сооружении батарей на Гангуте, просил отвлечь Ватранга.

Не раз промерил Апраксин за две недели все скрытые фарватеры в шхерах, наметил маршруты для скампавеи, установил пушки напротив шведской эскадры. Даже послал привет шведскому адмиралу: отвозили шведов, плененных на берегу.

«В 7-й день, поутру, — записал адъютант в журнале генерал-адмирала, — шведские арестанты, один пастор да 153 человека урядников и солдат отправлены к неприятельскому флоту с капитаном Лукою Демьяновым, и приказано оному капитану по прибытии... учинить сигнал с шлюпки из единой пушки.

В 8-й день вышеописанный капитан, передав пленных, возвратился к флоту...»

— Пускай шведский адмирал в ус не дует, — хитро шурился Апраксин, поглядывая на зеркальную поверхность залива. У него постепенно созрел новый замысел, который он высказал на военном совете.

— Размыслил я, что ныне-то штиль полный бывает, а нам на руку. Ватранг, подобно ленивому коту на солнце-пеке, не шевелит парусами. Мы на скампавеях мимо его пробьемся, нам бы токмо щель найти и уйти в море подальше. Отпишу-ка о сем государю. А прежде схожу к Гангуту, досмотр учиню.

Журнал генерал-адмирала отметил: *«В 14 день г. адмирал с гг. генералами ездили на шлюпке для осмотра неприятельского флота, и перед полуднем, прежде возвращения их к флоту, прибыл на скампавее из Ревеля с письмом от Ц.В. капитан-командор Сиверс, с ним инженер-майор Люберас и несколько штурманов».*

— Государь повелел мне примерить фарватер для кораблей эскадры, — доложил Сиверс генерал-адмиралу, — он подумывает о подмоге вам.

— Сие приятно, — вскинув брови и вздыхая, с некоторой досадой проговорил Апраксин, — но токмо когда сбудется сие? Времецко-то ускользает, как знать, швед бы не очухался...

Море велико, в одном краю штилет, на другом конце штормит... У Ревеля неделю сквозняком свистел северный противник. С попутным ветерком пришла бригантина от Апраксина. Прочитав донесение, царь про себя похвалил генерал-адмирала: «Бдит, блюдет врага Федор». Тут же приказал изготовить фрегат. Ветер переменится, надобно спешить к Гангуту.

Вскоре на фрегате «Святой Павел» из Ревеля прибыл царь. Он одобрил все действия и замыслы Апраксина. Осмотрев окрестности, Петр I задумал перетащить легкие галеры через узкий перешеек полуострова. Солдаты начали строить переволоку, но шведы проведали о хитрости царя. Адмирал Ватранг отправил вокруг Гангута к месту переволоки в Рилакс-фиорд отряд шаутбенахта Эреншильда. Сотня корабель-

ных пушек должна была уничтожить русские галеры при спуске на воду. Узнав об этом, Петр I вспомнил о задумке Апраксина.

Утренняя дымка 26 июля 1714 года нехотя рассеивалась, открывая морскую даль...

Петр шел на галере Змаевича, шарил по горизонту подзорной трубой. Часть шведских кораблей отошла далеко в море. Цепочка блокады разорвалась. Петр I скомандовал Змаевичу:

— Сейчас у нас превосходство в маневре и пушки шведа не страшны. Обходи их, огибай полуостров и поспеши к тому отряду у переволоки, запрем шведу выход.

Когда шведы встрепнулись и загрохотали пушки шведских кораблей, было уже поздно. Дальше события следовали по плану Апраксина. *«Когда г. генерал-адмирал усмотрел, что наши 20 скампавей прошли, тогда дан указ бригадиру Лефорту, капитанам Дежимону и Грису, чтобы они на 15 скампавеях за первыми следовали, и по тому указу оные исполняли»*. Пятнадцать скампавей Лефорта устремились проторенной дорогой.

Шведы между тем спустили шлюпки и начали разворачивать исполинские корабли в сторону моря. Но Ватранг упустил время и не успел. Апраксин воспользовался очередной ошибкой неприятеля. Флигель-адъютант исправно вел запись в журнале генерал-адмирала. *«И неприятель... трудился, корабли снова буксировали. К тому же начался быть малый ветер, что более неприятелю дало способ; и шли к нашим скампавеям, и из пушек довольно стреляли. Однако ж наши, несмотря на то, шли на гребле зело порядочно. В шхеры вошли и с первыми случились благополучно»*.

Теперь шведы сплошали еще раз. Ватранг отошел мористее, освобождая прибрежный фарватер.

Адмирал кинул мимолетный взгляд на восток. Там уже забрезжила алая полоска рассвета.

— Поднять синий флаг! С Богом, братцы! Навались!

Почти семь десятков скампавей ринулись на прорыв.

«Наш генерал-адмирал положил, что со всем гребным флотом пробиться сквозь неприятеля... В 4-м часу пополудни пошли все скампавеи одна за другой: в авангарде шел г. Вейд, за ним следовал г. генерал-адмирал, потом арьергардии генерал князь Голицын. И когда неприятель наши скампавеи усмотрел... стреляли из пушек жестоко... Однако ж... наши скампавеи прошли счастливо и так безвредно, что только одна скампавея стала на камень...»

Вся гребная флотилия Апраксина в полдень 27 июля 1714 года стояла перед входом в Рилакс-фиорд. Эскадра контр-адмирала Эреншильда, фрегат, 9 галер с сотней пушек и тысячью солдат на борту оказались наглухо заблокированной. Апраксин осмотрелся и принял решение: «Г. генерал-адмирал учредил флот к бою последующим образом: от авангардии под командою шаутбенахта корабельного (царя. — Ред.) и генерала г. Вейда, с правой стороны для абсордирования неприятельских галер на 9 скампавеях помянутый г. генерал Вейд и капитан-командор Змаевич; с левой стороны столькими же скампавеями генерал-адъютант Ягужинский... Было направлено предложение к командующему... шведскою эскадрою шаутбенахту Эреншильду, чтоб... отдался без пролития крови».

Эреншильду пришлось выслушать русского парламента генерал-адъютанта Ягужинского:

— Главнокомандующий генерал-адмирал Апраксин предлагает капитулировать, чтобы избежать потери крови.

Для Эреншильда такой исход событий казался оскорбительным.

— Адмиралы его королевского величества еще ни перед кем не спускали флаг...

Наступил решающий этап сражения.

«Г. генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей оною атаковать... Атака началась 2-го часа пополудни и продолжалась до 5-го часа... Хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако

ж по зело жестоком сопротивлении перво галеры, одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили... Того же числу, кой час она баталия окончилась, без всякого медления... генерал-адмирал учинил сигнал идти со всеми судами... к Гангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить...».

Адмирал Ватранг не стал испытывать судьбу еще раз. Эскадра в тот же день снялась с якорей и ретировалась. Настала пора думать об обороне. Русский флот нацелился на берега Швеции...

— Воистину, нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, — восхищался Петр после боя. — Все, братцы, бывало, — сказал Петр, рассматривая шпагу шведского адмирала, — брал я шпагу у генерала и фельдмаршала, а вот адмирала флота в полон впервые приглашаю. Дай Бог, не последнего!

В тот же день царь повелел объявить о славной победе всей России.

«Всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо по много дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благоволил, бывшею викториею вас поздравляем, извольте немедленно напечатать и с сим посланным довольное число отпустить в Москве и по губерниям».

Спустя неделю Андреевский стяг флагмана флота Апраксина реял у Аландских островов. Финляндия была отвоевана. А еще через месяц адмирал отправился к берегам Швеции и высадил первый десант на ее берегу у города Умео.

В Стокгольме панически заматались советники короля, никто не ожидал такого внезапного поворота событий. На исконную землю короля Карла XII ступила нога русского солдата...

В Стокгольме горевали, а Петербург праздновал морскую викторию.

«Государь желал почитать Гангутское сражение наравне с Полтавским».

Отныне галерный флот безраздельно господствовал в Северной Балтике, а корабельный, парусный наращивал силы в Ревеле. В предзимье эскадры возвращались в свои базы, в Гельсингфорс и на Котлин.

Апраксин зимой продолжал верховодить судостроением на верфях, подготовкой к предстоящей кампании.

Весной 1715 года шведская эскадра пыталась взять реванш, обстреляла корабли в Ревельской бухте, но, получив отпор, отступила. А в июне на рейде появился англо-голландский флот под командой английского адмирала Норриса. Апраксин достойно встретил неожиданных гостей. Те объяснили, что конвоируют сотни своих купеческих судов в Петербург. На следующий год Апраксин командовал набеговыми операциями на шведское побережье.

Кампанию 1717 года Апраксин встретил в должности президента Адмиралтейств-коллегии. Под его начальством эскадра из 17 линейных кораблей и фрегатов успешно высадила большой десант на о. Гогланд в Южной Балтике.

Набеговые операции флота с десантами на шведское побережье вынудили шведов приступить к мирным переговорам. Поражение шведской эскадры в Гренгамском сражении 27 июля 1721 года заставило шведов подписать Ништадтский договор.

«Николи наша Россия такого мира не получила», — объявил император.

За победу ему присвоили звание адмирала. Генерал-адмирал Апраксин за особые заслуги был первым персонально удостоен права поднимать в море кейзер-флаг, знак флагмана флота высшей степени.

Кейзер-флаг развевался по ветру в следующую, 1722 года, кампанию, на гафеле командующего Каспийской флотилией генерал-адмирала Апраксина. Начался Персидский поход. Авангардом командовал младший флагман, адмирал Петр Михайлов...

Поход закончился успешно, Россия присоединила к своим владениям Баку и Дербент.

Без передышки Апраксин, по указанию Петра I, начал готовить экспедицию к Мадагаскару и на Тихий океан. Первая не удалась, а вторую Апраксин отправил в Охотск, накануне кончины Петра I. Федор Апраксин оставался единственным приближенным, кому доверял император безраздельно до своего последнего часа...

Весной 1725 года Апраксин вывел эскадру в море. На горизонте маячили английская, шведская, датская эскадры. Прощупывали силу русских моряков после смерти создателя флота. Апраксин остался недоволен подчиненными. Возвратившись в Кронштадт, пенял капитанам: *«Мало что не все корабли непорядочно и своему командиру флагману не следовали; даже в боевом строю некоторые капитаны шли не так, как по морскому искусству довлеет»*.

Императрица Екатерина I не скупилась на придворные балы, а для содержания флота денег не было. Это сказалось весной 1726 года. Английская эскадра в двадцать два вымпела появилась у Ревельской бухты. Апраксин, назначенный членом Верховного тайного совета, проверил готовность Кронштадта.

«Нашел крепость в великой неисправности, — доносил он императрице, — а именно: батареи пушками не удовлетворены и во многих местах не готовы». Офицерам не платили жалованье, матросы не доедали. Апраксин срочно передал на нужды флота свои личные две тысячи рублей. Кое-как снарядил корабли, вывел эскадру в море, холостые залпы отпугивали англичан...

1727 год прошел в суматохе. Скончалась Екатерина I, воцарился двенадцатилетний внук, Петр II. Вокруг престола разгорелись распри давних врагов, Меншикова и Долгоруких.

После изгнания Меншикова малолетний Петр II отправился на коронацию в Москву. Вместе с ним следовал и Верховный тайный совет. Апраксин продолжал из Москвы руководить флотом⁶. Его последнее распоряжение слушали в Адмиралтейств-коллегии 24 октября 1728 года. *«Слушано Е.С. генерал-адмира-*

ла, который объявляет, что он о посылке к разлому строящихся в Воронеже до 1710 года кораблей вице-адмирала Сенявина с коллежским мнением согласен».

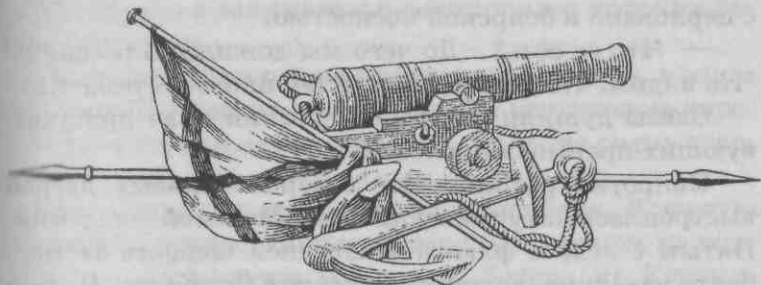
Спустя две недели, 10 ноября 1728 года, Апраксин скончался.

Доброхотный флотоводец завещал свое состояние близким, дворовым людям, церкви и монастырям, отпуская крестьян на волю.

«А прочим моим людям пожаловать награждение годовые оклады в два и по высокой своей милости учинить свободных и пожаловать им всем свободные паи порты».

Четыре десятилетия прожил Федор Апраксин с российским флотом, от колыбели Плещеева озера до эскадр и бастионов на Балтике. Столетие спустя после ухода Апраксина, бывалый моряк, боевой адмирал «лазаревской школы», Ефимий Путятин напомнил слова современника об этом адмирале: *«Благодаря удивительным природным способностям и огромной памяти он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает авторитет свой как генерал-адмирал на посту при своевольном правителе».* И можно прибавить слова самого Апраксина: *«Совершал это по силе ума своего, радостным сердцем и с чистой совестью».* Похоронили генерал-адмирала с великим почетом в храме Златоустовского монастыря, как он завещал: там, «где лежат косточки моих родителей». Минуло два века, и ураган 1917 года разметал храмы и монастыри, стер с лица земли и памятное место последнего прибежища Федора Апраксина. А неблагодарные потомки-москвичи до сих дней не чтят память своего знаменитого земляка. Первого, вместе с Великим Петром, подвижника и создателя морского могущества России, первого командующего флотом державы, генерал-адмирала Федора Апраксина.

Пора бы вспомнить и воздать ему должное!

Григорий Спиридов

ожалуй, никто из прославленных русских флотоводцев не начинал службу на флоте малолетком в десятилетнем возрасте.

Григорий Спиридов родился в 1713 году⁷ в эпоху зарождения русского флота, в Петровскую эпоху...

Весна 1725 года только начиналась. Мартовское солнце тускло отсвечивало от куполов церкви и собора Петропавловской крепости. Порывы ветра доносили с залива запахи подтаивающего льда. Трепетали приспущенные флаги кораблей, стоявших у достроенной стенки Санкт-Петербургского Адмиралтейства. Неслышно шелестели траурные ленты склоненных знамен гвардейских полков. В скорбном молчании замерли батальонные каре на крепостной площади.

В Петропавловском соборе отпевали императора Петра I. Из распахнутых настежь дверей собора доносился громовой голос Феофана Прокоповича. Тяжело переживал утрату Феофан. Близкий товарищ и соратник Петра в делах просвещения, глава «ученой дру-

жины», он был надежным помощником его в борьбе с церковной и боярской косностью.

— Что се есть?... До чего мы дожили, о россияне! Что видим, что делаем? Петра Великого погребаем...

Слезы душили Феофана, громкий плач присутствующих прерывал проповедь.

Напротив распахнутых створок боковых дверей выстроилась штурманская рота Морской академии. Пятым с левого фланга в передней шеренге застыл, будто изваяние, волонтер Григорий Спиридов. Поднимая слезящиеся глаза, он провожал взглядом редкие облака, гонимые ветром с залива. Будто парил в них ангел со склоненной головой, пытаясь взлететь с острия шпиля собора. Подобно этим облакам появлялись и исчезали в его голове видения недавнего прошлого...

Ему не было и пяти лет, когда впервые услышал он рассказы отца, майора-преображенца, о славных делах русских моряков при взятии крепости Выборг. Потом, среди других, мальчик накрепко запомнил два имени — царя Петра и Наума Сенявина. А до этого жил он с матерью у дяди своего Никона Спиридова, в деревне, неподалеку от Клина. В ту пору продолжалась война со шведами. В Выборгском заливе еще случались стычки с врагом. Жить в крепости, где отец служил комендантом, было далеко не безопасно. С севера шведы постоянно устраивали диверсии.

Когда шведов прогнали окончательно и стало потише, мать с Гришей и двумя братьями его приехала к мужу. Старший брат Василий, одиннадцати лет, сразу пошел служить волонтером на флот, плавал на кораблях Котлинской эскадры. Когда он приезжал на побывку и восторженно рассказывал о разных переделках морской службы, озорные карие глаза Гришутки загорались и восхищенно смотрели на брата. Вслед за Василием и отец в который раз принимался вспоминать о своей первой встрече с государем на Плещеевом озере, первых кораблях военной флотилии. Однажды у них гостил боевой товарищ отца, капитан

Паум Сенявин. До глубокой ночи просидели братья, вслушиваясь в занимательные истории о морских боях со шведами...

Однажды Василий не приехал на побывку, а вскоре пришло известие, что он погиб в штормовом море. И тогда задумал идти в моряки Гриша, на смену старшему брату...

Две кампании отплавал он на кораблях. В первую кампанию посчастливилось ему быть с отцом на торжествах чествования государева ботика на Котлинском рейде. А спустя две недели отец взял его на церемонию закладки новой крепости на Котлине. Перед этим несколько дней лил проливной холодный дождь над островом, куда на кораблях были доставлены именитые жители столицы, иностранные послы и другие высокие гости.

Утром 7 октября 1724 года три пушечных выстрела с прежней крепости Кроншлот возвестили сбор. Промокшие насквозь священники отслужили молебен. Петр взял три куса дерна и уложил их на то место, где должна была подняться крепостная стена. За ним последовали императрица и иноземные послы. Вновь грянули пушки, возвещая о рождении Кронштадта.

Перед подернутыми грустной пеленой глазами Григория Спиридова все это промелькнуло в одно мгновение. Гулкие возгласы конца проповеди неслись из собора.

— Оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам. Какову он Россию сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любимая и будет; сделал врагам страшною, страшна и будет, сделал на весь мир славной, славна и быти не перестанет...

«А теперь Петра не стало, что-то будет...» — успел подумать Гриша, и тут же раздался залп крепостных орудий, затрещала ружейная пальба.

Спустя неделю на престол взошла жена Петра — Екатерина I (Марта Скавронская).

Первые месяцы после смерти Петра флот еще жил по его канонам, писаным и неписаным правилам. Гигантский маховик обновления России, запущенный могучим гением, еще не успел заметно сбавить обороты. Но в государственном механизме уже слышны были скрипы, постепенно тормозившие его движение.

Строгий регламент, определенный для строя кораблей, основа флотской организации, стал нарушаться все чаще. В первую же кампанию без Петра, в 1725 году, многие корабли в совместном плавании не выдерживали диспозиции, сигналы флагмана исполняли медленно, а иногда, что самое страшное для боевого строя, не выполняли вовсе. То ли по небрежности, то ли по нерадивости. Сказывалось также то, что еще многими кораблями командовали иностранцы. «Плуты», как звал их Петр, боялись его гнева и служили в большинстве своем не за совесть, а за страх. Прежде все это понимал Петр и уже в 1722 году издал указ о приеме в морские школы только русских подданных. Но и эту поросль надо было пестовать...

На нужды флота отпускалось все меньше и меньше средств. Резко сократилось строительство кораблей. Галерный флот значительно уменьшился, а новые галеры почти не строили. Старые корабли приходили в ветхость, гнили... Адмиралтейство хирело, забывалось и терялось все созданное при Петре I...

Еще в большей степени петровскую дисциплину в армии и на флоте, основанную на строгой справедливости: «Что посеешь, то и пожнешь», поколебали привычки ставить выше всего протекцию и связи...

Минуло три года. Екатерина скончалась, ненадолго пережив супруга.

На престол вступил двенадцатилетний внук Петра Великого, Петр II. Вскоре впал в немилость и был сослан в Сибирь Меншиков. Двор покинул Петербург и переселился в Москву. Туда же переехал и генерал-адмирал Апраксин, возглавлявший Адмиралтейств-

коллегию. Флот явно терял свое прежнее значение, а нем попросту забыли.

Штурманская рота Морской академии, в которой эти годы обучался Григорий Спиридов, была основана в 1715 году. Изучали там арифметику, геометрию, пушечное дело, а главное — мореходное искусство. Кроме наук обучали фронтовой службе в строю. Начальствовали над воспитанниками гвардейские офицеры. В летние кампании они находились в плавании на боевых кораблях эскадры.

Григорию повезло уже в первой кампании. Его назначили на линейный корабль «Святой Александр», которым командовал капитан-командор Бредаль, один из боевых офицеров Петра I. От внимания Бредали не ускользнуло усердие и расторопность юного воюнтера.

На корабле моряки строго придерживались Морского устава Петра: «Всякий человек, когда ни спрост, должен знать свою должность и место». В бою они старались следовать петровскому завету — «порядки писаны, а времен и случаев нет». Пять лет, пять кампаний... Нелегкие ступени вели к желанной цели — званию мичмана офицера флота. Последнюю, самую трудную гардемарин Спиридов одолевал самостоятельно, вдали от столицы, на Каспии.

...Июньским днем 1728 года сухой, жгучий ветер, поднимая тучи песка, ворвался на пустынные улочки Астраханского порта, гудел в саманной крыше двухэтажного деревянного здания Адмиралтейства. В небольшую комнату адмиралтейского начальника, капитан-командора Мишукова, вошел гардемарин Спиридов.

Сорока пяти лет от роду, Захарий Мишуков в молодости слыл способным моряком, первым из русских командовал фрегатом. Петр жаловал его и приблизил к себе. В Петербурге Захарий прославился после следующего случая. На одном из пиршеств в Кронштадте, любивший выпить Мишуков сидел рядом с Петром и, сильно захмелев, вдруг заплакал.

— Чего, дурень, слезы льешь? — спросил удивленно царь.

Всхлипывая, Захарий ответил:

— Нынче, государь, твоими заботами столица и крепость на Неве сподоблены, добрый флот ты завел, а здоровье-то свое подрываешь. Ежели что стрясется, на кого ты нас покинешь?

— Как на кого? — изумился Петр. — У меня есть наследник, царевич Алексей.

— Ох! Да ведь он глуп, все расстроит, — выпалил вдруг Мишуков, и все за столом оцепенели.

Петр слегка побледнел, заиграл желваками. Такое он слышал впервые.

Усмехнувшись, треснул Мишукова по голове:

— Дурак! Этого при всех не говорят.

Для Мишукова все обошлось. Через год он женился на племяннице Меншикова, стал его приближенным. Когда светлейшего лишили «всех чинов и кавалерии», сослали в Березов, Мишуков очутился в опале и был удален в Астрахань...

С жадностью расспрашивал Мишуков о петербургских новостях. Сконфуженный Спиридов толком не знал ни о придворных пересудах, ни о переменах во флотском начальстве.

— Мы тут, гардемарин, с краю России векуем. Служба — не чета Кронштадту, тем паче Петербургу. Да и Каспий не финские шхеры.

Мишуков подошел к распахнутому одностворчатому окошку. С Волжской дельты тянуло прелым. Задувал, швыряя песчинки, «холостяк». Спиридов внимательно вслушивался в каждое слово капитан-командора.

— Задует день-другой, и в море не выйдешь — волна крутая, бешеная... Ну, да мы пообвыкли, море, оно море и есть, трусливых не терпит. Ездить морем, не брезговать горем. Все на виду. — Отошел от окна, с улыбкой посмотрел на Григория: — Вам, гардемарин, нынче же предписание на гекбот «Святая Екате-

рина», в помощники мичману Пустошкину. Он две кампании отплавал. А там, дай Бог, — Мишуков дружески кивнул головой, — капитаном станет.

Спиридов смущенно переминался с ноги на ногу.

Начались будни флотской службы. Гекбот круглый год снабжал гарнизоны в Баку и Дербенте. Вozил солдат, продовольствие, снаряжение. Бот вооружен был четырьмя трехфунтовыми пушками.

Плавания длились не менее месяца при благоприятной погоде. Когда же задували ветры и сильно штормило, поход растягивался на два-три месяца. Военные действия в тех местах были давно приостановлены, сразу после смерти Петра I. Однако персы, подстрекаемые французскими «наставниками», стали грабить нунческие суда. Для их конвоирования тоже привлеклись два-три гекбота с фрегатом. К тому времени русское влияние в Закавказье и Персии год от году слабело.

Довелось Спиридову столкнуться с генералом Румянцевым, сподвижником Петра Великого. Четвертый год, выполняя наказ императора, обустроивал генерал Румянцев по кавказским хребтам границу с Турцией и Персией.

Все бы ничего, но после кончины Петра Алексеевича беспокойно стало на душе у Румянцева. Затрепала власть в столице. Меншиков распоясался, графа Петра Толстого, доброго друга Румянцева, который разменял девятый десяток, упек на Соловки и сам загремел в березовскую глушь.

Пришлось ему, Румянцеву, в здешних краях, почитай, четыре года не видеть семью, дочерей да сына. С другого боку на троне утвердился Петр Алексеевич, а его отца цесаревича Алексея Румянцев в свое время под конвоем привез из Неаполя к царю Петру. Что ждет его, Румянцева, в столице?

Недавно дошли слухи, что лишили Румянцева былых поместий, отобрали двадцать тысяч холопов, пожалованных Петром Великим.

Румянцева осенью вдруг прихватила лихорадка в Астрабаде. Велел везти себя в Решт, а оттуда на почтовом пакетботе хотел добраться в Баку, но разыгрался сильный шторм, укрылись в Ленкорани. Отсюда послал записку Мишукову прислать судно понадежней для переезда в Баку.

Минула неделя, и утром на рейде появился долгожданный посланец из Астрахани. Зеркальная гладь моря предвещала устойчивую хорошую погоду, редкую для этого времени года.

Спиридов ошвартовал гекбот у небольшой пристани, а на берегу его, нетерпеливо прохаживаясь, уже ожидал Румянцев.

Предупрежденный о требовательном генерале, Спиридов в парадной форме четко представился и отрапортовал о прибытии.

Завидев гекбот, Румянцев обрадовался, понравились ему и уверенные маневры судна при подходе к берегу.

Но сейчас, слушая рапорт капитана, он досадно морщился, сердито думал: «Надо же этому мокроступу Мишукову прислать какого-то мальчика, в Астрахани небось десяток капитанов».

— Ваше высокопревосходительство, дозвоьте доложить! — отдав рапорт, звонко, без смущения, продолжал молодой капитан.

Румянцев, хмурясь, недовольно кашлянув, кивнул головой.

— Нынче на море благодать, но сие может враз перемениться. Весьма желательно нам отсюда выбраться, не мешкая.

«Еще будет мне советовать какой-то гардемаринишка», — раздражался Румянцев.

— Мною отряжено полдюжины матросов для оказания всяческих пособий вашему высокопревосходительству, — продолжал напирать Спиридов.

«Пожалуй, он говорит дело, — несколько остывал генерал, — чем черт не шутит. Завтра ураган поднимется — сиди в этой дыре».

— Добро, давайте ваших молодцов, мои денщики не справятся.

Спиридов лихо щелкнул каблуками, вскинул руку...

С борта «Святой Екатерины» один за другим ловко сбегали по трапу по форме одетые шесть моряков во главе с сержантом.

«Видимо, у этого гардемарина команда настропа-лена». Румянцев понемногу приходил в хорошее настроение.

Спустя три часа «Святая Екатерина» вышла в море.

Слева со стороны гор едва заметно потянуло ветерком. Начал давать о себе знать ночной бриз.

Взяв курс на Баку, Спиридов теперь больше тревожился за ветер, как бы он не стих. Паруса с подобранными втугую шкотами слегка наполнились бризом.

Румянцев вначале, кутаясь в бурку, расположился на юте, но потом ушел в каюту.

Специально назначенный матрос только и занимался тем, что раздувал угли в самоваре. Денщик предупредил, что генерал каждую минуту требует чай, его постоянно лихорадило.

Оказалось, Спиридов тревожился зря. К полуночи ветерок посвежел, море зарыбило и гекбот прибавил ходу. В полдень следующего дня «Святая Екатерина» ошвартовалась у пристани в самой удобной части Бакинской бухты, у Баилова.

Румянцев покидал судно с довольной физиономией и не удержался, спросил Спиридова:

— Годков-то тебе сколько?

— Шестнадцатый пошел, ваше высокопревосходительство.

— Отпиши Мишукову, что я тобою доволен.

Расставаясь с генералом, Григорий Спиридов не думал не гадал, что четверть века спустя военная стена сведет его с сыном Румянцева.

В январе 1732 года Румянцевым был подписан русско-персидский договор, по которому все прикаспийские земли и города отошли к Персии. Кончилась

кампания, Спиридов получил приказ убыть к новому месту службы — в Кронштадт. В декабре 1733 года Григорий Спиридов девятнадцати лет от роду произведен был в первый офицерский чин — в мичманы. Отплавал он к тому времени на море десять кампаний.

С 1733 года молодой мичман ежегодно плавал с эскадрой из Кронштадта в Ревель. Всюду, где служил Спиридов, инициатива, морская выучка подчиненных разительно отличали его матросов от команд других кораблей.

Но флот продолжал пребывать все в том же печальном состоянии хилости, никак не отвечавшем ни роли, ни положению России. Тому подтверждением стала осада Данцига.

Множество испытаний для России испокон веков приносили хитросплетения внутренней жизни ее неспокойного западного соседа — Речи Посполитой. Устрашаясь мощи возрожденной России, Франция усиленно начала интриговать против русских, используя при этом внутренние распри поляков. После смерти в 1733 году вероломного в отношениях с Россией Августа II французский король Людовик XV решил возвести на престол своего тестя Станислава Лещинского. Против него выступили сторонники Августа III, которых поддерживала Россия. Станислав бежал в Данциг, ожидая помощи французской эскадры и десанта. Русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Миниха осадили Данциг. Для поддержки Миниха весной 1734 года было решено отправить Кронштадтскую эскадру. На одном из кораблей эскадры служил мичман Спиридов.

К Данцигу эскадра подошла на рассвете 1 июня 1734 года, когда французский флот, высадив десант, покинул Балтику. Эскадра начала обстрел оставшегося на рейде отряда кораблей французов, крепости Вексельмюнде и лагеря десанта французов.

Две недели спустя французский десант, крепость

и три французских корабля сдались русским, Станислав бежал из Данцига.

Несмотря на успех, первый после Петра поход эскадры на Балтике принес мало радости кронштадтским морякам. В их среде в открытую говорили о ветхости судов и ненадежности вооружения, особенно орудийных станков и самих стволов.

Два года, невзирая на рутину и равнодушие, Григорий ревностно правил службу, сходиллся с такими же, как сам, молодыми офицерами, оберегающими славные петровские устои. Тем временем обострялись отношения с Турцией. Ее вассал, крымский хан, по приказу султана разбойно напал на южные границы России, и русская армия готовилась дать отпор, чтобы вернуть захваченные земли.

Начавшаяся весной 1736 года осада Азова была безуспешной, пока на помощь армии не пришла Донская флотилия вице-адмирала Бредаля. Это был тот самый Петр Бредадь, что командовал линейным кораблем «Святой Александр», на котором плавал первую кампанию десятилетний волонтер Григорий Спиридов.

Основным правилом Бредаля оставался петровский девиз: «Во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть». Два десятилетия тому назад по этому правилу молодой капитан в отчаянной борьбе захватил у берегов Курляндии три шведских капера и привел их в Петербург. Спустя месяц с четырьмя фрегатами совершил дерзкий рейд в стокгольмские шхеры и захватил «языков из морских людей».

Назначенный командовать Азовской флотилией, Бредадь, бывая в столице, тщательно присматривался к молодым офицерам Кронштадтской эскадры, подыскивая себе адъютанта. В те времена эти обязанности вменяли быть первым помощником своего командира, быстро и четко доводить его приказы в бою, следить за их исполнением. Годы брали свое, и Бредадь искал се-

бе не только расторопного сподручника, но и восприемника в делах.

Вспомнил-таки Бредаль вихрастого, белобрысого юнгу-волонтера, да и сам вице-адмирал Наум Сенявин присоветовал.

Две кампании находился на кораблях в Азовском море Спиридов, бок о бок со своим боевым командиром.

После взятия Азова Бредаль погрузил на малые суда 14 пехотных полков, доставил их к реке Кальмиусу, а затем переправил на правый берег все остальные войска генерал-фельдмаршала Ласси.

Дело в том, что большие корабли, галеры, построенные для Азовской флотилии, не смогли пройти в море из-за сильно обмелевшего устья Дона, и Бредалю было придано 500 специально построенных лодок-ботов, каждая из которых поднимала 40—50 человек и была вооружена небольшими орудиями.

Спиридов внимательно присматривался к опытному командиру. Бредаль имел в распоряжении только малые суда с небольшой артиллерией, приспособленные для действий на реках. Однако против большого корабельного флота турок — линейных кораблей, фрегатов, галер — он искусно использовал маневры и постоянно держал неприятеля в напряжении.

Донская флотилия успешно взаимодействовала с армией Ласси и снабжала ее всем необходимым вплоть до самой Геничи. Дальнейший путь преградил сильный турецкий флот. Всякое бывало. Один петровский наказ Спиридов уяснил крепко, на всю жизнь. «Порядки писаны, а времен и случаев нет».

Однажды июньской ночью 120 лодок, погрузив всю артиллерию, срубив мачты для маскировки, двинулись к Геничам на помощь Ласси, пытаясь проскользнуть незаметно мимо турок. Сторожевой корабль прошли незамеченными, однако с рассветом прямо по курсу обнаружилась турецкая эскадра, которая, увидев лодки, двинулась им навстречу. Промед-

ление было смерти подобно. Бредаль, шедший в голову, не поворачиваясь, приказал Спиридову:

— Мичман, сей же час все лодки с артиллерией на отмель, — Бредаль вскинул руку к Федотовой косе, — моментом пушки на берег, занять диспозицию по кругу для обороны на пригорке, далее как Бог даст...

Не прошло и часа, как Спиридов, сгрузив с большинства лодок артиллерию, занял не только круговую оборону на случай десанта турок, но и выставил две батареи в сторону моря.

Пока турки раздумывали, успела разгрузиться вся флотилия со всеми припасами, а лодки подтащили к берегу. На другой день свыше тридцати турецких галер пытались напасть на лагерь, но сильный огонь батарей отогнал их. В последующие дни турки безуспешно повторяли атаки. *«...и хотя от них так жестокая пальба и была, однако никакого нам вреда не сделали и никого не убили и не ранили, от нас же по них пальба была им не без вреда, понеже по окончании пальбы в глазах противу нас принужден был один их фрегат себя кренговать»*, — доносил вице-адмирал Бредаль.

И все-таки боевые действия с турками шли на убыль. Не имея поддержки флота, армия Ласси оставила Перекоп. На западе успешно действовала Днепровская флотилия, помогая армии, но и туда пришла беда. На войска и корабли у Очакова и Кинбурна обрушилась чума. Болезнь косила всех подряд. В мае 1738 года скончался командующий Днепровской флотилией вице-адмирал Наум Сенявин. Спасая людей от эпидемии, русские войска и корабли флотилии оставили Очаков и Кинбурн...

На севере проступали явные очертания угрозы войны со Швецией, не примирившейся с жестоким уроком Ништадтского мира.

Указ императрицы Анны Иоанновны о мире с Турцией был одним из последних внешнеполитических актов ее правления и не принес России особой радости.

На Азовском море не разрешалось иметь ни военных, ни коммерческих судов...

Недолго пробыл на троне и сменивший Анну малолетний Иван Антонович, опекаемый матерью, герцогиней Брауншвейгской, Анной Леопольдовной...

В конце ноября 1741 года гвардия возвела на трон дочь Петра Великого, Елизавету.

Первые распоряжения Елизаветы указывали на возврат к порядкам, установленным ее родителем. Сенату возвращались прежнее значение и власть и повелевалось петровские «все указы и регламенты накрепчайше содержать и по ним неотложно поступать». Но корабли не войско, много лет понадобится, чтобы возродить прежнюю морскую мощь России...

Вице-адмирал Бредаль, назначенный командовать Архангельской эскадрой, не преминул в 1741 году добиться перевода к себе Спиридова.

С эскадрой построенных в Архангельске кораблей в 1743 году Спиридов вернулся на Балтику. Четыре кампании он плывал на линейных кораблях эскадры.

В 1747 году по именному указу сопровождал на фрегате «Россия» принца Августа Гольштинского в Киль.

Императрица Елизавета вдруг вздумала навестить Белокаменную, с собой взяла из Адмиралтейств-коллегии докладчика по морским вопросам генерал-кригс-комиссара Михаила Белосельского. Потому Адмиралтейскую контору в Москве в 1749 году укрепили знающими офицерами, и в их числе — Григорий Свиридов.

Он с лейтенантом майорского ранга Иваном Волконским прибыл в Москву на смену недавно скончавшемуся от болезней, в бедности, прославленному мореходу, капитан-командору Алексею Чирикову.

Уехала из Москвы Елизавета, покинули ее и Спиридов с Волконским. Григорий Спиридов увозил на берега Невы молодую жену, Анну.

В 1750 году Спиридов командовал «Невской фло-

тилией», придворными яхтами. У него в подчинении находился участник Тихоокеанской экспедиции Семен Челюскин. В эту кампанию Спиридов поневоле не раз наблюдал царственных особ — Елизавету, будущего императора Петра III, его жену Екатерину.

В очередную кампанию 1751 года Спиридов впервые начальствует — под его командой 10-пушечный бомбардирский корабль «Самсон».

Кампанию он заканчивает в чине капитан-лейтенанта и отправляется в Архангельск. Следующим летом возвращается в Кронштадт на 66-пушечном линейном корабле.

Весной 1754 года он уже капитан 3-го ранга и вскоре назначен членом комиссии «Для рассмотрения, регламента флота», а затем, как образцовый офицер, направлен в Морской шляхетный корпус. Здесь он служил вместе с Харитоном Лаптевым. Работая в комиссии, Спиридов совместно с капитан-командором Семеном Мордвиновым разработал новый свод Морских сигналов.

Начало войны с Пруссией, летом 1757 года, капитан 2-го ранга Спиридов встретил на мостике линейного корабля «Астрахань».

Объявляя войну, царский Манифест гласил:

«...Король прусский приписывал миролюбивые наши склонности недостатку у нас в матросах и рекрутах, вдруг захватил наследные его величества короля польского земли и со всей суровостью войны напал на земли Римской императрицы королевы.

При таком состоянии дел не токмо целостность верных наших союзников, свято от нашего слова и сопряженные с тем честь и достоинство, но и безопасность собственной нашей империи требовала не отлагать действительную нашу против сего нападения помощь».

По плану армия должна была направить свой главный удар на Кенигсберг и овладеть Восточной Пруссией. Особый отряд выделялся для занятия Мемеля.

Пруссак, явно недооценив силы русских, вскоре поплатились за это. Русские войска и флот овладели Мемелем, пруссаки потерпели поражение под Грос-Егерсдорфе и стали спешно отступать. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин, не в пример родителю, человек бесхарактерный и беспринципный, сделавший карьеру лишь благодаря придворным связям, вел двойную игру. Зная, что Елизавета Петровна давно недужит, он боялся рассердить бедующего императора Петра III слишком быстрым наступлением и оттягивал, как мог, преследование пруссаков. Более того, отвел вскоре войска к Мемелю, за что и был отстранен от командования и отдан под суд за измену. Сменивший его генерал-аншеф Фермор в дальнейшем, после взятия Кенигсберга, тоже действовал не лучшим образом.

Балтийский флот в первых двух кампаниях войны успешно подпирал фланги русской армии при продвижении ее в глубь Пруссии, а затем и Померании. Снабжение армии шло морским путем, и малейшая задержка приводила к неудаче. В жестокие осенние штормы 1758 года погибло 11 транспортов с продовольствием и вооружением, и наши войска потому сняли осаду сильной крепости Кольберг. В том же году русская эскадра заняла позиции вблизи Копенгагена, чтобы воспрепятствовать прорыву в Балтийское море флота Англии.

Командир флагманского корабля «Святой Николай» капитан 1-го ранга Григорий Спиридов неделями не сходил с мостика. В любую непогоду вышагивал на шканцах с подзорной трубой. Со стороны Штральзунда на помощь пруссакам ожидался английский флот. Командующий эскадрой, престарелый адмирал Захарий Мишуков, сладко подремывал в салоне флагмана. На корабле, где командовал Спиридов, он уже третью кампанию держал свой флаг и не ведал забот. Знал, что в любой обстановке командир флагманского корабля примет наиболее разумное решение и своевре-

менно отдаст приказ кораблям эскадры от его имени. В четвертую кампанию флагману уже не пришлось по душе самостоятельность Спиридова.

Нынче одновременно с наступлением на Берлин русские войска предприняли новую попытку взять Кольберг. Существенная роль на этот раз отводилась флоту. В середине августа 1760 года к Кольбергу подошел Балтийский флот — 21 линейный корабль, 3 фрегата, 3 бомбардирских корабля. На транспортах находилось три тысячи десантных войск. Но время было упущено, флот слишком поздно включился в осаду. Чересчур осторожный Мишуков, невзирая на предписание Адмиралтейств-коллегии, уповая, что войска у Кольберга создадут перелом, а флот лишь довершит осаду крепости.

В салоне флагмана, на линейном корабле «Святой Дмитрий Ростовский», адмирал Мишуков держал консилиум командиров кораблей.

Сгорбленный адмирал Захарий Мишуков, которому уже перевалило за 75 лет, больше всего радел о своем спокойствии. Тяжело поднялся с кресла, хриплым голосом проговорил:

— Тому три года викторию знатную под Мемелем взяли токмо нашими бомбардирами корабельными. Регламент предписывает перво бомбардировать крепость... Нынче нет пока надобности десантом riskовать...

Взяв слово, Спиридов с горячностью сказал:

— Сие токмо неприятелю радость. Время драгоценное ему на пользу, не нам... Отец наш, создатель Великий Петр, завещал атаковать неприятеля решительно... Стало быть, не мешкать надобно, а действием неприятеля ошеломить.

Большинство командиров, состоявших в основном из иноземцев, не поддержали Спиридова и Сенявина. Огорченный Сенявин зашел со Спиридовым в его каюту. Навстречу им, чуть не сбив с ног, выбежали два мальчугана в форме кадетов. Сенявин знал, что его то-

варищ взял сыновей из корпуса в кампанию на свой корабль и одобрял этот поступок.

Как и предполагал Спиридов, осада не удалась, и даже хуже того... Пока начали бомбардировать крепость с кораблей, высаживать десант, неспешно вели осаду, на помощь Кольбергу подошел отряд пруссаков, более пяти тысяч человек. Десантные войска, не зная сколько пруссаков, в панике бросились к шлюпкам, забыв о пушках. Мишуков приказал уничтожить артиллерию и припасы, но было уже поздно. В плен попало около 600 человек, 22 орудия, припасы.... Флот вернулся в Кронштадт, не выполнив задачу. Мишукову выразили высочайшее неудовольствие и отстранили от командования; ряд офицеров, руководящих осадой, были отданы под суд.

Зимой в командование флотом вступил грамотный и деятельный моряк, вице-адмирал Полянский, который умел прислушиваться к мнению и деловым советам подчиненных. Еще будучи командиром Ревельской эскадры, он ввел на кораблях пушки-единороги, которые стреляли и гранатами, и бомбами, и brand-сугелями. Наконец-то приняли предложение Спиридова о поддержке войскового десанта командами корабельных матросов. Корабли еще стояли вмерзшие в лед, а Кронштадтская эскадра уже готовилась к предстоящему походу, на штурм Кольберга...

В кампанию 1761 года русская армия главной целью имела взятие крепости Кольберг. Заняв ее, русские войска прикрывали свой фланг и могли вновь наступать на Берлин.

Потому-то Фридрих II усилил четырехтысячный гарнизон крепости еще двенадцатью тысячами и старался активными действиями затруднить наступление русских войск. Кроме того, Кольберг окружали болота, фактор немаловажный в обороне.

В середине июня русский корпус под командованием генерал-поручика Румянцева выступил из района зимних квартир. В составе корпуса, медленно, но неу-

клонно продвигавшегося к Кольбергу, успешно действовала легкая кавалерия подполковника Александра Суворова.

Ранней весной в военной гавани Кронштадта, еще не освободившейся ото льда, корабли приводили себя в порядок после зимней стоянки, готовились к походу на Кольберг.

Как и в прошлую кампанию, Спиридов взял из Морского корпуса в поход на свой корабль десяти-одиннадцатилетних детей, Андрея и Алексея.

Флот в начале августа вышел в море. Корабли, к досаде, встретили сильный встречный ветер, штормовую погоду.

По согласованию с Румянцевым, сухопутный десант с артиллерией высадили, не доходя Кольберга, и он двинулся к крепости по берегу. Эскадра с ходу направилась к Кольбергу и, прибыв туда, немедленно атаковала крепость корабельной артиллерией. Сотни трех-пятипудовых бомб посыпались на нее. Но и неприятель огрызнулся яростно, не давая кораблям приблизиться для решительной атаки.

«Святой Павел» под командованием капитана 1-го ранга Алексея Сенявина вместе с кораблями «Варахаил» и «Астрахань» прошел под жестоким огнем противника, вдоль крепостных укреплений, подавляя метким огнем своих пушек одну прусскую батарею за другой. На корабле взрывом неприятельской бомбы была перебита фок-мачта, начался пожар. Контуженный Сенявин не покинул мостик и до конца боя принудил еще одну батарею неприятеля к молчанию. Целую неделю с небольшими перерывами бомбил русский флот пруссаков, однако действия эти цели не достигли, праг не давал возможности вести прицельный огонь.

Через четыре дня, после прибытия под Кольберг, вечером, Полянский вызвал Спиридова и приказал готовить десант, отобрать матросов покрепче.

Скрытно от неприятеля вице-адмирал прибыл в лагерь сухопутных войск и договорился обо всем с ко-

мандиром корпуса Румянцевым. По возвращении командующего, ночью 21 августа, на борт флагмана прибыли командиры кораблей. Полянский объявил, что генерал Румянцев одобрил план моряков. Этой же ночью решено было высадить десант, чтобы внезапно ошеломить неприятеля.

Без ущерба для кораблей можно было дать в десант 2000 человек, 51 мортиру, 19 сухопутных пушек. Командующий флотом зачитал приказ:

«Командующий кораблей и фрегатов, когда будет поведено, чинить десант... сажать слугителей на палубные боты... патронов чтоб на каждого матроса было отпущено по 50... провианту каждому командующему на свою команду отпустить на две недели. Над оным же морским войском главная команда поручается господину флота капитану Григорию Спиридову, который при оных будет состоять за полковника...»

Под утро десант в 2012 человек, 51 мортиры, 19 пушек со всеми припасами, скрытно от неприятеля, был полностью высажен и приступил к подготовке штурма Вуншевой батареи — ключа от внешней обороны крепости. Здесь-то и пригодился Спиридову опыт абордажных боев в Азовскую кампанию. Две недели готовил Спиридов отряд к штурму — рыли траншеи, расставляли пушки и мортиры, а затем начали обстрел укреплений неприятеля. По ночам матросы обучались сноровисто взбираться по лестницам и доскам на валы, прыгали в глубокие ямы и тут же выбирались из них по согнутым спинам и плечам товарищей.

Вечером, накануне штурма, Спиридов построил отряд.

— Братцы, ведомо вам, прошлым годом не одолели мы Кольберг, а без него ходу нам далее нет... Ныне впервые отряд матросов с солдатами на штурм идет, не посраим флага нашего Андреевского. Пруссак хороши за пушками да за крепостными стенами, потому, — Спиридов повысил голос, — атаку надобно про-

делать лихо, по-матросски: ошеломить пруссаков, оседлать их и бросить наземь...

Штурм начали рано, едва рассвело. Молчаливые шеренги матросов и солдат, все убыстряя шаг, с прижатыми штыками, подбежали к высокой насыпи и начали карабкаться на нее. Тут только пруссаки, не ожидавшие атаки, пришли в себя и открыли беспорядочный огонь. Громкое «Ура» покрыло крутые стены укреплений. Матросы карабкались на гребень бруствера и скатывались прямо на плечи оружейной прислуге. Во второй цепи атакующих с обнаженным палахом вместе с матросами ворвался на батарею Спиридов. Увидев поднявших руки пруссаков, крикнул:

— Братцы, пленных не бить!

Атака была настолько ошеломительной, что почти вся оружейная прислуга и офицеры были взяты в плен.

— Канониры, к пушкам! — громко передали по цепи приказ Спиридова.

Пока те подбегали, матросы развернули орудия в сторону крепости. Через четверть часа к крепости неслись ядра, выпущенные из трофейных пушек. Русские овладели ключом от Кольберга.

После боя, разгоряченный, сидя среди утомленных матросов, Спиридов посмотрел на далекий рейд. Вторым в линии, освещенный яркими лучами вышедшего из облаков солнца, красовался «Андрей Первозванный».

Флот салютовал победителям. Оборона крепости наконец была сломлена, и взятие Кольберга теперь было вопросом времени.

Командующий Кронштадтской эскадрой Мордвинов доносил Адмиралтейств-коллегии:

«...Что же касается до морских войск, высаженных на берег под командой флота капитана Спиридова, порядочным его учреждением во всех сражениях с неприятельскими партиями принимали, а при взя-

тии остовой батареи оный Спиридов со всей морской командой сам был по диспозиции... о чем я довольно и от командующего армией графа Румянцева в бытность мою на берегу неоднократно слышал о храбрых поступках флота капитана Свиридова со всей его командою...»

В свою очередь в сентябре 1761 года командующий корпусом генерал-поручик Румянцев, скупой на похвалы, выдал аттестат Спиридову:

«Я, ниже сего подписавшийся, по справедливости сим засвидетельствую, что от флота 2-н капитан и полковник Спиридов, будучи с командою морских солдат и матросов... на берегу... при атаке и взятии неприятельской батареи и прочих сражениях... поступал, как надлежит честному и храброму офицеру...»

Весьма лестные отзывы адмирала и генерала свидетельствовали, что капитану 1-го ранга Спиридову и на суше было не занимать отваги и воинского мастерства.

Наступила штормовая осень, и флот ушел в свои базы, оставив на всякий случай прикрытие с моря.

Вскоре Кольберг капитулировал. Путь на Померанию был открыт...

Однако столь желанная победа оказалась омраченной, а все жертвы, принесенные в Семилетней войне, — напрасными. Неделию спустя после взятия Кольберга скончалась Елизавета Петровна, и все круто переменялось. Русский престол занял Петр Федорович, внук Петра Великого, а по сути полунемецкий принц Карл-Петр-Ульрих, сын герцога голштинского и Анны Петровны.

Малолетним, оставшись без матери, жил он и воспитывался в голштинском замке своего отца. Ярый почитатель всего прусского и Фридриха II, он немедленно заключил с ним мир и из противника сделался союзником.

Первые шаги Петра III на военной стезе для армейцев обернулись неудобствами новой, по прусскому образцу, формы одежды.

К флоту император повернулся лицом. На первом заседании Сената приказал: немедленно приступить к очистке и углублению кронштадтских гаваней, исправлению их и обложению стен камнем и затем предложил обсудить вопрос об окончании работ в Рогервике вольнонаемными людьми, отправив находящихся там каторжных невольников в Нерчинск. 16 февраля уже была назначена комиссия для приведения в лучшее состояние флота, которой предстояло изыскать меры к тому, «чтобы сделать и во всегдашней исправности содержать такой флот, который бы надежно превосходил флоты прочих на Балтийском море владычествующих держав».

«За старостью и болезнями» царь распорядился уволить генерал-адмирала Голицына и адмирала Мишукова. А последнего «отставили от службы без прощения и пенсии». Но, видимо, новый владелец трона во время войны внимательно присматривался к боевым действиям на море и знал по делу, кто отличился из моряков.

Запомнилось 10 апреля Григорию Спиридову. В этот день «Высочайшим указом за ревностную службу всемилостивейше мы пожаловали контр-адмирала Мордвинова в вице-адмирала, капитана 1-го ранга Спиридова, в контр-адмиралы».

— Пора нам возвращать Голштинии прежние земли Шлезвига, — объявил император своим приближенным.

В середине мая Петр III подписал указ Адмиралтейств-коллегии, где говорилось, что по причине *«продолжающихся в Европе беспокойств не может армия наша из нынешних ее мест скоро возвращена быть, но паче же принуждена неотложно пополнять отсюда заведенные единожды для нее магазины. Повелеваю приготовить к выходу в море Кронштадтскую эскадру, а Ревельскую эскадру под командованием контр-адмирала Г. А. Спиридова, наоборот, как можно скорее послать крейсировать от Рижского за-*

лива до Штеттинского, прикрывая транспортные суда».

Спиридов срочно готовил эскадру к походу, а из Петербурга одна за другой летели царские депеши.

«14 мая Ревельскую эскадру под командованием контр-адмирала Спиридова отправить в море, как скорее, сколько можно ближе к Кольбергу, чтобы от находящегося там нашего генерала графа Румянцева скорее приказания получать и скорее по оным точное исполнение делать, что особливо и паче всего ему Спиридову предписать надлежит».

Крейсируя по предписанию царя, эскадра Спиридова прикрывала снабжение армии Румянцева со стороны моря, которая со дня на день должна была двинуться к границам Дании.

Бывая на берегу, Спиридов по долгу службы общался с Румянцевым. Несмотря на все причуды нового императора, Румянцев был явно доволен переменами на троне. По крайней мере он получил свободу действий для достижения поставленной ему цели. Да и моряки воспрянули. В июне Петр III направил Адмиралтейств-коллегии пять указов — «строение кораблей начать, как наискорее, и продолжать оное с крайней поспешностью...».

Воскресенье 29 июня, кампании 1762 года, День Петра и Павла, эскадра Спиридова встретила на рейде Кольберга. *«29 июня. Для дня тезоименитства Его Императорского Величества Великого Государя Петра Федоровича и Государя Цесаревича Павла Петровича произведена была пальба из города Кольберга из 15 орудий и тож произведено с эскадры, которая затем расцветила флагами».*

На рейде Кольберга и в его окрестностях гремели салюты в честь именинника, а в этот самый час в Ораниенбауме осунувшийся и жалкий на вид виновник салютации в который раз переписывал «Отречение от престола».

Минула всего неделя после празднества, и с берега

срочно затребовали в штаб армии командующего эскадрой.

Румянцев с хмурым лицом протянул Спиридову отпечатанный в типографии лист.

«Божьей милостью, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская», — вполголоса начал читать Спиридов первый манифест новой императрицы.

Когда Спиридов кончил, Румянцев, медленно ходивший по комнате, остановился и глухо произнес:

— Вы, флотские, как знаете, а я войска нынче к присяге приводить не намерен, пока не получу достоверного подтверждения о судьбе его величества императора Петра Федоровича.

Верный присяге, Спиридов не стал артачиться. Все одно, что полунемец, что немка...

Дальнейшие события зафиксировал журнал эскадры: *«7 июля в 1 часов утра Главный командир изволил выйти на шканцы и объявил при собравшихся со всей эскадры командующих, с их секретарями и наших офицерах, також и при всех служителях, полученное им на берегу от аншефа Петра Алексеевича Румянцева печатного манифеста копию и присяжный лист, который манифест на шканцах читали во всенародное известие о вступлении Ея Императорского Величества государыни императрицы Екатерины Второй на Всероссийский самодержавный престол и прочитав манифест с командующими и секретарями и нашими офицерами по полученному присяжному листу присягали».*

Вступив на престол, Екатерина сразу же отменила все распоряжения своего бывшего супруга по реорганизации армии и флота, однако не стала возобновлять войну с Пруссией. Она объяснила это недостатком финансов. А может быть, и родство по крови сыграло здесь не последнюю роль.

Война прекратилась, на флоте истинные моряки-патриоты стали осматриваться... По сути, Адмирал-

тейств-коллегия давно устранилась от жизни флота, а члены ее занимались чем угодно, только не кораблями. Канитель тянули страшную... Перед тем, например, потребовалось четыре года, чтобы коллегия доложила Елизавете о половинном некомплекте офицеров на флоте.

Осенью 1763 года учредили *«Морскую российских флотов комиссию для приведения оной знатной части флота к обороне государства в добрый порядок...»*

Очевидно, Екатерина начала понимать суть нелегкой службы на море и сделала приписку: *«Что флотская служба знатна и хороша, то всем известно, но, насупротив того, столь же трудна и опасна, почему более монаршию нашу милость и попечение заслуживает»*. Наряду с адмиралом Мордвиновым во вновь учрежденную комиссию вошел командир Кронштадтского порта Спиридов. Еще два года назад эти моряки представили в Адмиралтейств-коллегию свои соображения:

«Памятовать надлежит, что сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит, но что, во-первых, и главнейшее потребны к тому искусные флагманы и офицеры...»

Работа в комиссии была оценена по достоинству. В мае 1764 года Спиридова произвели в вице-адмиралы.

Укрепившись на троне, Екатерина начала исподволь поворачиваться к флоту, памятуя о другой руке военной мощи государства. Не имея понятия о корабельной службе, она поначалу полагалась на доклады Адмиралтейств-коллегии. Летом 1765 года сама пожелала быть на маневрах Балтийского флота.

Под Красной горкой у Гаривалдая отряд кораблей под командованием адмирала Мордвинова маневрировал и стрелял по фальшивому городку на берегу. Стрельба получилась неудачная, и почти все бомбы легли мимо цели. Раздраженная, помахивая веером, Екатерина повернулась к Чернышеву:

— Однако, граф, видимо, у нас в излишестве кораблей и людей, но нет ни флота, ни моряков...

Сказано это было по-русски и довольно громко. Екатерина явно хотела, чтобы ее слышали стоявшие неподалеку Мордвинов, Спиридов и другие моряки.

— Ваше величество, как всегда, верно оценивает ситуацию, — ответил Чернышев, склоняясь в легком поклоне.

Екатерина была настроена продолжать разговор.

Мордвинов покраснел, развел руками... Стоявший вполоборота Спиридов, заложив за спину руки с подзорной трубой, не меняя позы, повернулся, склонив голову.

— Ваше величество...

Екатерина, слегка прищурившись, кивнула.

— Сия экзерциция не диковинка нынче на флоте, потрудитесь взглянуть на корабли, ваше величество, — Спиридов протянул Екатерине трубу, — на верхней палубе дюжина слугителей управляется со снастями, вчетверо менее положенного числа матросов, менее вполовину офицеров, да и резвости не видать от худого корма, канониры не обучены, накануне из солдат взяты за недостатком...

Екатерина внимательно разглядывала фрегаты, опустив трубу, хлопнула ею по ладони и перевела взгляд на Мордвинова.

— Вице-адмирал Спиридов, ваше величество, повторяет наши мысли, изложенные Адмиралтейств-коллегией тому два года назад...

— И каковы же те мысли?

— Имея о высших и нижних офицерах попечение, ваше величество, справедливо распространить оное и до самих матросов. — Екатерина сдвинула брови, но Мордвинов, будто не замечая, продолжал: — Сыскать надобно бывает, не теряются ли люди излишним изнурением или наказательным небрежением, принять противу того так и к тому надежные меры, чтобы

матросы, да и все нижние служители каждый в своем звании сведущи были.

Екатерина резко встала, сложив веер, повернулась к Чернышеву:

— Граф, надобно то перепроверить, не переборщили ли господа моряки. — Она набросила на плечи атласный шарф. — На этом экзерцицию закончим, пора возвращаться...

Не боясь гнева и немилости императрицы, Григорий Спиридов высказал то, что десятилетиями копилось в сознании моряков-патриотов. И Екатерина тут-ром поняла правоту моряков, стоявших грудью за честь флота. Перемены к лучшему, хотя и медленно, но верно стали входить в жизнь флота.

Спиридов вскоре получил повышение, был награжден орденом «Святой Анны», а в следующую кампанию 1767 года держал флаг на «Святом Евстафии», командовал флотом на Балтийском море.

Тем временем все более сгущались тучи над югом России. Три года тому назад Турция, явно и тайно подстрекаемая французским двором, недовольная политикой Екатерины в отношении Крыма, исподволь начала готовиться к войне.

Прямой угрозой для себя считала Турция стремление России выйти к берегам Черного моря, так и не осуществленное еще со времен Петра Великого...

В конце сентября 1768 года Турция объявила войну России.

Действия сухопутных армий на юге, у морских берегов, без поддержки моряков были немислимы, а флота там не было.

Царским указом для создания военного флота вице-адмиралу Спиридову и контр-адмиралу Алексею Сенявину вменялось спешно сделать проекты новых судов для Азовской флотилии. Спустя месяц они разработали четыре таких проекта. Сенявин отправился на Дон претворять в жизнь задуманное, строить на

прежних верфях в Таврове, Павлове, на Хопре «новоизобретенные» суда для Донской флотилии.

Наступивший 1769 год привнес в жизнь русского флота новизну. Прежде, при Петре I, русские эскадры хаживали лишь вокруг Северной Европы из Архангельска на Балтику. Теперь предстояло Андреевскому флагу показать себя в теплых морях, на Средиземноморье.

Приступая, по выражению Екатерины, «к подпаиванию Турецкой империи со всех четырех углов», конечным итогом войны предполагалось утверждение России на берегах Черного и Азовского морей под предлогом освобождения христианского населения Турции. Для успеха в этой войне Екатерина вынуждена была действовать «обеими руками». Фаворит Екатерины Григорий Орлов стал настойчиво рисовать Екатерине заманчивые картины восстания христиан, находившихся под турецким игом в Средиземноморском Архипелаге.

Брат Григория, Алексей Орлов, находившийся в Ливорно, предлагал свои услуги, набиваясь при этом в предводители затеваемого дела. Екатерина тут же сообщила Алексею Орлову, что план его принимается, послала ему государственные грамоты и в придачу, на первые расходы, двести тысяч рублей.

Но графу Орлову этого было мало. Он понимал, что грамоты и деньги — это не армия. А потому просил для поддержки восстания прислать к берегам Греции русские корабли с войсками. Такого в истории русского флота еще не бывало. И Екатерина, совсем недавно хулившая и флот, и моряков, закрыв глаза на то, что большинство кораблей в неисправности и экипажи наполовину не набраны, а флот русский еще ни разу не покидал Балтику, решила послать в Архипелаг русские корабли...

Об этом-то и был разговор в Адмиралтейств-коллегии со Спиридовым. Государственный совет решил направить несколько эскадр в Архипелаг, к графу Орло-

ву, для защиты греков и других единоверцев от турок. Но так как корабли надо было исправлять и служителей на них не в комплекте множество, потому решили эскадры направлять не все враз, а отдельно, по готовности.

Спиридов с волнением размышлял:

«Неужели тот час наступает, его, Григория Спиридова, когда можно расправить плечи, океанским ветрам и волнам наперекор вести русские эскадры?»

Но тут же молнией обожгло:

«Для помощи графу Орлову...»

Мордвинов между тем сообщил, что Адмиралтейств-коллегия представила императрице одного достойного кандидата — его, Спиридова. Ее величество одобрила это всецело.

— Простите за конфуз, но коли без утайки, конфиденцию довожу, — Спиридов нахмурился, — сия кампания мне весьма по душе, но быть на посылках у графа Орлова не вознамерен. — Спиридов развел руками.

Время бежало, наступила весна, корабли готовились к походу, подлатывались, подновлялись, загружались огневыми припасами. Спешно прислали рекрутов из губерний. День и ночь гоняли их по кораблям. Да разве гонкой в морском деле наверстаешь то, что десятками лет отлаживается?

Мордвинов лично докладывал по этому делу императрице.

— Передайте господину Спиридову, что время пока терпит, пусть недуги свои поправит, мы лекарей к нему знатных приставим. — Екатерина еле сдерживалась. — Регламент морской для всех един, не в отставку же идти ему...

Наконец-то Мордвинов отважился доложить:

— Ваше величество, суть не в болезнях вице-адмирала Спиридова.

— А в чем же? — Екатерина недоуменно вскинула брови.

Уж очень не хотелось ей терять Григория Спиридо-

на, от которого, как теперь оказывалось, зависел успех экспедиции в Архипелаг.

— Регламент морской предписывает строгую субординацию, особливо в морской баталии. Понеже в Архипелаге находясь, ответственность неся, командующий единовластно, токмо вашего величества под чином находиться должен...

Императрица заметно повеселела.

— Соблаговолите, господин адмирал, на аудиенцию к нам господина Спиридова.

Впервые вступал в царские апартаменты Спиридов. С коронованными особами ему приходилось встречаться еще во времена Елизаветы Петровны, но императорского внимания удостоивался впервые.

Екатерина приняла вице-адмирала в голубой гостиной, по-деловому, сидя в кресле подле низенького инкрустированного письменного столика. Едва Спиридов вошел и поздоровался, Екатерина указала ему на кресло у стены, куда падал прямой свет от окна. Сама же осталась сидеть вполоборота к окну и гостю.

— Дабы не утруждать ваше внимание, господин вице-адмирал, прошу ознакомиться с сим рескриптом. — Екатерина передала Спиридову свиток, лежавший на столе.

Пока Спиридов читал, императрица с интересом всматривалась в строптивного моряка, не пожелавшего делить бразды командования с Алексеем Орловым. Она очень хорошо запомнила реплику этого адмирала на императорской яхте три года назад. «Однако раз он тверд в своих убеждениях, это прекрасно, такой служака живота не пожалеет ради наших интересов...»

Спиридов тем временем заканчивал чтение. «...Провести сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и сла-

вянам, а также способствовать пресечению, провозу в Турцию морем контрабанды...»

«Ну что же, — размышлял Григорий Андреевич, держа свиток и опершись о спинку кресла, — в рескрипте ни слова о подчинении эскадры Орлову, это главное...»

Он встал и больше не сажился.

— Все ли понятно? — Екатерина подошла к высокому окну и притворила створки. С Невы донесся уже по-летнему шумливый говор ветра, всплеск волн. Спиридов наклонил утвердительно голову.

— Когда же господин адмирал будет готов следовать с эскадрой к назначению?

— Ваше величество, забот немало. Поход предстоит впервые вокруг Европы, да и по дальности сим числом кораблей. Надежды на помощь нет. Кроме как на самих себя уповать, видимо, не на кого... Поэтому все припасы военные и цихмистерские брать придется во множестве. На это уйдет не менее месяца.

Екатерина недовольно сжала губы.

— Новость и необычность предприятия обратят на себя особое внимание всей Европы, сие важно, — Екатерина прищурилась, — но, слава Богу, смогли мы расположить к себе аглицкую корону. Потому в портах ихних уповать на опору возможно. В части времени отплытия, господин вице-адмирал, поелику возможно, поспешать следует...

Императрица легким кивком дала понять, что аудиенция закончена.

Возвращаясь от императрицы, Спиридов твердо решил взять в плавание обоих сыновей — когда еще такая оказия случится. Правда, старший сын хворает последний год частенько, но авось благотворно тропический климат на него воздействует.

Минуло всего три дня после свидания с императрицей, как на флагманский корабль «Святой Евстафий» прибыл сияющий адмирал Мордвинов и приказал собрать командиров кораблей. Спустя час в салоне

Мордвинов объявил им рескрипт императрицы о назначении Спиридова начальником эскадры, отправляющейся в Архипелаг, и присвоении ему звания адмирала. Екатерина в рескрипте, явно лстя, называла его первым флагманом флота.

Спиридов сдержанно наклонил голову и ответил, что эти милости забот ему не убавляют. Напротив, корабли до сего дня ремонтом не окончены, а «Свято-слав» не ремонтирован вовсе. Такелаж поставляется негодный, гниль одна, видимо, недобросовестность, как всюду... Среди служителей половина рекрутов в море ни разу не бывали. Третью штата вакансий пребывает до сей поры.

Мордвинов согласно кивнул и разрешил задержать выход.

Спиридов, провожая Мордвинова к трапу, сказал:

— Просьбу единую имею, Семен Иванович. Надумал окончательно обоих отроков своих в эскадру распределить, покорно прошу командировать на неделю...

Как ни торопила Екатерина, но лишь к Петрову дню эскадра пополнила почти все припасы. Осталось доставить осадную артиллерию и принять сухопутный десант.

Всю ночь грузили орудия на корабли, стоявшие в Средней гавани у стенки, перевозили и размещали десант согласно расписанию.

Жарким июльским полднем на флагманский корабль «Святой Евстафий» наведалься из Ораниенбаума императрица в сопровождении Григория Орлова.

Поднявшись на палубу, проходя мимо открытых крышек световых люков, она поморщилась, поднесла к лицу надушенный платок, чуть повернула голову к Спиридову.

Тот склонился:

— Ваше величество, множество съестных припасов погружено на батарейные и жилые палубы, стеснено до предела и погода к тому ж. — Спиридов кивнул на палящее в зените солнце.

Екатерина поспешно прошла вперед. Свита едва попевала за императрицей. Легко, не касаясь перил, взошла она по трапу на шканцы. Немного отдышавшись, подала знак Чернышеву, и тот достал из портфеля сафьяновую коробку. Императрица вынула из нее алую ленту, золотой крест и сверкающую звезду ордена Святого Александра Невского. Надела ленту на Спиридова.

— В вашем лице, господин адмирал, мы питаем надежду нашу на доблесть всего войска и успех предприятия нашего. Надеюсь, ваши корабли завершили наконец-то приготовления к сему вояжу?

— Ваше величество, не изволите сомневаться. — Спиридов не обращал внимания на удивленно поднятые брови Мордвинова. — Три тыщи служителей с припасами, да того кроме сверх меры восемь рот Кексгольмского полка, две роты канониров, а всего, — Спиридов на мгновение поднял глаза, — пять тыщ с половиною.

По мере того как докладывал Спиридов, лицо императрицы все более светлело.

— Вашей эскадре в подмогу скоро снарядим другую, — Екатерина перевела взгляд на Чернышева, — под началом опытного контр-адмирала Эльфинстона...

Спиридов вопросительно посмотрел на Мордвинова, а Екатерина продолжала:

— Сей доблестный капитан британского флота благосклонно принят нами на службу... — Знала бы Екатерина, во что обойдется вскорости ее неоправданное расположение к англичанину...

Прищурившись, солнце било в глаза, она кивнула Чернышеву и добавила:

— Радение ваше для нас отрадно. Граф, распорядитесь всем служителям и господам офицерам, назначенным в вояж, выдать жалованье за четыре месяца не в зачет. — Повернулась к Спиридову: — Мы убеждены, господин адмирал, что не позднее утра Кронштадтский рейд пожелает вам доброго пути.

Спиридов утвердительно склонил голову.

Проводив императрицу, Мордвинов подошел к Спиридову:

— Господин адмирал, извольте объяснить, полковник десанта еще в порту, я сам наблюдал, сверху того, боты еще не прибыли.

— Совершенно верно. — Спиридов отступил назад, увлекая за собой Мордвинова.

— Я ведь дал слово покинуть Кронштадтский рейд, но не следовать в экспедицию. А рейдов, кроме Кронштадтского, — Спиридов обвел рукой чуть видневшуюся местами кромку берега, — немало.

Мордвинов облегченно вздохнул и улыбнулся.

На следующий день эскадра ушла с Кронштадтского рейда и, когда с формарса стали едва видны кронштадтские форты, отдала якорь у Красной Горки.

Девять дней на рейде Красной Горки корабли окончательно приводили себя в порядок, принимали десант. Наконец 26 июля в 4 часа дня эскадра, насчитывающая 21 вымпел, по сигналу флагмана снялась с якорей и легла на курс вост. Эскадра по своему составу была весьма разношерстна. В авангарде шли семь линейных кораблей во главе с самым мощным по вооружению, но самым слабым по мореходности — 84 пушки. За ним следовали: фрегат, бомбардирский корабль, четыре пинка, два пакетбота, два галиота и четыре бота. По морскому регламенту надлежало всей эскадре держать скорость не выше самого тихоходного судна, но при различном парусном вооружении и столь большой разнотипности кораблей по ходкости это практически было невозможно. Ко всему в довершение Балтика, еще до выхода из Финского залива, встретила эскадру жестоким штормом. Открылась сильная течь на двух кораблях, их пришлось отправить в Ревель на ремонт. На пятые сутки шторма отпели первого служителя и, скользнув по доске за борт, скрылся в морской пучине белый саван с каменным балластом в ногах. Большая скученность людей,

многомесячный запас провизии в бочках на жилых палубах при задраенных люках во время шторма, испарения от мокрой одежды сменившихся с вахты — все это способствовало возникновению среди матросов, особенно первогодков, болезней. По всей эскадре заболело более трехсот человек. Спиридов приказал жечь на кораблях жаровни, одежду при всякой возможности сушить, драить ежедневно жилые палубы. Но ничто не могло остановить недуг. К тому же противные ветры в Южной Балтике вынуждали эскадру лавировать и отстаиваться на якорях у острова Борнхольм в условиях непогоды. Пятьдесят с лишним раз корабельные священники совершали печальный обряд погребения, прежде чем в конце августа эскадра втянулась в Копенгагенскую гавань.

Не успели стать на якорь, как от пристани отвалила шлюпка. На борт флагманского корабля поднялся возбужденный русский посланник в Дании, Философов. Едва войдя со Свиридовым в каюту, он распалился:

— Господин адмирал, потрудитесь дать распоряжение удалить на ваших кораблях зловоние, кое достигло королевских покоев даже...

Лицо Спиридова постепенно багровело, а посол продолжал:

— Кроме того, вторую неделю вас ждет послание ее величества, извольте принять.

Он вынул из баула письмо и передал Спиридову.

Тот развернул его. По мере чтения краска то сходила с его лица, то вновь выступала малиновыми пятнами.

«Когда вы в пути съедите всю провизию, тогда вся экспедиция ваша обратится в стыд и бесславие ваше и мое...»

Спиридов отрешенно смотрел в открытую дверь мимо посланника на кормовой балкон, где в двух кабельтовых на берегу над чистенькими, будто на картинке, улочками и домиками плыл монотонный вечерний перезвон кирх...

«Прошу вас для самого Бога, соберите силы душев-

ные и не допускайте до посрамления перед целым светом. Вся Европа на вас и на вашу экспедицию смотрит...»

Горькая улыбка показалась на лице старого моряка. «Начинается... Вся Европа на нас смотрит, а пещешься ты больше всего о своей особе».

Спиридов встал, медленно приближаясь к посланнику, глядя на него в упор немигающим взглядом. Философов, все время зажимавший нос надушенным платком, уже испуганно смотрел на начальника эскадры.

— Отпишите, ваше сиятельство, ее величеству, что, презирая невзгоды, русские матросы не посрамят Отечество. Пятьдесят четыре из них уже отдали душу Богу на переходе, — Спиридов перекрестился. — Уповаю на Бога, что и далее мужество россиян не угаснет.

Но море готовило еще немало испытаний.

В Северном море продолжался жестокий шторм. Разламывало корабли. На совете командиров решили укрыть корабли на рейде порта Гулль. На берег свезли более двухсот больных матросов. Заболел и Андрей Спиридов, состоявший адъютантом при отце.

Из Лондона, загоняя лошадей, примчался русский посол Чернышев, передал рескрипт Екатерины — немедля следовать в море. Волей-неволей приходилось дробить силы, идти в Средиземноморье куцым отрядом в четыре корабля, два из них вернулись на ремонт.

К сборному месту эскадры — порт Магон на острове Минорка — пришел лишь флагман на «Евстафии».

Печальными и нерадостными были первые дни отдыха после полуторамесячного перехода. Через неделю на берегу скончался старший сын Спиридова — Андрей.

Прибыл граф Федор Орлов, брат Алексея. Он бесцеремонно вручил Спиридову высочайший рескрипт — эскадра поступала в полное распоряжение Алексея Орлова.

Спиридов глубоко вздохнул, поежился от свежего ветра, тянувшего в открытую окончину, вызвал стар-

шего офицера и распорядился подать шлюпку. Надо было ехать — исполнить прискорбный долг — проститься с сыном, а потом навестить больных матросов в госпитале на берегу.

Под новый, 1770 год Алексей Орлов начал «командовать» — затребовал к себе из Ливорно три корабля из пяти, а остальным приказал высадить десант и овладеть ни более ни менее, как Мореей. Похоже, он думал, греки сразу восстанут, а турецкие войска побегут.

Спиридов сосредоточенно рассматривал карту Пелопоннеса и Архипелага. По его сведениям, турки укрепили крепости, подтянули войска и корабли и готовились, в свою очередь, сбросить в море «неверных» и уничтожить их флот. Ближайшие недели и месяцы подтвердили худшие опасения Спиридова.

Высадив десант на полуострове Морея, Спиридов поддержал войска артиллерией, и вскоре они овладели Мизитрой, Аркадией, взяли Наварин. Начальствовал над десантом бригадир морской артиллерии Иван Ганнибал — сын арапа Петра Великого. Спиридов подружился с ним в походе. Однако не все шло по замыслу адмирала. Подводили расхваленные Григорием Орловым греческие повстанцы. Турки разбили их отряды у Триполипы и Патраса. Восстания в Морее, о котором мечтал Орлов, не получилось.

Русский десант осадил важную крепость Корону, и тут явился «главнокомандующий», он приказал снять осаду Короны и направить войска к Мадоне. Как ни храбро и самоотверженно ни бились русские, турки оттеснили их к Наварину. В море объявилась турецкая эскадра. Орлов поутихомирился и впервые пригласил Спиридова для совета.

— Господин адмирал, войска обложены в Наварине, лазутчики донесли, что у Матапана изрядная эскадра турок.

Спиридов с иронией глядел на генерал-аншефа.

«Вот как запела синичка. Куда же ты совался со

своими клевретами, голову морочив восстанием, что для тебя флот — темный лес...»

— Ваше сиятельство, Наварин неминуемо надлежит покинуть. Войска сбережь. Крепость взорвать. — Спиридов спокойно смотрел в тревожно моргающие глаза фаворита. — Сила у турок на море, там и нашей судьбе решаться суждено.

Плечи Орлова обмякли.

«Вот какой ты храбрый заяц, и не мнил, что может ждать тебя здесь», — подумал Спиридов и продолжал:

— Хотя и сила у турка, однако ж русский матрос всегда его одолеет. Наиважное, не дать супостату завлечь наш флот в силки и захлестнуть. — Спиридов сделал паузу. — Того для надобно идти немедля в море и гнать неприятеля самим.

— Как же гнать, когда кораблей у турок более? — Орлов вскинулся. — Эльфинстон намерен должен прибыть.

— Ну вот, ваше сиятельство, и подмога будет, а там, Бог даст, и турок погоним не числом, а умением.

Испуг прошел, Орлов постепенно вновь обретал надменность. Впервые почувствовав свою беспомощность перед Спиридовым, он старался поскорее исправить эту промашку. Кинув взгляд на адмирала, подумал: «А дело знает превосходно, тут, пожалуй, и вся моя опора. А что, если... Все-таки сын отчие замыслы должен разгадывать».

— Господин адмирал, пользы дела для, прошу командировать ко мне в генеральс-адъютанты лейтенанта Сенявина.

Спиридов все понял, но виду не подал.

— Будет исполнено сей же день, ваше сиятельство.

«Хотя на одной струнке твоей, ан играть по-нашему будет». Жмурясь от жаркого солнца, Спиридов спешил к трапу.

Вскоре появился Эльфинстон. Высадив десант в Морее, он, вместо того чтобы присоединиться к Спиридову, захотел сам сразиться с турками. Вступив

с неприятелем в схватку и ничего не добившись, высокомерный англичанин лишь тогда запросил о помощи Спиридова, поставив под угрозу судьбу всей экспедиции.

Через пять дней, приняв десант, брошенный Эльфинстоном на произвол судьбы, Спиридов, наконец-то, у острова Цериго обнаружил отряд Эльфинстона и пригласил его, как старший по званию, для объяснения на флагманский корабль «Святой Евстафий».

Едва ступив на палубу, англичанин разразился тирадой:

— Господин Спиридов не узнает, что рескрипт ее величества делает мой начальник. — За полгода Эльфинстон плохо выучил русский язык, на мостике рядом с ним постоянно находился толмач.

Спиридов молча пригласил его в каюту флагмана. «Не успели вензеля потускнеть, а уже в начальники лезешь, хваткий братец...»

Пропустив вперед Эльфинстона, Спиридов плотно прикрыл дверь.

— Наперво, господин контр-адмирал, на палубе среди служителей честь мундира блюсти надобно.

Эльфинстон надул красные щеки. Не дав ему открыть рот, Спиридов продолжал:

— Другое. По регламенту российскому морскому чин адмирала вдвое старше вашего, а потому приличествует и подобает вам обо всем мне доносить...

— Мой пригласить опытный капитан императриц Екатерина, — перебил надменно Эльфинстон, — помочь русский флот. Мои имеет рескрипт ее величества, действовать сам, — он в упор, не мигая, смотрел на Спиридова.

— Российские моряки служат Отечеству по российским порядкам, а коли вы им неподвластны, честь имею. — Спиридов встал, дав понять, что разговор окончен.

«Еще один начальник объявился», — перегнувшись через перила балкона, Григорий Андреевич смо-

трел вслед удаляющейся шлюпке. Спиридов знал, что Эльфинстон неприятен всем офицерам и служителям его эскадры. Он вошел в каюту, вызвал командира «Святого Евстафия», капитана 1-го ранга Круза.

— Поднять сигнал «Следовать норд-ост».

Корабли строились в колонну для поиска неприятеля.

Утром следующего дня матрос с марса закричал:

— На горизонте неприятель.

Из дымки медленно появлялись верхушки мачт. Ветер стих, стало видно, что турецкие корабли уходят на восток.

— Вот тебе и рескрипт, — Спиридов нервно вышагивал по шканцам, — упустил неприятеля. — Поднял голову, глянул на кормовой флаг, повернулся к командиру: — Прикажете немедленно ставить все паруса. Передать сигнал эскадре «Атаковать неприятеля!».

Увидев, что русские сближаются с ними, турки, спешно ставя паруса, отклонились к северу. Наблюдая за ними на шканцах в зрительную трубу, Спиридов никак не мог понять, к чему клонит капудан-паша Ибрагим, флагман турецкой эскадры. Впрочем, ему было известно, что, по сути, эскадрой командовал не он, а его помощник, храбрый и бывалый моряк алжирец Гассан-паша. Еще в Наварине ему рассказывал о нем грек, бежавший с турецких кораблей, где служил толмачом.

Когда турецкая эскадра покидала Константинополь, Гассан-паша сказал султану:

— Флот вашего величества многочисленнее русского флота. Чтобы истребить русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к нам с победой...

Турки явно отрывались от нашей эскадры, уклонялись от сражения. Спиридов опустил трубу, оперся о перила. «Может быть, заманивают в сети ловушки, ув-

лекая корабли в лабиринты Архипелага?.. Сцепиться мы вам не позволим, а вот спалить бы вас...»

Подкрались сумерки, но концевые турецкие корабли находились вне дистанции огня. Последующие два дня на море стоял полнейший штиль, и противники, находясь в видимости друг друга, не могли ни схватиться, ни разойтись... Ночью 27 мая, лишь только задул южный ветер, турки ретировались за горизонт.

11 июня у острова Милос соединились обе эскадры, к ним подошел от Наварина отряд Орлова. Спиридов доложил Алексею Орлову о поведении Эльфинстона, но тот и ухом не повел. Главное, чтобы они ему повиновались, а уж этих моряков он сам как-нибудь помирит. Он тут же приказал поднять на своем корабле «Три иерарха» кайзер-флаг — отныне обе эскадры входили в его полное подчинение. В отсутствие неприятеля Орлов вновь возомнил о себе.

К Милосу стягивались все отставшие корабли. Орлов собрал на «Трех иерархах» военный совет флагманов Эльфинстона, капитан-командора Грейга и генералов Федора Орлова, Долгорукова. Мнения флагманов разделились. Эльфинстон предлагал не тратить время на поиски, отстаиваться в какой-нибудь бухте и постепенно завоевывать крепости на побережье. Спиридов горячо протестовал и требовал не давать опомниться туркам, идти в море, искать и уничтожать неприятеля.

— Отец — наш создатель — оставил нам единую заповедь, — Спиридов всем корпусом повернулся к сидевшему напротив Эльфинстону, — во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть. Для того, господин контр-адмирал, устав морской российской флота чтить надобно. — Спиридов сделал ударение на слове «российского», от чего Эльфинстон запыхтел.

Спиридов глубоко вздохнул и вновь повернулся к сидевшему в торце длинного стола Алексею Орлову:

— Намедни прибыли из крейсерского поиска корабли мои — турецкий флот отстаивается за островом

Парос; турок прибавилось, но то не беда. Туда, ваше сиятельство, немедленно следовать надлежит.

Закончив, Спиридов посмотрел на покрасневшего Эльфинстона, перевел взгляд на молчавшего до сих пор младшего по званию капитан-командора Грейса, шотландец одобрительно закивал головой. Оба генерала, переглянувшись, присоединились к мнению Спиридова.

— По сему быть, — Орлов грузно приподнялся.

Командиры выходили из каюты, и он задержал Спиридова. Рядом с ним стоял Федор Орлов.

— Вот, господин адмирал, на кампанию обучения для морским наукам генерала нашего к вам направляем, тем паче тесно нам вдвоем на одном корабле.

Спиридов слегка улыбнулся:

— Наукам морским обучаться, ваше сиятельство, живота человеческого недостаточно. Однако, не учась, и лаптя не сплетишь, милости прошу, граф.

Накануне Орлов-старший поучал брата:

— Будешь бесприменно у Спиридова, он всему голова. Смекаешь, чуть что — оказию ко мне немедленно, дабы не упредил нас в первенстве...

У каждого были свои заботы.

Ранним утром на «Трех иерархах» взвился сигнал: «Эскадрам идти к Паросу».

Три дня спустя эскадра прибыла к острову, но турок как ветром сдуло.

Местные греки сообщили — турецкие корабли запаслись водой, но три дня назад, заведя на горизонте русские паруса — это были разведчики, спешно снялись и ушли.

— Туда, — старый рыбак показал рукой на восток.

«Вдвойне странно, — размышлял Спиридов, глядя на карту Архипелага, — ищут удобства для диспозиции, к Анатолии привлекают... Стало быть, искать их у Хиоса или Тенедоса».

Пополнив запасы воды, эскадра 19 июня легла курсом к острову Хиос. Приближались события, кото-

рые должны были определить — быть ли России полноправной черноморской державой, способной завязывать торговые связи со всеми странами Средиземноморья и далее... Пришло время Спиридова свершить все то, к чему он стремился, показать, чего достиг, явить Европе морскую мощь российскую.

К рассвету 23 июня при слабом норд-осте эскадры огибали остров Хиос с севера, но турки не просматривались. На разведку послали линейный корабль «Ростислав». За ним на видимости шла эскадра. Солнце клонилось к закату. Спиридов стоял на шканцах «Святого Евстафия», следовавшего головным, и внимательно оглядывал горизонт, но не упуская из виду «Ростислава».

По стенам «Ростислава» вдруг проворно побежали стайки сигнальных флагов, лениво расправляемых слабым ветром.

— «Ростислав» показывает — «Вижу неприятельские корабли»! — крикнул сверху, с фор-марса, молодой капрал.

— Вижу, вижу, — не опуская трубы, Спиридов осмотрел горизонт по корме, скалы Хиоса, видневшийся малоазиатский берег с левого борта. Опустил трубу. Прищурил глаза на заходящее солнце.

— На флагмане сигнал: «Ростиславу» возвращаться к эскадре», — доложили с марса.

Отрепетовав сигнал, командир «Святого Евстафия» капитан 1-го ранга Круз закинул голову к стенам. Спиридов, заложив руки с подозрительной трубой за спину и чуть склонив голову, задумавшись, ходил по шканцам. Остановился против Круза.

— Передайте на флагман — «Изыскиваю место якорной стоянки».

На следующее утро, едва рассвело, Орлов прислал за Спиридовым шлюпку. На юте «Трех иерархов» еще издали угадывалась грузная фигура Алексея Орлова, сновавшая от борта к борту. Встревоженный, он сообщил Спиридову, что одних линейных кораблей у ту-

рок не менее шестнадцати против наших девяти. Фрегатов больше раза в два, бригантин да галер и прочих шесть десятков...

На столе, около разложенных карт, склонились командиры отряда кораблей Грейг и Эльфинстон, бывшие ранее на своих шлюпках.

Поздоровавшись, Спиридов несколько минут смотрел на примерную диспозицию Турецких кораблей и лежавший рядом их список.

— М-да, — Спиридов подвинул список. — Похоже, будто Гассан-паша собрал весь флот туретчины... Кораблей, пушек, служителей поболее наших вдвое, не менее... Стало быть, — Спиридов, улыбаясь уголками губ, смотрел на Орлова, — другого случая, краше этого, нам не сыскать...

Орлов, Грейг и Эльфинстон недоверчиво смотрели на Спиридова, и лишь один Ганнибал внимательно вслушивался в его речь.

— Атаковать неприятеля дерзко и токмо, — Спиридов поднял голову, — с ходу, поперек его батальных линий. Нынче турок намертво на якорях сидит. Господь пошлет ветер — тож в нашу дуду задует. Отсель весь замысел. — Спиридов взял со стола гусиное перо, хвостом провел по карте. — Наперво спуститься кильватером правым галсом здесь, — перо мягко зазаскрипело, поворот последовательно фордевинд.

— Как можно? — англичане враз недоуменно вскинули головы. — Поворот «все вдруг» положен...

Спиридов провел по карте ладонью и продолжал твердо:

— Поворот последовательно фордевинд и далее разделиться. Авангардией атаковать на малой дистанции продольным огнем первого флагмана, — перо ткнуло в голову первой линии турок, — пересечь строй и изничтожить. Кораблям же кард баталии навалиться огнем на другой флагман и оный сжечь...

Все это время Эльфинстон пытался что-то сказать, но тут его словно прорвало:

— Но, сэр — Спиридов насмешливо посмотрел на него, а Эльфинстон повернулся к Орлову. — Ваше сиятельство, это есть неразумно, противу всех морских наук, линейных тактик... — Голос Эльфинстона стал надменно угрожающим. — Британский вице-адмирал Джон Бинг недавно получил смертный казнь, — Эльфинстон скептически кивнул на карту, — через такой переступить закон.

Орлов вопросительно повернулся к прищурившемуся Спиридову, который во время тирады англичанина согласно кивал головой.

— То все истина, — ответил Спиридов, кивнув на вытиравшего пот Эльфинстона, — токмо наш создатель сказывал: «Порядки писаны, а времен и случаев нет». Потому, — Спиридов провел острым концом пера поперек строя турецкой эскадры, — корабли наши оберегать надобно, мало их. Так следуя, авангардия весь огонь на себя примет, остальным легче будет. Ну а один на один, — Спиридов улыбнулся, глядя на Орлова, — российского детинушку вряд кто свалит, тем паче турок... Авангардию, ваше сиятельство, прошу нарядить моей эскадре первого удара для...

Орлов все больше проникался симпатией к этому неказистому, занозистому Спиридову, который брал на себя почетную, но опасную и довольно рискованную роль. План его был настолько прост и, главное, понятен ему, что он безоговорочно одобрил его, проговорив:

— Быть по сему.

Спиридов закончил озабоченно:

— Надобно, ваше сиятельство, орудия зарядить двойным зарядом, да и бригадир наш силушкой поможет, — Спиридов, дружелюбно прищурившись, кивнул взгляд на Ганнибала.

Орлов позвал адъютанта:

— Передать на все корабли: «Командирам немедленно прибыть на совет».

Мельком взглянув на довольного отца, Алексей

Спиридов стремглав выскочил из каюты исполнять приказание.

На совете командиров кипели страсти, но план Спиридова одобрили почти все. Горячо поддержал его капитан 1-го ранга Степан Хметевский, командир «Трех Святителей». Отряд Эльфинстона назначили в арьергард.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Эскадра вступила под паруса в полдень 24 июня 1770 года.

— На «Трех иерархах» сигнал: «Гнать неприятеля», — доложил Круз Спиридову.

— С Богом, Александр Иванович, держитесь в кильватер «Европе». Проверьте готовность абордажных партий, музыкантов наверх. Отрепетовать сигнал «Гнать неприятеля!».

Объединенная русская эскадра под свежим норд-норд-остом спустилась в пролив. Спустя два часа корабли выстроились в боевой порядок и, поворачивая один за другим на зюйд-ост, устремились к турецкой эскадре.

За ночь турки успели перестроиться и усилить свои позиции.

Накануне вечером, втайне от капитанов, с кораблей сошел на берег Хиоса турецкий главнокомандующий. Сейчас на юте «Реал-Мустафы» напряженно следил за русскими кораблями флагман Гассан-паша. Настроение у него поднималось. «Эти русские неучи идут, не перестраиваясь, кильватерной колонной в самое пекло». Он передал приказ: «Капитанам открывать огонь самостоятельно...»

«Но что это? Русские подошли на пушечный выстрел и молчат? Вот уже ясно видны фигуры русских офицеров». Гассан-паша приказал открыть огонь. Беспорядочная пальба турок, а артиллеристы они были неважные, не остановила противника, и корабли продолжали устрашающе надвигаться. Стали слышны команды, подаваемые на них русскими офицерами. Гассан-паше становилось не по себе: «Аллах возьми

их, не думают же они проломиться сквозь две линии моих кораблей?» Но вот на шканцах русского флагама прозвучала новая команда, на солнце сверкнула сталь клинка. Спиридов выхватил из ножен шпагу и скомандовал:

— Музыкантам играть до последнего. Сигнальным подать сигнал: «Начать бой с неприятелем».

С обнаженной шпагой переходил он от борта к борту. С первыми звуками марша прогремел одновременный залп двухсот с лишним пушек авангарда. «Европа» вплотную приблизилась к первой линии турецких кораблей.

— «Европа» ворочает влево! — со шканцев, перекрывая грохот, донесся встревоженный голос мичмана.

Спиридов перегнулся через перила. «Европа», резко наклонившись, быстро уваливалась влево. Через минуту Спиридов разглядел на шканцах не отличавшегося ранее трусостью побледневшего капитана 1-го ранга Клокачева. Что было сил, сквозь шум и лязг, Спиридов крикнул в рупор:

— Поздравляю вас, матросы!

Клокачев услышал, затряс кулаком перед лицом местного лоцмана. Тот клялся во весь голос, что «Европа» якобы следует прямо на мель.

Спиридов лихорадочно соображал: «Если по уставу ждать «Европу», уйдет время, турок опомнится...»

— Александр Иванович, — приказал он Крузу, — занимайте немедленно место корабля господина Клокачева.

«Святой Евстафий» вышел в голову авангарда, принимая на себя всю мощь огня турок. Вскоре вражеские ядра перебили почти все снасти и такелаж «Святого Евстафия», паруса обмякли, корабль по течению медленно дрейфовал прямо к борту «Реал-Мустафы», который был объят пламенем.

— Приготовиться к абордажному бою! — Сверкнув клинком шпаги, Спиридов повернулся к музыкантам: — Играть громче, играть до победы.

И вот уже русские моряки открыли огонь из пистолетов и ружий по туркам. Четверть часа спустя бушприт «Святого Евстафия» ткнулся в левый борт «Реал-Мустафы». Громкое «Ура!» заглушило все. Матросы и армейский батальон бросились на abordаж. Будто смерч ворвался на верхнюю палубу турецкого флагмана. Реи и ванты «Святого Евстафия» были сплошь усеяны стрелками, которые расчищали дорогу abordажной команде. Здоровенный детина спрыгнул с формарса-реи прямо в гущу турок, размахивая abordажным топором, прорвался к грот-мачте, ловко взобрался на нее и протянул руку к зеленому флагу с полумесяцем. Сбоку по руке полоснули ятаганом, и она повисла плетью. Сквозь пороховой дым было видно, как матрос, держась ногами за стеньгу, схватил флаг здоровой левой рукой. Через минуту и она, вся в крови, простреленная, безжизненно упала. Тогда нечеловеческим усилием матрос оттолкнулся от мачты ногами, вцепился в флаг зубами и рухнул вместе с ним на палубу. Могучее «Ура!» прокатилось над обоими кораблями. Бой разгорался на всей верхней палубе, на юте наши матросы одолели турецких янычар. К ногам Спиридова опаленный и почерневший лейтенант положил изодранный в клочья кормовой флаг «Реал-Мустафы». Все это время непрерывно вели огонь русские единороги, почти в упор расстреливая «Реал-Мустафу». Вдоль шканцев вслед за дымом появились языки пламени. Паника незримо овладела командой турецкого флагмана. С правого борта «Реал-Мустафы», не замеченная в пороховом дыму, отвалила шлюпка с Гассан-пашой, который понял, что его корабль уже захвачен противником, а бой идет к бесславному концу.

На фок-мачте «Святого Евстафия» начали тлеть паруса, ярко-красные огоньки медленно ползли по вантам.

— Ваше превосходительство, — Круз подошел вплотную к Спиридову, — шлюпка ожидает вас и графа у левого борта, не ровен час, запыхает все...

— Потрудитесь, господин Круз, заняться тушением пожара на баке. — Спиридов и сам видел, что огонь перекидывается постепенно на «Святого Евстафия». А ведь ему командовать всей авангардией...

Круз еле разыскал в каюте побледневшего Федора Орлова и обратился к нему без церемоний:

— Граф, немедленно покиньте корабль со Спиридовым, иначе будет поздно, с минуты на минуту он взлетит на воздух.

Орлов, как ужаленный, выскочил из каюты и побежал на шканцы.

— Господин адмирал, мне необходимость срочная с оказией к главнокомандующему, — запыхавшись, обратился Орлов к Спиридову.

— Ваше превосходительство. — Круз тоже повернулся к Спиридову. — Морской устав требует от флагамена... — Спиридов резко махнул рукой, обрывая Круза.

В это время на «Реал-Мустафе» — совсем рядом, рукой подать — загорелась грот-мачта.

— Сам ведаю. — Спиридов вложил шпагу в ножны, оглядел шкафут. — Через четверть часа прикажите залить крюйт-камеру. Сам Бог видит, виктория наша полная, но чем черт не шутит.

Адмирал, не торопясь, спустился на шкафут и широкими шагами направился к трапу, вслед за ним трусцой семенил, отдуваясь и еле поспевая, Орлов.

Шлюпка успела отойти не более кабельтова, как за кормой раздался грохот. Спиридов обернулся. Горящая мачта «Реал-Мустафы» упала на «Святой Евстафий».

«Теперь конец, крюйт-камера...» — успел подумать Спиридов, и в тот же миг на том месте, где только что стоял «Святой Евстафий», взметнулся в небо гигантский столб, окутанный черным дымом. Не успели раскаты докатиться до шлюпки, как еще больший взрыв разнес в куски «Реал-Мустафу». Спиридов, Орлов и замершие матросы-гребцы перекрестились...

Адмирал сел на корму, взялся за румпель.

— Навались, братцы, мигом на «Три святителя»!

Спиридову было хорошо видно, как со всех русских кораблей быстро спускаются шлюпки — спасать моряков, оставшихся в живых после взрыва «Святого Евстафия» и «Реал-Мустафы». На турецких кораблях и не думали о погибающих моряках, там спешно рубили якорные канаты и торопились побыстрее уйти от пожара в сторону Чесменской бухты.

У трапа «Трех святителей» Спиридова встретил капитан первого ранга Хметевский. Мундир на нем был черный от копоти, рукава изодраны, голова забинтована. Потное лицо, измазанное смесью пороховой сажи и крови, сияло от радости.

— Молодец, Степан Петрович, — коротко сказал Спиридов и обнял Хметевского.

В ходе боя Спиридов пристально следил за дерзкими маневрами подчиненного и восхищался его отвагой.

...«Три святителя» шел в авангарде, следом за «Святым Евстафием». Не успел он поравняться со своим противником — вторым в неприятельском авангарде кораблем, — как ядро сбило бизань, корабль потерял управление и врезался в середину первой линии турок. Хметевский мгновенно командовал открыть огонь с обоих бортов и продольными залпами в упор с десяти сажень расстрелял один за другим четыре корабля турок. Сотни выстрелов сделали комендоры и сбили десятки вражеских орудий. Тем временем боцман с матросами поставили на место бизань, и «Три святителя», не прекращая огня, пошел между первой и второй линиями турецких кораблей, лег на правый галс и занял место в строю. Многие паруса, снасти и рангоут на корабле были перебиты, изодраны, всюду валялись куски дерева и щепы. На палубах, тут и там, в лужах крови, лежали убитые, стонали раненые.

Хметевского ранило осколком ядра в голову. Не сходя с мостика, наскоро замотав рану куском простыни, он продолжал командовать.

На гафеле «Трех святителей» затрепетал вымпел Спиридова. Хметевский, что-то вспоминая, с ехидцей поделился с флагманом:

— Грейг меня с «Трех иерархов» трижды поцеловал в корму. Констапели ихние меня с турком спутали. Перестарался. Ему-то деньгу жалуют вдвое более моего.

Бой продолжался, но гибель флагмана надломила боевой дух турецкой эскадры, и сейчас русским кораблям кордебаталии противостояли в артиллерийской дуэли, по существу, один 100-пушечный «Капудан-паша» да две каравеллы. Они прикрывали остальные турецкие суда, сумбурно покидавшие строй и стремившиеся, кто как мог, поскорее укрыться под защитой береговых батарей в Чесменской бухте. Арьергард Эльфинстона странным образом замешкался и подошел к месту боя, когда противник уже ретировался.

Вскоре последние корабли Гассан-паши прекратили сопротивление и поспешили в бухту. Орудийная пальба затихла. Победа новым маневром над сильнейшим вдвойне неприятелем, когда, сблизившись с турками кильватером поперек их боевой линии, Спиридов нанес удар с короткой дистанции несколькими кораблями по турецкому флагману, была несомненна.

Орлов вызвал к себе Спиридова.

«Виктория очевидна, однако корабли турецкие почти целехоньки», — размышлял Спиридов, поднимаясь на борт «Трех иерархов». Вокруг болтались клочьями рваные паруса, перебитые брасы и ванты свисали за борт, реи перекосились. Тут и там зияли пробоины в фальшбортах и на палубе, виднелись обгорелые части рангоута. Взгляд Спиридова остановился на последних трех кораблях турок, которые втягивались в узкий вход Чесменской бухты. Какое-то смутное ликующее чувство овладело им. «А ведь турки-то сами в гроб лезут», — подумал он. Нет-нет да и вспоминались угрозы Гассан-паши «сцепиться и взлететь на

воздух». Ведь взлетел же на небеса «Реал-Мустафа» после взрыва «Святого Евстафия».

Спиридов с Федором Орловым поднялись на шканцы. Возбужденный Алексей Орлов бросился к ним поздравлять.

— Виктория, виктория ныне славная.

— Ваше сиятельство, виктория там, — Спиридов протянул руку ко входу в бухту, куда под лучами заходящего солнца буксируемый галерами входил последний линейный корабль турок. — Нынче турок спасло безветрие, а завтра... — он обвел рукой вокруг, — надобно немедленно отбуксировать корабли по диспозициям. Закупорить сей штоф, — он кивнул в сторону выхода из бухты.

Они вошли в каюту и через полчаса передали на корабли сигнал о блокировании входа в бухту.

В первую линию поставили неповрежденные корабли Эльфинстона, которого Алексей Орлов наконец-то выругал. Надо было решать, что делать дальше.

Орлов повернулся к Спиридову:

— Ваше превосходительство, верно подметили — виктория неполная. Будем блокировать, пока сил хватит. Турок-то сильнее нас, — тут Орлов поморщился, — и как бы подмога к нему не подошла...

— Ваше сиятельство, должно уловили — подмога. — Спиридов с хитрецей посмотрел на графа и подумал: «А ведь ты, братец, трусишь». — Потому корабли, — Спиридов кивнул на мачты, надстройки, — беспрерывно в боевой порядок привести надобно, для того потребны сутки, не менее... — Спиридов отыскал глазами «Три святителя». — С вашего позволения, ваше сиятельство, поднимаю флаг на «Трех святителях», он более других пострадал. — Адмирал невольно улыбнулся, увидев поднимающегося по трапу сына Алексея.

Генерал-аншеф утвердительно кивнул головой, во всем соглашаясь с первым флагманом...

Следующим утром, едва рассвело, два линейных

корабля и пакетбот открыли заградительный огонь, блокируя выход из бухты.

Военный совет Орлов собрал не мешкая, после полудня в пять часов. В салоне флагманы и командиры линейных кораблей живо обсуждали перипетии минувшего боя. Один Эльфинстон напыщенно молчал, постукивая пальцами по столешнице. Собственно, и говорить ему было не о чем. То ли ветер ослаб, то ли другое помешало, но в бою он так и не участвовал. Тем паче верх одержал Спиридов своей тактикой, и это его корбило.

Главкомандующий, начиная совет, довольно туманно представлял себе, что же делать дальше:

— Господа совет, турки нашими доблестными кораблями ныне крепко заперты в Чесме. Насчитано семь десятков вымпелов ихних, диверсией нашей береговые батарейные орудия того кроме выявлены. — Орлов озабоченно поднял голову, от вчерашней бравადы не осталось и следа. — Турок в сих местах может отсидеть в спокойствии не один месяц, наших припасов надолго не хватит. Определить надобно, — Орлов, опершись о стол, медленно обвел взглядом сидевших, — ближайшую диспозицию и действие наше. — Продолжая стоять, он склонил голову к сидевшему справа от него Спиридову. Тот неторопливо поднялся:

— Полагаю, ваше сиятельство, атаковать турок надо без промедления.

Твердый голос Спиридова подтверждал его решимость.

Орлов махнул рукой, прервав легкий шумок одобрения среди сидевших за столом, и проговорил озабоченно:

— Какова атака, коли у них превосходство вдвое и кругом батарейные орудия на берегу?

— Справедливо, ваше сиятельство, токмо знать надобно, сколько их и где, — Спиридов посмотрел на Ганнибала. — Видимо, «Грому» крепостные батареи надобно заставить замолчать.

Орлов одобрил флагмана.

— Господин бригадир, — повернулся он к сидевшему слева Ганнибалу, — передайте немедленно с нарочным на «Гром» — занять место по вашей диспозиции, начать пальбу по береговым батареям, особенно у входа в бухту.

Спиридов неторопливо продолжал:

— Атаковать огнем, ваше сиятельство, и токмо, — Орлов удивленно поднял брови, — кроме бомб и брандскугелей диверсию учинить потребно брандерами. — Сидевшие одобрительно загомонили. — Гассан-паша нам грозился, а мы его упредим. — Спиридов сел.

Орлов недоуменно поглядывал на сидевших, силясь понять до конца замысел моряков. Он даже не знал, что такое брандер. По его знаку встал и первым высказался Ганнибал:

— Господа совет, адмирал Спиридов, мыслью, наше общее согласие выразил — флот турок порезвее надобно спалить. И не далее, как нынче в ночь.

Только теперь до сознания Орлова дошел смысл сказанного: «спалить, сжечь флот», но что для того надобно? Брандера? Что сие?

Словно читая его мысли, бригадир закончил:

— Под брандеры споро и наилучше употребить греческие транспорты числом три-четыре. Особенно для них отобрать охочих офицеров и служителей.

Через час перед Ганнибалом стояли четыре офицера-охотника, вызвавшиеся идти на брандерах. Они тотчас были назначены командирами зажигательных судов и вместе с ними Ганнибал отобрал из смельчаков лучших матросов.

За час до полуночи 25 июня 1770 года к носу гафеля флагманского «Ростислава» медленно пополз зажженный фонарь. Не прошло и минуты, как на всех назначенных к атаке кораблях зажглись ответные огни.

Потянулись томительные минуты ожидания. Первым по ордеру должен был идти фрегат «Надежда Бла-

гополучия», но минуло полчаса, а фрегат не снимался с якоря. Грейг смотрел в сторону «Надежды», молча жевал губами. Спиридов взял рупор у вахтенного.

— Командир «Европы»! — В ночной тишине стало слышно движение на шканцах «Европы», стоявшей рядом. — Вам начинать не мешкая... — Спиридов сделал паузу и закончил: — С Богом!..

...Как донес Спиридов Адмиралтейств-коллегии *«в 12 часов оный корабль пришел в поведенное место, в ближайшей дистанции лег на шпринг и начал по турецкому флоту палить непрерывным огнем из пушек, ядрами, камнями и брандскугелями...»*

Чесменское сражение началось...

«Европа» приняла на себя первый удар, но вскоре подошли остальные корабли отряда Грейга, и завязалась артиллерийская дуэль. Брандскугель, пущенный с «Грома», попал в середину гротмарселя линейного корабля турок, парус мгновенно вспыхнул, загорелась мачта, и вскоре вся верхняя палуба и корма были в пламени. Не прошло и получаса, как в первой линии неприятеля полыхали три корабля. Турки еще продолжали отстреливаться, но внимание их было уже отвлечено, они бросились тушить пожары.

По лунной дорожке проскользнула тень первого брандера. На первый брандер Спиридов не питал особых надежд... Так оно и случилось. Эльфинстон настырно предложил посадить на него почти всю команду из англичан во главе с капитан-лейтенантом Дугделем. Не пройдя и половины пути, посреди бухты, брандер атаковали две турецкие галеры. Англичане трусили и попрыгали за борт. В последний момент Дугдель поджег брандер и покинул его.

Второй брандер, лейтенанта Мекензи, не дойдя до турецких кораблей, сел на мель и был подожжен. Третий, мичмана князя Гагарина, тоже не достиг цели, его зажгли раньше времени... Четвертый брандер лейтенанта Ильина ловким маневром пересек бухту, быстро сцепился с линейным кораблем, поджег его и взорвал.

В самой середине турецкой эскадры взметнулся, намного выше мачт, огненный столб, громовой раскат потряс все вокруг. Турецкий корабль на мгновение приподнялся вверх и, развалившись, разлетелся на тысячи горящих обломков, пылающими факелами фантастического фейерверка...

В четыре часа утра Спиридов отдал приказ прекратить обстрел турецких кораблей, спустить шлюпки и спасать тонущих турецких матросов...

Спиридов отправил победную реляцию в Петербург.

«...Слава Господу Богу и честь Всероссийскому флоту! В ночь с 25 на 26-е флот турецкий атаквали, разгромили, подожгли, в небо пустили и в пепел превратили. Ныне на Архипелаге в сем пребываем силой господствующей...»

Императрица наградила Спиридова орденом Андрея Первозванного, пожаловала деревеньку.

Но самой приятной наградой для Григория Спиридова было послание *«Из государственной Адмиралтейств-коллегии его высокопревосходительству адмиралу обоих российских орденов кавалеру Григорию Андреевичу Спиридову»*.

Не без волнения вчитывался флагман в приветственные строки своих собратьев:

«Победа и совершенное истребление морских оттоманских сил, дарованные от Бога российскому флоту, Адмиралтейств-коллегию приводит в истинную радость, ибо видит она своего питомца прославителем Российского флота...»

Ни прежде, после Петра I, ни впоследствии ни один флагман русского флота не удостоивался подобного признания заслуг от своих коллег.

Четыре последующих кампании флагман Спиридов командовал русской эскадрой в Средиземноморье. От Дарданелл до Архипелага корабли под Андреевским флагом наводили страх на неприятеля.

Эскадра установила полную блокаду Дарданелл и дважды громила турок, пытавшихся воспрянуть по-

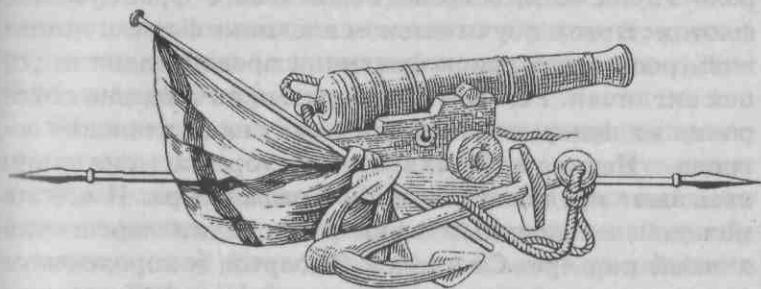
сле Чесмы, уничтожила двенадцать кораблей, построенных ими после катастрофы. От Сирии и Анатолии до Пелопоннеса, от Дарданелл до Кипра и Александрии действовали корабли эскадры, направляемые старшим флагманом.

Не все шло гладко.

Не зря Спиридов пенял Эльфинстона за кичливость. В первую кампанию Эльфинстон продолжал заноситься. Самовольно сняв блокаду Дарданелл, англичанин посадил на камни самый мощный 84 пушечный корабль «Святослав». Чтобы не достался неприятелю, пришлось его сжечь. Разгневанный Орлов наконец-то отстранил Эльфинстона от должности и под конвоем отправил в Петербург. По закону, иностранца надлежало судить, но императрица милостиво отпустила его на все четыре стороны.

В 1773 году турки начали переговоры о мире. Спиридов, полвека тянувший морскую лямку, не первый год прибаливал. В какой-то мере чувствовал себя обойденным после Чесмы. Все лавры достались Орлову. Редкий случай, адмирал подал императрице прошение об отставке. Екатерина теперь в нем не нуждалась. Сдав должность, Григорий Спиридов уехал в Москву⁸, где скончался 8 апреля 1790 года. Похоронили его в селе Нагорье на Ярославщине, в ограде церкви Преображения, построенной на его деньги в 1786 году.

Имя его как-то затерли в анналах истории. Но четверть века спустя, редко ошибавшийся Гаврила Романович Державин изрек: «Спиридов был — Нептун!»

Самуил Грейг

ак рыба ищет, где глубже, так человек, где лучше. Видимо, эта вековая народная мудрость не в последнюю очередь внушала европейцам мысль испытать счастья в России. Там и стужа и неприхотливо, зато деньги платят немалые. Первые иноземные посе-

ленцы появились в Москве на Кукуе при царе Алексее Михайловиче. Среди них был и ревностный католик, добрый вояка, шотландец Патрик Гордон. При Петре Великом дослужился он до чинов полного генерала и контр-адмирала. Столетие разделяет появление на свет Патрика Гордона и его земляка Самуэля Грейга⁹. Что же заставило его, потомственного моряка, лейтенанта, в двадцать девять лет оставить процветающий королевский флот Британии и перейти на русскую службу? Внешне все казалось вполне благопристойно. Происходил Патрик из состоятельной семьи. Окончив Оксфордский университет, в пятнадцать лет поступил волонтером на королевский флот. Не раз плавал в Вест-Индию, вступал в схватки с французами. В 1759 году лейтенант Грейг сражался в эскадре адми-

рала Гаука близ острова Белль-Иля с французским флотом. В этом поучительном поединке выучка экипажей, решимость, риск флагмана предопределили успех англичан. Разгром французов окончательно похоронил их надежды высадить десант на Британские острова. Недаром Белль-Иль историки частенько называют предшественником Трафальгара. И все же молодой, энергичный офицер не видит перспектив в своей карьере. Со времен Стюартов в королевском флоте не очень-то жалуют выходцев из Шотландии. Немаловажное значение для продвижения по службе в королевском флоте имели родственные связи и тугой кошелек. А среди английских офицеров ходили слухи о сравнительной привлекательности службы в российском флоте, там и чины легко добываются и жалованье вдвойне платят....

Екатерина Алексеевна задолго до кончины Елизаветы метила занять российский престол, рассчитывая не только на гвардию, но и на друзей из-за границы. Еще в 1756 году она делилась своими соображениями с английским послом Ч. Уильямсом: *«Когда я получу известие об агонии, через верного человека извещу преданных офицеров, и они должны привести 250 солдат. Они будут принимать повеления только от великого князя и от меня, я направлюсь в комнату умирающей и велю присягнуть мне»*. Сэр Уильямс не замедлил передать Екатерине 10 тысяч фунтов стерлингов, английские купцы выгодно торговали с Россией...

Захватив престол, Екатерина ловко сослалась на «повеление Божье», «он Всевышний Бог, который владеет царством, и кому хочет — дает его».

Морскую мощь англичан не раз подчеркивал при докладе императрице новый чин Адмиралтейств-коллегии, генерал-поручик Иван Чернышев. Довольно искусный дипломат, Иван Григорьевич «заболел» морскими делами в Англии, где четыре года состоял при посольстве. Стараясь освоить азы кораблестроения, прекрасно знал состояние европейских флотов,

регламент их управления, грешным делом, благоговел перед английскими капитанами. Он распорядился русскому послу в Англии приглашать стоящих офицеров для службы в русском флоте.

Об этом и узнал Грейг, причем его сразу же прельстили условия — он перешагивал через две ступеньки и становился капитаном 1-го ранга. Но в английском флоте довольно строгие порядки, перейти на службу в иностранный флот возможно только с разрешения короля. Георг III благоволил русской императрице, и 18 июня 1764 года лейтенант Самуил Грейг, как он отныне стал прозываться, был зачислен на службу в русский флот капитаном 1-го ранга, правда с испытательным сроком.

Дело в том, что еще Петр Великий выговаривал иноземным капитанам — «не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые».

Первую кампанию Грейг в должности командира корабля «Святой Дмитрий Ростовский» плавал в эскадре адмирала А. Полянского и заслужил похвальную аттестацию. В 1765 году он командовал фрегатом «Святой Сергей» в эскадре адмирала С. Мордвинова и здесь о нем отзываются с похвалой...

Не все идет гладко, англичанин еще плавает с перводчиком, но уже присматривается не только к экипажу, но и к конструкции корабля. Он изменил на фрегате некоторые элементы на верхней палубе, шкапцах; для лучшего обращения экипажа с снастями и парусами оборудовал двойной шпиль на верхней и нижней палубе, укоротил мачты, уменьшил толщину рей. Это повышало остойчивость судна. Грейг рассчитывал и на увеличение скорости.

О своих нововведениях он написал рапорт на имя императрицы, переделки стоили немалых денег.

Прибавки в скорости хода не получилось. Об этом отозвался вице-адмирал Спиридов, командующий эскадрой: *«В Англии действительно капитану дана власть изменять против штата, но что они прини-*

маются за счет адмиралтейства только в том случае, если сделают корабль на ходу лучше. Если же лучшего не сделают или еще хуже в ходу будет, то весь причиненный адмиралтейству убыток взыскивается с того капитана. Не для того чтобы спросить, капитан, Грейг думается, по трудолюбию заслуживает похвалу, но для того доношу, что и в Англии власть капитанская, будет подлинна, как по осведомлению моему, состоит ограниченная».

Адмиралтейств-коллегия в конце 1768 года 27 декабря, оценив внесенные Грейгом новшества, рассудила здраво: «Перемены, учиненные Грейгом на «Трех святителях», не могут служить всеобщим правилом и остаются корабли на прежних штатах».

В следующую морскую кампанию 1769 года Россия вступила в состояние войны с Турцией. Длительные подстрекательские происки Франции, по недопущению русских на берега Черного моря, достигли цели. Янычары султана должны отбить охоту у России соперничать с французскими купцами в странах Средиземноморья. Что касается Черного моря, то здесь полновластный хозяин — турецкий флот.

По-иному рассуждали в Петербурге. Приступив к спешному строительству военных судов для Донской флотилии, Екатерина II заинтересовалась предложением своего любимца Григория Орлова. На первом заседании Совета, созванного после объявления войны, неожиданно Григорий Орлов заговорил о посылке в Средиземное море российских судов учинять диверсию туркам со стороны греческого архипелага. Императрица слушала его внимательно, не перебивая, казалось, это импонировало ее взглядам и открывало новые горизонты в замыслах, которые она лелеяла, посылая Алексея Орлова в Адриатику...

Накануне отправления экспедиции в Средиземное море, эскадру посетила Екатерина II. Наряду с другими моряками она пожаловала командира 66 пушечного линейного корабля «Три иерарха», Грейга, званием

капитан-командора. С этого времени Грейг начал вести «собственноручный журнал». Пожалуй, это единственное неофициальное описание экспедиции в Архипелаг, и мы будем придерживаться его канвы.

Балтика встретила русских моряков штормами, наспех приготовленные суда потекли, а линкор «Святослав» поднял сигнал, что терпит бедствие. Пришлось «Святославу» и еще одно судно отправить ремонтироваться в Ревель. Худо-бедно добрались до Копенгагена. В пути на кораблях эскадры пятьдесят четыре раза приспускали Андреевские флаги. Хорошили скончавшихся от болезней матросов. По морскому обычаю, их тела, обернутые матросскими парусиновыми койками, с каменным балластом в ногах, по наклонным доскам спускали за борт, и они навечно скрывались в морской пучине...

Самуил Грейг не упоминает об этих печальных церемониях. Восхищен он ласковым приемом в Копенгагене.

«6 сентября контр-адмирал Елманов, контр-адмирал Грейг и большая часть капитанов флота были представлены Датскому Королю и Королеве русским министром Г. Философовым. Они были милостиво приняты и приглашены к обеду ко двору».

Две недели приводили себя в порядок корабли, пополняли запасы и через Датские проливы направились к Ла-Маншу. Не обошлось без потерь.

У мыса Скаген во время шторма сел на мель и разбился вдребезги военный транспорт «Лапоминка»...

Немецкое море, как тогда именовали море Северное, беспрерывно штормило, сказывалась осенняя пора. Половина судов поломала мачты, некоторые потекли. Эскадра зашла в Гулль взять лоцманов, подремонтироваться.

Флагман вызвал Грейга.

— Я без промедления следую в Средиземноморье. — Спиридов в камзоле, без парика пружинистым шагом расхаживал по салону, изредка посматривая на

моложавого капитана-командора. В службе усерден, обтерся, второй год обходится без толмача. Правда, горист. В сыновья ему годится...

— Останешься в Гулле за старшего, исправишь повреждения на «Трех Святителях», идти тебе на randevu в Гибралтар.

Слушая флагмана, капитан-командор в душе ликовавал. Наконец-то, после пятилетней разлуки он в родных пенатах. Есть чем похвалиться перед друзьями. А насчет ремонта он спокоен. Тут все ему знакомо. Спасибо адмиралу за доверие...

Три недели спустя, «по окончании исправлений на корабле и «Трех Святителей», налитом водой, и по окончании поправок на других судах, отряд под начальством капитан-командора Грейга снялся с якоря и отправился в море. 12 ноября капитан-командор Грейг со своим кораблем «Трех Иерархов» и с кораблями «Трех Святителей» и «Януарий» прибыл благополучно в Гибралтар (где назначен был randevu), не разлучившись во время плавания».

На пути к Гибралтару отряд пересекал сорок седьмую параллель, и Грейг вспомнил минувшее. На траверзе, за горизонтом, скрытом ночной мглой, высился близ устья Луары островок Белль-Иль. Десяток лет тому назад он постоял здесь, в сражении с французами, за честь британского флага...

В Гибралтаре флагмана не оказалось, но Грейг особенно не печалился. Отсалютовав английской эскадре и крепости, русские корабли бросили якоря на рейде. «Во время пребывания на рейде русским кораблям было оказано всевозможное внимание генералом Бойдом, губернатором Гибралтара и командором Проби: при содействии последнего, они налили воду и запаслись провизией и нужными материалами». А вскоре все прояснилось.

На рейде Гибралтара появилось английское купеческое судно, и капитан передал Грейгу письмо от Спиридова: «Приказанием следовать в порт Магон». Не меш-

кая, Грейг на следующий день снялся с якорей и направился со своим отрядом на соединение с флагманом. В порт Магон постепенно прибыли и остальные отставшие суда экспедиции. Более десятка Андреевских стягов развевались в канун 1770 года на рейде главного порта Балеарских островов. В первых числах января флагман срочно затребовал капитан-командора Грейга.

— Будет ведомо тебе, — начал разговор несколько сердитым тоном Спиридов, — что государыня главным командующим над всеми войсками и флотом поручила быть графу Алексею Григорью Орлову. Нынче депешкою предписал он отрядить к нему корабли. Сию миссию возлагаю на тебя. Поведешь отряд в Ливорно и представишься их светлости. Приказ о том получишь сей же день.

Спиридов взял со стола запечатанный пакет:

— Здесь донесения о намерениях моих в Архипелаге, супротив турок, его сиятельству.

В Ливорно Грейг прибыл на «Трех Иерархах» с пакетом. На пути отряд прихватил сильный шторм. На фрегате «Надежда благополучия» сломалась стеньга грот-мачты, и его пришлось вернуть для ремонта в порт Магон.

На берегу Грейг впервые лицом к лицу встретился с Алексеем Орловым. Капитан-командор был неплохо осведомлен о могущественном царедворце и его роли в возведении на престол Екатерины. Но он не знал прошлого и подноготную ловеласа и громилы. Заядлый дуэлянт и страстный любитель кулачных боев, недавно произведенный императрицей в генерал-аншефы, никогда не слышал посвиста пуль и визга ядер в сражениях. Храбрец в дворцовых распрях, он отсиживался в Ливорно, растерянно взирая на происходящее. Боязливые греки не оправдали его надежд.

«Великая государыня! Хотя вся моря и очищена от турок, силы мои так слабы, что я не надеюсь не только завладеть ею всею, но и удержать завоеванные места», — жаловался граф Екатерине.

Два месяца простоял отряд Грейга на рейде, пока граф Орлов надумал идти в Архипелаг на помощь Спиридову. Деятельный и учтивый молодой англичанин пришелся по душе графу, и он сделал Грейга своим морским советником.

Покуда Спиридов не очистил весь Пелопоннес от турок, Орлов не решался покинуть Ливорно.

В середине апреля, прибыв к эскадре Спиридова у Наварина, Орлов с маху надеялся взять крепость Модон при поддержке двух кораблей Грейга. Но сильное подкрепление турок быстро рассеяло трусливо разбежавшихся греческих повстанцев и разгромило многочисленный десант Ю. Долгорукого. Вскоре русские войска оставили Наварин. В море объявился турецкий флот, превосходивший по силе объединенные русские эскадры. Но старший флагман Спиридов, начиная кампанию в Средиземноморье, в приказе по эскадре, наставляя командиров, указывал: *«...для России столь славному да и, так сказать, современному и смелому предприятию, от успеха которого зависеть будет вся будущая слава нашего флота в водах столь отдаленных и по сие время совсем ему неизвестных, вы должны и обязаны отвечать не за себя одного, но и каждый из вас за всех и все за единого».*

После неудач на суше успех экспедиции зависел от исхода схватки с турецким флотом. Несмотря на превосходство турок, русские моряки настойчиво искали неприятеля на море.

24 июня 1770 года в проливе у острова Хиос первым обнаружил турецкую эскадру отряд под командой С. Грейга. На следующий день русская эскадра решительно атаковала превосходящего противника и заставила его укрыться в Чесменской бухте.

В донесении Екатерине Г.А. Орлов отметил стойкость и отвагу моряков: «Все корабли с великой храбростью атаковали неприятеля, все с великим прилежанием исполняли свою должность, но корабль адмиральский «Святой Евстафий» превзошел все

прочие. Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью». — Отметил атаку флагманского корабля и Грейг. «Святой Евстафий»¹⁰, производя быстрый и хорошо направленный огонь, в весьма близком расстоянии от неприятеля, также вышел вперед наветренного неприятельского корабля. Пока флоты находились в этом тесном и жестоком бою, и «Святой Евстафий», как было упомянуто, навалил на наветренный неприятельский корабль и загорелся, турецкие суда, будучи все под ветром... и страшась, чтобы его не несло прямо на них, начали рубить канаты и отдавать паруса и в совершенном беспорядке и ужасе обратились в бегство в Чесменскую бухту. Как скоро русские заметили, что неприятель намерен бежать, граф Орлов приказал обрубить канат на корабле «Трех иерархов» и, сделав сигнал общей погони, преследовал неприятеля до того времени, пока он не вошел в Чесменскую бухту. Турецкие корабли бросились сюда в совершенном беспорядке, сталкиваясь между собою, отчего некоторые из них потеряли бушприты».

Адмирал Спиридов подвел итог боя в Хиосском проливе, первого этапа Чесменского сражения: «Легче мне предвидеть, что сие их убежище будет и гроб их».

В следующую ночь уничтожение турецкого флота началось атакой отряда Грейга. *«Командор бросил якорь против середины входа в бухту, около полтора кабельтова от неприятеля, в первой четверти часа ночи. «Не тронь меня» в то же время бросил якорь около полукабельтова далее и к северной стороне входа. Фрегаты стали против назначенных им батарей.*

Час с четвертью продолжался ужасный огонь с обеих сторон. В это время каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей. Так как грот-марсель был

совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и такелажу. Грот-стенга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

Огненные обломки взорвавшегося корабля разлетелись в стороны, подожгли стоявшие вокруг турецкие корабли. Настала очередь пускать на неприятельский флот брандера небольшие суда, начиненные порохом. По сигналу С. Грейга один за другим на буксирах в бухту проникли четыре брандера, но только один, под командой лейтенанта Д. Ильина, достиг цели, взорвал линейный корабль турок. Полыхавшие факелы накрыли всю бухту и довершили сожжение турецкого флота. *«Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра, — вспоминал Грейг. — Легче вообразить, чем описать ужас, ошолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонула, или опрокинулась от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого».*

Победа русской эскадры была полной. Императрица не скупилась на награды. Самуил Грейг был удостоен ордена «Святого Георгия 2-й степени», и поступил указ о производстве его в контр-адмиралы.

Отныне корабли под Андреевским флагом установили контроль в Восточном Средиземноморье. В составе эскадры Грейг участвовал в операции с целью приобретения базы для флота, блокируя крепость Пелари на острове Лемнос. После ряда бомбардировок с моря и суши турки, не рассчитывая выдержать блокаду и осаду, были вынуждены начать переговоры о сдаче. Однако последняя не состоялась, так как туркам удалось доставить в Пелари подкрепление из Константи-

нополя. Это произошло вследствие самовольного прекращения блокады Дарданелл Эльфинстоном.

Эскадра начала базироваться на острове Порос. А в ноябре А. Орлов на корабле «Три Иерарха» под командой Грейга покинул Архипелаг и отправился в Ливорно, чтобы подкрепить здоровье.

В Ливорно Орлов пробыл недолго и после Рождества уехал в Петербург.

— Будешь ждать меня здесь, — объявил он Грейгу, — доложу государыне план будущей кампании.

Вернулся Орлов только в июне и отправился в Архипелаг, где эскадра Спиридова блокировала Дарданеллы. Орлов распорядился послать Грейга для разведки крепостей к островам Тенедос и Мителена, устью Дарданелл.

В сентябре отряд Грейга с принятым на него десантом прибыл в залив Контеса, вблизи порта Кавалла, захватил несколько складов муки и пшеницы. Запасы продовольствия были перевезены на суда. Попытки противника помешать захвату были отбиты десантом и судовой артиллерией, нанешими туркам значительный урон.

В первых числах ноября Грейг в составе эскадры Спиридова участвовал в бомбардировке крепости Мителены. Под прикрытием огня эскадры был высажен десант под начальством генерала Долгорукого и полковника Толя, который с боем отеснил турецкие войска к крепости, овладел адмиралтейскими складами, сжег находившиеся на стапелях два линейных корабля и одну галеру и захватил в гавани до двадцати мелких судов.

Кампанию 1772 года Грейгу не довелось проводить в стычках с неприятелями. Разгром турецкого флота в Чесме и победы русских войск под Паргой и Кагулом заставили султана начать переговоры о мире.

Орлов, как главнокомандующий, держал флаг на корабле Грейга и большую часть времени отсиживался на рейде Ливорно. Как-то граф неожиданно вызвал Грейга:

— Нынче получил я весточку из Петербурга. Государыня указала послать нам на помощь эскадру. Собирайся немедленно в дорогу. Я тебя рекомандую назначить флагманом сей эскадры.

Слушая графа, Грейг в душе радовался: «Наконец-то и меня заметили».

— Я польщен доверием вашего сиятельства и приложу все старания, дабы оправдать его.

— Ну, так не мешкай. — Орлов любил без задержки претворять свои задумки.

Однако на этот раз, как ни спешил Грейг, замысел Орлова не состоялся. В начале мая 1772 года очередную, четвертую эскадру в Средиземное море повел контр-адмирал Василий Чичагов.

Возвратившись в Ливорно, Грейг получил задание от Орлова совершить набег на Чесму.

В конце октября десант, высаженный с кораблей Грейга, атаковал и захватил крепость Чесму, сжег склады и мелкие суда.

1773 год начался неудачно. При плавании отряда Грейга у Дарданелл во время шторма отстал линейный корабль «Азия» под командой капитана 1-го ранга Толбузина. Скрывшись за пеленой дождя, корабль исчез навсегда, погибнув в море со всем экипажем в 500 человек.

Орлов все-таки добился своего. В октябре 1773 года контр-адмирал Грейг повел в Средиземное море пятую эскадру.

Эскадра прибыла в Ливорно в феврале 1774 года, когда на Средиземном море произошла смена старших флагманов. Вместо подавшего в отставку адмирала Спиридова, старшим флагманом назначили вице-адмирала Елманова. За успешный переход Грейг был пожалован орденом «Святой Анны I степени».

Вскоре выяснилось, что с Турцией подписан мирный договор и войска с эскадрами подлежат возвращению в Россию. Эскадре Грейга предписано погрузить гвардейские полки и доставить их на родину. В конце

1774 года, возвратившись в Ливорно, Грейг был несколько озадачен. Орлов в разговоре с ним наедине предупредил:

— Ее величество весьма озабочено пребыванием в Тоскане одной особы, имеющей притязание на государственный интерес в Петербурге. Недельки через две-три сия женщина со мною будет доставлена к тебе. Встретишь ее по высшему разряду, как положено для царствующей особы, разместишь в моих каютах.

Орлов примолк, испытующе глядя на несколько недоумевающего Грейга, и продолжал:

— С того часа у дверей каюты выставишь караул, и ту особу на палубу не выпускать. Остальное доскажу после.

Проводив Орлова, Грейг смутно догадывался, что здесь кроется интрига. Прежде несколько раз на его корабле вместе с Орловым появлялся принятый на русскую службу юркий неаполитанец де Рибас. Они о чем-то таинственно шушукались в каюте графа. Затем неаполитанец исчез, уехал в Петербург.

Как и было условлено, 12 февраля 1775 года по парадному трапу на борт флагмана поднялась весьма симпатичная молодая женщина в сопровождении графа. Под звуки оркестра, жеманно ответив на приветствие Грейга, она прошла под руку с графом в салон. После обильного угощения граф переночевал на корабле и на следующий день зашел в каюту Грейга:

— Завтра я съеду с корабля и, как тебе сказано, выставишь у дверей каюты караул. Сию персону доставишь в Кронштадт. Бережь ее пуще глаза, яко преступника государственного. Передашь токмо на руки посланцу ее величества.

На следующий день эскадра покинула Ливорно. Уже в море Грейг узнал, что его пленница — княжна Тараканова. Канители с ней пришлось немало.

В Англии, где эскадра спустя полтора месяца остановилась для ремонта и пополнения запасов, на берегу собралась большая толпа. Любопытная публика жаж-

дала увидеть особу, которую, по сведениям из газет, граф Орлов умыкнул в Ливорно. Пришлось сократить стоянку. В Кронштадте Грейг сдал пленницу посланцу императрицы, только получив высочайший указ. Прямо из Кронштадта Тараканову отвезли в Петропавловскую крепость. Не раз потом он жаловался Орлову, что «не имел в жизни более трудной комиссии»...

Впрочем, Орлов вскоре получил отставку, а Грейг спустя две недели был пожалован в вице-адмиралы.

Этим дело не ограничилось. Узнав, что жена Грейга¹¹ на сносях, императрица произнесла:

— Ежели младенец окажется мальчиком, жалую его мичманом.

В августе Грейга назначили командиром Кронштадтского порта, а спустя месяц появился на свет мальчик. Алексей Грейг начал карьеру в звании мичмана. Грейг попросился в отпуск. Екатерина милостию предоставила ему для поездки в Шотландию военное судно.

В последующие мирные годы Грейг почти каждую кампанию выводил эскадры и дивизии на рейд Красной Горки. В 1776 году последовала очередная награда, орден Святого Александра Невского. За это время по предложениям Грейга было внедрено немало усовершенствований на кораблях, а в 1782 году на стапелях Архангельска по его чертежам заложен 66 пушечный линейный корабль «Изяслав». В этом же году Грейга произвели в полные адмиралы, и он получил орден Святого Владимира. С 1785 года Грейг надзирал за перенесением Адмиралтейства из Санкт-Петербурга в Кронштадт.

Вскоре мирная передышка для России прервалась.

Путешествие Екатерины II в «полуденный край» окончательно разбредило воспаленное самолюбие Порты. Не угасли надежды Турции вернуть Крым, остаться, как прежде, полновластным властелином в Черном море.

Едва успела императрица отдохнуть после долгой поездки по южным владениям, как в столицу пришло известие — русский посол в Порте, Булгаков, посажен в Семибашенный замок.

Порта, как это бывало и прежде, без объявления войны напала на наши корабли у Кинбурнской косы, а следом попыталась безуспешно высадить десант под Кинбурном.

7 сентября 1787 года вышел Манифест с объявлением войны Турции.

Все внимание императрица уделяла южным границам, где главнокомандующим назначила своего любимца Потемкина. Потому и решила отправить эскадру Грейга в Архипелаг. В то же время до нее доходили сведения о том, что шведский король Густав III, как она сама писала Потемкину, «в намерении имеет нос задирать». Действительно, неуравновешенный и недалекий король Швеции, которого за глаза называли сумасбродом и тупицей, имел далеко идущие намерения. Разглагольствуя о «рыцарском долге» возмездия за поражение своего предка, он мечтал о возрождении «великой северной державы Карла XII»...

Настаивая на отправлении эскадры Грейга в Архипелаг, Екатерина невольно ослабляла оборону столицы с моря, откуда Густав III намеревался как раз нанести основной удар.

Швеция, низведенная Петром Великим до положения второстепенной державы, давно вынашивала замыслы, как вернуть потерянное величие. Но для этого надо сокрушить грозного соседа. Дело ускорила Порта — за три миллиона пиастров Густав III вступил в союз с султаном.

На исходе мая 1788 года, получив сведения о нападении шведов на пограничные посты в Финляндии, Екатерина II все же приказала адмиралу Грейгу отправить три корабля в Средиземное море. Видимо, императрице весьма хотелось повторить успех Чесменского сражения. Тогда победа русского флота на много

лет озарила славой ее трон. Более того, второго июня в Петербурге заволновались — получили донесение — «Шведский флот в составе двадцати с лишним вымпелов покинул свою главную базу в Карлскроне и вышел в море в неизвестном направлении». Тем не менее императрица своего решения не изменила.

5 июня три русских 100-пушечных линейных корабля «Саратов», «Три Иерарха», «Чесма», имея на борту 500 человек сухопутного войска, под флагом вице-адмирала фон Дезина, снялись с якоря. Адмирал Грейг предусмотрительно выслал следом для наблюдения за шведским флотом три фрегата. «Мстиславец» направился к Карлскроне, «Ярославец» к Свеаборгу, «Гектор» к Аландским шхерам.

Тем временем шведская эскадра встретила отряд фон Дезина. Командующий приказал шведам не салютовать. С 1743 года русско-шведский трактат отменил взаимные салюты. На флагмане шведов герцог, генерал-адмирал Карл Зюдерманландский, вызвал своего флаг-офицера:

— Садитесь в шлюпку и передайте русскому адмиралу, что я требую салютовать флагу флота короля Швеции.

Через полчаса шведский офицер передал фон Дезину требование герцога.

«Шведы явно и нагло ищут повода к столкновению, — размышлял вице-адмирал. — У нас три вымпела, у них двадцать восемь».

— Передайте его величеству, что у меня нет никаких оснований салютовать шведскому флоту, однако, учитывая, что его высочество является братом короля и приходится родней нашей государыне императрице, русские корабли из уважения к родственным отношениям произведут салют.

Не успела шлюпка пройти полпути, как загрели салютные залпы. Герцог самодовольно ухмыльнулся, но, узнав ответ русского адмирала, скис. Известие об этом случае стало известно в Петербурге 20 июля.

На следующий день курьер из Стокгольма привез сообщение — король Густав III выслал из Швеции русского посланника Разумовского. Самонадеянный король бахвалился придворным:

— Мы быстро захватим Финляндию, Эстляндию, Лифляндию по пути к Петербургу. Мы сожжем Кронштадт, затем я дам завтрак в Петергофе для наших прекрасных дам. Наши десанты сомнут русских у Красной Горки и Галерной гавани, а затем я опрокину конную статую Петра.

Положение в самом деле было угрожающим. Императрица нервничала. Своему секретарю Храповицкому она пожаловалась:

— Правду сказать, Петр I близко к границе сделал столицу.

Екатерина II лукавила. При Петре I столица стояла на том же месте; однако войска и флот были всегда на чеку. Устремив все внимание на южные рубежи, власть пренебрегла опасностью. Между тем угроза была явная. Финская граница была по существу открытой — вдоль нее расположились редкие слабовооруженные крепостные гарнизоны. Морские силы оскудели — ушли отряды фон Дезина, вслед собиралась эскадра Грейга, а ведь шведы готовили главный удар на море.

Потому-то на Непременном совете граф Безбородко доказывал:

— Мыслимо ли дожидаться ухода Грейга? За ним Густав под стенами Кронштадта объявится, беды не миновать.

Ему вторил адмирал Василий Чичагов, назначенный командовать оставшимися силами на Балтике. Вызванный срочно в Царское Село, он бесхитростно доложил императрице:

— Корабельный флот назначен весь в Архипелаг. Когда Грейг уйдет, дай Бог, в линию придется выставить — и пяти кораблей не сыщешь, все пусто.

Оставалась надежда на Кронштадт. Но и главный

командир Кронштадтского порта, вице-адмирал Пущин, подтвердил общее мнение:

— Ежели пойдет неприятель с десантом, то уж какой бы арсенал ни был, без людей ничего не поможет. Совершенная беда, когда Грейга из здешнего моря упустим.

Внезапно вскрывшаяся слабость обороны столицы повергла Екатерину в растерянность, и, опомнившись, она распорядилась — эскадру Грейга, направленную в Средиземное море, вернуть, а фон Дезина задержать хотя бы в проливах. И все равно Балтийский флот уступал шведам и по количеству линейных кораблей и фрегатов и по готовности их к боевым действиям. Однако Густав III плохо знал характер русского человека. А уроки предков не пошли шведам впрок. На сухопутье первой на пути шведских войск в северной глуши стояла крепость Нойшлот. Небольшой гарнизон при крепости во главе с комендантом, одноруким премьер-майором Павлом Кузьминым, состоял из престарелых инвалидов. Крепость обложили, сутки сокрушали бомбами из тяжелых мортир. Шведский генерал предложил открыть ворота.

— Рад бы отворить, — ответил парламентару Павел Кузьмин, — но у меня одна лишь рука, да и в той шпага.

Шведы пошли на штурм, но так и не смогли одолеть горстку русских людей.

В народе поднимался, исподволь, гнев против незваных пришельцев. «Подъем был так силен, что солдаты полков, отправленных к границе, просили идти без обычных дневок, крестьяне выставляли даром подводы и до 1800 добровольцев поступили в ряды рекрут», но войск для обороны по сухопутному фронту не хватало — «а потому из церковников и праздношатающихся набрали два батальона, а из ящичков — казачий полк».

Однако исход войны зависел от успехов Балтийского флота. Потому Балтийская эскадра с началом воен-

ных действий была подчинена адмиралу Грейгу. Бывший офицер английского флота четверть века состоял на русской службе. Он входил в ту небольшую плеяду иностранных моряков, верой и правдой служивших своему новому Отечеству.

Эскадра Грейга получила новую задачу — действовать против шведского флота.

В последних числах июня адмирал Грейг получил высочайший указ:

«Господин адмирал Грейг, — писала императрица, — по дошедшему к нам донесению, что король шведский вероломно и без всякого объявления войны начал уже производить неприязненные противу нас действия. По получению сего вам повелевается тотчас же, с Божьей помощью, следовать вперед, искать флота неприятельского и оный атаковать».

Адмирал Грейг вызвал флаг-офицера:

— Поднять сигнал: «Капитанам немедленно явиться на флагман»...

День 28 июня 1789 года выдался маловетренным, временами наступал штиль. Корабли один за другим снимались с якоря и выстраивались в походную колонну.

Закинув голову, Грейг недовольно посмотрел на клотик фок-мачты, там едва колыхался брейд-вымпел. Солнце клонилось к закату, а последние корабли только что выбрали якоря.

— Сигнал по эскадре: курс «Вест!» — отрывисто скомандовал адмирал.

В наступающих вечерних сумерках, на фоне лучей заходящего солнца, обозначились контуры острова Гогланд.

Собственно, эскадра уже который час, вытянувшись в кильватер, следовала на запад, «ловила ветер», подворачивала на 1—2 румба влево-вправо. За дозорными кораблями, несколько поодстав, следовали — 17 линейных кораблей. Флагманский 100-пушечный «Ростислав» шел головным в кордебаталии. Авангар-

дом командовал контр-адмирал фон Дезин-младший, арьергардом — контр-адмирал Козлянинов.

Долгие сумерки сменялись короткими летними ночами. Слабый ветер то заходил к осту, то изменял направление на южные румбы. В наступающих вечерних сумерках 5 июля донеслось с салинга:

— Справа берег!..

Ночью флагманскому кораблю просигналил фонарем шедший из Кронштадта с грузом оружия транспорт «Слон».

Приблизившись, командир «Слона» передал в рупор:

— Три часа тому назад встретил прусского «купца», его капитан передал, что к весту за Гогландом повстречал шведскую эскадру. Более двадцати вымпелов насчитал.

В утренних сумерках с салинга донесся выкрик:

— Вижу неприятеля на горизонте, слева десять!

Уже различались черные точки, мерцавшие далеко-далеко на горизонте, освещенные первыми лучами восходящего солнца.

Спустя полчаса эскадра подвернула влево и легла на курс сближения со шведами. Теперь можно было сосчитать вымпелы неприятеля. Их было тридцать.

«...В четверг 6 июля около полудни, — доносил Грейг, — увидели шведский флот в 15 линейных кораблей, при 40—60 пушечных рангах, в 8 больших фрегатов, и в 5 меньших фрегатов, и 3-х пакетботов, в то же время сделан от меня сигнал: «Прибавить паруса и гнаться за неприятелем».

Грейг решил ускорить сближение с неприятелем боевого ядра и развернул колонну линейных кораблей в линию фронта. Противники медленно сближались. Наступил полдень. Артиллеристы откинули порты, подкатали орудия, поднесли ядра и заряды.

К Грейгу подошел командир «Ростислава», капитан-лейтенант Одинцов:

— Ваше высокопревосходительство, до неприятеля

ля не менее полутора-двух часов ходу. На пустой желудок голова и руки плохо слушаются друг друга.

Грейг молча посмотрел на вымпел, вскинул зрительную трубу:

— Добро. Поднять сигнал: «Командам обедать, но поспешно».

Около четырех пополудни шведская линия была видна со всей отчетливостью, во главе с флагманом «Густав III».

Неожиданно шведы начали маневрировать, изменяя галсы. Грейг не торопился принять решение. Бой надлежало принять по всем правилам морской тактики. Прежде всего он, как положено, скомандовал фрегатам и малым судам отойти к осту и держаться в готовности за линией баталии, не мешая маневрам основных сил эскадры решать исход сражения.

Когда стало очевидно намерение шведского флота — выйти на ветер, Грейг решил не производить перестроение в прежний порядок, для сокращения времени маневра из строя фронта, и скомандовал сразу развернуться в «линию для боя». Теперь в авангарде оказался контр-адмирал Козлянинов, а в арьергарде — фон Дезин.

По неизвестной причине корабли арьергарда не приняли сигнал флагмана. «Иоанн Богослов» вдруг повернул обратно. За ним повернули «Дерись», под командой Вальронда, и «Виктор».

Грейг, обычно сдержанный, оглянулся по корме, крепко выругался и прокричал:

— Повторить сигнал с позывными «Богослову», «Дерись», «Виктору» выстрелить пушку для понятия.

Время уходило, шведы заканчивали перестроение. Грейг прикинул, что у шведов немалое превосходство в орудиях, а тут, на беду, четыре корабля арьергарда вне дальности огня.

— Спускаться на неприятеля, — теперь вся надежда на Козлянинова.

Шведы первыми открыли огонь. В 17 часов корабли авангарда сблизились почти на пистолетный выстрел, дали картечный залп по шведам, сражение началось. Флагман авангарда «Всеслав» лихо атаковал головной шведский корабль. Пороховой дым постепенно окутал обе линии кораблей.

Тем временем «Всеслав» сокрушил-таки головной неприятельский корабль, и он, спешно спустив шлюпки, под буксирами потащился за линию сражения.

Досталось и флагману шведов от «Ростислава». По бортам и за кормой у него волочились на вантах перебитые стеньги и реи, и он тоже покатился под ветер.

Но вот и вся шведская эскадра по сигналу своего флагмана стала склоняться под ветер, не желая продолжать сражение...

Грейг будто не понимал намека — разойтись по-хорошему, азартно вступил в схватку с вице-адмиральским кораблем «Принц Густав».

Командир «Ростислава» — капитан-лейтенант Одинцов — картечными залпами изрешетил его паруса, рангоут и корпус.

В наступивших сумерках все увидели, как пополз вниз кормовой флаг флагмана. Победа воодушевляет, с «Ростислава» донеслось русское «Ура!».

В зрительную трубу стало видно — с «Ростислава» спускают шлюпку и она несется к сдавшемуся «Принцу Густаву».

Спустя полчаса шлюпка доставила на «Ростислав» плененного вице-адмирала Вахтмейстера — адъютанта короля Густава III, командующего авангардом шведской эскадры.

Утомленный Грейг сидел на юте, на раскладном кресле. Когда шведский адмирал приблизился, он медленно поднялся. Вахтмейстер, держась с достоинством, отрекомендовался, обозначив все титулы, начиная с графского, чины и должности.

— Я выполнил свой долг перед королем, но более сражаться смысла не вижу, — с плохо скрываемой до-

садой произнес он по-английски и протянул Грейгу шпагу и вице-адмиральский флаг.

Грейг холодно посмотрел на плененного, немного помолчав, сказал по-русски:

— Флаг сей, как свидетельство капитуляции неприятельского корабля, принимаю, — и передал флаг капитан-лейтенанту Одинцову.

Обратившись к Вахтмейстеру по-английски, Грейг продолжал:

— До окончания военных действий, начатых королем вашим, объявляю вас, адмирал, пленником державы русской. Вы сражались храбро и честно, как подобает моряку. Поэтому возвращаю вам шпагу.

Он протянул шпагу Вахтмейстеру. Тот с поклоном принял ее и пошел следом за конвоиром в отведенную ему каюту.

В наступившей темноте еще тут и там слышались раскаты и ярко светились вспышки редких залпов и отдельных выстрелов. Но становилось постепенно ясным, что сражение завершается. И только далеко к северу глухо доносились многочисленные пушечные выстрелы.

Грейг еще не ведал, что это отбивается от многочисленных атак находившийся в окружении 74-пушечный корабль «Владислав». Один против пяти. С перебитыми такелажем и рангоутом корабль потерял управление, и ветром снесло его в середину шведского боевого порядка. Не получив помощи арьергарда, «Владислав» ожесточенно сопротивлялся, получив десятки пробоин в надводной части, потерял убитыми и ранеными более двухсот человек и в конце концов вынужден был сдаться¹²...

Грейг еще не знал об этом, воодушевленный пленением Вахтмейстера, в темноте показал последний сигнал «Гнать неприятеля», но ему ответил один капитан 1-го ранга Муловский, остальные корабли получили сильные повреждения, а некоторые по невнимательности не разобрали сигнал.

В это время к Грейгу явился офицер с «Владислава» с просьбой о помощи. Идти на выручку с двумя кораблями против полутора десятка было бессмысленно...

Грейг питал надежду предпринять погоню с рассветом, к тому же ветер ночью посвежел. Однако, когда рассвело, стало очевидно, что это не удастся. Шведы, воспользовавшись темнотой, кое-как привели в порядок корабли и, поставив паруса, уходили на север.

Одинцов разбудил Грейга.

— Видимо, спешат в Свеаборг, — сказал адмирал. — И все-таки генеральную линию мы достигли — неприятеля к Петербургу не допустили. Однако сражение могло быть успешным, если бы не странные действия арьергарда.

...Из всеподданнейшего донесения адмирала Грейга:

«Трех капитанов за слабое исправление должности в сражении 6 июля я уже сменил, а именно: командиров фрегатов капитанов 2-го ранга Коковцева, Обольянинова, Вальронда, и отослал их при рапорте в Адмиралтейств-коллегию для исследования».

Эскадра легла в дрейф. На кораблях подсчитывали боевые потери, меняли перебитые снасти, латали паруса, сбрасывали за борт перебитые рей и стеньги. Некоторые корабли получили серьезные повреждения. «Владислав» потерял перебитыми почти все стеньги на мачтах, число пробоин в бортах доходило до 120...

За успех при Гогланде Екатерина II наградила Грейга орденом Святого Андрея Первозванного. Но некоторые моряки — адмирал В. Чичагов, земляк Грейга, капитан 1-го ранга Д. Гревенен — считали, что Грейг промедлил и упустил явную победу.

Две недели эскадра чинилась, приводила себя в порядок, пополняла израсходованный боевой запас, подвозимый транспортами из Кронштадта.

Через два дня пришло донесение от посланных фрегатов: шведская эскадра укрылась в Свеаборге, у входа на внешний рейд стоят в дозоре четыре корабля.

Близилась осень. По утрам находили густые туманы, а иногда моросило. Воспользовавшись этим, Грейг скрыто подошел к Свеаборгу. На подступах к внешнему рейду стояли на якорях три линейных корабля и фрегат шведов. Неожиданно из густого тумана появилась русская эскадра. Пять... десять... двадцать вымпелов. В панике шведы рубили спешно якорные канаты и пустились в шхеры к Свеаборгу. Последним уходил 74-пушечный «Густав Адольф». При входе в шхеры он резко повернул и сел на камни. Корабли авангарда окружили его. Контр-адмирал Козлянинов приказал сделать несколько выстрелов и предложил сдаться. После недолгого размышления кормовой флаг на «Густав Адольфе» нехотя пополз вниз.

— Спустить шлюпки и катера, — распорядился Козлянинов, — завести буксиры и снять шведа с мели.

На «Густав Адольфе» высадились русские матросы, подняли на корме Андреевский флаг под громкое «Ура-а!».

Теперь инициативу прочно взял в свои руки русский флагман. Грейг решил установить блокаду шведов и закупорить их в Свеаборге.

Осенняя штормовая погода держала в напряжении экипажи, особенно доставалось матросам. Эскадра в основном отстаивалась на якорях. Грейг постоянно выставлял дозоры у Свеаборга. Не хотелось упустить безнаказанно шведов. Пользуясь кратковременными штилями в начале октября, шведы пытались помочь Свеаборгу провести мимо Гангута шхерами гребные транспорта, но не удалось.

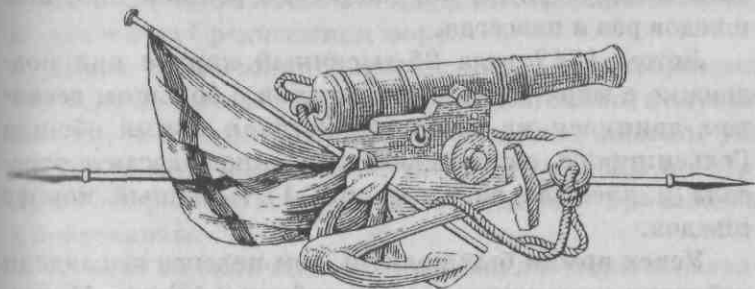
В непогоду рвало снасти и паруса на кораблях эскадры Грейга, студеный ветер с дождем заставлял коченеть на верхней палубе не только матросов. В конце

сентября сильно простудился и слег адмирал Грейг. Оставив за себя контр-адмирала Козлянинова, он ушел на «Ростиславе» в Ревель.

Из письма Козлянинова графу Безбородко, октября 16-го: «С.Г. Грейг умер в Ревельском порте на корабле «Ростислав» 15 октября пополудни в 9 часов».

«Великая государственная потеря», — произнесла императрица, узнав о кончине адмирала Грейга.

Так неожиданно, в 52 года от роду, закончил свой жизненный путь славный английский моряк на русской службе. Последним прибежищем для него стал Лютеранский кафедральный собор в Ревеле.

Василий Чичагов

ятнадцать лет, минувших после кончины Петра Великого, в России вокруг престола происходила чехарда. Сменилось пять правителей. Многих манила императорская корона. «У кого власть, тому и всласть». В конце 1741 года гвардия возвела на трон дочь Петра Великого — Елизавету.

Первые распоряжения «дщери Петровой» указывали на возврат к порядкам, установленным ее родителем. Сенату возвращалось прежнее значение и власть и повелевалось петровские «все указы и регламенты накрепчайше содержать и по ним неотложно поступать».

Флот находился в запустении. Но корабли — не войско, много лет понадобится, чтобы возродить прежнюю морскую мощь России. А время торопило, на море шла война. С июля 1741 года Швеция, объявив войну, вела боевые действия против России. Шведы твердо уверились, что с восшествием на престол Елизаветы при пособничестве Франции им удастся заключить выгодный для себя мир и вернуть земли, завоеванные Петром. Но Елизавета не только не согла-

силась на уступки, но, напротив, решила проучить шведов раз и навсегда.

Летом 1742 года 25-тысячный корпус при поддержке с моря галерной флотилии с большим десантом двинулся из Выборга. Русская армия обошла Гельсингфорс, с помощью высаженного десанта отрезала и пленила наступающий 17-тысячный корпус шведов.

Успех армии был полный, тем нелепее выглядели действия командующего Балтийским флотом Мишукова. За всю кампанию он не предпринял ни одной попытки атаковать шведов, избегая встречи с ними. В этой кампании участвовал и прибывший недавно в Ревельский порт шестнадцатилетний гардемарин Василий Чичагов. Родом из мелкопоместных Костромских дворян, он, после окончания Навигацкой школы в Москве, впервые соприкоснулся с морем и флотской жизнью. На его глазах началась и следующая кампания 1743 года. Елизавета заменила Мишукова, и флот «подтянулся».

Гребная флотилия капитана 1-го ранга Кайсарова стремительно атаковала у Аландов превосходящего неприятеля и вынудила шведов поспешно отступить.

Спустя неделю у Гангута флот под командованием адмирала Головина артиллерийским огнем отогнал шведскую эскадру. Путь русским кораблям к Аланду был открыт. Следом на помощь пришла сильная эскадра новых кораблей из Архангельска, но накануне шведы спешно подписали мир с Россией.

Видимо, гардемарин показал себя. В следующем году Василий Чичагов надел мундир офицера, ему присвоили первое звание «мичман», но этим дело не ограничилось. По петровской традиции, в числе лучших офицеров он отправился на стажировку в Королевский флот Англии. В первые годы Василий Чичагов явился участником стычек на море англичан и французов в борьбе за верховенство в колониальной

войне в Северной и Южной Америке. Не миновали его и схватки на Средиземном море.

После заключения Ахенского мира он изборозил под парусами Атлантику и Индийский океан, получил закалку в штормах, приобрел отличные навыки управления парусами. После восьми кампаний он вернулся на родину и весной 1754 года был произведен в лейтенанты.

Теперь он окончательно прикипел к морю и назначен на фрегат. Сразу на палубу под сень парусов фрегата «Святой Михаил». На нем он отличается в Семилетней войне, становится командиром этого фрегата и заслуженно получает эполеты капитана 2-го ранга. Далеко не каждому моряку доверяют оценку и отбор корабельного леса для строения военного судна. Только сметливый «морской глаз» отыщет среди сотен стволов добротные корабельные сосны. Такую миссию не раз возлагала Адмиралтейств-коллегия на Чичагова. Весной 1764 года Василий Чичагов в чине капитана 1-го ранга командиром ступает на борт 70-пушечного линейного корабля «Ревель». Нынче от его выучки и смекалки зависит, ежели случится, успех в бою. А в мирные будни, дальних и близких походах, под его опекой жизни сотен людей. Но вдруг через три месяца из Петербурга поступила депеша за подписью графа Ивана Чернышева: «Срочно сдать дела и явиться в Адмиралтейств-коллегию».

«Кашу» заварил неугомонный Михаила Ломоносов, коренной архангелогородский помор. Представил малолетнему наследнику, генерал-адмиралу Павлу Петровичу, сочинения «О поисках морского проходу в Ост-Индию Сибирским океаном».

По разумению и выводам прославленного академика выходило, «что в отдалении от берегов сибирских на пятьсот и на семьсот верст Сибирский океан от таких льдов свободен, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателем затертым». В конце своих рассуждений Ломоно-

сов настаивал на отправлении экспедиции в Северный океан. «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, и российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

Предложения М. Ломоносова императрице Екатерине II докладывали адмирал С. Мордвинов и наставник Павла, генерал-поручик И. Чернышев.

— Нынче получила я реляцию сибирского губернатора Чичерина, — начала разговор императрица, — доносит о славных делах мореходов и купцов на Камчатке. Изведали они незнакомые прежде земли американские. Следует послать в те края офицеров да штурманов, судно на казенный счет изладить. Оговорите о сем на коллегии, указ о том последует.

— Ваше величество, надобно купно всей экспедицией отправить вояж в Ледовитый океан по замыслам академика Михаила Ломоносова, — доложил Мордвинов.

— Кого надумал послать?

— Наилучше капитана Василия Чичагова, по ходатайству флагмана эскадры Спиридова задумку имеем. Ежели проход водой вокруг Сибири откроется, соединить обе экспедиции у Тихого океана. Такие вояжи прославят враз деяния вашего величества, — льстиво ввернул Чернышев.

Екатерина имела смутное представление о географии, но уловила значимость затеваемого предприятия. Недавно она читала записку Ломоносова.

— Пусть будет по-вашему, но для пользы сим экспедициям инструкции строгие, по всей науке, сочините для исполнения.

В начале мая поступил высочайший указ коллегии, и на следующий день она заседала. Как обычно, в последнее время главенствовал старший по званию, но не по знанию дела дряхлый адмирал Иван Талызин.

Монотонным голосом Талызин зачитал указ Екатерины. Сообщая «о преполозном открытии доньне не-

известных разных островов», императрица повелела «нашей Адмиралтейской коллегии, по представлению губернатора Чичерина исполнить, отправить немедленно туда по своему рассуждению, сколько надобно офицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке, и прилежание к оной известно было».

Экспедиции Чичагова и Креницына направлялись «в наивысшем секрете, не объявляя до времени сего указа Сенату».

Меры предосторожности были нелишними. После Великой Северной экспедиции и открытия берегов Америки в Европе начали проявлять повышенный интерес к успехам русских мореходов.

Петру Креницыну вменялось по возможности следить, не объявится ли в Великом океане экспедиция Василия Чичагова из Северного океана.

Вскоре по представлении Адмиралтейств-коллегии, полностью одоббившей идею Ломоносова, Екатерина подписала секретный указ:

«Для пользы мореплавания и купечества на восток наших верных подданных за благо избрали мы учинить поиск морскому проходу Северным океаном и далее...»

Вызванному в Петербург Чичагову адмирал С. Мордвинов объявил высочайший указ о присвоении звания «капитан бригадирского ранга», или, по флотски, «капитан-командора».

— Екатерина жалует тебя в кредит, — пошутил Мордвинов, поздравляя Чичагова, — садись, читай покуда секретную инструкцию.

Непривычно чувствовал себя Чичагов. Вокруг сидели умудренные адмиралы — Талызин, Спиридов, Нагаев, граф Чернышев. Но не привык Василий к подобострастию, вида не подавал. Он понял, что согласно инструкции в Архангельске уже строились три судна для похода на Север. Оттуда же отправлены на Шпицберген материалы и припасы для базирования

отряда. Следующей весной надлежало выйти на поиски прохода на восток Ледовитым океаном.

— Ежели не все уловил, копию тебе вручим, сберегай ее надежно, — предупредил Мордвинов. — Без промедления отъезжай в Архангельск. Там ждут тебя командиры Бабаев да Панов. Ежели какая заминка, сноситься будешь только со мной.

В Архангельске на стапелях Соломбальской верфи уже высились корпуса трех судов, построенных для плавания во льдах. Командиров судов, бывалых моряков, капитанов 2-го ранга Василия Бабаева и Никифора Панова, Чичагов знал раньше по участию в Семилетней войне.

На Шпицберген отправлено специальное судно-гукор «Святой Михаил», с запасами провизии и материалами для вояжа, под командой унтер-лейтенанта Матвея Рындина.

Вскоре суда спустили на воду, начали оборудовать и достраивать на плаву. Суда называли по имени капитанов: «Чичагов», «Бабаев», «Панов». Теперь все они дневали и ночевали на судах. Надо было спешить покинуть Архангельск до ледостава.

В конце августа отряд покинул верфи и 5 сентября бросил якоря в Екатерин-гавани, у выхода из Кольского залива.

В полярную ночь моряки продолжали готовить суда к плаванию во льдах. Чичагов обговаривал разные случаи при нахождении в туманах, при шквалах и штормах.

— Наиглавное, не терять друг дружку, — постоянно напоминал он подопечным. — Чуть что — сигналить мне без промедления, — беречь людей от непогоды.

На картах капитан-командор прокладывал маршрут, выспрашивал у местных моряков-старожилов, бывавших прежде на Шпицбергене, особенности пребывания в тех местах.

Наконец, 8 мая 1765 года под Андреевским флагом отправилась в далекий путь первая русская Арктичес-

кая экспедиция. На этот раз военным морякам выпала честь послужить русской науке.

Море Баренца встретило моряков весенними штормами, вперемежку с моросью, туманами и снежными варадами. Благо, почти все время задувал ветер южных румбов, и спустя три недели суда, расталкивая битый лед, вошли в бухту Клокбай на Шпицбергене. На берегу залива виднелись две избушки, сложенные из плавника, приткнувшись к берегу, наполовину во льду, высилось судно. Вокруг него, радостно размахивая шапками, толпился его экипаж.

Чичагов шел до берегового припоя на шлюпке, а потом по льду добрался до суши.

— Лейтенант Рындин, — первым представился командир гукура.

Он обстоятельно доложил о зимовке, почти все матросы и он сам хворали, не хватало плавника для обогрева. Осмотрев запасы провизии, Чичагов распорядился пополнить судовые резервы.

Он подробно расспросил Рындина об условиях плавания к западу от Шпицбергена. Лейтенант, не раз бывавший на Шпицбергене, общался с голландскими и датскими шкиперами-китоловами, рассказал, что те промышляют к северу не далее миль на сотню.

— Не видел ли кто из них проходу по чистой воде к востоку? — невзначай спросил Чичагов.

Глаза Рындина удивленно округлились.

— Такого ни разу не слышал, ваше превосходительство, — ответил он, как бы пряча усмешку. — Какая может быть чистая вода, ежели кругом торосы до горизонта?

— Добро. Проверим твои байки, — отвечал Чичагов. — А мы нынче же уходим. Невесть, вернемся ли до ледостава. Крепись, тогда еще одну зиму перетерпи, покуда за тобой не вернемся.

Рындин оказался прав. Почти полтора месяца отряд Чичагова, поднявшись до 80-й параллели, пробирался сквозь льды на северо-запад. Уже на выходе из

Клокбайского залива судам пришлось расталкивать крошево льда. Неподалеку стояли на якорях китобой. Чичагов послал Панова расспросить шкиперов об обстановке.

— Так что все голландцы твердят: николе к северу. Проходу на восток нет, — сообщил вернувшийся Панов. — Удивлены они таким вопросам. Разглядел я у них суденышки. Они покрепче наших. Обшивка-то у них в четыре доски, а наша лишь в две...

Чичагов молча выслушал и проговорил не смущаясь:

— Не робей, капитан, мы двужилые. Возвращайся, не позабудь, как условились, про сигналы в туманности и сумраке. Передай о том Бабаеву.

Спустя два дня суда поднялись к северной оконечности островов Шпицбергена, вошли в крупнобитый лед. Громадные глыбы преградили путь, суда едва уклонялись от них. Наружную обшивку то и дело обдирали льдины. Вдали, версты за две-три, громоздились сплошные торосы. Отряд повернул назад и двинулся вдоль кромки ледяных полей в Гренландское море. Редкий день не пасмурило, солнце совсем не показывалось. Частенько внезапно находили снежные заряды и суда скрывались за их пеленой.

Для обозначения места каждые полчаса «Чичагов» стрелял из пушки.

«Главное мое попечение, — доносил Чичагов, — состояло в том, чтобы сыскать способы быть вместе трем судам неразлучно, дабы во всякое время не лишиться взаимного вспомоществования; а для того назначены были сигналы, через которые я с другими командирами говорить мог.

Временами мороз прихватывал паруса и снасти, кругом нависали сосульки, леденела палуба. В кубрике круглые сутки тлел камелек, возле него сушили одежду матросы, сменившиеся с вахты».

Чичагов распорядился через день окуривать кубрики и каюты порохом и можжевельником. И все же часть команды постоянно хворала от переохлажде-

ния. Тогда Чичагов приказал всем свободным от вахты быть в непрестанном движении. «Выдумывали такие игры, которые делают большое движение, и матросы, узнав в оном пользу, всегда резвились до поту».

И все же каждый день таил в себе смертельную опасность. Кругом, куда ни кинь взгляд, штормовой океан, *«особливо когда дует крепкий ветер, с превеликим визгом; трепещут паруса, скрепления в корпусе и мачтах, а паче шум от ударов кипящих волн, в которых корабль ныряет, — вспоминал Василий Чичагов. — В таком случае не токмо в отдалении, но и на собственном корабле, даваемое по команде, громогласное повеление слышать почти невозможно; тогда остается только подкреплять себя надеждою на Бога, иметь неустрашимость, веселый и отважный вид, дабы подчиненные не пришли в отчаяние».*

23 июля суда достигли широты 80° 26', севернее, чем это удавалось англичанину Генри Гудзону.

Чичагов собрал капитанов на совет.

— Нынче третий месяц на ходу. Осенние шторма вскоре зачатят, провианту не густо, что делать станем?

Обстоятельно рассудив, капитаны решили возвращаться, не заходя на Шпицберген.

— Слава Богу, покуда матросики все целы и невредимы, — высказал свое мнение Панов.

Из Архангельска Чичагов рапортовал Адмиралтейств-коллегии:

«Итак, за неизмерным количеством льда во все время нашего плаванья, как Гренландского берега, так и сквозь льды, проходу не усмотрено. И по всем видимым нами обстоятельствам северной проход, за непреодолимыми препятствиями ото льдов, невозможен».

В столице адмиралы занервничали. Больше всех горячился честолюбивый вице-адмирал Чернышев.

— Как же так? Государыне обещано, что проход на Восток отыщут, а Чичагов его не сыскал.

Срочно затребовали Чичагова в Петербург.

— Надлежит вам срочно выйти к Шпицбергену, — огорошил Чичагова граф Чернышев, — перезимовать там и весной искать проход на Восток в Северном океане.

Чичагов обстоятельно доложил, что уже поздно, начало сентября, корветы требуют ремонта, до ледостава не успеть. Очень сожалел Чичагов, что скончался М. Ломоносов. Он-то, выслушав его доводы, наверное дал разумный ответ.

В конце концов коллегия решила повторить попытку следующим летом.

19 мая 1766 года три судна покинули Екатерингань. Спустя три недели с попутным ветром отряд достиг сплошного льда западнее Шпицбергена и направился на запад вдоль кромки ледяных полей. Через десять дней им повстречался 3 мачтовый голландский китобой «Корнелиус».

Шкипер Шикиано рассказал, что каждый год в этих местах гибнут суда, затирают льды, а что касается прохода во льдах, он никогда не видел и не слышал.

Прошло пять дней, и затеплилась надежда, что на севере показалась земля. Чичагов сам убедился, что зачастую мореходов подводит природа. «А в этом часто мореплаватели обманываются, — вспоминал он, — так как и мне в нынешнюю кампанию случилось, будучи в широте 78°15' и длине 18°09' 16 июня, когда примеченные мною к западу облака показали землю, и до тех пор находился в сомнении, пока оные стали расходиться и отделились от горизонта».

Еще недавно мореходы пробивались на северо-запад, пока сплошные торосы не преградили путь.

Повернув к осту, суда направились сквозь крошево льда к Шпицбергену, провести зимовщиков.

«После больших усилий они, окруженные льдом, остановились в пятиверстном расстоянии от изб, где помещалась команда. — Повествуется в записках Чичагова. — На другой день начальник экспедиции со-

шел с корабля и направился по льду к строениям; лейтенант Рындин выбежал к нему на встречу со слезами на глазах и в потрясающих картинах описал свою жизнь в этой местности и страдания людей, из всей команды остались в живых только Рындин, комиссар и пять рядовых; прочие все померли».

Слушая Рындина, капитан-командору невольно вспоминался круглый зал Адмиралтейства и рассуждения адмиралов, «вице-президент Адмиралтейской коллегии, граф Чернышев и все члены, рассуждавшие с таким возмутительным спокойствием о возможности или невозможности зимовать на Клокбае и делавшие свои предположения, основываясь на фантазии сытого желудка и мягкого кресла».

С той поры Чичагов зарекся в будущем испрашивать когда-либо советов у Чернышева...

Пополнив запасы провизии и воды и успокоив зимовщиков, что за ними обязательно вернутся через месяц-полтора, «при крепком северном ветре» Чичагов повел отряд в море. Целую неделю встречный ветер дрейфовал суда к югу. С переменной ветра они двинулись к северной оконечности Шпицбергена, окруженной льдами, «июля 48-го, будучи в широте 80°, выше северного конца Шпицбергена, при крепком ветре и тумане, так приблизились ко льду, что уже попали между льдин и только успели отворотиться и сделать сигнал другим судам, а сами еле обошли по ветру превеликую льдину и с опасностью вышли на свободную воду».

С каждым днем погода ухудшалась. Встречные шкипера-китоловы твердили, что они плавают десятки кампаний, и к северу от Шпицбергена лежат сплошные паковые ледяные поля и никакого прохода нет. 18 июля 1766 года экспедиция достигла широты 80° 30'. До сих пор никто из мореходов не поднимался в такие широты. Через несколько дней совет капитанов постановил: поиски прекратить и возвращаться. Почти неделю грузили в Клокбае остатки провизии

и материалов, забрав всех зимовщиков. 7 августа взяли курс в Белое море. Трехмесячное плавание завершилось, и 10 сентября отряд бросил якоря на Архангельском рейде. Итак, на первый взгляд задачу экспедиция не выполнила, не отыскав прохода Ледовитым океаном на Восток. Это в корне не верно. Наоборот, во-яж как раз четко доказал, что такого прохода нет и попытки пробиться к северу на деревянных судах бесполезны. 15 сентября Чичагов отправил донесение с приложением всех карт и письмо Чернышеву.

«Имею честь, — доносил капитан-командор, — вашему сиятельству донести об обстоятельствах моего плаванья, а из приложенных при сем примерных карт усмотреть соизволите, каким опасностям мы были подвержены, особенно при туманах, будучи всегда во льдах. Прошли на виду льда до самой невозможности, но не оставляя ни одной бухты или залива, которые бы не были нами осмотрены. Напоследок убедились, что положение льда простирается с севера на восток, и обойдя северо-западный конец Шпицбергена, соединяется с землею. С вероятностью заключить можно, что северный проход невозможен».

Однако все аргументы и доводы Чичагова пролетали мимо ушей Чернышева, и он так и не сумел «разубедить графа Чернышева в его понятиях о Северном море». Естественно, настроение своего докладчика разделяла и императрица, разочарованная итогами экспедиции¹³. Только личный доклад Чичагова и его доводы несколько смягчили «гнев и недовольство императрицы». Выслушав капитан-командора, она распорядилась подготовить указ — *«Желая оказать нашу милость и удовольствие за приложенное старание, к достижению до повеленного предмета, бывши в некоторой экспедиции на наших флотских офицеров, а именно: капитана бригадирского ранга Чичагова, капитана первого ранга Панова, капитана второго ранга Бабаева, капитан-лейтенантов Борноволокова, Пояркова, лейтенанта Рындина, всемилостивейше*

повелеваем нашей адмиральской коллегии производить им вечный пансион, награждение сделать и прочим бывшим с ними нижним служителям, которые то заслужили, дабы все, видя столь отличные наши милости, усердным и тщательным исполнением в таковых им порученных делах, такого же жребия достойными оказать себя старались».

Без роздыха приступил Чичагов готовить экспедиции для кораблей в Кронштадте. В те годы корабельные команды были укомплектованы едва ли не наполовину и то необученными рекрутами, о чем не раз докладывали Адмиралтейств-коллегии Мордвинов и Спиридов. Да и кораблей добротных на Балтике не хватало. Архангельские верфи существенно подкрепляли Балтику, и вскоре командиром Архангельского порта назначили Чичагова.

Хорошо знакомый с обстановкой Чичагов поначалу пресек казнокрадство и злоупотребления. Вместо четырех линейных кораблей на стапелях Соломбальских верфей заложил шесть единиц.

Началась война с Турцией, и Архангельск послал для Средиземноморской эскадры Спиридова два добротных линкора: «Ростислав» и «Всеволод», и два пинка: «Нарген» и «Гогланд». Чичагова в начале 1770 года повышают в чине, и его, контр-адмирала, вызывают в Петербург, назначают командующим эскадры. Спустя две кампании, он вслед за Спиридовым ведет четвертую эскадру в Средиземное море, за что был удостоен ордена Святой Анны.

Вскоре он снаряжает и отправляет пятую эскадру на Средиземное море под командой С. Грейга.

Война с турками продолжается, и Чичагова в конце 1773 года командируют на юг, в Донскую флотилию, к вице-адмиралу А. Сенявину. Чичагов с начала кампании во главе небольшой эскадры отправляется прикрывать подступы к Азовскому морю.

На рассвете 9 июня 1774 года сигнальщики заметили турецкую эскадру.

— Держать на неприятеля! — скомандовал Чичагов, поглядывая за корму. В кильватер флагманского фрегата следовали еще два фрегата и два «новоизобретенных» судна. «Не особенно густо, — размышлял флагман, — менее двухсот пушек». Глядя в подзорную трубу, Чичагов чуть не сбился со счета. «Пяток кораблей линейных, девяток фрегатов, три десятка галер. Пушек сот семь-восемь».

— Барабанщики навех! Орудия к бою! Сигнал по эскадре: «Гнать неприятеля!» — лихо скомандовал флагман.

Раздались первые залпы.

Турецкий капудан-паша усмехался: «Русский рехнулся, лезет в пасть смерти». Но все же приказал разделить эскадру. Меньшую часть направил против русских. А с большей устремился к Керченскому проливу. Главное для турок — прорваться в Азовское море.

Но Чичагов сразу разгадал хитрость противника. Развернув свою небольшую эскадру, он стремительно двинулся наперерез туркам к крепости Керчь. Там на берегу батареи по команде флагмана пяток русских кораблей выстроились поперек пролива, отдали якоря и открыли шквальный огонь по приближающимся турецким кораблям. Солнце скрылось за Четыр-Дагом, загустели сумерки.

Капудан-паша досадовал, не стал рисковать и отошел к крымским берегам. Контр-адмирал Чичагов выстоял в первой схватке с врагом, с честью принял боевое крещение, заслужив похвалу А. Сеньявина.

Спустя три недели турки с усиленной эскадрой снова пытались атаковать, но их встретил яростный огонь. На помощь Чичагову подоспел с эскадрой вице-адмирал А. Сеньявин. Это была последняя атака турецкого флота. 10 июля 1774 года был подписан мирный договор с Россией. Азовское море навсегда отошло к России.

Святой Георгий IV степени и звание вице-адмирала были наградой Василию Чичагову.

Несколько лет, в мирную передышку, водил Чичагов эскадры на Балтике, в Средиземном море, был главным командиром Ревельского порта, в 1782 году произведен в адмиралы, награжден орденом Святого Александра Невского.

Но затишье в 1787 году прервалось. Не смирившаяся с поражением Турция объявила войну России, Екатерина вознамерилась возобновить прежние успехи, послать эскадру Грейга в Средиземное море. Но затея не удалась.

Войну на Балтике развязал король Швеции, Густав III, двинув в Финский залив мощный флот. В Гогландском сражении осенью 1789 года эскадра адмирала Грейга отстояла подступы к Петербургу, но сам адмирал скончался.

Адмиралу Чичагову предписали вступить в командование Балтийским флотом.

Зимняя стоянка в Ревеле прошла в заботах об оснащении кораблей. Новый командующий флотом адмирал Василий Чичагов вооружал эскадру, готовил экипаж к предстоящей кампании. Как-то Екатерина спросила его обеспокоенно — силен ли противник, Чичагов ответил:

— Да вить не проглотит...

В датских проливах застряла эскадра фон Дезина. Ему приказали еще осенью перейти в Ревель, чтобы соединить Балтийский флот в единый кулак и громить шведов. В августе к нему в Копенгаген пришла эскадра новопостроенных кораблей из Архангельска. Самонадеянный, но не расторопный, а подчас и недалекий фон Дезин протянул время. Без видимых причин, самовольно снял блокаду главной базы шведов, Карлскроны, и шведская эскадра без препятствий укрылась в ней.

— Фон Дезин проспит и потеряет корабли, — сказала как-то Екатерина в сердцах.

Наконец-то его заменили. Новому командующему, вице-адмиралу Козлянинову, объяснять обстановку

необходимости не было. В схватках со шведами он знал цену каждому кораблю, каждой пушке. Как правило, шведы имели превосходство в кораблях и артиллерии. Поэтому, собрав командиров, он сказал:

— Ревельская эскадра бьется с превосходящим ее неприятелем, а здесь корабли ракушками обрастают.

Командиры вострепнулись...

В конце апреля ревельская бухта вскрылась ото льда, и корабли один за другим вытянулись на внешний рейд.

На исходе мая на Рейде бросила якоря эскадра контр-адмирала Алексея Спиридова — сына героя Чесменской победы.

С началом кампании отрядные вести пришли из Финляндии. Войска генерала Михельсона вторглись на шведскую территорию, заняли Христину и, развивая наступление, нанесли шведам поражение под Сен-Михелем.

Флоту надлежало не упустить прошлогоднюю инициативу.

В конце июня Козлянинов сообщил, что шведская эскадра отстает на рейде Карлскроны и «испытывает великий недостаток в людях, притом много больных и умирающих». Видимо, не зря держали шведов в блокаде у Свеаборга. Чичагов воспользовался этим, предписал Козляникову идти на соединение с ним и вышел с эскадрой в море. Шведы были настороже, русская эскадра оказалась грозной силой.

«Как скоро флот наш вступит за Нарген, то везде по шведскому побережью воскурились огни, в расстоянии один от другого около трех миль, вероятно, это были знаки, извещающие о выходе флота нашего в море».

Эскадра Чичагова направилась вдоль берегов Швеции к проливам. Впервые русский флот диктовал свои условия в этих местах.

В донесении Чернышеву Чичагов сообщил: *«Отправляясь с Божьей помощью в Балтийское море*

с флотом, 14 числа июля встретился с неприятельским флотом под предводительством самого герцога Вюдерманландского».

Дул северный ветер от норд-веста. Далеко справа угадывались контуры острова Эланд. Шведы едва виднелись на горизонте. Чичагов, обнаружив шведов, усмехнулся:

«Герцог, стало, не спешит на встречу с нами, хотя у него более тридцати пяти вымпелов против наших тридцати».

Герцог явно нервничал. Испытав в прошлую кампанию силу русской эскадры, он стал осторожным. С другой стороны, он имеет задачу воспрепятствовать соединению эскадр Чичагова и Козлянинова и надо хотя бы попытаться спугнуть этих русских.

На рассвете 15 июня шведы выдерживали дистанцию, не желая сближаться.

— Прикажите убавить парусов, — скомандовал Чичагов, — пускай герцог видит, что мы ждем его безбоязненно.

Адмирал вдруг подозвал командира:

— Распорядитесь выставить люки в наветренном борту и пускай несколько матросов искупаются. Быть может, это поторопит шведов на встречу с нами.

Через два часа корабли авангарда шведов сблизились на дистанцию огня и произвели первые залпы. Началась перестрелка авангардов. Постепенно в сражение втянулись корабли основных сил кордебаталии. Имея преимущество в ветре, шведская эскадра теряла возможность вести прицельный огонь. Дым от собственной пушечной стрельбы сносил на линию кораблей русской эскадры, и наводить орудия приходилось ориентируясь по мачтам и такелажу. Впрочем, русским канонирам приходилось наводить орудия почти вслепую. Сплошные клубы дыма смешивались с наносимой ветром пеленой от неприятельских залпов и сплошь окутывали борта кораблей. Судя по характеру начавшейся перестрелки, чувствовалось, что

флагманы обеих эскадр не намерены рисковать и стараются избегать решительной схватки. И все же продолжавшаяся с «двух часов пополудни до самого вечера» артиллерийская дуэль нанесла обеим сторонам ущерб.

Заметив перестроение русской эскадры в боевой порядок, шведы поставили полные паруса и легли курсом на Карлскрону. Чичагов не оставлял своего намерения и продолжал погоню.

Слабый ветер и наступившая темнота помогли эскадре герцога уйти от погони и ретироваться в свою главную базу.

Еще накануне сражения Чичагов предписал Козлянинову идти на соединение. Спустя пять дней обе эскадры встретились. Теперь по количеству боевых кораблей силы русской и шведской эскадры уравнились. Однако флот Густава III не проявлял желания вступать в схватку и напроочь укрылся в Карлскроне. Полностью владея обстановкой и убедившись, что шведы явно уклоняются от сражения, Чичагов увел корабли в Ревель.

Корабли приводили себя в порядок, готовились крейсировать в дозорах.

Зима 1790 года на Балтике выдалась на редкость теплая, и погода носила переменчивый характер. В ноябре легкие морозы сковали Ревельскую бухту, но внешний рейд оставался чистым ото льда. Потом вдруг зарядили дожди, и весь лед враз растаял. В конце января подморозило бухту, а спустя неделю наступила оттепель, которую сменили вновь холода, и Ревельская бухта замерзла.

Частые и резкие изменения погоды играли на руку шведам. Основная акватория Финского залива в эту зиму не замерзала, и шведские корабли плавали свободно. Кронштадтская же и Ревельская эскадры разоружались на зиму, к активным действиям готовы не были, а меняющаяся обстановка усугубила положение. Швеция получила деньги от Англии и Пруссии,

увеличила сухопутную армию, а флот довела до 350 гребных судов.

Располагая флотом до 40 линейных судов, Густав III предполагал вначале уничтожить зимовавшую в Ревеле эскадру Чичагова, а затем по частям уничтожить разбросанные по разным местам отряды гребного флота. В дальнейшем, перехватив инициативу, король намеревался блокировать Кронштадт, высадить десант к Ораниенбауму и двинуть войска на Петербург, осуществив первоначальный замысел войны.

Кампания началась с конфуза для русских.

В начале февраля адмирал Чичагов по делам уехал в Петербург. Шведские корабли, воспользовавшись свободной ото льда чистой водой, крейсировали вплоть до острова Сескар. Убедившись в отсутствии наших кораблей, два шведских фрегата, подняв голландские флаги, 6 марта неожиданно вошли в гавань Балтийского порта и застали врасплох небольшой гарнизон городка Регервик.

Комендант порта полковник де Роберт, увидев шведские корабли, растерялся и никакого противодействия не оказал. В крепости находилось 40 орудий и 300 солдат, но сторожевой службы не было.

Шведы с фрегатов высадили десант всего в 50 матросов, захватили и заклепали неохраняемые орудия, открыли с кораблей стрельбу по городу и крепости. Де Роберт капитулировал, сдался в плен, а шведы потребовали 4 тысячи контрибуции с мирных жителей, угрожая разгромить дома горожан. На помощь в Регервик выслали из Ревеля 700 солдат, но было поздно — шведы в тот же день забрали десант и ушли в море.

Екатерина негодовала:

— Негодьяй де Роберти сделал постыдную капитуляцию — магазины выжжены, пушки заклепаны и от города заплачено четыре тысячи рублей. Что же он спас? Хочу знать. Себя только.

Возвратившись в Ревель, Чичагов начал вооружать корабли. Рассчитывать приходилось только на собственные силы. Кронштадт не поспевал.

В Кронштадте в середине апреля сильные восточные ветры согнали воду, и в гавани тяжелые линейные корабли сели на дно. Экстренно сбрасывали пушки за борт, чтобы корабли вывести на рейд. Кронштадтская эскадра явно не успевала к Ревелю. В последних числах апреля Чичагов вызвал на «Ростислав» командиров. Адмирал изложил план действий:

— Судя по всему, шведы не сегодня-завтра предпримут атаку. У них превосходство в пушках более чем в два раза. Отражать неприятеля будем на якорях. Диспозиция эскадры следующая.

Чичагов обозначил позиции кораблей на карте.

— Первая линия из линейных кораблей, отступая на два кабельтовых от нее, против монастыря Святой Бригитты, вторая линия из фрегатов, в центре, по обе стороны от «Ростислава» — фрегаты «Слава» и «Подражеслав». Фрегатам вести огонь в интервалах. Позади фрегатов третья линия из семи катеров.

Чичагов сделал паузу, отошел от карты и продолжал:

— Неприятель имеет превосходство огнем и маневром. Но узость бухты не предоставит ему большой свободы. Пушечные залпы производить по рангоуту и парусам. Сокрушив снасти и паруса, мы затрудним им маневр, а выучкой канониров покроем преимущество их в пушках.

...На следующий день появилась на горизонте шведская эскадра. Неприятельская эскадра лежала в дрейфе севернее Наргена. В предрассветных сумерках 2 мая на флагманском корабле «Густав III» в салон флагмана, генерал-адмирала герцога Карла Зюдерманландского, вызвали командира корабля подполковника Клинта.

Несмотря на ранний час, герцог, одетый по полной форме, сидел в кресле, допивая горячий шоколад со

сливками, даже на корабле он не изменял своим привычкам.

— Его величество запретил мне в нынешней кампании подвергать свою жизнь опасности и ввязываться в боевые стычки с русскими.

Поставив чашку на столик, герцог встал:

— Передайте на фрегат «Улла-Ферзен» подойти к борту.

Клинт понимающе склонил голову, а герцог продолжал:

— Я перейду на фрегат со своим штабом и буду находиться за линией баталии. Генерал-адмиральский флаг не спускайте, здесь останется мой адъютант. Подданные короля должны чувствовать наше присутствие в сражении с русскими. Однако, — закончил герцог, — следите за моими сигналами и дублируйте их от имени флагмана.

— Будет исполнено, ваше высочество, — отклонился Клинт.

В лучах восходящего солнца эскадра начала перестроение в боевой порядок, постепенно вытягиваясь в кильватерную колонну. Герцог окинул взглядом армаду своих кораблей. На этот раз превосходство должно, наконец-то, сломать русских. Внезапно лицо генерал-адмирала омрачилось. В зрительную трубу четко просматривалось, что «Таррер-Гетен», шедший в строю, замешкался с парусами, рыскнул в сторону и замер как вкопанный.

Было видно, как спешно отдают снасти, и все паруса тотчас убрали.

На эскадре Чичагова враз заметили промашку неприятеля и определили, что он сидит на мели, севернее Наргена.

«Все, на семь десятков пушек у шведа ubyло, и то ладно», — подумал Чичагов и еще раз взглянул на вымпела.

Ветер от веста покрепчал.

— Поднять сигнал: «Подобрать восточные шпринги». — распорядился он.

Приняв сигнал, корабли медленно разворачивались правым бортом к неприятелю, неспешно приближающемуся с севера. Завтракали команды нынче спозаранок. Перед боем матросу надобно подкрепиться. Чичагов подозвал Одинцова, командира «Ростислава».

— Передать на корабли: «Команде разрешается обедать, но сделать это поспешно».

Спустя час головной корабль шведов довольно резко спускался под ветер, с каждой минутой сокращая дистанцию. На «Ростиславе» взвились флаги: «Приготовиться к бою». Повсюду на кораблях воцарились минуты напряженного ожидания предстоящего боя. Матросы и офицеры, как положено, переоделись в чистое белье. В батарейных палубах, опер-деках стояла напряженная тишина. Даже обычно балагурившие матросы невольно притихли, молча всматриваясь в откинутые настежь порты, стараясь первыми увидеть вражеские корабли. Все они давно стояли по своим местам. Банники, ганшпуги, шнуры от пушечных замков были в руках у канониров, и только легкий дымок курился от запальных фитилей.

Первый выстрел недолетом по переднему кораблю произвел «Изяслав». Значительно посвежевший ветер между тем усилил волнение, и накренившиеся шведские корабли слегка раскачивало. Шведы решили повернуть через фордевинд на левый галс и атаковать, проходя вдоль всей линии русской эскадры.

Первый же залп шведов выявил недостаток их маневра. Головной «Дристикгетен» произвел залп, повернув на большом ходу, сильно накренился на правый борт. Нижняя батарейная палуба почти ушла в воду, а верхняя открылась для русских командоров. Этот залп шведов успеха не имел, ядра рикошетировали и падали в воду с недолетом.

Ответные залпы русских канониров били прицельно и метко. С рваными парусами и перебитыми снастями «Дристикгетен» спешно уходил к острову Вульф. Такая же участь постигла следующий 74 пушечный

«Роксен Стендер». Получив тяжелые повреждения, он в довершение сел на мель у острова Вульфа.

Вот показался флагман «Густав III». Едва он стал приводиться к ветру, как метким выстрелом с «Ярослава» убило матроса на грот-марсе. Падая вниз, тот попал на блок подветренного фока-браса. Его куртку и руку заело на блоке. Матросы бросились отдать снасти, чтобы освободить шкив, но одним ядром с «Ростислава» убило семь человек. Фор-марсель заполоскало, парус лег на стеньгу, и «Густав III», потеряв ход, начал дрейфовать к «Ростиславу». Оттуда на него посыпались ядра и картечь, а экипаж приготовился взять его на абордаж. Между кораблями оставалось всего саженьей двадцать, когда наконец-то очистили паруса и «Густав III» с трудом выбрался на ветер.

Сопровождаемый залпами с «Болеслава» и «Победоносца», с изорванными парусами, перебитой грот-стеневой он едва ушел под нижними парусами... Заднему мателоту флагмана 64 пушечному «Принцу Карлу» еще больше не повезло. На повороте ему перебило грот и фор-стеневы, сплошной шквал огня накрыл палубу и борта потерявшего управление корабля. Всего 10 минут прошло с начала схватки, и капитан принял единственное решение: «Принц Карл» стал на якоря, спустил шведский флаг, и под крики «Ура!» на корме ватрепетал на ветру Андреевский стяг. Такая же участь чуть было не постигла следовавшую за ним «Марию Магдалину», но «Принц» невольно прикрыл его от русских пушек своим корпусом.

В эти самые минуты на «Улла-Ферзене» герцог уже не терзал себя сомнениями — исход сражения был предрешен. Участь «Принца Карла» могут разделить еще девять кораблей, не вступивших в сражение.

— Сигнал по эскадре: «Прекратить сражение. Отойти к норду», — произнес побледневший Карл Зюдерманландский.

Глядя вслед улепетывающим шведам, Чичагов был доволен. Пленен линейный корабль, вдали полы-

хает, приткнувшись на мели, «Роксен Стендер». У выхода из бухты на мели возле Наргена с «Таппер-Гетена» спешно сбрасывали пушки за борт. Потери неприятеля в людях не менее двухсот человек, захвачено в плен пятьсот шведов.

— Капитаны понесли потери, — сообщил адъютант, — восемь убитых, двадцать семь раненых.

— Поднять сигнал: «Бой кончить. Капитанам прибыть на флагман, — довольным тоном произнес Чичагов. «Теперь главное — привести в порядок корабли, набрать экипаж для плененного «Принца Карла», ввести его в строй и двинуться на помощь к Крузу в Кронштадт. Шведы наверняка не уgomонятся, попытаются наверстать упущенное».

Вскоре поступил высочайший указ о награждении Чичагова орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Получив в Ревеле от ворот поворот, шведы не угомонились.

Герцог Карл, едва оправившись от потерь у Ревеля, решил взять реванш, о чем сказал на совете флагманов:

— Наши потери немалые, но и русских мы потрепали. Пока что они не собрались с силой, предполагаю атаковать эскадру в Кронштадте. Там кораблей вдвое меньше наших.

Он вопросительно посмотрел на своих флагманов — Модея, Лейонанкера, Норденшельда.

— На Кронштадт, — вставая, решительно ответил Норденшельд. — Надобно проучить наконец-то русских увальней.

— На Кронштадт! — вторили ему оба флагмана.

Из Карлскроны подошло подкрепление: два линейных корабля и фрегат.

Ровно через три недели после Ревельского сражения на меридиане Красной Горки встретились эскадры шведского генерал-адмирала и Кронштадтская эскадра вице-адмирала Круза. Корабли Круза были вооружены наспех, не хватало людей. Перед выходом на

корабли прислали армейских офицеров, а вместо матросов — денщиков и арестантов.

Эскадры встретились 23 мая. Два дня с перерывами продолжалось сражение. Но шведы не дошли до Кронштадта. К концу сражения у них кончились боеприпасы, а главное, с запада подходила на помощь эскадра Чичагова. Шведы отошли на север и укрылись Выборгской бухте. Здесь под предводительством самого короля собрались около сотни парусных и двухсот гребных военных судов. Адмирал Чичагов установил блокаду шведского флота. Почти все русские флагманы высказались за решительные действия. Все требовали батарей на северных мысах, брандеров и общего сражения, все горело желанием идти в атаку.

Но верный своей тактике опытный Чичагов не рисковал понапрасну.

«У шведов как-никак более двух десятков линейных кораблей, десятков фрегатов, тыщи две пушек, сотня галер, — размышлял умудренный адмирал, — у меня примерно столько. Шведы пойдут напролом, им терять нечего, а мне сберечь флот надобно».

Заблокировав все верные проходы кораблями, Чичагов допустил одну оплошность: не соорудил батарею на мысе Крюсерорде. Адмирал полагал, что шведы будут основными силами прорываться северным фарватером.

Почти месяц шведы ждали попутного ветра, и в ночь на 22 июня двинулись на прорыв. Ожесточенный бой продолжался больше шести часов. Большая часть шведских кораблей все-таки прорвалась, и в погоню за неприятелем двинулась эскадра Чичагова. Итог сражения — наш флот пленил 21 судно, 4 линейных корабля, фрегат, 4 галеры. Было уничтожено более сорока судов, в том числе три линкора, два фрегата.

Русский флот потерь в кораблях не имел.

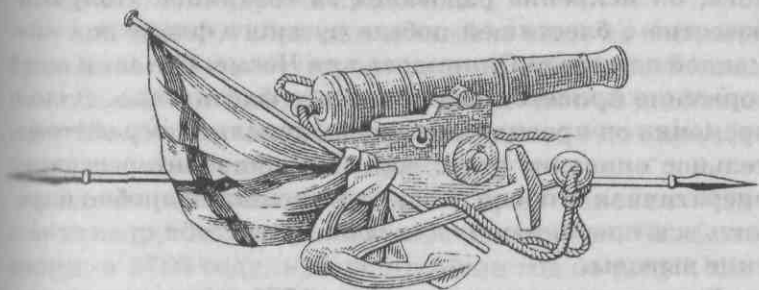
За Выборгское сражение Василий Чичагов, единственный из моряков, был награжден орденом Святого Георгия I степени.

Вскоре шведы уgomонились, поняли, что морские ворота в Россию им не открыть, запросили мира.

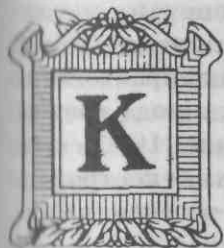
Чичагов продолжал быть за старшего флагмана в Адмиралтейств-коллегии. С приходом к власти Павла I Чичагов не ужился с его фаворитом Кушелевым и подал в отставку. Уходил со спокойной совестью. За всю службу не проиграл ни одного сражения, не потерял в бою ни одного корабля.

Скончался Василий Яковлевич Чичагов в апреле 1809 года. В последний путь провожал его император Александр I. Сын Чичагова Павел¹⁴ в ту пору уже был адмиралом, министром военных морских сил.

Федор Ушаков

ак говорила сама императрица Екатерина II, ее царствование было озярено блеском победы при Чесме. Но не менее значимыми в ту пору оказались действия русских эскадр по завоеванию господства на Черном море. Все дела на южных морских рубежах вершил вице-адмирал Алексей Сенявин. Создавая Донскую флотилию, он неослабно интересовался успехами Средиземноморской эскадры под командой своего приятеля, адмирала Спиридова.

Получив известие о пребывании русской эскадры адмирала Спиридова в Средиземном море, Сенявин писал Чернышеву:

«О вступающих в морскую службу и об отправляющихся в средиземные места весьма радуюсь; признать могу, смотрю с величайшей на них завистью; сказал вам наперед, что я с природы независтлив был, даже до сего случая ни к чему... а теперь под старость черт дал зависть; рассудите: они все ведут службу прямо по своему званию по морю, да и на кораблях, а я, как гусар, пешком».

Узнав о благополучном прибытии эскадры Спири-

дова, он искренне радовался за товарища. Получив известие о блестящей победе русского флота под командой адмирала Спиридова при Чесме, Сенявин восторженно приветствовал славного флотоводца. Одновременно он просил Чернышева прислать ему обстоятельное описание этого боя. Сенявина интересовала оперативная сторона дела, и он спешил подробно изучить всю операцию, чтобы сделать для себя практические выводы.

В один из весенних вечеров 1771 года командующий Азовской флотилией вице-адмирал Сенявин получил из Адмиралтейств-коллегии долгожданный пакет. Всю ночь просидел он над полученными планами и схемами, которые прислали ему из Петербурга. Только поздней осенью прошлого года получил он весточку от Григория Андреевича с кратким уведомлением о Чесме и настоятельно просил Адмиралтейств-коллегию прислать подробное описание хода сражения. Ведь у него на рейде уже стояли 10 боевых кораблей, в Новохоперске заканчивали постройку двух 32-пушечных фрегатов. Впервые русской эскадры предстояло войти в Черное море...

Рано утром на флагманском корабле «Хотин» Сенявин собрал всех корабельных офицеров. Они с любопытством смотрели на разложенную схему.

— Господа офицеры, в предстоящей кампании флотилии нашей неминуемо в баталии бывать с турками, а Бог даст, — Сенявин обвел людей глазами, — и в Черное море войти навеки. — Он взял указку, подошел к схеме. — Сей план указывает мысли и расположения достойного адмирала нашего Спиридова Григория Андреевича при Чесме.

Сидевший у двери рослый, голубоглазый, с высоким лбом лейтенант от волнения привстал. Только второго дня привел Федор Ушаков с верховьев Дона четыре транспорта. Нынче откомандировали его в помощники к капитан-лейтенанту Кузьмищеву на фрегат «Первый».

Сенявин между тем продолжал:

— Надлежит обратить внимание ваше на новоизобретение в бою... — и вице-адмирал подробно пояснил замысел Спиридова, смело отступившего от догматов линейной тактики, что принесло успех в бою с превосходящими силами неприятеля.

Слушая флагмана, Ушаков в душе ликовал. «Наконец-то русские моряки бьют супостатов». Пять лет назад, в 1766 году, в двадцать один год от роду¹⁵, Федор, окончив Морской корпус мичманом, ступил на морскую стезю. Первые три года плавал на Балтике, хаживал вокруг Скандинавии в Архангельск, служил в эскадре С. Грейга.

Теперь в Азовско-Донской флотилии, которая только обретает очертания, он служит исправно. В 1772 году расторопный лейтенант Ушаков впервые становится командиром военного судна, 4-пушечного бота «Курьер». Крейсирует от Балаклавы до Феодосии, несет дозорную службу у Керчи, набирается боевого опыта в стычках с турками.

В следующую кампанию он уже командир 16-пушечного корабля «Модон», участвует в сражениях с турками у берегов Крыма и Кубани. Спустя два года капитан-лейтенант Ушаков на фрегате «Северный орел» совершает переход из Кронштадта на Средиземное море в Архипелаг. Здесь он становится командиром фрегата «Святой Павел», ему поручается провести через проливы в Черное море три фрегата под торговыми флагами. Но турки не пустили русские суда дальше Константинополя. Возвратившись в Кронштадт, Ушаков вступает в должность командира корабля «Георгий Победоносец», а затем получает под начало 64-пушечный корабль «Виктор».

На линейном корабле более полутысячи матросских глаз каждый день взирают на командира, следят за каждым шагом, через камбуз ощущают они заботу о себе. «Строг, однако справедлив и нас не забирает особо», — судят они у фитиля на баке во время переку-

ра, пьянчуг не терпит, изгоняет. Вскоре «Виктор» в составе эскадры контр-адмирала Сухотина для защиты нейтральной торговли отправился в Средиземное море. В феврале 1781 года Россия «для покровительства чести русского флага и безопасности торговли» приняла Декларацию, которую назвали «О морском вооруженном нейтралитете». Воюющим державам — Англии, Франции, Испании — объявлялись российские правила «для поддержания ее подданных против кого бы то ни было.

Правила гласили:

«1. Чтобы нейтральные корабли могли свободно плавать от одной пристани к другой и у берегов воюющих наций.

2. Чтобы товары, принадлежащие подданным воюющих держав, были свободны на нейтральных кораблях, исключая заповедные (т.е. военные) товары.

3. Что в определении таковых императрица придерживается того, что означено в X—XI артикулов коммерческого ее трактата с Великой Британией, распространяя их на все воюющие державы.

4. Что для определения того, что может означивать блокированный порт, должен таковым считаться только тот, ко входу в который стоит очевидная опасность по сделанным распоряжениям от атакующей его державы расставленного вблизи оного кораблями...

5. Чтобы сии правила служили основанием в судопроизводствах законности судов».

Моря и океаны соединяют воедино все земли на всем земном шаре.

Россия первой возгласила на них право свободной торговли.

К Декларации присоединились все нейтральные страны, одобрили ее и в Конгрессе Соединенных Штатов за океаном, как «основанную на принципах справедливости, беспристрастности и умеренности». Франция и Испания обязались соблюдать ее принци-

ны. Особняком осталась Англия. Удар и был, собственно, направлен против «вековой владычицы морей». Деспотизм ее и беспредельное господство на море рушились. Потому Великая Британия официально не одобрила Декларацию.

Английский посланник в Петербурге Джеймс Гаррис всполошился, строчил донесения в Лондон, где старался принизить значимость Декларации.

— Какой же вред причиняет вам вооруженный нейтралитет? — насмешливо хитрила Екатерина, беседуя с Гаррисом. — Или, лучше сказать, вооруженный нулитет?

Нашлись противники нейтралитета и в России. Адмирал Самуил Грейг спросил Екатерину:

— Матушка, в прошлой войне пират Каччиони поступал в море так же, как и английские крейсера поступают ныне с кораблями чужими. Однако ты Каччиони благоволила, чин дала. Противоречие в твоих действиях...

Екатерина вскинулась:

— А ты, адмирал, не путай грека с королем английским.

Декларация была хороша, но пока только на бумаге. Требовалось подкрепить ее силой. Об этом спросила Екатерина при очередном докладе одного из авторов Декларации, вице-президента Адмиралтейств-коллегии Чернышева:

— Каковы и куда направите экспедиции?

— Ваше величество, у Нордкапа побывал Хметевский, одну снарядим в Лиссабон, поведет ее Палибин. Затем другая под командой контр-адмирала Сухотина направится в Ливорно...

Осенью 1781 года на рейде Ливорно объявилась русская эскадра под флагом контр-адмирала Якова Сухотина. Адмирал держал свой флаг на 66-пушечном линейном корабле «Пантелеймон». Следом за ним на рейде отдал якорь такой же корабль «Виктор» под командой капитана-лейтенанта Федора

Ушакова. Капитан совершил маневр лихо и мастерски...

Вскоре корабли эскадры Сухотина начали конвоировать купеческие суда в Адриатику, Эгейское море, к Египту, Гибралтару.

В начале 1782 года Сухотин вызвал командиров, поздравил Ушакова с присвоением очередного чина — капитана 2-го ранга — и объявил:

— Получена депеша от посла графа Разумовского в Неаполе. Через месяц-другой в Ливорно пожалует царственная особа. Возжелает вдруг полюбоваться нашими кораблями...

Наследник цесаревич Павел прибыл со свитой, как и наметили, в день Святой Пасхи.

День выдался тихий, сияло солнце, лазурная гладь залива зеркально сверкала, отражая солнечные блики.

Гремел пушечный салют, катера с Павлом подошли к концевому кораблю.

— Ура-а-а! — закричали по команде матросы на корабле.

И так перекатывался этот громкий воинский клич от корабля к кораблю, пока катер с цесаревичем обходил строй эскадры...

Павел поморщился и попросил:

— Нельзя ли обойтись без этакого шума?

Сухотин развел руками:

— Сие положено по Морскому уставу и избежать возможно, лишь если загодя последует указание.

В это время катер поравнялся с «Виктором». Павлу нравилось действовать внезапно:

— Давайте посмотрим этот корабль.

— Держать к правому трапу! — скомандовал Сухотин унтер-офицеру на руле.

— Мы поднимемся с адмиралом, — сказал Павел Куракину, — а вы подождите нас.

Пока катер разворачивался, на нижнюю площадку парадного трапа быстро сбегали два дюжих красавца

матроса — фалрепных. Они ловко помогли Павлу взойти на трап.

На верхней площадке Павла рапортом встретил Федор Ушаков в парадной форме.

Павел меланхолично взмахнул перчаткой.

— Достаточно представлений, покажите нам корабль.

Они двинулись по правому борту к полубаку. Отдраенная с песком палуба блестела.

«Не все так худо, как я предполагал, — подумал Павел, — палуба выглядит наряднее, чем пол в Эрмитаже. Однако вот и не порядок». Цесаревич ткнул трость в свернутый и подвязанный к нижней рее мачты парус.

«Еще что?» — мелькнуло у Ушакова.

— Как же вы с таким старьем плаваете? — Изумительно ухмыльнулся Павел, указывая на солидную, аккуратно пришитую заплату.

У Ушакова отлегло, он улыбнулся краешком губ:

— Сие, ваше величество, обыденное для корабля. Самые лучшие паруса, есть намного хуже.

— Почему так? — раздраженно спросил Павел.

— Шквалы и штормы свое дело вершат. Положено иметь два комплекта запасных, однако казна и одного не отпускает.

У трапа Павел задержался, поманил Ушакова:

— А ты, никак, меня запрошлым годом на «Штандарте» из Петербурга в Раниенбаум доставил?

— Ваше высочество, точно так. — Ни один мускул не шевельнулся на лице Ушакова.

Павел хмыкнул.

— Пойдешь с нами на флагман. — Цесаревич проворно сбежал по трапу.

За столом Ушаков оказался против цесаревича. Тот смачно чавкал, уплетал горячие щи и все пытал Сухотина:

— Не многовато ли матросов на эскадре?

Сухотин слегка поперхнулся.

— Некомплект, ваше высочество, более семисот человек...

Павел удивленно поднял брови.

— Из оных почти все в госпиталях, двадцать восемь, — Сухотин перекрестился, — померли. Надобно ить нам им подмогу прислать, а женкам их да деткам ихним вспомошествование определить.

Павла всегда раздражали просьбы.

— Почему наши корабли не так стройны и красивы, как иностранные? — переведа разговор, спросил у Ушакова.

Ушаков подумал чуть, пожал плечами:

— Корабелы наши, ваше высочество, смекалисты и умельцы добрые. Однако все хитрости и пропорции корабельного строения своим умом доходят. Учить их надобно. Математике, физике...

— Ха, молодец Ушаков, — оживился цесаревич, — ты, как и я, мыслишь. Вас, офицеров, в корпусе обучали, а мастеров корабельных готовить — заботы не доходят. — Он вдруг замолчал. Через минуту-другую сказал: — Приеду в Петербург, возьму в оборот Адмиралтейств-коллегию, буду у матушки деньги просить. Сподобить надо училище архитекторов корабельных.

— Достойно внимания вашего высочества, — степенно склонил голову Ушаков. — Державе нашей флот потребен великий, а корабли добротные не токмо парадов для...

Павел со свитой вскоре сошел с корабля и отправился вояжировать дальше — в Париж, Бельгию, Германию...

Эскадра Сухотина, закончив свои дела, спустя три месяца направилась в Кронштадт. С тех пор Ушаков ни разу не встречался с Павлом. Но тот, став императором, видимо, не забыл памятной встречи и знал, кому можно доверять нужную кампанию...

Ушаков заметно выделялся среди капитанов выучкой, твердостью характера, осмотрительностью. Не-

маловажно, непререкаем его авторитет у подчиненных.

В летний, Петров день, года 1783, через Московскую заставу столицы маршировало странное войско. Первым твердо ступал флотский офицер, а за ним поротно с офицерами семь сотен матросов и три тысячи мастеровых. Ушаков, командир линейного корабля, строящегося в Херсоне, вел походом туда свой экипаж и рабочих людей. На юге сооружали верфи и корабли для зарождающегося Черноморского флота.

Колонна шла ускоренно, привалы только для ночевок. Первый роздых в Первопрестольной. Матросов разместили по квартирам, и, чувствуя слабость, многие перепились, устроили мордобой с московскими домоседами. Из Москвы их спешно вывезли в поле на телегах. В Херсонской степи сделали последний привал, с юга потянуло дымком. Ушаков послал квартирмейстера лейтенанта Петра Данилова.

— Отрапортуешь вице-адмиралу Клокачеву о прибытии команды, осмотри квартиры и мигом возвращайся.

Данилов прискакал на взмыленной лошади:

— Так что, ваше превосходительство, в Херсоне чума, кругом на улицах усопшие, вице-адмирал советует размыслить, работы на верфях в затишье, квартир пока нет.

Нахмурившись, Ушаков долго молчал, расхаживая по палатке.

«У меня высочайший указ строить корабли. Как наилучше исполнить?» — думал он.

— Значит, так. — Внезапно остановившись перед Даниловым, он чеканил фразы: — Корабли будем ладить по указу ее величества. Людям нынче же рыть землянки подле Херсона, там будем жить. Каждодневно окуривать дымом людей и жилье, хворых отделять немедля в карантин.

Ушаков действовал на два фронта — воевал с чумой, строил корабли. Осенью скончался от чумы Кло-

качев, на смену ему прибыл вице-адмирал Сухотин. Он сразу выделил действия Ушакова в донесении графу Чернышеву:

«Особо же вашему сиятельству при сем случае, как до прибытия моего, так и в мою бытность по справедливости могу свидетельствовать о господине капитане Ушакове, что он неусыпными своими трудами и старанием в своей команде прежде всех успел прекратить... Господин Ушаков за столь благоразумные учреждения заслужил вашего сиятельства благоволение. Его в том превосходящие труды заслужили до моего прибытия, от начальника благодарность».

Адмиралтейств-коллегия не раз благодарила Ушакова. 1 января 1784 года он получил чин капитана 1-го ранга, награжден за борьбу с чумой первым орденом, Святого Владимира IV степени, назначен командиром построенного под его присмотром линейного 66-пушечного корабля «Святой Павел». Орден Ушаков не успел получить, и весной 1785 года «Святой Павел» покинул верфи Херсона.

Ушаков руководил его проводкой по Днепру от Херсона до Глубокой пристани, где были произведены постройка мачт, вооружение такелажем и парусами, и установка артиллерии. Подготовив корабль к плаванию, совершил переход Днепровским лиманом к Кинбурну и далее Черным морем в Севастополь.

Знойным августовским днем 1785 года линейный корабль «Святой Павел» под командой капитана 1-го ранга Ушакова отдал якорь в Ахтиарской бухте у небольшого мыска. Вдаль уходила бирюзовая синь прекрасной гавани, направо вытянулась еще одна бухта, поменьше, но довольно вместительная и уютная. Крутые склоны высоких курганов, поросшие диким лесом и кустарником, спускались к самому урезу воды. Ушаков вместе с командой своего корабля заложил первые камни в основание города русской морской славы. Пройдут десятилетия, и этот мысок, уже одетый в камень, сохранит название «Павловский», пото-

му что «Святой Павел» облюбовал здесь себе постоянное место якорной стоянки. Белокаменные матросские казармы поднимутся на склонах холмов, и их нарекут ушаковскими, по имени командира отряда матросов, строивших эти здания...

Забот вскоре прибавилось. Увидев однажды Ушакова, светлейший Потемкин, отлично разбиравшийся в людях, держал его на примете до конца дней своих. А начальству Ушакова не нравилось такое внимание. Командовал эскадрой капитан 1-го ранга Марк Войнович. В свое время на Каспии попал он в плен к персам, стал еще более боязлив. Его тоже коробила любая инициатива Ушакова.

Со времен борьбы с чумой в Херсоне грызла Войновича мелкая зависть.

Ушаков готовил к войне не только корабль, его вооружение и снаряжение. Он думал о тех, кто движет кораблем. Учил терпеливо и одинаково и офицеров и матросов. Где надо, подскажет, с нерадивого взыщет жестко.

Однако заботу о себе служители видели не только в добрых харчах и положенном довольствии.

...На баке «Святого Павла» майское солнце ласкало обветренные лица матросов. Вчера корабль выходил на стрельбу. Море штормило, корабль, переваливаясь с борта на борт, на гребнях волн качался, однако комендоры с первых выстрелов сбили красные флажки на сброшенных буюх. Тишину на рейде прервали дикие вопли, доносившиеся с «Марии Магдалины», стоявшей рядом на якоре.

— Небось опять Тиздель поучает матросиков...

— Не жалуют нашего брата, за малую провинность линьки, а то и шпицрутены, — ответил, качая головой, старослужащий матрос.

Пожилой канонир с седыми бакенбардами махнул рукой. С каждым ударом доносился отчаянный крик.

— Десяносто шесть, девяносто семь... — считали примолкшие матросы.

Крики постепенно стихли.

— Бог милостив, — смуглый квартирмейстер с усиками оглянулся в сторону юта, вздохнув, перекрестился, — наш-то Федор Федорович сущий ангел. Надясь не успели якорь отдать, уехал в лекарню Жарова да Сухонина проведать.

— Попомни, аки в Херсоне-то от чумной беды спасал нашего брата...

— Дай Бог ему здоровья поболее.

Матросы отвечали Ушакову ревностной службой, а вскоре, в конце мая 1787 года, накануне приезда Екатерины в Севастополь, пришел царский указ о присвоении Ушакову звания капитана бригадирского ранга.

Императрица с похвалой отзывалась о виденных, правда с расстояния, кораблях и укреплениях в Севастополе. Лестные слова о флоте она произносила намеренно громко, так, что ее внятно слышали именитые гости — августейший император Иосиф II, послы Франции и Великой Британии...

На другой стороне моря спешили. Пока еще у русских нет флота, а за спиной Порты стоят Англия, Франция, Пруссия, нужно во что бы то ни стало вернуть Крым, прикубанские земли... Через три месяца после отъезда Екатерины Турция объявила войну России.

Война не была неожиданной, о ней часто говорили последние два года. Но Россия не была готова для ее ведения. В Черное море вошла турецкая эскадра — 19 линейных кораблей, 16 фрегатов. Севастопольская эскадра, двух лет от роду, была в три раза слабее кораблями. Командующий же эскадрой Войнович, храбрый был на пикниках да балах, устраиваемых по три раза в неделю.

...Август 1787 года был на исходе, когда Войнович вдруг срочно собрал всех командиров в Адмиралтействе. Лицо его было матовым, исчез загар, голос дрожал.

— Господа капитаны, августа двадцать первого у косы Кинбурнской турки атакуют фрегат и бот

наш, но, слава Богу, те отбились. — Он перекрестился, взял со стола бумагу и продолжал: — Светлейший князь, Главный командующий ныне приказ прислал:

*«Собратъ все корабли и фрегаты и стараться про-
извести дело, ожидаемое от храбрости и мужества
вашего и подчиненных ваших, хотя бы вам погиб-
нуть, но должно показать всю неустрашимость к на-
падению и истреблению неприятеля. Сие объявите
всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий,
атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем
пропасть».*

При последних словах Войнович ладонью вытер вспотевший лоб, обвел взглядом присутствующих:

— Каково приказ светлейшего князя исполнить наилучше?

«Не послушает ведь...» — Ушаков усмехнулся про себя, однако сказал:

— Мыслю, Марко Иванович, надобно идти до Кинбурна, с эскадрой Лиманской соединясь, крепче будем. И отстояться есть где от непогоды, осень на носу...

Войнович напыжился:

— Не нам прятаться, искать турка надобно. Эскадра пойдет в Калиакру, токмо не завтра, ибо понедельник...

Суеверие Войновича дорого обошлось. У Варны эскадра попала в жесточайший шторм, все корабли раскидало по морю и разломало... На пятые сутки «Святой Павел» со сломанным рулем, поваленными гротом и бизанью очутился у берегов Абхазии и бросил якорь в Сухум-кале.

Спустя неделю «Святой Павел» вошел в Севастопольскую бухту. На рейде не досчитались двух вымпелов: один фрегат погиб, а линейный корабль «Мария Магдалина» с начисто поломанными мачтами еле держался на плаву и был отнесен к Босфору, где его пленили турки. Так в этом году и не пришлось встретиться с турецкой эскадрой.

Несколько недель прошло с начала с 1788 года, а Войнович, несмотря на приказ Потемкина, мельтешил, не отваживался выходить в море: то корабли не готовы, то припасы не все, то непогода.

...Во второй половине июня Севастопольская эскадра наконец-то вышла к лиману. Через десять дней она подходила к Тендровской косе. На шканцы еще до восхода солнца вышел Ушаков, легкий бриз с nord-оста шелестел в парусах.

— Сигнал на «Стреле». «Вижу неприятеля nord-вест!» — крикнули с фор-марса.

— Отрепетовать сигнал, — приказал Ушаков. Он смотрел в подзорную трубу и уже видел корабли турок. Не отрываясь, скомандовал: — Передать на флагман: «Вижу двадесять пять вымпелов, неприятель спускается зюйд-вест».

«Турки пока не настроены принимать бой», — подумал Ушаков и посмотрел на увядшие колдуны на вантах — ветер явно стихал.

Три дня крейсировала Севастопольская эскадра между Тендрой и Гаджибеем. Турки маневрировали и уклонялись от боя. Слабый ветер менял румбы, и временами штилело, эскадра становилась на якорь.

Вечером на стоянке к борту «Святого Павла» подошла шлюпка. На борт поднялся флаг-офицер Войновича — Сенявин.

— Ваше превосходительство, вам оказия от контр-адмирала Войновича.

Ушаков взял пакет, мельком взглянул на Сенявина. Немало слышал об этом способном и, говорят, лихом офицере. Только уж больно форсист, да и возле начальства служить не избегает.

«Любезный товарищ, — читал про себя Ушаков, и смех начинал расpirать его, — Бог вам помог сего дня, а то были в великой опасности... Мне нужно было поговорить с вами. Пожалуйста, приезжайте, если будет досуг, двадцать линейных кораблей начел».

Ушаков, улыбаясь, глубоко вздохнул:

— За ночь эскадра спустилась к острову Фидонис и легла в дрейф.

На рассвете свежий ветер от чистого норда приятно ласкал лицо прохладой. Эскадра подворачивала на курс норд-ост. На салинге первыми увидели турецкие корабли сигнальные матросы.

— На горизонте неприятель!

Ушаков взял рупор, крикнул на салинг:

— Сочтешь вымпелов сколько?

— «Смелый» показывает двадесять вымпелов!

Ушаков принимал доклад, посматривал вверх на вымпелы, паруса. Солнце лениво поднималось к полудню. Слева по носу контргалсом медленно двигалась турецкая эскадра...

Адмирал Хасан-паша был доволен — его корабли вышли на ветер.

«Теперь у нас шесть линейных кораблей против двух фрегатов и авангарда, им несдобровать».

В час дня турки первыми открыли огонь по фрегатам. Русские корабли не отвечали, их 12-фунтовые пушки не доставали до неприятели.

С первыми пушечными залпами Ушаков перешел на наветренный борт. Полуденное солнце нещадно жгло и без того опаленное лицо. Ветерок свежал, срывая белые барашки, задорно курчавились волны. Временами гребень волны ударял в скулу форштевня; и вееры соленых брызг, переливаясь радугой, залетали на шканцы.

«Хасан-паша намеревается превосходящей силой задавить наши фрегаты... Ну что же...» — Ушаков провел языком по соленым губам. Не опуская подзорную трубу, скомандовал:

— Поднять сигналы: Фрегатам выйти на ветер. Авангарду атаковать неприятеля!

Через минуту фрегаты «Стрела» и «Борислав» круто взяли бейдевинд, начали охватывать голову турецкой эскадры.

Хасан-паша досадовал — его хитрость не удалась.

Флоты сблизились. Грохот мощной канонады означал, что сражение началось.

Два русских фрегата и «Святой Павел» успели-таки отрезать два головных турецких фрегата и взяли их в двойной огонь. Полчаса спустя турки вышли из боя и повернули на юг. С турецкого флагмана вслед им неслись проклятия, и разгневанный «Хасан-паша» открыл по ним огонь, пытаясь вернуть их в строй. Да где там, удирали под всеми парусами... Громкое «Ура!» неслось с русских кораблей.

Ушаков хрипло крикнул старшему офицеру:

— На батарейные палубы по бочке квасу выка-
тить, а мне жбан!

Долго, слишком долго ждал этого часа Федор Федорович. Не поворачивая головы, скомандовал:

— Лево на борт, на румб норд-ост. — Он вскинул трубу, указывая боцману на руле: — Держать на форштевень Хасан-паши. Поднять сигналы: «Выхожу из строя. Атакую флагмана!»

«Святой Павел», резко накренившись на правый борт, вышел из строя. Все корабли авангарда перенесли огонь на турецкий флагман.

— Турецкий флагман ворочает оверштаг! — донеслось с салинга.

«Хасан-паша» уваливался под ветер, показывая разрисованную золотом корму. Словно сговорившись, фрегаты одновременно дали залп всем лагом. С кормы турецкого корабля во все стороны полетели расщепленные куски дерева...

Турецкая эскадра, повинувшись старшему флагману, выходила из боя и отступала.

Бригадир обернулся. Далеко по корме маячили паруса кардебаталии и арьергард Войновича.

«Однако он не спешит догонять турок», — подумал Ушаков. И действительно, тот и не подумывал идти в погоню за отступающим неприятелем. Зачем излишне рисковать, когда о разгроме турок хватит писанины не на одну победную реляцию.

Утопив турецкую шебеку, «Святой Павел» вышел в голову авангарда. Турки, пользуясь преимуществом в скорости, проворно улепетывали.

Долгожданная победа в первом сражении корабельных флотов Турции и России... Весть о ней незамедлительно полетела на кончике пера Войновича к сиятельному князю. И конечно, на маленьком острове не хватило места для истинного победителя... Впрочем, правитель Таврический и Новороссийский вскоре разобрался в сути, хоть и не до конца. Потемкин через две недели прислал орден:

«...объявляю мою признательность, препоручаю засвидетельствовать оную господину бригадиру и кавалеру Ушакову... столь отличившемуся и прочим, действовавшим так, как и всем нижним чинам. Весьма тут приметны мужество и неустрашимость, российским войскам свойственные...»

Среди других награжденных Ушаков был отмечен дважды: орденом Владимира III степени и орденом Святого Георгия IV степени.

Для Ушакова кампания 1789 года началась славно. На адмиральских погонах появилась первая штатная золотом эмблема двуглавого орла контр-адмирала. Следом он вступил в командование корабельным флотом в Севастополе. Теперь руки были развязаны. Он неустанно в море, маневрами отвлекает турок от Ливана и помогает эскадре Войновича перейти в Севастополь.

С кампании 1790 года Ушаков единолично командует Черноморским флотом.

8 июля эскадра стояла у мыса Таклы в Еникальском проливе. Восточный ветер гнал мрачные тучи с устья Кубани, горизонт затянуло свинцовой пеленой.

В 10 часов дозорный корабль поднял сигнал: «Виджу неприятеля». Вскоре показалась турецкая эскадра. Пушек она имела больше и шла под всеми парусами под полным ветром. По линейной тактике Густа надлежало принять бой на якоре. Мгновенно оценив

обстановку, Ушаков приказал немедленно сниматься с якорей, построил эскадру в боевой порядок, для поддержки авангарда выделил резерв из шести фрегатов и успешно отразил атаку турок на авангард. Командиры кораблей действовали четко и уверенно. Флагман еще накануне в приказе все предусмотрел, а главное, требовал отменной скорости в маневре и не связывал их по рукам.

В три часа дня мощный корабельный огонь сокрушил турок, окончательно выбил их из линии, и они начали отходить.

Ушаков поднял сигнал: «Авангарду поворот оверштаг, всем гнать неприятеля по способности, не соблюдая мест», а сам вышел вперед и устремился за отступающим противником. Ушаков отошел от правил линейной тактики, принятой во всех европейских Слотах. Ни создания резерва, ни подобных маневров еще не знала история морских сражений. Турки позорно бежали, и лишь хорошая ходкость кораблей и наступившая темнота спасли их от полного разгрома.

Ликованием встретил Севастополь свою эскадру.

«Отдавая полное уважение победе, одержанной вами, — Ушакова поздравил Потемкин, — и неустрашимой храбрости всех тех, которых отличные подвиги...» Поделится Потемкин радостью победы и с Суворовым:

«Контр-адмирал Ушаков одержал победу. Неприятель обращен в бегство». На что Александр Васильевич не преминул ответить: «Поздравляю вас, милостивый государь, с победой господина Ушакова!!!»

За победу в Керченском проливе Ушаков удостоился ордена Святого равноапостольного князя Владимира II степени. Но Ушаков, верный себе, продолжал искать неприятеля.

Ранним утром 28 августа у косы Тендра Севастопольская эскадра походным строем из трех кильватерных колонн внезапно атаковала превосходящего по

силе противника. Мощная атака против флагмана турок, решительный картечный удар в ближнем бою по кораблям — и к вечеру превосходящий по силе противник обратился в бегство. На фалах «Святого Павла» весело затрепетали на ветру флаги знаменитого ушаковского сигнала: «Гнать неприятеля!» Преследуя противника на рассвете следующего дня, наши моряки захватили 66-пушечный «Мелеки Бахри», 74-пушечный «Капудание» подожгли, адмирал Саиб-бей был пленен, а его корабль взлетел на воздух. Ушаков приказал записать в шканечном журнале:

«Флот наш гнал неприятеля под всеми парусами и бил его беспрерывно. Во время сего сражения больше всех разбиты неприятельский авангард и передовые [корабли] кардебаталии, из которых весьма претерпели адмиральский и капудан-паши корабли и бывшие близ оных...»

Потемкин незамедлительно поздравил победителей:

«Да впишется сие достопамятное происшествие... ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов».

Черноморскую эпопею Ушакова венчала виктория 31 июля 1791 года у мыса Калиакрия.

На шканцах флагмана Севастопольской эскадры «Рождество Христово» стоял Федор Ушаков. Три недели он гонялся за кораблями Гуссейна. Нынче ему не уйти. Главное теперь — выйти на ветер, даже рискуя под огнем береговых батарей.

— Поднять сигнал: «Поворот вправо на курс вост», — скомандовал Ушаков. — Сближаться на картечную дистанцию.

Эскадра устремилась вдоль самого берега, отрезая от него турок, и получила преимущество ветра. Турецкие суда, в панике бросая якоря, кое-как поставив паруса, сбивались в кучу. Эскадра Ушакова открыла губительный огонь на картечной дистанции. Новая ушаковская тактика ближнего боя была победной.

Расстреленные в упор турецкие суда, ломая бушприты, реи, мачты, сталкиваясь друг с другом, стремились поскорее удрать. Лишь второй флагман алжирец Саид-Али вышел вперед и попытался построить корабли для боя. Заметив это, Ушаков, верный своим правилам, сомкнул строй эскадры и устремился на эти корабли, а сам атаковал турецкие флагманы. Сблизившись до полукабельтова, русский флагман обошел корабль Саид-Али с носа, открыл жестокий огонь и через полчаса, сокрушив весь его рангоут, выбил из строя и перенес огонь на второй корабль. Вскоре разбитая турецкая эскадра бросилась наутек, к Босфору.

Ушаков поднял сигнал: «Гнать неприятеля!»

Турция спешила заключить мир с Россией.

Спустя два месяца за победу у Калиакрии Ушаков стал кавалером ордена Святого Александра Невского.

Екатерина была в восторге от виктории, отпраздновала ее с великой пышностью. «Я приказала отслужить молебен при звуках залпов из 101 пушки, — хвасталась она, — за моим обычным столом на 288 приборов мы пили за здоровье победоносного Черноморского флота и его контр-адмирала Ушакова».

Победителю императрица посулила пятьсот душ крестьян, но потом позабыла о своих обещаниях.

Ясский мирный договор 1793 года укрепил наконец-то положение России на берегах Черного моря, открыл свободу русской черноморской торговле. Светлейший князь так и не дожид до дня подписания договора, умер в степи между Херсоном и Николаевом... Не мог Ушаков не помянуть добрым словом Потемкина, которого уважал за прозорливость, понимание и помощь в заботах о флоте.

Отныне же все внезапно переменилось. С его кончиной погожие дни для флота и Ушакова сменились ненастьем. Екатерина теряла интерес к флоту, он свою роль сыграл отменно, и на Черноморском театре наступил антракт. Вместо Потемкина дряхлеющая им-

императрица прислала вскоре одного из последних своих фаворитов, Платона Зубова.

Ушаков, невзирая на все его интриги, деятельно принялся укреплять Севастополь и корабельный флот. В долгие годы войны лишь урывками уделял он внимание колыбели Черноморского флота. Теперь и устройство порта, и сооружение верфей и доков, и постройка набережной — все становится предметом неустанных его забот.

Теплым осенним днем 1793 года по каменистым сопкам, усеянными галькой берегам, долго вышагивали сродственники по духу: генерал-аншеф Суворов и вице-адмирал Ушаков, вглядываясь в корабли и бескрайние морские дали. Им было о чем поговорить...

По чертежам Суворова на Северной стороне сооружали береговые батареи и укрепления. Ушаков полностью одобрял замыслы умудренного полководца, штурмовавшего Очаков и Измаил.

Александр Васильевич поздравил Ушакова с присвоением ему звания вице-адмирала. Звание это ему пожаловала императрица еще весной, когда Ушаков был в Петербурге.

В эту же пору к берегам Англии направилась эскадра вице-адмирала Ханыкова. Императрица начала претворять в жизнь свой замысел усмирения во Франции революции «сапожников». Она вовлекла в союз Австрию, Пруссию, Англию. И все вдруг изменилось, — в начале ноября 1796 года скоростажно окончалась Екатерина и этот союз распался. Павел I, вступив на престол, отменил французский поход, пока отовзвал эскадру Ханыкова из Англии...

А во Франции набирал силу Наполеон. Он двинул армию в Европу, овладел Италией...

Французы оккупировали Корфу — ключ к Адриатике.

«Острова Корфу, Занте и Кефалония важнее для нас, чем вся Италия вместе», — доносил Бонапарт Директории. Вслед за реляциями он слал из захваченных

мест в Париж контрибуцию — золото, драгоценности, шедевры искусства. Французская буржуазия входила во вкус. Война оказалась прибыльным делом.

В мае 1798 года, захватив Ла-Валетту и оккупировав Мальту, французы высадились в Египте.

Захват Мальты ударил по самолюбию русского императора. В прошлом году Павел I взял под опеку остров, являлся теперь гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей и его единственным защитником.

Всполошилась и Турция. До Египта рукой подать. Недавние недруги сделались друзьями, ибо у русского императора и у Турции был общий враг.

В середине августа 1798 года рескрипты Павла полетели в Севастополь один за другим. В самый разгар кампании, едва эскадра отдала якоря, на борт флагмана поднялся курьер из Санкт-Петербурга с высочайшим повелением. Эскадре предписывалось следовать как можно быстрее в Константинополь, соединиться там с турками и направиться в Средиземное море для совместных действий с армией Суворова против французов.

24 августа в бухте неподалеку от султанского серада реяли пятнадцать боевых вымпелов русской эскадры непобедимого Ушак-паши. На борт флагмана прибыли русский посланник Томара и сановник султана с толмачом.

— Его величество великий и несравненный султан приветствует ваше превосходительство в каналах блистательной Порты. — Черноглазый лейтенант Егор Метакса переводил излияния важного сановника. Турок вынул из шкатулки сверкающую бриллиантами табакерку.

— Его величество султан в знак благодарности к заслугам вашим и расположения своего дарует вам.

«Здорово умасливает», — подумал адмирал и приложил руку к сердцу.

Томара удивленно посмотрел на адмирала — он не знал, что двадцать лет назад капитан-лейтенант Уша-

ков за многие месяцы вынужденной стоянки в Константинополе досконально познал тонкости султанских церемоний.

В переговорах с турками о совместных действиях Федор Федорович проявил гибкость и дальновидность не только во всех делах военных, но и в государственных. В три дня приняли план действий совместной русско-турецкой эскадры. Султан Селим сразу же предложил старшим флагманам назначить русского адмирала, а в подчинение ему определили турецкого вице-адмирала Кадыр-бея, командующего турецкой эскадрой. Турки спешили поскорее выслать эскадру для охраны Дарданелл и потому соглашались с теми предложениями, которые выдвигал Ушаков на конференции. План его был одобрен. Союзная эскадра должна следовать для охраны морей и Венецианского залива, освободить оккупированные французами Ионические острова и крейсировать, охраняя подступы к Архипелагу. Замысел Ушакова обеспечивал и другое, очень важное для России дело — помощь армии Суворова, направляющейся в Италию.

Не забывал Федор Федорович и слова павловского рескрипта ему: «...имея мы союз и с Великобританией и одну цель с нею... позволяем вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английской эскадрой». На конференции присутствовал пронырливый английский посол Сидней Смит. Он всячески старался склонить турок послать русскую эскадру к берегам Египта, подальше от Адриатики и Корфу. Но Ушаков разгадал замысел англичан — отвлечь русских от Адриатики и использовать в своих целях в Египте. Он лишь согласился послать на помощь Нельсону к Абукиру отряд фрегатов и канлодок под командой капитана 2-го ранга Сорокина. Здесь же Федор Ушаков, не кичась, написал письмо Нельсону. Рассказал о своих планах, просил сообщить сведения о французах. С открытой душой писал ему: «Заочно рекомендую себя в ваше благоприятие и дружбу...»

Увы, до дружбы дело так и не дошло.

Ушакову предстояло «гнать» французов, оглядываясь на союзников.

В середине сентября из Дарданелл вышла русско-турецкая эскадра. Первый, и единственный, раз в истории турецкая эскадра подчинялась русскому флагману.

Среди Семи островов Ионического моря, к которым направлялась эскадра, лишь Корфу вызывал опасения адмирала. Ушаков еще из Константинополя писал Павлу I, что «острова при помощи самих обывателей, кроме Корфу, без больших трудностей отобрать можно».

На борт флагмана прибыл командир фрегата Шостак.

— Господин капитан-лейтенант, крепость Капсалия на островах первейшая. Посему по важности обстоятельств в сие действие десанта уговорите обывателей не только участвовать в деле, но и всякую помощь делать нам. Наши прокламации им раздайте. — Ушаков медленно подошел к Шостаку. — Требуйте, чтобы крепость сдали без пролития крови и напрасно бы оно не делали. — Помолчал. — Ступайте с Богом!

Шостак высадил первый десант, к нему начали присоединяться местные жители — греки. Французы два дня сопротивлялись, а когда к острову подошла эскадра и мощная корабельная артиллерия атаковала крепость, комендант выбросил белый флаг. Корабельный десант захватил 62 пушки и мортиры и 500 офицеров и солдат. Потерь в десанте не было. Ушаков был мягкосердечен, отпустил пленных, взяв с них слово не сражаться в эту войну с Россией. Над крепостью взвился русский флаг.

А как быть с гражданским населением города и округи?

В бытность свою в Ливорно Ушаков много слышал о самоуправлении в Венецианской республике. Но то была Венеция, а здесь земля под флагом Российской империи. Решать пришлось самому и спору. Не успе-

ли принять капитуляцию у французов, как вошел смущенный Метакса и доложил, что депутация граждан местного населения просит аудиенции.

Два молодых грека внесли в каюту большую корзину с вином и фруктами. Несколько пожилых и солидных граждан вошли и поклонились. Говорил самый седой и старый, Метакса переводил.

— Греческое население просит принять их в российское подданство...

Ушаков невольно смутился:

— Передай уважаемым гражданам, что в подданство принять не могу, то великая политика. Как жить им дальше, поразмыслим. Пусть завтра на «Святой Павел» пожалуют.

Греки, покачивая головами и пятась задом, вышли...

«Вишь, как их приучили-то», — подумал Ушаков.

Полночи просидел он в каюте, соображая, как лучше составить обращение, кое о чем справился у Метаксы. Ровно в полдень адмирал вышел на шкафут, кивнул Метаксе. Тот начал читать декларацию. Притихшие греки слушали внимательно.

— От командующего российской эскадрой вице-адмирала Ушакова жителям острова Цериго. Помощью Божией победоносным оружием... избавлен ваш остров от рук зловредных французов. Вам предоставлено нами избрать из своих единоплеменников по вашему благорассмотрению трех или более старшин правителями и блюстителями правосудия над вами. Вы можете... — Метакса торжествующе глянул на замерших почтительно горожан, — вы можете ваших старшин со временем и переменять по вашей воле. — Метакса еще перечислял остальные пункты, а греки уже перешептывались оживленно друг с другом. — Дано за подписанием моим и печатью на корабле «Святого Павла» по старому штилю октября третьего дня 1798 года.

Дрожащими руками приняла старейшина обра-

ние русского адмирала, кинулся перед ним на колени, полез целовать руки.

— Полно, полно. — Ушаков жестом показал Метаксе поднять всех. — Передайте только, чур, помочь войну нам противу француза до скончания довести.

Взволнованные люди кланялись, согласно кивая головами.

Десять дней спустя соединенная эскадра начала осаду крепости на острове Занте. Крепость находилась на крутой горе, и корабельные орудия до нее не доставали. Удалось подавить батареи, защищавшие подходы к крепости, высадить десант и ночью приступить к штурму. Трофеи были такие, как и на острове Цериго, но пленных пришлось переправить на корабли, настолько жители ожесточились на французов за их малодерство.

На другой день Федор Федорович съехал на берег, заполненный многими тысячами горожан. Колокольный звон, цветы и крики радости встретили русских моряков. На Занте собравшаяся толпа несколько часов не расходилась на площади. И здесь жители отказывались от самоуправления, просили принять их в русское подданство.

Еще до взятия крепости на Занте Ушаков направил корабли капитана 2-го ранга Поскочина для освобождения Кефалонии; а к острову Святой Мавры — отряд капитана 1-го ранга Сенявина.

Кораблям Поскочина стоило лишь показаться, как французский гарнизон покинул батареи и, преследуемый вооруженными местными жителями, бежал в крепость. Поскочин с ходу высадил десант, захватил крепость и пленил французов.

Вскоре пришло известие от капитана 1-го ранга Сенявина. Крепость Святой Мавры укреплена добротно, со всех сторон ее окружает вода.

Прибывший мичман докладывал:

— Ваше превосходительство, французский генерал вступил в сношение с Али-пашой. Он, видимо,

онлоняет его, дабы в полон ему сдаться и остров сдать. На то сулит немалые деньги Али-паша. Последним перед Корфу лежала Святая Мавра.

Не успел Ушаков прибыть на рейд, как Сенявин явился к нему с докладом.

В тот же день воздух сотрясла непрерывная артиллерийская канонада. Вся эскадра сосредоточила огонь на крепости острова, через день французы капитулировали. Путь к Корфу был открыт. Отправляя месяц тому назад капитана 1-го ранга Селивачева с отрядом кораблей на Корфу, флагман в приказе писал, что ему надлежит: «...всякую коммуникацию с оным островом французам пресечь».

Селивачев приступил к блокаде. И вскоре захватил в плен французскую 18-пушечную шебеку.

В конце ноября в бухте Корфу бросил якорь флагман русско-турецкой эскадры. Началась подготовка к штурму.

Корфу более пяти веков принадлежал Венеции. Венецианские купцы соорудили здесь крупную цитадель — остров запирал вход в Адриатику. После захвата острова Наполеоном французские инженеры возвели новые мощные укрепления — земляные валы, искусственные водные преграды, каменные бастионы, эта новая крепость состояла из трех отдельных фортов, соединенных подземными переходами. К приходу эскадры на острове находилось 650 орудий, 3000 человек гарнизона, запас продовольствия на полгода. В бухте под крепостными стенами стояли два линейных корабля, фрегат и десяток мелких судов. Со стороны моря крепость прикрывали острова Лазаретто и Видо. На последнем также были мощные крепостные сооружения с многочисленной артиллерией.

Еще не подходя к Корфу, Ушаков показал на Видо и сказал:

— Вот ключ от Корфу.

Для взятия такой крепости требовалось по крайней

мере двукратное превосходство в людях, а его не было. Ушаков решил начать с обстрела крепости из глубины острова по слабозащищенным местам. Два дня спустя он наметил позиции на берегу для осадных батарей, и вскоре они открыли огонь по крепости. Французы сделали вылазку, и 600 человек окружили южную батарею, которую охраняли местные жители. Они сразу разбежались, а русские, 20 человек, сражались до последнего, часть погибла, других захватили в плен. В тот же день на северную батарею, где было 130 человек и 8 пушек, напало 1000 человек пехотинцев и 40 конников. Завязался жестокий бой. С кораблей вовремя подоспел на выручку десант, а корабельные пушки заставили французов ретироваться в крепость, потеряв 200 человек убитыми.

Стало ясно, что для подготовки штурма крепости требуется время и силы, а их не хватало. Через неделю к острову подошел Сенявин со своими кораблями, а в начале декабря возвратились наконец из крейсерства у берегов Египта два фрегата капитана 2-го ранга Сорокина. У них вышел запас продовольствия — еле еле дотянули до Корфу на полуголодном рационе. Перед Рождеством прибыли на подмогу из Севастополя два новых линейных корабля под командованием контр-адмирала Пустошкина.

Ушаков готовился к решительному штурму и сокрушался, «союзники» его отваживали. Настойчиво советовал Нельсон оставить Корфу и следовать к берегам Египта.

Навестил Ушакова бывший британский консул на острове Занте. Хлопотал о своем имуществе на Занте, а разговор вел о Корфу да Мальте, все пронюхивал...

Ушаков знал малую толику английских интриг, но судил верно. Как раз в ту пору Нельсон писал Каддыр-бею, что надо идти в Египет и Корфу оставить, а капитану Боллу на Мальту сообщал:

«Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привез прокламации, обращенные к острову.

Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то этот адмирал — негодяй».

Видимо, британцев ущемляла независимость русского адмирала.

Два с лишним месяца обстреливали крепость корабли, и береговые батареи держали французов в напряжении, но вреда большого не приносили. Пятиметровые стены бастионов надежно укрывали гарнизон. По существующей морской стратегии крепости, подобные Корфу, могли быть взяты лишь длительной глухой блокадой кораблями, дабы принудить гарнизон сдаться, когда иссякнут запасы продовольствия. Так действовали англичане на Мальте. На острове у них был большой десант, вооружено 14 тысяч жителей, но крепость они так до сих пор и не одолели.

Ушаков ждать не мог. Обстоятельства, как и союзники, были способны перемениться в любое время, и Ушаков решил действовать по-новому, по-своему. На штурм цитаделей он решил обрушить прежде всего огневую мощь корабельной артиллерии русской эскадры, ибо турецкие артиллеристы в счет не шли. Он начал деятельно готовить матросов и солдат к штурму. Они изготовили лестницы, фашины, тренировались атаковать укрепления. Были разобраны и разосланы на корабли сто условных флажных сигналов, дабы каждый замысел флагмана был всем понятен.

17 февраля, после полудня, на «Святом Павле» собрались флагманы и командиры. Кают-компания была увешана планами Корфу, Видо и рейдов. Ушаков был краток:

— На сих листах наш маневр обозначен полно. Приказ эскадрам на атаку будет вручен немедленно. Главная цель — крепость Видо штурмована будет корабельною артиллерией с картечной дистанции со шпрингов. Господа Пустошкин, Сенявин и другие, — Ушаков кивнул на командиров русских кораблей, — сей маневр знают отлично и служителями и припасами готовы. Прислугу неприятельскую надлежит от

пушек и мест укрепленных сбить споро и десантам путь очистить. Начало штурма завтра поутру по учиненному сигналу.

Атака началась утром 18 февраля с первыми лучами солнца. В четверть восьмого по сигналу флагмана «Атаковать остров Видо» эскадры снялись с якоря. Флагман поднимал на фалах один за другим вымпелы кораблей с указанием цели. Окрестности Видо сотрясались от грохота канонады. Флагман, показывая пример, атаковал первую батарею, прошел вдоль берега, стал на шпринг в двух кабельтовых на траверзе самой мощной второй батареи и открыл залпами картечный огонь, в упор расстреливая прислугу. Одновременно русские батареи на Корфу открыли огонь по Новой крепости, фортам Сальвадор и Святого Рока. Под прикрытием огня корабельных пушек к Видо и Новой крепости устремились десантные шлюпки с русскими матросами и солдатами. В рукопашной во всех десантах французы не выдерживали натиска русских и отступали. Мощный штурм бастионов Видо ошеломил французов, и, видя безнадежность сопротивления, они сдались.

Командир «Магдолины» сообщил Федору Федоровичу, что турки ворвались на первую батарею и хотели начать резню французов, сдавшихся в плен.

В полдень Ушаков вызвал своего адъютанта лейтенанта Балабина и приказал немедленно передать Пустошкину, чтобы у входа в бастион «караул выставить крепкий, турок и албанцев туда не пускать, а если полезут — гнать прикладами».

В два часа дня внезапно, как по команде, смолкли пушки и громовое «Ура» сотрясло могучие утесы острова — над крепостью взвились русские флаги.

Полчаса спустя к борту «Святого Павла» подошла шлюпка с плененными офицерами, во главе с генералом Пивроном.

С падением Видо и передовых укреплений Новой крепости участь Корфу была решена. Ключ от мор-

ских ворот цитадели был в руках Ушакова. С высот Видо открывалась возможность беспрепятственного обстрела Старой крепости. Стремительный штурм бастионов на острове и Новой крепости показал французам, что им противостоит иной, совершенно отличный противник от всех, встречающихся ранее, австрийцев, итальянцев, турок... В ожесточенных рукопашных схватках на бастионах и укреплениях Святого Рока и Сальвадора, в Новой крепости, французы явно уступали русским матросам и солдатам. Дело было только во времени, и, видимо, это хорошо уяснили себе французские генералы.

Не успели возобновиться утром следующего дня атаки французских укреплений, как на стенах последней Старой крепости показались белые флаги. Флагман приказал немедленно прекратить огонь.

На борт «Святого Павла» поднялись три французских офицера-парламентера. Комиссар Директории Дюбуа просил начать переговоры о сдаче крепости. Ушаков немедля вручил ответ парламентарам: «До сдачи крепости Корфу, дабы не проливать напрасно кровь людей, я на договоры согласен». Вызвал адъютанта Балабина и тотчас отправил его к французам.

Все условия, предложенные русским флагманом, были приняты.

Все крепости со всем находящимся в них, а также корабли сдавались победителям по описи. Сдавшийся гарнизон перевозился в Тулон с договором под честное слово — 18 месяцев не применять оружие против союзников.

20 февраля комиссар Директории Дюбуа и генерал штаба подписали капитуляцию.

Ранним утром 22 февраля на стенах флагмана заестрел сигнал: «Обеим эскадрам сняться с якоря и идти линией по всему рейду на якоря». Корабли в цели предосторожности окружили крепость.

В полдень французский гарнизон, выходя из кре-

пости, положил перед фронтом наших войск ружья и знамена. На всех крепостях и плененных кораблях взвились русские флаги.

На верхней палубе «Святого Павла» у мачт и на реях, на батарейных деках в открытые порты глазели торжественно-радостные матросы.

— Ух ты, француза поперли здорово...

Ушаков подозвал Пустошкина, и ему тоже передалось это ликующее состояние команды. Простым глазом просматривалось, как, опустив голову, понуро уходили в сторону французы.

— Федор Федорович, а сия виктория наша над войсками Директории впервой в кампании против французов...

— Все верно, Павел Васильевич, как-никак четыре генерала и три тыщи войск в таких крепостях... Пожалуй, это так впервые. — Ушаков вдруг озабоченно глянул на Пустошкина: — После молебна, Павел Васильевич, немедля к гошпиталям, съездим к служителям, а торжества после...

Крепости салютовали адмиральскому флагу. На борт флагмана доставили знамена крепостей и флаги кораблей, ключи от всех крепостей. Трофеи были богатыми — больше шестисот мортир с пушками и тысячи ружей, сотни пудов пороху, тринадцать кораблей. История не знала подобного штурма и взятия приморских крепостей с моря. Отныне русская эскадра владела ключами Адриатики, Венеции, Италии.

Первый воскресный день после штурма на рейде Корфу выдался по-весеннему теплым, солнечным. Настолько привыкли моряки за три месяца к оглушающему грохоту каждодневно гремящей канонады, что тишина, стоявшая в гавани, непривычно давила на уши и клонила в дремоту. Подставив лица к солнцу, на баке «Святого Павла» уселись кружком матросы и гренадеры пехотного батальона, приписанного корабля.

— Вишь ты, братцы, ныне у нас в Угличе-то व्यю-

жит, — разомлевший бомбардир с медно-красными щеками прикрыл глаза, — Масленица скоро...

— Хороша Масленица, хоть досыта накормили после штурма. — Усатый гренадер погладил себя по животу.

— А все она, война треклятая.

— Куда уж, скольких, почитай, отпели-то ночью... — Седой капрал вздохнул, перекрестился. Все невольно повернули голову к корме. Играла флейта, в прозрачной тишине над бухтой струилась грустная мелодия.

Во все время службы на флоте в редкие минуты отдыха Ушаков предавался любимому занятию. Гармония звуков успокаивала душу, напоминала о прелестях жизни.

— Ишь ты, давненько не слышать было благоверного, — бомбардир приподнял голову. — Знать, душа отдыхает, еще одной заботой менее стало...

На другой день триста горожан поздравили русского адмирала с победой у Корфу.

Они сообщали, что после предоставления их острову самостоятельности власть в городе узурпировали триста именитых дворян. Просили они об одном — вернуть им те права, которые он дал, как только прибыл, и позволить выбрать судей от всех граждан из лекарей, стряпчих, мастеровых, художников и прочих.

Ушаков не замедлил ответить и составил «План об учреждении правления на освобожденных от французов, прежде бывших венецианских островах»:

«...В Корфу присутствовать будет сенат, главное правительство республик оных, который решать будет политические, военные и экономические дела по большинству голосов...»

Вскоре откликнулся и Нельсон:

«Сэр! Самым сердечным образом я поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника дорога мне, как слава оружия моего государя. У меня есть ве-

личайшая надежда, что Мальта скоро сдастся... Флаг его сицилийского величества вместе с великобританским флагом развевается на всех частях острова кроме города Валетта, жители которого с согласия его сицилийского величества поставили себя под покровительство Великобритании. Эскадра завтра выходит из блокады Неаполя, которая будет продолжаться с величайшей силой вплоть до прибытия вашего превосходительства с войсками вашего царственного повелителя, который, я не сомневаюсь, восстановит его сицилийское величество на его троне».

Так, исподволь, русская эскадра втягивалась не только в освобождение Италии от французских захватчиков, но и в вооруженное подавление свободолюбиво настроенных республиканцев, восставших против короля и клерикалов. Русские моряки становились невольными соучастниками объявленного Павлом I похода во имя «восстановления престолов и алтарей».

Но Ушакова провести было непросто... Он быстро разгадал хитросплетения англичан, о чем сообщил в Стамбул русскому послу Томаре:

«Требование английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю не иное что, как они малую дружбу к нам показывают, желают нас от всех настоящих дел отщепить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступали на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна, себя они к ней прочили, а нас под разными и напрасными видами без нужд хотели отдалить или разделением нас привести в несостояние».

Из Петербурга пришел царский указ от 25 марта 1799 года о производстве Ушакова в адмиралы «за покорение и взятие всех похищенных французами прежде бывших венецианских островов и последнего из них острова Корфу с крепостями и военными корабля-

ми». И никакой царской награды. Неаполитанский король Фердинанд IV прислал ленту ордена Святого Януария, султан Селим — высшую награду «Челенг» (алмазное перо из своей чалмы).

Вслед за Сорокиным командующий направил для блокады Анконы эскадру контр-адмирала Пустошкина. Ушаков хорошо понимал замысел Суворова. Начав Итальянский поход в апреле 1799 года, суворовские войска к середине мая освободили почти всю Ломбардию. Это вынудило французов снять войска из Южной и Центральной Италии, оставив там несколько гарнизонов. Тем временем корабли капитана 2-го ранга Сорокина успешно действовали на восточном побережье Апеннин. Заняв Бриндизи еще в апреле, Сорокин, не дожидаясь разрешения Ушакова, высадил 4 мая десант в 600 человек и двинул его в Манфредонию. К концу мая этот отряд прошел через весь Апеннинский полуостров, освободив большинство провинций. Неаполитанский военный министр Мишеру, находившийся с отрядом, захлебываясь от восторга, писал в Петербург:

«Итак, только 550 человеками российских войск удалось в двадцать дней подчинить опять королевской власти большую часть провинции... и, наконец, всю землю до стен столицы».

Наступая, русский отряд стремительной атакой отбросил противника и ворвался в Неаполь. 8 июня Неаполь был очищен от французов. Только в нескольких замках они еще оказывали сопротивление. В тот же день французы предложили капитуляцию. Насколько были храбры русские моряки в сражениях, настолько и милосердны к побежденным. Они видели, как сброд клерикалов кардинала Руффо, едва войдя в Неаполь, начал чинить кровавую расправу над местными якобинцами. Потому-то командир отряда моряков заставил кардинала Руффо включить в условия капитуляции свободный выход и отправку на судах французов и их сторонников с семьями. Скрепя сердце тот согла-

сил, а через два дня капитуляцию подписал и представитель Нельсона капитан Фут. Русские моряки выпустили из замков французов и якобинцев, их посадили на суда, как и было оговорено в капитуляции, и они были отправлены в Тулон. Однако едва суда успели выйти из Неаполитанского залива, как им преградила путь эскадра Нельсона...

Нельсон пообещал, что ни один из якобинцев не уйдет от кары, независимо от возраста, пола и заслуг в прошлом.

Вечером с эскадры Нельсона высадились три тысячи англичан. Они спешили сделаться хозяевами положения в уже поверженном Неаполе. Три дня спустя военный суд приговорил командующего республиканским флотом Франческо Карачиолло к пожизненному заключению. Нельсон отменил приговор:

— Адмиралу-бунтовщику место на рее.

Сразу после суда, в полдень, Карачиолло был повешен на рее своего бывшего фрегата в присутствии Нельсона, его командиров, английского посла У. Гамильтона и его супруги Эммы, любовницы Нельсона.

Полностью освободив руки грязной толпе монархистов, Нельсон развязал в Неаполе кровавую бойню. Королевские судилища соперничали с военными судами в неистовой жестокости приговоров. пытки и казни не прекращались даже ночами.

В этом бушующем море насилия и безумства одни русские оставались верными своему слову и чести.

А в это время армия Суворова в Северной Италии одерживала одну победу за другой. Вся Ломбардия была освобождена. В те же дни, когда был занят Неаполь, на севере войска Суворова овладели крепостью Александрия, нанесли решительное поражение французской армии Ж. Макдональда на реке Треббия. Где-то недалеко, в одном-двух переходах, за горизонтом лежала Генуя, плескалось лазурное море. Со времен Кинбурна, Очакова, Измаила, Александр Васильевич крепил боевую дружбу с моряками, понимал и знал —

там, где водная акватория, морские просторы у стен крепостей, — без флота пропадешь.

Еще весной, будучи в Вене, писал он Ушакову:

«...ваше превосходительство, изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собранию правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением.

Милостивый государь вашего превосходительства покорнейший слуга гр. А. Суворов-Рымникский».

И Ушаков тогда откликнулся, немедленно направил к побережью Апулии отряд капитана 2-го ранга Сорокина, а в Северную Адриатику — отряд контр-адмирала Пустошкина.

Слава победителей Корфу опережала их, и противник зачастую уходил от встречи с ними, отступал без боя. Так было, когда отряд Сорокина появился перед крепостью Бриндизи.

«...пятьсот человек французов, которые, как скоро увидели приближающуюся нашу эскадру, бросили все; не успели взять с собой ничего, даже серебро и деньги, собранные в контрибуцию, оставили и в великом страхе без памяти бежали внутрь матерой земли к стороне Неаполя...» — доносил Сорокин флагману.

Суворовские войска выходили к Генуэзскому заливу, Мальта упорно сопротивлялась. Король обеих Сицилий домогался у Павла всяческой помощи в установлении порядка и взятии Рима.

В конце июля миновала опасность нападения франко-испанского флота. Соединенная эскадра, приведя себя в порядок и пополнив запасы, покинула Ионические острова. Двое суток дрейфовали корабли при полном штиле в южном проливе между Корфу и Видо. Наконец ветер «пошел» и корабли легли на курс к Мессине. В начале августа с салинга флагмана увидели клубившуюся шапку Этны. Корабли, лавируя

при противных ветрах, бросили якоря на рейде Мессины. Наконец-то прибыл курьер от Суворова.

Командующий сообщал о недавних победах и просил:

«Милостивый государь мой, Федор Федорович!

Обратя теперь виды свои на Геную, выступил я теперь в поход. Мне надлежит осилить некоторыми крепостями, трудности, препоны отнимут у меня довольно времени, как и изготовление к горному походу».

Просьба Суворова была предельно ясна.

На следующий день Ушаков наставлял перед походом контр-адмирала Пустошкина. В подчинение ему выделялась эскадра из семи кораблей. Надлежало оказать содействие Суворову.

Ушаков повел русско-турецкую эскадру в Палермо. Там ожидало подкрепление с Балтики. Предстояла первая встреча с Нельсоном. Царь требовал согласовать действия с англичанами.

На рейде стояла английская эскадра. Русские и турецкие корабли по сигналу флагмана становились на якорь.

При входе в Палермо адмиральскому флагу Ушакова салютовала семью залпами эскадра вице-адмирала Карцева. Неделью назад она прибыла из Кронштадта в его подчинение. На рейде находился «Фудроянт» под флагом Нельсона и другие британские корабли.

Первым на «Святой Павел» прибыл флаг-офицер Нельсона.

— Контр-адмирал Нельсон передает искренние поздравления вашему превосходительству с благополучным прибытием.

Ушаков слегка наклонил голову.

— Их превосходительство с нетерпением ждет возможности завтра поутру лично засвидетельствовать свое уважение вашему высокопревосходительству.

Еще до прихода в Палермо, из постоянной переписки с Нельсоном Ушаков имел твердое суждение о нем, не только как о моряке, но и как о человеке. Ад-

мирал знал о тех делах, кои совершила английская эскадра в городе Неаполе, и суждение это укреплялось, а нынче и подтвердилось окончательно. Не в пользу Нельсона. Поэтому, когда на следующий день английский адмирал прибыл с визитом, Федор Федорович приблизительно предполагал, о чем и как будет идти разговор.

У трапа «Святого Павла» Нельсона и английского посланника Уильяма Гамильтона встречали командир корабля и флаг-офицер адмирала.

Худощавый, невысокого роста англичанин с черной повязкой, закрывающей правый глаз, и пустым рукавом, замкнутым за пояс, с любопытством оглядывался по сторонам.

В первые минуты, когда лейтенант Головачев распахнул перед Нельсоном дверь и тот, обменявшись обычными любезностями с Ушаковым, быстро прошел в угол каюты и стал боком к присутствующим, Федор Федорович проникся к нему состраданием. Однако по мере того как, не переставая улыбаться, Нельсон настойчиво, под разными предлогами отвергал помощь русской эскадры в овладении Мальтой, чувство это постепенно улетучивалось. Гортанным голосом, весьма резко, Нельсон произносил каждую фразу, подкрепляя ее не менее энергичными движениями руки.

Нельсон довольно бесцеремонно отверг упреки в насилиях над пленными в Неаполе, на что Ушаков ответил:

— На островах Ионических пленено российским флотом пять тыщ французов. Все они, за исключением плененных эскадрой турецкой, отправлены в свои места. Повстанцев же мы миловали.

Ушаков встречался с Нельсоном еще не раз, но такого накала беседы уже не принимали. Они и проходили во время деловых встреч с министрами короля, на официальных приемах. Было окончательно решено, что соединенная русско-турецкая эскадра уйдет

в Неаполь, восстановит там порядок, высадит десант и двинется в Рим, чтобы помочь войскам короля освободить город от французов.

Но накануне выхода эскадры, 31 августа, в Палермо произошла кровавая драка между турецкими матросами, которые занимались грабежами на берегу, и местными жителями. Десятки людей были убиты... Турки взбунтовались, вместе с офицерами отказались участвовать в военных действиях и 1 сентября снялись с якоря и ушли в Константинополь. Эскадра Ушакова теперь уже не была союзной.

Англичане за спиной русских сговорились с французами в Риме о капитуляции, выпустили их с оружием и отправили в Геную, куда подходили войска Суворова. Но Ушаков получил повеление царя направить войска в Рим для помощи королю.

7 сентября русская эскадра вошла в Неаполитанский залив. На следующий день рано утром на берег свозили десант, пушки, амуницию. Для марша на Рим Ушаков выделил 820 офицеров, матросов и солдат под командой полковника Скипора.

17 сентября 1799 года отряд русских моряков выступил на Рим. Не прошло и двух дней, как Ушаков узнал о том. 30 сентября многолюдные улицы Рима впервые встречали и приветствовали русские войска. До стен Вечного города давно докатилась молва от Анконы и Бриндизи, Манфредонии и Неаполя: русские матросы благонравны и добропорядочны. Не только разбой не учиняют, но и, наоборот, щадят пленных, защищают невинных.

Впервые за многие годы римляне столь бурно выражали свой восторг иностранным войскам, глядя на стройную колонну русских моряков: «Виват, москвиты!» — неслось из открытых окон и с балконов. В голове отряда шли полковник Скипор и лейтенант Балабин. За их спинами в крепких руках шелестел, гордо рея на ветру, Андреевский стяг. По улицам и площадям древней столицы Италии гремела удалая русская

несня, волной перекатывалась вдоль рядов ушаковских чудо-богатырей.

То было в уходящем году последнее радостное событие.

Накануне прихода в Мессину Ушаков получил императорский рескрипт: «Эскадрам забрать войска и следовать в черноморские порты». Эскадра перешла на Корфу, готовилась к возвращению в Севастополь.

Близились дни расставаний с республикой Семи островов. Благодарные жители по-разному выражали свои чувства к русским морякам и их адмиралу. На Кефалонии выбили медаль. С одной стороны был изображен Федор Федорович, а по ободу шла надпись: «Знаменитый почитаемый Федор Ушаков, главный русский флотоводец. 1800 г.», с другой — русские корабли и тоже надпись: «Кефалония всех Ионических островов спасителю». Жители острова Итаки также преподнесли медаль, но изобразили адмирала в образе Одиссея, который, по преданию, родился на Итаке. С Занте прислали серебряный позолоченный щит с изображением Семи конических островов.

Накануне ухода эскадры на «Святой Павел» прибыла депутация Корфу, с поклоном преподнесли шпагу, украшенную алмазами, и с надписью: «Корфу освободителю своему Ушакову». Растроганный Федор Федорович, принимая подарки, каждый раз просил о главном для него, чтобы после ухода эскадры граждане островов жили дружно, в спокойствии. Сенат Ионических островов выразил признательность за доброе управление островами:

«...Господин адмирал и кавалер Ушаков, освободитель и отец Соединенных Ионических островов, признает, что благоденствие оных зависит от точного наблюдения временной Конституции... и доказательством тому служит добрый порядок, умеренность и спокойствие, утвержденные на всех островах к общему удовольствию жителей и всерадостно восхищенных».

6 июля 1800 года крепостные стены Корфу были сплошь усеяны жителями острова.

Флагман поднял сигнал: «С якоря сниматься. Следовать за мной».

Буднично и до обиды заурядно встречал Севастополь свою эскадру после почти трехлетней разлуки, как будто не было сражений и побед в Средиземноморье, а ведь все корабли возвратились целехонькими. Главнокомандующий флотом, фаворит Павла I, фон Дезин благодушествовал в Николаеве, и Ушакову оставалось действовать по заведенному порядку, разоружать эскадру, приводить в порядок обшарпанные за долгие годы скитаний в чужеземных портах корабли, готовить отчеты по всем расходам и ждать своего часа. Все решилось весной. В столице, по странной традиции, отправили на тот свет законного царя Павла I, а новый властелин Александр I прислал командовать флотом слащавого француза маркиза де Траверсе. Адмирал Ушаков как боевой черноморский флагман в Петербурге никого не интересовал. О нем вспомнили год спустя и поручили командовать гребным флотом на Балтике, на замену де Траверсе. Скрепя сердце Ушаков покидал Черноморский флот, становлению которого он отдал столько сил и энергии, победами которого прославил Россию. Гребной флот на Балтике давно потерял свою значимость и доживал последние годы. Новый император, Александр I, равнодушно, мимоходом, изредка вспоминал о флоте. Уже в преклонных годах Ушаков, хотя и недужил временами, изнывал от тоски по морю, но крепился. Служба в Петербурге тяготила манерами, необходимостью ловчить и приспособливаться. А он не мог «изгибаться» и потакать начальству против совести. А тут вдруг услышал на заседании Адмиралтейств-коллегии: «Посылка наших эскадр в Средиземное море стоила государству много, сделала государству блеску, а пользы никакой...»

В декабре 1806 года Ушаков подал рапорт об отставке, ссылаясь на «душевную и телесную болезнь, чтобы не быть в тягость службе».

Царь с издевкой попросил министра П. Чичагова:

— Разузнай, в чем заключается его душевная болезнь.

Ушаков ответил без обиняков:

«...Не прошу я награды, знатных имен, высокославными предками вашими за службу мне обещанных... Ныне же, после окончания знаменитой кампании, бывшей в Средиземном море, честью прославившей флот наш, замечая лишенным себя... милостивого воззрения».

17 января 1807 года он был уволен со службы «с ношением мундира и с полным жалованьем», а 4 июля последовал указ Адмиралтейств-коллегии, в котором были перечислены все его заслуги.

Вскоре обрадовала весточка из Средиземноморья. Там его питомец, вице-адмирал Дмитрий Сенявин, громил турок в сражениях.

Ушаков покуда жил в Измайловском городке, удерживало его в Петербурге стремление помочь становлению на морской стезе племяннику Ивану Ушакову. После его нелепой гибели в водах Невы Ушаков решил покинуть столицу.

Перед отъездом, 30 мая 1810 года, Ушаков собрал друзей-сослуживцев адмиралов Петра Карцева, Гавриила Голенкина, Александра Сорокина, пригласил нотариуса. Поначалу монотонным голосом нотариус зачитал составленный накануне документ, завещание Ушакова.

«Препоручая себя во власть Всемогущего Бога наследниками одного по прямой линии следующих определяю детей покойного брата моего коллежского асессора Ивана Федоровича сына Ушакова, родных моих племянников флота мичмана Николая Иванова сына Ушакова, Морского кадетского корпуса гардемарина Федора Иванова сына Ушакова и племян-

ницу мою девицу Павлу Ивановну дочь Ушакову, которых почитаю я вместо детей моих¹⁶ и о благе их стараюсь, как собственный их отец, и они... почитают меня таковым... Означенному племяннику моему флота мичману Николаю Ивановичу сыну Ушакова отдаю в вечное и потомственное его владение недвижимое мое имение, состоящее за мной в Ярославской губернии Романовского уезда в селцах Бурнаково, в Кузине и в Дымовском...» Еще полчаса перечислялись разные деревни близ Череповца, Рыбинска. Как положено, адмиралы скрепили документ и спросили:

— Себе-то на пропитание чего оставил?

— Под Тамбовом поселиюсь, в Темникове, в деревеньке дяди моего Ивана Игнатьевича, которую он мне завещал.

Ушаков в 1810 году уехал в Темниковский уезд Тамбовской губернии, в небольшое имение своего дяди. Поселился он в скромном домике на опушке леса, поблизости от Санаксарского монастыря. Большую часть своего имущества он отдал своим многочисленным племянникам.

Пришлось в 1811 году навеститься в Крым по своим личным хозяйственным делам. Не удержался, побывал в Севастополе, последний раз ступил на палубу кораблей.

В своей деревне Алексеевке отставной адмирал отпустил на волю крестьян, оставив только семерых слуг. Надвигался грозный 1812 год. Ушакова дворянское собрание избрало предводителем губернского ополчения, но он, поблагодарив, отказался, слег в постель. На его средства в Темникове открыли небольшой госпиталь для раненых, все свои сбережения в Петербурге он отдал в пользу неимущих.

Уединяясь, Ушаков все больше времени уделяет посещению монастыря, усердно молится, жертвует деньги Темниковскому монастырю. Как вспоминал иеромонах Нафанаил:

«Оный адмирал Ушаков... знаменитый благотворитель Санаксарской обители, вел жизнь уединенную... по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолия в монастырь к служителям Божиим во всякое время, а в Великий пост жил в монастыре в келье для своего посещения по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно, слушая благоговейно».

Другой современник дополнил образ жизни и облик адмирала Ушакова:

«Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы; но бедные, пользующиеся неистощимой его благотворительностью, со скорбью и со слезами говорят: «Он мало жил для нас!» Имя адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых русских мореходов, а добродетели его запечатлелись в сердцах всех тех, которые пользовались его знакомством в последние годы жизни его, посвященной Вере и благотворению».

Скончался Федор Ушаков в последних числах сентября 1817 года и погребен в Санаксарском монастыре Темниковского уезда. Над его могилой в ограде возвышается бюст прославленного адмирала, а рядом сооружен величественный памятный знак.

Православная церковь причислила Федора Федоровича Ушакова к лику святых Темниковского Санаксарского Богородицкого монастыря. Такой чести не удостоивался ни один флотоводец.

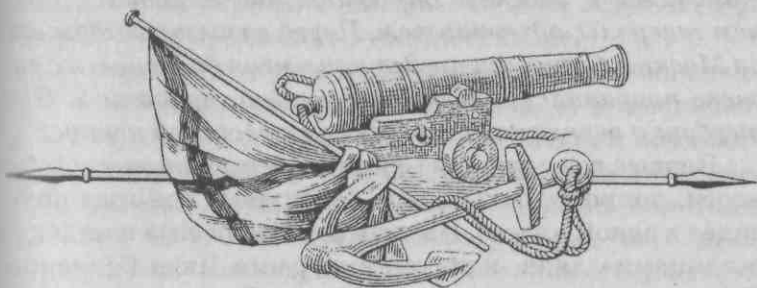
Потомки не забыли боевые дела Ушакова. Бронепосец и крейсер «Адмирал Ушаков» бороздили моря и океаны. Указом Президиума Верховного Совета СССР 14 марта 1944 года учреждены орден и медаль Ушакова, которыми награждались офицеры и матросы за боевые подвиги.

Деятельность выдающегося русского флотоводца Ф. Ушакова явилась важнейшей вехой в истории нашего флота. Яркая личность Ушакова моряка-новатора в тактике и стратегии неизменно сопутствовали по-

бедам Черноморской эскадры над превосходящими силами неприятеля. Он умел сплотить и вдохновить на подвиги подчиненных офицеров и матросов. Первым из русских адмиралов, в условиях самодержавия, Ушаков проявил талант политика и дипломата в Средиземноморье. Ему также принадлежит приоритет плодотворного взаимодействия с сухопутными войсками генералиссимуса А. Суворова.

А гениальный полководец образно и по заслугам оценил деятельность своего верного товарища по оружию:

«Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом!»

Дмитрий Сенявин

очти полтора столетия родословная Сенявиных, единственная среди знаменитостей прошлого, была неразрывно связана с историей зарождения, становления и бытием Военно-морского флота России. Начало династии моряков положили при Петре I братья Сенявины: Наум, Иван и Ульян. Из них самый известный — адмирал Наум Акимович прославился в 1719 году громкой победой русского корабельного флота над шведами у острова Эзель. Дело отца продолжил сын Алексей. Он явился создателем Азовской флотилии и в чине вице-адмирала вывел первую русскую эскадру в Черное море...

Вице-адмирал был первым «поводырем» Дмитрия Сенявина на морской стезе.

Дмитрий Сенявин, автор примечательных «Записок», описал так свои первые шаги:

«Я родился в 1763 году, августа 6 в полдень, в селе Комлево, Боровского уезда. Священник прихода сего учил меня грамоте, а на 8-м году я читал хорошо и писал изрядно... Дядюшка мой, адмирал Алексей Наумович Сенявин, проезжая из Таганрога в Петербург, ос-

становился в Москве. Батюшка мой находился при нем генеральс-адъютантом. Перед самым выездом их из Москвы батюшка представил меня дядюшке, я ему очень понравился, взяли меня с собой, привезли в Петербург и очень скоро определили в Морской корпус.

Первые годы учения Сенявин, несмотря на способности, попросту отлынивал, бедокурил, три года просидел в одном классе. На путь истинный его «наставил секанцами» дядя, капитан 2-го ранга Иван Сенявин. Дело пошло успешно, и в 1777 году Дмитрия произвели в гардемарины. Одно из первых его плаваний на Север, к мысу Нордкап, на линейном корабле «Преслава» дало хорошую закалку.

«Преслава» входила в состав эскадры контр-адмирала Степана Хметевского, которая по указу императрицы должна была пресечь действия американских каперов на торговых путях на Севере России. В начале мая 1779 года эта эскадра направилась в дальний вояж.

Чем ближе к Нордкапу, тем ярче озарялся ночью и без того светлый небосвод. Однажды в полночь, к изумлению высыпающих на бак матросов, красный диск солнца покатился по горизонту, едва касаясь его, к востоку, а затем поднялся, отсчитывая новые сутки.

У Нордкапа Хметевский разделил эскадру и назначил каждому кораблю свою акваторию для охраны. «Преславе» выпало крейсировать к западу на меридиане Нордкапа.

Шли недели, изредка у горизонта вдали белели паруса. «Преслава» устремлялась к ним, но это оказывались обычные «купцы», направлявшиеся в Архангельск. Командир «Преславы», капитан 2-го ранга Верх решил подняться к северу, и за неделю с небольшим «Преслава» ушла на триста миль от Нордкапа. Зачастили снежные заряды, переходящие в снегопад. Утром в Петров день на верхнюю палубу насыпало сугробы в пол-аршина. Ванты и паруса обледенели, и «Преслава» повернула обратно. За все время крейси-

рования американские каперы так и не встретились. Видимо, они прознали о русской эскадре.

В начале сентября корабли собрались на назначенном Хметевским рандеву у Нордкапа. К ним присоединился отряд кораблей из Архангельска, и вся эскадра направилась в Кронштадт. Погода с каждым днем ухудшалась. Море штормило, все время налетали шквалы. Матросам прибавилось работы, то и дело приходилось менять паруса, а главное — успевать брать рифы, уменьшая парусности. Однажды ночью крепкий норд-вест развел крупную волну, корабли валяло с борта на борт. На рассвете, едва матросы «Преславы» успели взять марс-риф, как налетел сильный шквал. Следом раздался встревоженный возглас вахтенного офицера:

— На «Храбром» грот-мачту снесло!

Прямо по корме, сильно накренившись на левый борт, зарывался носом в волны фрегат «Храбрый», рухнувшая грот-мачта волочилась и била по борту, грозя проломить его. Было видно, как лихорадочно рубили ванты матросы, среди волн появлялись и исчезали упавшие за борт. Не успел «Храбрый» освободиться от сломанной мачты, как рухнула бизань-мачта, а следом оторвало и швырнуло в бушующие волны марс-рею вместе с матросами, так и не успевшими взять рифы...

Подоспевшие корабли вылавливали из воды матросов, но спасти удалось немногих. В волнах погибло сорок три человека. Хметевский приказал одному из кораблей взять «Храбрый» на буксир и отвести его на ремонт в ближайший норвежский порт, эскадра направилась на Балтику.

Во время обеда в гардемаринской каюте Дмитрий вдруг озорно выпалил:

— В охотку бы мне побывать на «Храбром» в тот миг, когда там мачты рушились!

Гардемарины вначале опешили, а потом наперебой начали ругать Сенявина за неуместную шутку. Спор

разгорелся, и на шум в каюту заглянул Берх. Узнав, в чем дело, он насутился:

— Негоже, когда товарищи в несчастии гибнут, потеху устраивать. А дабы тебе, Сенявин, в науку сие пошло, отправляйся-ка на фор-салинг вахту нести. Авось тебя там бурный ветер развеселит!

Все же Сенявин за время практики заслужил похвалу, успешно сдал экзамен и в 1780 году был произведен в мичманы, первый офицерский чин.

В ту пору испанские крейсера по королевскому указу начали перехватывать россиян у Гибралтара, в Средиземном море.

Испании сделали демарш. Императрица повелела снарядить эскадру в те края. В феврале Россия «для покровительства чести российского флага и безопасности торговли», приняла Декларацию, которую называли «О морском вооруженном нейтралитете». Воюющим державам — Англии, Франции, Испании — объявлялись российские правила «для поддержания ее подданных противу кого бы то ни было».

В составе эскадры ушел в плавание корабль «Князь Владимир», куда назначили мичмана Сенявина.

Около года «Князь Владимир» патрулировал в испанских водах, временами отстаивался в Лиссабоне. Кроме добротной морской практики Сенявин воочию знакомился с бытом и нравами европейской державы, иногда с товарищами гостил на берегу у негоциантов¹⁷.

По возвращении летом 1782 года мичмана Сенявина назначили в Азовскую флотилию и зачислили в экипаж корвета «Хотин». Вскоре «Хотину» привелось доставить в Петровскую крепость крымского хана Шагин-Гирея. Там Сенявин впервые увидел князя Потемкина.

Осенью того года Сенявин был переведен на только что построенный фрегат «Крым», а в январе 1783 года произведен в чин лейтенанта.

Образцового, расторопного офицера присмотрел младший флагман, контр-адмирал Мекензи, и Сеня-

вин 2 мая 1783 года с эскадрой вице-адмирала Федота Клокачева вошел в Ахтиарскую бухту. Флагман Клокачев сразу оценил Ахтиарскую гавань по достоинству. *«О которой могу вам объявить, — сообщал он в письме, — подобной еще гавани не видали, в Европе действительно таковой хорошей нет; вход в сию гавань самый лучший, натура сама разделила бухту на равные гавани, т.е. военную и купеческую, довольная в каждом лимане глубина, положение ж берегового места хорошее и надежно к здоровью, словом сказать, лучше нельзя найти к содержанию флота места».*

Вскоре Клокачев убыл в Херсон, а новый флагман Мекензи поручил своему адъютанту обустроить гавань и порт. Томас Мекензи больше занимался личными делами, «спроворил себе дачу», балагур по натуре, он любил повеселиться. *«Ко всему этому, адмирал наш, — заметил Сенявин, — очень любил давать празднества и беспрестанно веселиться, что была так же страсть его. В каждое воскресенье и торжественные дни у него обед, а ввечеру бал. Ни свадьба, ни крестины и даже похороны без присутствия его не обходились, везде он бывал, а потом все у него обедают и танцуют всегда почти до рассвета».*

Все заботы по строительству порта и города Мекензи постепенно переложил на Сенявина.

Неделями без отдыха метался флаг-офицер по бухточкам и берегам. Договорился с командирами полков — на стройки стали высылать солдат в помощь матросам. Съездил в Балаклаву, подрядил тамошних мастеровых-каменщиков. Не хватало материалов — Сенявин приказал брать камень в Херсонесской бухте. Доставляли на тех же самых карбасах, которые здесь отыскивали полгода назад. Мекензи обычно отмахивался от просьб своего флаг-офицера — доложить начальству о нехватке леса, камня, и тогда Сенявин сам обратился в Адмиралтейство.

Постепенно все наладилось, и весной 1784 года Севастополь уже обозначился первой улицей с каменны-

ми домами. Слева от пристани расположились кузницы, склады, шлюпочный эллинг. Инженеры и артиллеристы полков к этому времени укрепили на мысах при входе в Ахтиарскую бухту батареи, сооруженные Суворовым для отражения возможного нападения с моря.

«Построили первую часовню «Святого Николая», — так отметил Сенявин в своих записках это знаменательное событие. — Часовня освящена 6 августа, кузница была готова в три недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешел адмирал и дал бал на новоселье 1 ноября. Вот откуда начало города Севастополя».

Осенью корабли эскадры салютовали первенцу херсонских верфей, 70-пушечному кораблю «Слава Екатерины» под командой капитана 1-го ранга Марка Войновича.

Минул год. У самого входа в Южную бухту неподалеку от приметного мыска загрохотал якорь, отданный 50-пушечным фрегатом «Святой Павел». Фрегат встал на якорь лихо, без суеты и излишнего шума. Капитан 1-го ранга Федор Ушаков отдал команду:

— Опустить шлюпки. Экипажу дозволено на два часа съехать на берег.

К прибывшим кораблям Мекензи относился с прохладцей. Больше занимался увеселениями и своими делами. Осенью, когда в Севастополе объявилась ревизия, посланная Потемкиным, который с того года стал главнокомандующим нового Черноморского флота, Мекензи сразу сказался больным и устранился от проверки. Ревизия обнаружила крупные недостатки, и высочайшим повелением «главный командир» был привлечен к ответственности «за неправильное расходование казенных сумм». После этих событий Мекензи занемог по-настоящему, проболел недолго и после Рождества скончался.

Вместо него Потемкин назначил своего протеже Войновича. Вступив в должность, Войнович хотел ос-

тавить при себе Сенявина флаг-офицером. Сенявин согласился, но попросил:

— Ваше превосходительство, должность сия отлучила меня от службы корабельной. Посему, оставаясь при вас, желал бы предстоящую кампанию самостоятельно судном управлять.

Потемкин сам указал на Сенявина:

— Нынче с Константинополем сношения обретают важный смысл. Посланник наш, Булгаков, просил надежного офицера отыскать.

Русский посланник Яков Иванович Булгаков обрадовался новому человеку из России. За двадцать лет дипломатической службы он научился с одного взгляда оценивать людей. Сенявин пришелся ему явно по душе. За обедом он рассказывал новому знакомому о разных интригах и происках дипломатов в Стамбуле. Частенько они не ладили, но потом сходились и мирились, чтобы сообща воздействовать на Порту.

— Но при всем том, братец вы мой, — попросту говорил посланник, — вся эта шатия — и французы, и пруссаки, и англичане — цель имеют превосходную: вредить как можно больше России-матушке.

Осенью Войнович усиленно просил вернуть Сенявина в Севастополь. Приближался момент выезда из Петербурга императрицы в путешествие по южным областям для обозрения недавно присоединенных провинций. Поездку эту с невероятным размахом задумал Потемкин — деньги-то из казны для него лились непрерывным ручьем.

Едва из Херсона пришло известие, что Екатерина намерена посмотреть Севастополь и флот, как все в Ахтиарской бухте и вокруг взбудоражилось. Командиры кораблей меняли рангоут и такелаж, шили новые паруса, заказывали новую форму для служителей. Войнович, как только появился Сенявин, вцепился в него мертвой хваткой. Первым делом он надумал перестроить дом Мекензи под царский дворец, потом

помпезно обставить встречу и сопровождение Екатерины от Инкермана до дворца.

Накануне приезда императрицы в Крым Войтовича произвели в контр-адмиралы, а Сенявин стал капитан-лейтенантом.

В жаркий полдень 22 мая 1787 года Екатерина со спутниками приехала в Инкерман. Еще издали, спускаясь с гор, прибывшие увидели лазурную гладь громадной бухты и застывшие на рейде корабли эскадры.

У пристани, в устье Черной речки, стояли наготове катера, в парадной форме Войнович ожидал Екатерину. Милостиво подав ему руку, Екатерина легко вошла на катер. Дальнейшие события красочно описал Сенявин. *«Лишь только катер государыни отвалил от берега и показался штандарт, в то самое время, со всего флота и крепостей салютовали с каждого по 101 выстрелу. Потом поравнявшись, государыне противу середины флота салютовано в другой раз, по прибытии к пристани и снятии штандарта салютовано в третий раз по столько же выстрелов. День ясный клонился к вечеру, теплота воздуха охлаждалась легким ветром с моря, и все это вместе приветствовало шествие государыни наивеликолепным образом.*

По прибытии ее величества во дворец генералитет, штаб- и обер-офицеры были представлены и все удостоены руки ее величества. Я и капитан морской артиллерии Юхарин были в это время на корабле заняты некоторыми распоряжениями и представлялись спустя часа два особо.

Когда я целовал руку государыне, тогда князь Григорий Александрович сказал несколько слов в пользу мою. Ее величество изволило подать мне и другую руку и сказала: *«Вот ему в другой раз и другая моя рука за хорошую его службу».* Я не могу выразить тогдашний мой восторг, а скажу только, что все последующие мои награждения никак уже сравниться с сим не могли. В то время целование царской руки делалось с коленопреклонением, может, я и ошибаюсь, это мне

казалось тогда и теперь весьма и очень хорошо». Когда сгустились сумерки, бомбардирское судно, стоящее посреди бухты, открыло ураганный огонь по укрепленному городку на Северной стороне. С третьего выстрела городок загорелся, а после пятого запылали все башни и стены. Гости были поражены меткостью канониров, а Екатерина восхитилась:

— Передай благоволение наше Войновичу, — сказала она Потемкину, — особливо за пальбу пушечную.

— Канониров, матушка-государыня, меткой стрельбе обучал бригадир Ушаков, — пояснил светлейший князь. — Сей опытный капитан держится не токмо догм, а сам учиняет новизну в экзерцициях.

Минуло два месяца после посещения Екатериной Крыма, и Турция без объявления войны неожиданно напала на русские сторожевые корабли в Днепровском лимане у Кинбурна. Султан намеревался вначале расправиться с Лиманской эскадрой, а затем уничтожить другую эскадру, Войновича, в Севастополе. Но у Кинбурна десант турок был наголову разбит войсками Суворова, а накануне Потемкин распорядился Войновичу выйти в море, искать и атаковать неприятеля. Трусоватый Войнович замедлил с выходом в море, и это привело к беде. Флаг-офицер Сенявин вспоминал:

«2-го сентября поутру вступили мы с добрым попутным ветром проворно под паруса: три 70-пушечных корабля, два пятидесяти и шесть 40-пушечных фрегатов, — все тут, что было налицо морских наших сил. Проплыв половину расстояния, 4-го числа случились нам ветры тихие и переменные, 8-го числа а поддень мы были от Варны в сорока милях итальянских, ветер дул от W, ввечеру ветер стал крепчать и отходить к NO, а с полуночи сделался ужасный шторм от NNW.

9 числа на рассвете видели мы только один корвет и два фрегата без мачт. В 9-м часу у нас на корабле все три мачты сломались разом, сделалась большая течь. Мы положили якорь на глубине 55-ти саже-

нях, выдали полтора каната; якорь задержал, корабль пришел к ветру и течь несколько уменьшилась. В полдень никого от нас не было видно. 10-го течь у нас прибавилась, а 11-го числа с вечера до полуночи так увеличилась, что во все помпы, котлами и ведрами из всех люков едва только могли удерживать воду, и мы в это время были точно на краю гибели».

Войнович занемог и не покидал каюту. Командир флагманского корабля «Преображение Господне» капитан 2-го ранга Иван Селивачев растерялся, и тут проявил характер флаг-офицер Сенявин, первым делом взял в руки топор и вместе с боцманом, отрубив ванты, сбросил за борт обломки мачт. Взяв в руки ушат и прикрикнув на приунывших матросов, начал черпать воду из трюма. Пристыженные матросы взялись за дело, и вскоре корабль обрел устойчивость. Приспособив запасной рангоут, поставили паруса и пришли в Севастополь. Итог похода оказался плачевным. Без боя эскадра потеряла два судна. Один фрегат погиб, а второй, линейный корабль, отнесло к Босфору, и турки его пленили.

Войнович послал с такими вестями к Потемкину своего флаг-офицера. Сенявин, как мог, смягчил обстоятельства и заверил Потемкина, что эскадра весной атакует турецкий флот.

Летом 1788 года Сенявин получил боевое крещение в сражении Севастопольской эскадры, выведенной Войновичем в море для отвлечения турецкой эскадры от Очакова, осажденного Потемкиным. 3 июля вдвое превосходящая в силах русских турецкая эскадра была атакована авангардом под командой капитана-бригадира Ушакова, который стал героем этой баталии. Основным состав эскадры Войновича маневрировал вдали, и только действия капитан-лейтенанта Сенявина способствовали успеху. Видя нерешительность Войновича, по собственной инициативе он от имени командующего отдавал приказания по маневрированию. Войнович отметил в своем донесении:

«Находившийся за флаг-капитана капитан Сенявин при отличной храбрости и неустрашимости с совершенною расторопностью обозревал движения и делал сигналы».

И сам Ушаков с одобрением отзывался о действиях Сенявина. С реляцией Потемкину о разгроме турок при Фидониси Войнович направил к Потемкину Сенявина. Обрадованный князь тут же отправил с радостным известием Сенявина в Петербург к императрице. Екатерина наградила посланца золотой табакеркой с алмазами, а в августе Сенявина повысили в чине, произвели в капитаны 2-го ранга. Потемкин редко ошибался в людях. Присмотревшись к Сенявину, главнокомандующий назначил его своим помощником по морской части, генеральс-адъютантом. Сенявин был польщен, но сказал, что хочет плавать. Потемкин усмехнулся и поманил его к карте:

— То, что в море просишься, похвально. И тут я тебе случай припас.

Князь сказал, что-де турки крепко засели в Очакове и выкурить их оттуда невмочь. Из Порты все время шлют припасы и людей, Лиманская флотилия слаба, да и Мордвинов не рвется в схватку. Слава Богу, Кинбурн да Херсон обороняют. Потемкин провел рукой по южному турецкому берегу Черного моря и продолжал:

— Задумал я турок напугать, от Очакова отвадить. Для сего диверсию кораблями к берегам анатолийским учинить. Смотри, — он ткнул пальцем в турецкий берег, — здесь знатные порты — Синоп, Бонна, Трапезунд. В них какие ни есть, а суда турки содержат. — Он посмотрел на Сенявина, и тот как бы продолжал его мысль:

— Стало быть, набеговой диверсией те суда изничтожить или пленить.

Потемкин одобрительно кивнул:

— Турки должны переполошиться и, глядишь, кинутся от Очакова к Анатолии.

Довольный Потемкин улыбнулся про себя: «Стервец, мои задумки споро хватает». Но Сенявин еще не знал главного.

— Диверсией начальствовать будешь ты, — сказал князь, — возьмишь пять быстрых корсарских судов — и айда.

Сенявин в то же мгновение радостно вспыхнул и вытянулся:

— Ваше сиятельство, живот положу, а без виктории не вернусь...

— Твой живот Отечеству надобен, ты еще молоко-сос и холост, — деланно хмурясь, прервал его Потемкин, — однако викторию добудь. Русский флот впервой к азиатским берегам крейсировать будет, не посрами его.

Боевая летопись русского флота кратко поведала о первом подвиге Сенявина:

«16 сентября — 6 октября. Крейсерство отряда в составе 4 корсарских судов под командой капитана 2 ранга Д.Н. Сенявина, вышедшего 16 сентября из Севастополя для операции на турецких морских коммуникациях у берегов Анатолии и набегов на укрепленные пункты побережья.»

19 сентября. Отряд капитана 2 ранга Сенявина бомбардировал Синоп, артиллерийским огнем истребил одно большое судно турок, а другое взял в плен.

20—22 сентября. Отряд капитана 2 ранга Сенявина, продолжая крейсерство вдоль азиатского побережья, сжег и потопил у города Вонна (к западу от Синопа) 4 турецких судна с грузом леса и пеньки, сжег на побережье казенный провиантский склад и уничтожил турецкую береговую батарею.

25 сентября. Отряд капитана 2 ранга Сенявина бомбардировал город Керасунда (Гересинда) и уничтожил 4 турецких транспортных судна с провиантом и боезапасами.

29 сентября — 3 октября. Находясь в крейсерстве у азиатских берегов, отряд капитана 2 ранга Се-

нявина захватил большой турецкий транспорт с грузом продовольствия и повел его с собой в Севастополь. Но в пути отряд попал в шторм. Турецкое судно получило большое повреждение и было затоплено.

6 октября. Возвращение в Севастополь отряда капитана 2 ранга Сенявина из крейсерства у азиатских берегов Турции».

В Константинополе переполошились: русский отряд безнаказанно действует у берегов Турции.

Наградой Сенявину за первую боевую операцию был орден Святого Георгия IV степени. Сразу же Сенявина назначили командиром 56-пушечного корабля «Леонтий-мученик», который он привел из Херсона в Севастополь. Не успел корабль стать на якорь, как Потемкин срочно отозвал Сенявина в Херсон. Там во льдах застрял только что построенный корабль «Князь Владимир». Сенявин успешно вывел корабль на чистую воду и привел в Севастополь. За эту операцию он был награжден орденом Владимира IV степени с бантом, как за боевой подвиг. Отныне флагманом Севастопольской эскадры являлся контр-адмирал Ушаков, а одним из фрегатов в ней командовал Сенявин. Потемкин наставлял Ушакова к активным действиям:

«С помянутой эскадрой толкайтесь на флагманский корабль, обжигая его огнем сильным и живым, разделите, которое судно должно быть в такелаж, которое в корпус, и чтобы при стрельбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели. Что Бог даст в руки, то его милость, но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого. Требуйте от всякого, чтобы боролись мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски».

Первый успех над турками эскадра Ушакова достигла в июле 1790 года в сражении в Керченском проливе. Следом 28 августа блестящая победа над турецкой эскадрой у Тендры. Летом 1791 года решительный разгром турецкой эскадры у Калиакрии заставил султана подписать мир.

Ушаков с похвалой отозвался о действиях в этом сражении командира «Навархии». «Хотя Сенявин во время боя оказал мужество и храбрость, но, спускаясь от ветра, не так был близок к линии неприятельской, как прочие». Но в том не было вины командира — «Навархия» с перебитым рангоутом и разодранными парусами была скована в маневрах.

Заметим, что в этот период между Ушаковым и Сенявиным произошел конфликт¹⁸. Уважая Ушакова, Сенявин допускал самовольство, и ему казалось, что флагман незаслуженно ущемляет его самолюбие. В спор решительно вмешался Потемкин. Он лишил Сенявина звания генеральс-адъютанта и посадил под арест.

— Или повинись перед Ушаковым, — предупредил князь Сенявина, — или я разжалую тебя в матросы.

Сенявин осознал свою неправоту, извинился перед Ушаковым, и, довольный исходом, князь написал Ушакову:

«Федор Федорович, ты хорошо поступил, простив Сенявина: он будет со временем отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя».

А вскоре грустная весть опечалила Ушакова и Сенявина. Незадолго до мира с турками, внезапно скончался их наставник и покровитель князь Потемкин-Таврический...

В мирную пору эскадра Ушакова не послабляла боевую выучку. Под стать флагману совершенствовал мастерство и его подопечный Дмитрий Сенявин. 1 января 1796 года он был произведен в капитаны 1-го ранга и назначен командиром нового 74-пушечного корабля «Святой Петр». Осенью умерла императрица Екатерина II — на престол вступил Павел I. Спустя два года разгорелся конфликт, когда французы захватили остров Мальту. Недавно Павел I принял под свое покровительство орден Мальтийских рыцарей. Император решил изгнать французов с острова Мальты, освободить от них Ионические острова и славянские зем-

ли в Адриатике. Вместе с Россией против французов выступила Турция, которой грозила потеря Египта, и Англия. По суше в Италию двинулась армия Суворова, а Черноморская эскадра направилась в Средиземное море. Но теперь русская эскадра выступила против французов, в союзе с турками и Англией.

В августе 1758 года в бухте Золотой Рог стала на якорь эскадра Ушакова. Султан без колебаний подчинил Ушакову свою эскадру капудан-паши Кадыр-бей. В сентябре соединенная эскадра вышла в Средиземное море и начала освобождать от французов Ионические острова. «Острова Занте, Корфу и Кефалония важнее для нас, чем вся Италия, — доносил Бонапарт Директории». Но прежде чем овладеть главной крепостью, на Корфу, следовало отбить у французов важную по значимости крепость на острове Святой Мавры. Ушаков направил туда Сенявина, придав ему фрегат «Навархию» и два турецких фрегата. Перед уходом Сенявин получил ордер Ушакова. Флагман предусмотрел все:

«Крепость и батареи, там находящиеся, извольте отобрать от французов, ежели можно, то без кровопролития большого, взять силой оружия или на договор, французов, находящихся в них, взять пленными, с тем, ежели сдадутся без боя. — Последние фразы Сенявин перечитал дважды — Впрочем, все полагаю на ваше благоразумие, мужество и храбрость, вашу расторопность и исполнительность. Поступайте, как есть должность исправного офицера, в чем на вас надеюсь».

Сенявину адмирал не только приказывал, он надеялся на него.

Утром следующего дня отряд Сенявина подошел к острову Святой Мавры. При взгляде на него с высокого албанского берега он казался отломанным кусочком материка.

Год назад остров Святой Мавры вместе с другими островами захватила Франция. За эти месяцы фран-

цузские инженеры соорудили мощные крепостные бастионы, поставили на них новые пушки, крепость опоясал глубокий ров, наполненный водой. По окружности он вытянулся на шестьдесят верст. Рядом с крепостью расположился уютный город.

Сделав несколько галсов, Сенявин понял, что огонь корабельных орудий не достанет до крепости.

«Святой Петр» еще не успел отдать якорь, как от берега отчалили две лодки и направились к фрегату. Вскоре на борт поднялась делегация местных жителей во главе с архиереем. Они уже прослышали о взятии островов Периго, Занте и с нетерпением ожидали прибытия русских. Поднимаясь на борт, они приветливо улыбались. Первым на палубу ловко взобрался пожилой седовласый грек в мундире офицера. От прибывших отделился молодой подтянутый грек, тоже в мундире офицера.

— Ваше высокоблагородие, — сказал он по-русски, — позвольте представиться: отставной капитан российского флота Никос Леандер.

Оказалось, что в свое время он служил на корсарском судне под русским флагом, сражался с турецкими судами.

Сенявин крепко сжал его руку.

— Сие депутация достойных людей Мавры, — продолжал Леандер. Он указал на седовласого грека в мундире. — Дворянин господин Орио прежде служил контр-адмиралом флота Венецианской республики.

Спустя час из рассказов горожан Сенявин довольно подробно знал о состоянии дел на острове и о примерном расположении противника.

Когда Леандер произносил имя Али-паши, албанского наместника турок, греки трясли головами и встревоженно гудели. Орио что-то быстро сказал, и Леандер продолжил:

— Верные люди передали нам, что Али-паша сам хочет прибрать Мавру к рукам. Он пообещал коменданту крепости Милету тридцать тысяч червонцев, ес-

ли тот сдаст ему крепость. Только весь наш народ никогда не будет под властью Али-паши. Мы скорее погибнем, чем пойдем к нему под ярмо. Мы просим русских братьев прийти к нам на помощь. Наши граждане сами взялись за оружие. Сейчас французы обложены в крепости нашими волонтерами.

— Думаем, в крепости не менее пятисот солдат и офицеров и около пятидесяти пушек.

Сенявин поблагодарил и встал:

— Передайте мужественным гражданам, что мы не позволим кому-либо бесчинствовать над вами и весьма благодарны за храбрые действия ваших волонтеров. Мы пришли, чтобы освободить вас от гнета французов.

Сенявин созвал военный совет командиров кораблей. Пока они собирались, он вышел на шкафут и внимательно осмотрел в подзорную трубу местность вокруг крепости.

Сенявин коротко пересказал командирам все, что сообщили греки, и изложил свой план действий:

— Крепость весьма крепка, однако припасы у них не навек. Нам предписано штурмовать ее без промедления. Для осады и штурма отрядим десант в триста человек, к нему пушек десятков на первый бросок. К пушкам определить офицеров и констаблей.

В крепости затаились, не было видно ни огней, ни движения на бастионах. Там, видно, ожидали развития событий. На кораблях не спали всю ночь. Готовили десант, пушки к выгрузке, порох, разные припасы. До рассвета началась выгрузка десанта. Матросов, солдат, артиллеристов перевозили на шлюпках, мастерили плоты для доставки пушек. Высадка заняла целый день, и только когда опустились сумерки, отряд во главе с офицерами вступил в город. Их встретил архиерей в полном облачении, сопровождаемый местным духовенством.

Выйдя за город, десантники разбили лагерь, выставили сторожевые посты. Не ожидая рассвета, нача-

ли рыть траншеи. К утру возвели бруствер для четырех батарей, установили пушки.

Едва взошло солнце, французы открыли огонь по батареям. Вскоре все русские батареи в ответ открыли беглый огонь, корабельные пушки вступили в дуэль с крепостной артиллерией. Три часа не смолкала канонада. Первой замолчала крепость. Батареи продолжали забрасывать ее снарядами. Три дня с рассвета до вечера батареи обстреливали крепость. Оттуда отвечали довольно часто лишь в первый день. Потом беспокоили реже, но стали открывать огонь по ночам.

Сенявин пытался убедить осажденных сдать крепость, послал к Миолету офицера. Француз высокомерно ответил, что переговоры ни к чему не приведут. Обстрел возобновился с новой силой, и спустя два дня Сенявин снова направил парламентаря, поручика Маслова.

— Передайте коменданту: дальнейшее пролитие крови бесполезно. Ежели они не сдадутся теперь, капитуляцию от них принимать не буду.

Из крепости вышел офицер и опять надменно ответил, что комендант не видит надобности вести переговоры.

Теперь Сенявину пришла мысль возвести батарею на албанском берегу, он решил послать туда именно турок.

К рассвету на берегу возвышалось укрепление, за которым укрылись четыре пушки и расположились полторы сотни турецких матросов и унтер-офицеров. Батарея, не мешкая, открыла огонь и скоро прицельные залпы разрушили одну из башен крепости. Открыли огонь и остальные батареи на острове. Французы отвечали вяло, стало видно, как в крепости загорелись дома, начались пожары.

К вечеру, когда раскаленные пушки замолчали, из крепости вышли три офицера с белыми флагами.

Долговязый чернявый майор с хмурым лицом сообщил условия полковника Миолета

— Крепость со всею амуницией отдают, исключая личную собственность. Гарнизон должен выйти из крепости с военной почестью. Русские должны весь гарнизон доставить в Анкону или Тулон.

Сенявин, не раздумывая, ответил:

— Передайте полковнику наши условия — гарнизон сдается в плен с полной амуницией. Иных условий не будет, а впрочем, погодите, сейчас я набросаю письмо.

Офицеры ушли в крепость, а ответа долго не было. Сенявин начал готовиться к штурму. Накануне он отправил нарочного к Ушакову. Сообщал об упорном сопротивлении французов и, видимо, о неизбежности штурма.

Сенявин вторую неделю спал урывками, осунулся. Надо было успевать и на кораблях, и на берегу. На «Святом Петре» за него теперь оставался помощник, капитан-лейтенант Савицкий. Он был в десанте, но приболел, и Сенявин вернул его на корабль. В эти дни погода установилась, лишь легкий бриз дважды в сутки медленно разворачивал корабли на якорных канатах. Но каждый раз, сходя на берег, Сенявин ежедневно посматривал на рейд, где маячили корабли.

В полдень следующего дня Орио привел к лагерю десанта отряд волонтеров — больше восьмисот человек. Очевидно, французы заметили приток подкрепления в лагере и усилили натиск. К ночи обстрел поутих, но воспользоваться передышкой для отдыха не удалось. На албанском берегу вдруг разгорелась сильная ружейная перестрелка, а вслед за ней загрохотали беглым огнем пушки. Французы пытались внезапной вылазкой поправить положение, но потерпели поражение.

Ночная неудача сделала французов сговорчивей. Утром парламентарии сообщили о сдаче крепости, но все же просили отпустить гарнизон. Сенявин отверг просьбу и скомандовал батареям возобновить огонь по крепости. Обстрел не прекращался до захода солнца.

В последний день октября на рейде бросил якорь отряд Ушакова из шести вымпелов.

Едва флагман появился на горизонте, Савицкий послал шлюпку за Сенявиным. Когда Ушаков пришел на рейд Мавры, его уже ожидал Сенявин. Он тут же доложил флагману, что готов к немедленному штурму крепости. Вместе они съехали на берег. Там их встречала толпа горожан вместе с Орио.

Ушаков остался доволен состоянием укреплений и расположением батарей, которые не прекращали огонь. В то же время, когда Ушаков приехал на албанский берег, в крепости начались пожары.

— На что надеется комендант крепости? — спросил он Сенявина. — Сикурса ждать ему неоткуда. Ежели он не образумится, будем штурмовать. Готовьте фашины и лестницы.

— Они готовы, ваше превосходительство, — доложил Сенявин.

Прочитав условия капитуляции Сенявина, одобрил их:

— Токмо на таких правилах французов надобно пленить.

— Ваше превосходительство, — сообщил Сенявин, — Миолет вступил было в сношение с Али-пашой. Тот склонял его сдаться ему в плен, а остров сдать. За то сулил полковнику Миолету тридцать тысяч червонцев.

И все-таки Ушаков направил коменданту крепости письмо. Упомянув, что знает о попытке сговора с Али-пашой, адмирал писал:

«Предлагаю те же кондиции, которые объявлены от командующего отрядом кавалера Сенявина, и ожидаю решительного ответа, желаете ли пользоваться моим благоприятием?..»

Для подкрепления сказанного батареи открыли ураганный огонь. Скоро в крепости все запылало. Еще засветло над крепостными стенами показался белый флаг.

Увидев мощное подкрепление на рейде, французы окончательно убедились в своей беспомощности и в бесполезности сопротивления. Из крепости вышли два офицера. Они вручили Ушакову письмо военного совета, которое гласило:

«Милостивый государь! В ответ на ваше письмо мы посылаем двух офицеров, выделенных нашим советом для переговоров с вами о статях капитуляции. Мы полагаемся на вашу гуманность и добросовестность и заранее уверены, что никогда не нарушите закон войны».

Читая письмо, Ушаков подумал: «Когда якшались с Али-пашой, о законах небось не вспоминали. Ну да Бог с ними».

Спустя три дня после переговоров Миолет вывел из крепости французский гарнизон. Миолет сдал Сенявину два знамени, флаг. Пятьсот офицеров и солдат сложили оружие. В крепость вошли русские войска, заняли караулы, над крепостью плескались русские флаги. Вывезли трофеи — шестьдесят пушек и мортир, восемьсот ружей, сотни пудов пороха. Французы потеряли сорок человек, наши — двух. Вечером пленных погрузили на турецкий фрегат и отправили в порт Превезу.

На следующий день Ушаков с отрядом уходил к Корфу и распорядился:

— Поспешите артиллерию с припасами взять на суда. Ежели успеете, возьмите из крепости медные мортиры, они нам на Корфу пригодятся.

В тот же день Ушаков отправил рапорт Павлу I о взятии крепости Святой Мавры: *«Командующий отделенных от эскадр наших отрядом флота капитан I-го ранга Сенявин при взятии крепости Святой Мавры повеления мои исполнял во всякой точности во всех случаях; принуждал оную к сдаче, употребил все возможные способы и распоряжения, как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру с отличным искусством и неустрашимой храбростью;*

равно и все находящиеся в десанте войска российские, каждый по званию своему исправляли должность ревностно и усердно, с обычной храбростью».

За взятие острова Святой Мавры Сенявин награжден орденом Святой Анны II степени.

Теперь для освобождения Ионических островов надлежало взять приступом сильно укрепленную крепость французов на острове Корфу. Ушаков, верно оценив обстановку, предпринял силами эскадры штурм и взятие острова Видо, который прикрывал Корфу со стороны моря. «Святой Павел» под командой Сенявина был в авангарде атаки и своим огнем подавил три батареи французов. Ушаков похвалил Сенявина сигналом: «Восхищен неустрашимо храбрым действием». Корабельный десант довершил дело. Участь Корфу была решена.

20 февраля французы подписали капитуляцию. На всех бастионах и плененных кораблях поднялись русские флаги. К Ушакову привезли знамена крепостей и флаги кораблей, ключи от всех крепостей. Трофеи были богатыми — свыше шестисот пушек и мортир, тысячи ружей, тринадцать кораблей. История не знала подобного штурма взятия приморской крепости с моря. Директория проиграла первую военную схватку с Россией.

Захватчиков изгнали с Ионических островов, но русские моряки не посягали на свободу и права народа. Напротив, они желали привнести справедливость в уклад жизни граждан острова.

Ушаков принял делегацию граждан города. Греки не скрывали радости.

Сенявин внимательно присматривался и к взаимодействиям флагмана с местным населением, когда бывал у Ушакова. Тот работал над проектом правления на островах. Одна фраза ему запомнилась:

«...В Корфу присутствовать будет Сенат, главное правительство республик оных, который решать будет

политические, военные и экономические дела по большинству голосов...» Проект состоял из 32 статей, и под ним стояла подпись: «Адмирал Ушаков».

После взятия Корфу по приказу Павла I эскадра Ушакова участвовала в освобождении от французов Неаполитанского королевства и Рима. Предстоял поход к Мальте на помощь англичанам для освобождения острова от французов. Но в Петербурге произошли перемены. Павел I разочаровался в политике Англии.

...Недавно назначенный первоприсутствующим Коллегии иностранных дел граф Федор Растопчин докладывал царю о крупном повороте во французских событиях. Выслушав его, Павел заметил:

— Пожалуй, нынче Бонапарт в самодержцы стремится. Сие для нас приемлемо. — Павел всегда тяготел к порядку во всех делах. — Думается, нам безразлично, кто будет царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическое. Быть может, нам вернуться к дружбе с Бонапартом? Благо уже и австрийцы нам не помогают, а только пакостят.

Растопчин поддержал настроение царя и поспешил наложить свои мысли:

— Ваше величество, вы совершенно правы — настала пора нам от союза с Австрией отойти. Английская корона хитростью и деньгами вооружила все державы против Бонапарта.

— И нас, грешных, — вдруг захохотав, перебил Павел Растопчина.

Граф льстиво заулыбался царской шутке, но тут же оогнал улыбку. Павел уже не смеялся. Выпучив глаза, он вастыл, будто вспомнив о чем-то.

— Не откладывая, заготовь рескрипт на Корфу Ушакову. Пускай возвращается. Не для чего таскать наштаны из огня британцам...

Накануне прихода Сенявина в Мессину Ушаков получил императорский рескрипт: «Эскадрам забрать войска и следовать в черноморские порты». Пришло

время все добытое трудами великими, жертвами немалыми, оставлять...

В один день с рескриптом Павла I в Мессину поступил указ о присвоении Сенявину очередного звания капитан-генерал майорского ранга. В сентябре 1800 года без торжеств вошла в Севастопольскую бухту и стала на якоря эскадра Ушакова. Потянулись корабельные будни. Два года корабли не ремонтировались, экипажи, по сути, не сходили на берег. Осенью Сенявина назначили с продвижением капитаном Херсонского порта¹⁹. Но вскоре начались трения с новым командующим флотом, маркизом де Траверсе, нечистым на руку...

Дорогую цену заплатил Павел I за антианглийскую политику. Вскоре в 1801 году в Петербурге на престол вступил Александр I, не без ведома которого отправили на тот свет его отца. Спустя два года Сенявина произвели в контр-адмиралы и назначили старшим начальником в Севастополь, а затем перевели в 1804 году флотским начальником в Ревель.

Обстановка в Европе изменилась. Александр I, верный слову, вступил в союз с Англией против Наполеона, потребовалось послать эскадру в Средиземное море для защиты интересов России в Адриатике. Спешно отправили туда небольшой отряд капитан-командора А. Грейга. Готовилась к отправке основная эскадра, но не был назначен командир. Существует версия, что совета спросили у находившегося в опале Ушакова.

— Вам ведомо, — ответил Ушаков, — что мне вовсе не люб Сенявин. Но это отличный офицер во всех обстоятельствах. Передайте государю, что если бы это зависело от меня, то я избрал бы командующим токмо Сенявина.

25 августа 1805 года Александр I сделал смотр эскадре Сенявина, только что произведенного в вице-адмиралы. На реях стояли матросы в парадной форме, пушки салютовали шлюпке с императором, обходившей строй кораблей. Поднявшись на борт флагманско-

го корабля «Ярослав», Александр выслушал рапорт Сенявина. Стоявший немного поодаль и сбоку морской министр Павел Чичагов вдруг подумал: «Разительно, но сколь похож Сенявин внешне на государя». Александр впервые видел Сенявина. Чуть выше его ростом, стройный, с румянцем на лице, без тени подобострастия, он произвел благоприятное впечатление.

Закончив рапорт легким поклоном, Сенявин сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Приморское положение Республики Семи островов ограждается единственно щитом морских сил. Посему, — благосклонно напутствовал Александр, — мы решиливерить вашему главному начальству как морские, так и сухопутные силы. — Он не любил длинных речей и поторопился закончить: — Инструкции наши будут вручены. Да благословит вас Бог в плавании.

Накануне выхода курьер доставил Сенявину пакет. «Секретно. Господину вице-адмиралу Сенявину». Вскрыв его, флагман прочитал:

«...Снявшись с якоря и следуя по пути, вам предлагающему, употребите все меры, морским искусством преподаваемые и от благоразумия и опытной предусмотрительности зависящие, к безопасности плавания вашего и к поспешному достижению в Корфу». Дальше царь указывал, что в порты Швеции, Пруссии, тем паче Голландии — она под Францией — не заходить. Русские войска генерала Анрепа поступают полностью в его распоряжение.

Еще раньше в Кронштадте объявили Манифест о начале войны с Францией. В начале сентября 1805 года эскадра Сенявина, приняв на борт десант, снялась с якоря, зашла в Ревель и, благополучно миновав проливы, бросила якорь на Спитхедском рейде Портсмута.

На улицах Портсмута царило радостное оживление. Поступили первые известия о Трафальгарском сражении, победе Нельсона и разгроме франко-испан-

ской эскадры. Едва узнав об этом, Сенявин обрадовался. Два корабля «Селафаил» и «Уриил» закончили снаряжение и были готовы к выходу.

— Англичане, как вы слышали, задали перцу французам, — сказал адмирал командирам. — Пока те не опомнились, вооружайте паруса и отправляйтесь на Корфу через два-три дня. — Командиров он потопрапливал: — Бискайский залив в зимнее время редко обходится без жестоких штормов.

За две недели успели сделать многое — переменили такелаж, приделали новые замки к орудиям. Отряд пополнился — у англичан купили два брига.

Накануне выхода Сенявин пригласил командиров, по обычаю, на обед. За столом адмирал начал разговор:

— Английские купцы сказывают, французы на широте Кадиса дозоры устроили. Видимо, поджидают нас. — Он испытующе посмотрел на подчиненных и продолжал: — Французы превосходят нас намного. Потому в бой ввязываться не будем. Нам генеральную цель надобно помнить. Быть в целости на Корфу...

Наутро эскадра еще вытягивалась с Портсмутского рейда, как вдали показалась английская эскадра.

— На головном корабле приспущен флаг, — доложили с салинга.

На борту адмиральского корабля «Виктория» находилось тело погибшего героя Трафальгара Нельсона.

Трафальгар был триумфом для англичан, но этот успех не оказал какого-либо влияния на ход событий в Европе... Сенявин двинулся в путь. 18 января 1806 года эскадра вошла на рейд Корфу. С волнением моряка всматривался Сенявин в столь знакомые и ставшие ему еще пять лет назад близкими очертания острова. Здесь штурмовал он непреступные бастионы, освобождая островитян, теперь он пришел защитить их свободу от недругов.

Неделю назад в Мессине посланник при неаполитанском дворе Татищев огорчил его неожиданной вестью. Напуганный Аустерлицем, император Австрии

Франц в Прессбурге подписал с Наполеоном сепаратный мир. По договору австрийцы обязались отдать французам до 30 января 1806 года Венецианскую область, почти всю Истрию, Далмацию и Которскую область. Надлежало спешить укрепиться на берегу. Первыми приветствовали Сенявина генералы Анреп и Ласси. Анреп командовал войсками на острове, а Ласси с корпусом прибыл недавно из Неаполя, так как Австрия вышла из войны и наступление из Италии не состоялось. Вместе с ними на корабле появился полномочный представитель Александра I в Ионической республике граф Моцениго, уроженец здешних мест. Следом на борт поднялись командующий эскадрой Сорокин и капитан-командор Грейг. Сенявин поздравил Грейга с чином контр-адмирала.

Но генерал Ласси огорошил Сенявина:

— У нас есть новости, ваше превосходительство, из Петербурга. Государь повелевает мне и Анрепу с войсками, не мешкая, отправляться в порты Черного моря.

Неожиданная новость была неприятна Сенявину. Он предполагал, что будет иметь в подчинении около тринадцати тысяч сухопутных войск. Теперь обстоятельства осложнились.

— Для наших нужд — охраны крепостей — желательно оставить большую половину сухопутных войск, — сказал он генералу Ласси и объявил офицерам: — Возможно, в недалеком будущем предстоят стычки с неприятелем, и не только в море, но и на суше, а поскольку на кораблях немало рекрутов, не обученных ружейным и пушечным приемам, безотлагательно приступить к экзерцициям.

В тот же день Сенявин съехал на берег и тут же был окружен офицерами. Отказался от предложенной коляски и пешком направился к центру. Встречные жители, сербы и черногорцы, приветливо улыбались, кланялись, прикладывали руки к сердцу. Многие встречные довольно спокойно здоровались по-русски,

и, видимо, некоторые из них узнавали в Сенявине молодцеватого офицера, который пять лет тому назад прохаживался по этим улицам.

В прошлом Австрия овладела Венецией, которая добровольно отдалась под опеку австрийцам. Сенявин уже знал, что в Прессбурге австрийский император Франц I попросту разменялся Которо с Наполеоном, будто мелкой монетой.

В первых числах февраля на Корфу приехал гонец от русского посланника в Которо. Тот просил отрядить корабли и солдат для защиты города. Посланец рассказал, что в конце января австрийский наместник Гизлиери объявил о предстоящей передаче Которской области французам. Начинались сложные политические зигзаги, но Сенявин имел твердое намерение закрепиться в бухте Которо.

Утром 21 февраля 1806 года сто сорок русских канониров и морских солдат сошли на берег, запруженный ликующими жителями. Которцы обнимали русских моряков, предлагали вино и фрукты, женщины кидали им под ноги цветы. В центре города русские, сербы и черногорцы смешались воедино. На высокий помост вышел в облачении воина, с крестом, митрополит Петр Негош. Все затихли.

— Самые горячие пожелания исполнились! — неслась над головами проникновенная проповедь. — Наши русские братья соединяются с нами в братской общности. Пусть никогда эта великая минута не исчезнет из нашей памяти! Раньше, чем я освещу наши знамена, клянитесь защищать их до последней капли крови!

Мгновенно вся площадь ответила:

— Клянемся! — Родные церковнославянские и русские звуки слились воедино...

На всех крепостях заступили русские караулы и затрепетали Андреевские флаги.

В эти же дни с Корфу Сенявин отправлял к Черному морю Сибирский гренадерский полк с генералом

Ласси. Ему удалось уговорить генерала оставить, хотя бы на время, большую часть войск на острове. После ухода Ласси пришла почта.

Сенявину вручили два пакета из Петербурга, ему и Ласси. Едва начав читать, Сенявин машинально посмотрел на дату — рескрипт был подписан 14 декабря 1805 года. Чем дальше читал он, тем большая тревога и озабоченность овладевали им.

Императорское именное повеление предписывало: со всеми военными и транспортными судами, состоящими под его, Сенявиным, начальством, при первом удобном случае отправиться к черноморским портам...

Первые мгновения адмирал не мог понять смысла происходящего и еще несколько раз перечитывал рескрипт. «Как же так? Пройти через океан и добрую дюжину морей, начать с успехом действовать против неприятеля, утвердиться на материке, обнадежить черноморцев и которцев, приступить к блокаде Далмации — и все это понапрасну? Что скажут черногорцы, ведь французы безжалостно расправляются с ними. Надо обдумать, искать выход.

Первое, что он подумал, — надо обстоятельно объяснить все министру Чичагову и убедить его в нелепости замысла.

«Имею честь сообщить вашему сиятельству, — начал он письмо, — я лично удостоверился в искренней приверженности тех народов к России. Они готовы жертвовать не токмо собственностью, но и жизнью, и верить им можно в том несомненно. Я намеревался тот народ освободить от ига французского и положил тому начальное основание... — Далее он сообщал о боевых действиях и закончил: — Ваше сиятельство легко вообразить себе может, с каким прискорбием я должен был видеть, что все мои вновь предположения, о возможном и успешном проведении коих в действо почти нельзя было сомневаться, вдруг сделались тщетными».

Сенявин вспомнил о пакете, адресованном Лессе, и решил: «Будь что будет, вскрыю пакет, когда вернусь на корабль, — подумал он. — Я сейчас за старшего начальника, не возвращать же его в Петербург». Оказалось, что рескрипт предписывал Лессе не возвращаться в черноморские порты, а задержаться на Корфу и ждать дальнейших указаний. Сенявин повеселел: «Стало быть, при дворе одумались, но почему о кораблях ни слова?»

На Корфу он сразу же начал восстанавливать ушаковское Адмиралтейство, корабли требовали немедленного ремонта. Пригодилась сноровка и опыт прежней капитанской работы в портах.

Русские моряки обосновались в Адриатике, видимо, прочно, и это вызывало нервозность в Париже. Эскадра Сенявина блокировала французские войска на побережье Далмации. На трудных дорогах через горные перевалы французов к тому же поджидали засады черногорцев. Дубровник, или, как еще его называли, Рагуза, лежал на пути французов из Северной Далмации в Которскую область.

По пути в Триест Сенявин зашел в Дубровник. Сенаторы, наслышанные о русском адмирале, встретили его почтительно. На море властвовал русский флаг. Они обещали, если появятся французы, просить защиты у русских моряков. Но это оказалось уверткой...

Новый командующий французами генерал Молитор получил четкие инструкции Наполеона — далматийский берег Адриатики очистить от русских и завладеть им. Молитор отрядил генерала Лористона с тысячью солдат и направил к Дубровнику.

Не прошло и двух дней после ухода Сенявина, как под стенами Дубровника появились французы. Городской совет беспрекословно открыл ворота Лористону. Такое начало вдохновило генерала. К тому же он посулил сенату разные выгоды и заручился поддержкой. Вместе с французами на Которо выступал отряд горожан.

До сих пор французы в этих краях маршировали бодро. Но они еще не встречались с русскими. Сенявин предусмотрительно выдвинул вперед егерей генерал-майора Вяземского и отряды Негоша. Южнее Дубровника, у крепости Цавтата, они впервые сошлись в бою с французами. Бок о бок с егерями сражались черногорцы и которцы. Схватка была короткой, но жестокой.

Французы безмятежно продвигались вдоль моря. У стен Цавтаты вдруг оцепенели. Вначале со стороны моря внезапно появились канонерки и начали хлестать огнем по их колоннам. Не успели они опомниться, как со всех сторон на них навалились егеря и стрелки. Французы дрогнули и покатались назад. Вдгонку им летела картечь линейного корабля «Уриил». Шквал огня преследовал их до предгорий Дубровника. Лишь здесь они пришли в себя и остановились. Лористон, получив еще пушек и солдат, укрепился на отвесных скалах.

Июньским утром 1806 года Сенявин, Вяземский и Негош стояли на вершине небольшого холма. Вдали, на горных кряжах, затаились французские батареи. Правее, где горы переходили в перевал, Лористон возвел мощный редут. Напротив высилась громадная гора Бергат.

Всматриваясь в позиции французов, Сенявин нет-нет да и вспоминал вчерашний визит французского парламентаря от генерала Лористона. Во время минувших боев черногорцы дрались отчаянно и в пылу сражений часто не брали в плен сдающихся французов. Так докладывал Вяземский. Лористон жаловался на жестокость русских солдат, предлагал ему удалить из войск черногорцев и которцев. Сенявин тут же ответил Лористону:

«Вы ...так ошибаетесь, г. генерал, что я почитаю совершенно излишним опровергать вас. Ваши офицеры и солдаты могут засвидетельствовать, с каким человеколюбием обходимся мы с ними; напротив то-

го, у наших, которые иногда по несчастью делаются пленными вашими, отнимают платье, даже сапоги.»

О черногорцах пояснил вразумительно: «Когда увидели они, что неприятель несет огонь и меч в их мирные хижины, их справедливое ожесточение ни моя власть, ни митрополит не в состоянии были удержать от обычая: не давать пощады, резать головы пленникам. По их воинским правилам оставляют жизнь тем, кои, не вступая в бой, отдаются в плен. Впрочем, рагузцы ваши поступают точно, как черногорцы». Напомнил он французскому генералу: «Не вижу конца несчастьям, которые нанесли вы области Рагузской, принуждая жителей сражаться против нас, подвергаете их двойному бедствию». И, наконец, посоветовал: «Оставьте крепость, освободите народ».

У Лористона не менее двух тысяч войска, — сообщили лазутчики, — и вдобавок тысячи три рагузинцев. У Сенявина было меньше четырех тысяч с далматинцами. Сенявин считал, что главная цель предстоящего сражения — взятие самой высокой вершины. Сенявин распределил цели для обстрела кораблями.

Вскоре появился посланник в Которо Санковский. Он вынул из портфеля пакет:

— От графа Разумовского — срочная депеша, из Вены.

Сенявин еще не получил ответа на свое донесение царю о захвате Которо, а Разумовский предлагал незамедлительно сдать его австрийцам.

— По имеющимся у меня бумагам, — пояснил Санковский, — граф Разумовский сообщает, что государь направил в Париж статского советника Убри для переговоров с Бонапартом о мире. — После позорного поражения при Аустерлице Александр I умасливал Наполеона.

— Убри имеет полномочия в качестве условий мира с Бонапартом уступить французам Которо и убрать наши войска из Далмации и островов, — поделился своими сведениями посланник.

Сенявин нахмурился:

— Нынче для меня граф Разумовский и советник Убри не указ. Пока мне не поступит повеление его величества, никаких действий предпринимать я не намерен. На завтра на французов назначен штурм.

Общий штурм начался в два часа. Овладев аванпостами, черногорцы устремились к вершинам, но там их остановил картечный огонь замаскированных пушек. В этих редутах оборонялись солдаты генерала Дельгога. Он считал, что его позиции не преступны. Действительно, начавшаяся мощная канонада сотен корабельных орудий вреда им не принесла, — ядра сюда не долетали. Через час Дельгог под прикрытием артиллерии сделал удачную вылазку. Его солдаты атаковали черногорцев, потеснили их большой отряд, отрезали и прижали к пропасти. Французы уже праздновали победу, как вдруг за спиной у них раздалось русское «Ура!». На помощь пришла колонна егерей майора Забелина. Штыковой атакой егеря смяли французов, опрокинули и большинство уничтожили.

На исходе четвертого часа сражения Лористон получил донесение Дельгога — русские отброшены и до наступления ночи будут разгромлены. Но Дельгог поспешил, приняв черногорцев за русских. Не успел Лористон дочитать донесение, как услышал сильный шум на высокой горе Святого Сергия. Невооруженным глазом было видно, как беспорядочно катились вниз французы, а на вершине показались русские знамена. Дельгог просчитался и поплатился за это своей жизнью. Он погиб в этой атаке и уже не видел позорного бегства своих солдат.

Лористон с досадой скомкал донесение Дельгога и отбросил его в сторону.

Прижатые к скалам, отчаянно бились егеря капитана Бабичева и черногорцы с превосходящими во много раз французскими отрядами. Подоспевший батальон еще большим ударом потеснил русских егерей,

и казалось, вот-вот французы взберутся на крутизну и оседлают вершину.

...Со шканцев «Селафаила» Сенявин наблюдал, как черные шапки французов все ближе подбирались к макушке горы, пытаясь опрокинуть егерей и черногорцев.

— Продолжать поддерживать десант пушечным огнем, пока французы не оставят всех позиций вокруг порта, — приказал Сенявин и направился на берег.

В это время на выручку Бабичева устремились бегом две роты егерей.

Со штыками наперевес, они лавиной обрушились на французов, круша и разбрасывая все на своем пути. Ошеломленные солдаты Лористона безуспешно пытались сдержать навалившихся на них егерей, начали медленно скатываться под кручу. Не давая врагам опомниться, егеря смели их ряды и на их плечах ворвались в первую линию редутов.

Разбитые французы по всем направлениям оставили свои редуты и бежали под защиту крепостных стен.

Поднявшись на вершину Святого Сергия, Сенявин долго рассматривал лежавшую внизу крепость, ее окрестности. Потом повернулся к морю, где лежали в дрейфе корабли эскадры, заперев все подступы к Дубровнику.

— Теперь Лористон у нас на прицеле и деваться ему некуда, — опустив трубу, проговорил Сенявин. — Надобно, не теряя времени, начать бомбардировать крепость, пока мы обложили французов со стороны моря и помощь к ним еще не поспела.

Далеко за полночь адмирал закончил донесение в Петербург, императору:

«... Сражение, бывшее 5 числа июня, доказало французам, что для храбрых войск вашего императорского величества нет мест неприступных, ибо они везде разбили неприятеля...»

Спустя неделю загрохотали единороги, карронады и мортиры, посылая на Дубровник сотни ядер, бомб,

брандскугелей. В городе поползли слухи, что Сенявин скоро начнет решающий штурм крепости. Прекратилась подача воды, запасов продовольствия хватало на несколько недель. Нобили стали поговаривать о сдаче города.

Казалось, сенявинский план полного изгнания французов из Далмации близок к осуществлению, но судьбу Дубровника предопределили события, происходившие за тысячи километров отсюда. Быстро отозвались они в Которо, куда 21 июля прибыл из Парижа французский офицер с письмом от советника иностранных дел России Убри.

«Честь имею сообщить вам, — писал Убри, — согласно полномочиям, данным мне его величеством императором, нашим августейшим государем, я сегодня подписал окончательный мирный договор между Россией и Францией. Должно отдать Наполеону Боко-ди-Которо, Рагузу, Черногорию, Далмацию, тем более приглашаю ваше превосходительство поспешить с этими мерами, задержка с вашей стороны может нарушить спокойствие различных государств Европы».

Вслед за французом появились австрийские эмиссары. Они пронюхали, что в Париже подписано соглашение и торжествовали, но Сенявин остудил их пыл:

— Сие оказался заштатный гонец, без доверенности и полномочий русского посла.

Расстроенные австрийцы удалились, а на следующий день прислали официальную ноту.

Один за другим появлялись гонцы из Италии от наместника принца Богорне с теми же требованиями. Всем им Сенявин давал от ворот поворот.

После подписания соглашения в Париже две недели назад военные действия приостановились, и с французами велись переговоры. На этот раз пожаловал сам Лористон. Это был тот самый генерал, которого через пять лет Наполеон пришлет к Кутузову с предложением: «Мир — во что бы то ни стало».

Адмирал встретил его радушно, и тот отвечал ему любезно:

— Наши императоры договорились о мире. Нам следует им подражать.

«Тебе-то уже и праздник. Не было ни гроша, да вдруг алтын, — размышлял Сенявин, глядя на французского генерала, — однако радость твоя преждевременна».

— Нынче посетили меня австрийские эмиссары, — начал после обмена любезностями адмирал, — и требуют сдать им Которскую область, как принадлежащую Австрии. В том я усматриваю резон.

Лицо генерала вытянулось.

— Но это противоречит договору, — раздражаясь, ответил он, — нам следует соблюдать уже подписанные документы.

— Смее уверить ваше превосходительство, что я придерживаюсь того же мнения, — хладнокровно согласился Сенявин, — но, пожалуй, с австрийскими претензиями сподручнее разбираться дипломатам. Я передам нашему посланнику господину Санковскому, как только он выздоровеет, чтобы запросил инструкции.

Слушая русского адмирала, Лористон досадовал: «Как умело, однако, он уводит разговор в сторону, не отвечая по существу».

И он спросил прямо в лоб:

— В какие сроки вы предполагаете сдать Которо?

— Ежели не произойдет чего-либо непредвиденного, в середине августа, — невозмутимо ответил Сенявин.

Лористон уехал несколько успокоенный. Впервые переговоры приобрели реальные контуры, хотя он добивался большего.

Прошла неделя, и опять пожаловал Лористон. На этот раз он вел себя холодно и первым делом спросил, когда же адмирал намерен передать которские крепости. Время было выиграно, и Сенявин ответил без обиняков:

— По сей день я и не думал сдавать крепости кому-либо без получения указаний моего государя.

Лористон удивленно вскинулся. Неожиданный ответ изумил его и пришелся явно не по вкусу.

— Но, ваша честь, договор подписан полномочным представителем императора Александра.

— Ваше превосходительство замечает верно, — едко ответил Сенявин, — однако нет еще примеров в истории, чтобы выполнение договоров могло иметь место прежде утверждения их монархами.

Лористон откланялся и ушел.

Лицо русского адмирала светилось искренней улыбкой, он не скрывал радости...

Два часа назад вдруг наконец-то появился фельдъегерь из Петербурга:

— Император отменяет все свои прежние распоряжения и приказывает вам удерживать Которо. Парижский договор, подписанный Убри, государь не ратифицировал.

Весть об этом мгновенно облетела все корабли и достигла берега. Которцы и черногорцы обнимали друг друга.

На следующий день Сенявин, не мешкая, послал десант и он с ходу захватил французскую батарею.

В середине сентября, разведав позиции французов, русские батальоны и черногорцы атаковали их и отбросили к Дубровнику. Сенявин намеревался преследовать французов, но командующий французами генерал Мармон, имея пятикратное превосходство в силах, первым начал наступление.

Однако замыслы Мармона нарушила погода. Когда французские полки находились на полдороге, глубокой ночью разразился жестокий ливень. Промокшие, выбившиеся из сил, передовые отряды французов только к рассвету подошли к позициям русских.

После сражения черногорцы хотели расправиться с пленными французами, но за них вступились русские егеря, а егерь Иван Ефимов отдал накопленные

им на черный день червонцы и выручил от гибели генерала Мориана. Узнав об этом, Сенявин возместил деньги егерю из личных средств.

Днем командующий устроил на берегу обед для всех участников сражения — русских, которцев, черноторцев. Посреди лагеря, прямо на траве, расстелив палатки, разложили приготовленные закуски, выставили бочонки с вином. В центре разбили большой, с поднятыми пологам, шатер адмирала. Рядом с собой командующий посадил егеря Ивана Ефимова, напротив сел Негош. Первый тост был за командующего. Он встал, и все поднялись за ним.

— За здоровье русского егеря Ивана Ефимова! — произнес Сенявин.

Не успел он закончить, как прогремели пять залпов полковых пушек. Вслед им сначала разрозненно, а потом все громче и громче понеслось отовсюду, перекрывая шум:

— Здравие отцу нашему Сенявину!

Сенявин поднял руку. Все стихли.

— В продолжение военных действий я имел удовольствие видеть усердие народа вашего в содействие русским войскам в битве с французами. Дерзость врага, осмелившегося вступить на землю вашу, наказана. Неприятель удивлен нашей твердостью и сколько потерял людей, что не скоро может собрать новую силу. Поздравляю вас с победой, благодарю за все и желаю вам здравствовать!..

В эти минуты все смешалось. Чины и звания, должности и титулы, языки и обычаи единились в порыве воинского братства.

На следующий день, по договоренности с Лористонем, состоялся обмен пленными, а вечером парламентер принес Сенявину сверток.

— Генерал Мориан просил передать это своему спасителю.

Сенявин вызвал Ефимова и передал ему сверток. Там оказалось сто наполеондоров...

— Ваше превосходительство, — спросил егерь, — сколько это будет по-нашему? — Не смущаясь, отсчитал несколько монет и вернул сверток адмиралу. — Я беру только свои деньги, а чужого мне не надобно.

Тронутый, Сенявин вернул ему сверток чуть не насильно:

— Возьми, братец, это не французский генерал, а я тебе дарю и, сверх того, произвожу в унтер-офицеры. Ты делаешь честь имени русскому...

Восьмой месяц французы терпели поражение от войск Сенявина, а в ту же пору далеко от Адриатики, в центре Европы, разваливалась четвертая коалиция.

Войска Бонапарта направились на восток. Наполеон был уверен в себе, как никогда. Он рассчитывал окружить и уничтожить русскую армию.

...В далекой Далмации между тем войска под командованием наполеоновских генералов попросту не могли сдвинуться с места и были не раз биты русским адмиралом.

Комиссар Бонапарта в Далмации, его любимец генерал Мармон и бывший адъютант Наполеона генерал Лористон получили наглядный урок от Сенявина, продемонстрировавшего свое превосходство в этом соперничестве.

А в Далмации осенние дожди со снегом сделали непроходимыми дороги. Генерал Мармон укрыл свои войска за крепостными стенами Дубровника, сам ушел еще дальше от Сенявина, в порт Сплит. С моря корабли Сенявина надежно блокировали побережье, и французам оставалось только отсиживаться за крепостными стенами.

Кампания 1806 года закончилась на море блестящей победой у острова Брацо брига «Александр» под командой лейтенанта Скаловского с пятью французскими канонерками. Дважды отбив абсордаж неприятеля, бриг атаковал французов и уничтожил две канонерки. В декабре на рейде острова Корфу стал на якорь отряд из Кронштадта. К Сенявину прибыло под-

крепление: пять линейных кораблей и четыре небольших судна. Эскадре Сенявина предписывалась новая задача. В связи с началом войны с Турцией отправиться в Эгейское море, совместно с английской эскадрой блокировать Дарданеллы и попытаться штурмовать Константинополь.

Турецкий флот, с которым предстояло иметь дело Сенявину, насчитывал в своем составе 15 линейных кораблей, прекрасно оборудованных французскими инженерами, 10 фрегатов, 18 корветов и 100 мелких судов. Этой силы было вполне достаточно не только для обороны, но и для наступления.

В конце февраля 1807 года эскадра Сенявина подошла к острову Тенедос, являющемуся «ключом» к Дарданеллам. Здесь адмирал увидел английскую эскадру из семи кораблей под флагом вице-адмирала Дукворта, совместно с которой ему надлежало действовать. Однако Дукворт разочаровал Сенявина. Оказалось, что англичане, не дожидаясь русской эскадры, решили в одиночку штурмовать Константинополь. Пройдя Дарданеллы, Дукворт неделю простоял у Константинополя, а потом ретировался и на обратном пути едва унес ноги из Дарданелл. Ссылаясь на плачевное состояние кораблей, Дукворт с эскадрой покинул рейд Тенедоса и ушел на Мальту.

Оценив изменившуюся обстановку, Сенявин созвал военный совет флагманов и капитанов. Единогласно было решено прорыв через Дарданеллы к турецкой столице не предпринимать, а прежде всего приступить к блокаде проливов. Следовало создать базу для эскадры на острове Тенедос. Атака острова началась обстрелом крепости корабельной артиллерией, а затем высадкой десанта в 1600 человек с шестью пушками. Сенявин сошел на берег и лично возглавил успешную штыковую атаку на предместья крепости. Спустя два дня турки капитулировали. Русским досталось семьдесят девять пушек, большое количество провианта, розданного адмиралом бедному греческо-

му населению острова. Корабли эскадры получили прекрасную стоянку и обеспечили себя пресной водой.

Сенявин без промедления назначил для блокады проливов два корабля, а два других послал крейсировать вдоль берегов, не допуская купеческие суда с хлебом в Мраморное море.

Владение Тенедосом сделало сенявинскую эскадру полновластным хозяином в Эгейском море. И это вскоре ощутили в Константинополе. В городе началось недовольство, не хватало продовольствия. Султан Селим торопил капудан-пашу: «У нас полтора десятка линейных кораблей, десяток фрегатов, полсотни корветов и других судов. Сколько можно прятаться от гяуров?» Саид-Али хорошо знал свой флот и гордился им: отменные корабли, храбрые матросы. «Но русские могут атаковать Константинополь из Босфора, он совсем рядом», — оправдывался он перед султаном.

Да, Черноморский флот мог атаковать. Но не был способен на это его командующий маркиз де Траверсе. Прежде всю службу на Балтике шаркал он по паркету петербургских особняков. Пять лет назад вдруг царь назначил его командовать флотом. Полтора года назад одновременно с Сенявиным получил он предписание — подготовить флот и десант на берега Босфора. Но вместо помощи Сенявину ловко отписывался в Петербург — нет того, нет другого, и все сходило ему с рук.

Траверсе всеми способами оттягивал и под любыми предложениями уклонялся от встречи с турками. Имея под рукой и корабли и верфи, базы и всякие ресурсы, маркиз за всю кампанию ни разу не приблизился к берегам противника.

И Сенявину, отрезанному от своих баз, предстояло самостоятельно, один на один, вступить в схватку с опытным и сильным противником.

Шли недели. В Константинополе роптали не только на базарах и в кофейнях. В серале то и дело министры двора искоса поглядывали на адмиралов и презрительно шептались у них за спиной.

Начали роптать янычары...

Султан Селим понимал, что, не будь базы на Тенедосе, сенявинской эскадре пришлось бы туго.

— Начни с Тенедоса, — торопил Селим капудан-пашу. — Изгнав оттуда неверных, мы лишим их опоры в Архипелаге, и они уберутся сами подобру-поздорову.

Блокада ужесточилась, но капудан-паша пока из проливов не высывался. Тогда Сенявин пошел на хитрость — задумал выманить турок из Дарданелл.

Узнав в середине марта, что турецкий флот сосредоточился у выхода из проливов, Сенявин решил схитрить — послать Грейга с кораблем «Ретвизан», фрегатом «Венус» и еще одним судном подальше, в Салоники.

— Главная цель вашего похода — обмануть турок, показаться им беспечными, ослабленными, — напутствовал флагман Грейга перед походом.

В середине апреля Сенявину доложили: «Турецкая эскадра показалась в проливе и встала на якорь под береговыми батареями».

Сенявин обрадовался. Больше месяца он всячески выманивал турок из проливов, отсылая часть кораблей к Греции и удаляясь сам от Тенедоса. Он, несмотря на превосходство неприятеля, жаждал схватиться с турками на море.

Разведка докладывала ему, что противник готовится атаковать Тенедос. Было заметно, как на анатолийском берегу собирались войска.

Как-то в дозоре на «Гекторе» командир бригады мичман Броневский разглядел среди турок французских офицеров. Сенявину подтвердили пленные с захваченной шебеки — французы помогают готовить десант на Тенедос...

«И чего они трусят? — думал Сенявин, майским утром рассматривая в подзорную трубу эскадру Саид-Али. — Корабли у них большие, орудиями штук на четыреста превосходят нас, ан нет, и тут боятся?

На рассвете 10 мая 1807 года дул легкий северо-за-

надный ветер. С правого борта вдали, милях в десяти, маячила на якорях турецкая эскадра и не думала двигаться, хотя ветер давал ей полное преимущество в маневре.

«Пора действовать при любом ветре, иначе турки могут удраť».

— Передать по линии: командирам прибыть на флагман, — приказал Сенявин вахтенному начальнику.

Все собрались еще до подъема флага. Выжидающе смотрели на адмирала — в такой ранний час по пустякам не тревожат.

Флагман был краток:

— Неприятеля мы атакуем нынче, без промедления, а то он, того и гляди, в проливах скроется. Действовать по способности, дабы наверняка викторию одержать.

К полудню ветер усилился и несколько зашел к западу, а затем переместился к южным румбам. Команды как раз успели пообедать. С первой послеполуденной склянкой эскадра снялась с якорей. Как нарочно, ветер поутих, но на флагманском корабле «Твердый» запестрели флаги сигнала: «Нести все паруса и напасть на неприятеля по способности». «Твердый» подавал пример и неуклонно сближался с кораблем капудан-паши Саида-Али. Между тем солнце уже коснулось горизонта, когда «Твердый» сошелся с турецким флагманом так близко, что «реи их сблизились вплотную». Прогремел залп, запылали огни пожаров на верхней палубе «Седель-Бахри». Сражение началось по существу в наступающих сумерках. Капудан-паша резко отвернул в сторону Дарданелл, уходя под защиту крепостных орудий на берегу. Корабль «Сильный» сцепился на abordаж с кораблем неприятельского контр-адмирала, но смерть сраженного ядром капитан-командора Игнатьева помешала развить успех.

Неприятель бежал, потерял около 2000 убитыми и ранеными, три корабля выбыли из строя. Наши потери — 27 убитых и 54 раненых. Сражение у Дарда-

нелл закончилось к полуночи. Успех был несомненный, сказала высокая боевая выучка русских моряков, флотоводческое искусство Сенявина. Неприятель спасся от разгрома, укрывшись под защиту береговых батарей в Дарданеллах.

Сенявин усилил блокаду проливов, в Константинополе наступил голод, начались беспорядки, взбунтовались янычары, убили всех министров, свергли Селима III и возвели на престол Мустафу IV. Народ требовал разгромить русскую эскадру. Султанская эскадра направилась в море. Саид-Али поклялся, что доставит султану голову русского адмирала.

Турецкая эскадра из 16 вымпелов располагала 1210 орудиями. На русской эскадре было всего 728 пушек.

Предвидя решающий характер схватки с неприятелем, Сенявин накануне сражения, перед уходом с Тенедоса, отдал свой знаменитый приказ:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, покауда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Урилом» и «Мощный» с «Ярославом». По сигналу №3 немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможною решительностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, что неприятель пожелает зажечь себя.

Прошедшее сражение 10 мая показало, что чем ближе к нему, тем от него меньше вреда, следовательно, если бы кому случилось свалиться на бордаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Если неприятель под парусами, бить по мачтам, ежели же на якорю, бить по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов; если случится дать ме-

сто другому кораблю, то ни в каком случае не отходить далее картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончать или потоплением или покорением неприятельского корабля. Как по множеству непредвиденных случайностей невозможно сделать положительных наставлений на каждый я не распространяю их более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом».

Сенявин, конечно, не был знаком с известным планом Нельсона перед Трафальгаром, но по своему направлению главного удара, нацеленности командиров на победу, без скованности их инициативы, ставя конкретные задачи каждому кораблю, приказ Сенявина ни в чем не уступал документу Нельсона. Боевой настрой флагмана передался командирам и всем экипажам.

Оставив для защиты Тенедоса несколько судов, Сенявин погнался за неприятелем, которого настиг утром 19 июня около Лемноса. Капудан-паша тотчас же отошел к Афону, где построился в боевую линию. Турки первыми открыли огонь на большом расстоянии, но русские не отвечали, пока не сблизились на картечный выстрел. Началось Афонское сражение.

Сенявин во время сражения подвергался величайшей опасности: сигнальщику, подававшему ему рупору, оторвало руку, минутой спустя ядро разорвало его пополам; вслед за этим рядом с адмиралом убило еще двух матросов. Сенявин остался невредим. Спокойно отдавая приказания, он вдохновлял своим примером подчиненных. К полудню турецкие флагманы были сбиты, остальные суда, сильно поврежденные, потеряли строй. Турки дрогнули и, пользуясь попутным ветром, стали отступать. Преследование разбитого противника прекратилось, но ночью корабль «Селафаил» нагнал и взял в плен корабль флагмана Бекир-Бей. Преследуемые линкор и два фрегата турки, ввиду безысходности, взорвали сами. Общее число потерь противника достигло почти 1000 человек убитыми и ранеными, а пленными 774 человека. Саид-Али потерял

три корабля и пять фрегатов, при этом у Сенявина не было выведено из строя ни одного корабля. У русских потери составили 81 убитых и 170 раненых.

Убедившись, что остатки эскадры турок укрываются в Дарданеллах, Сенявин с эскадрой поспешил на помощь осажденным в крепости Тенедос. Эскадра блокировала 30 тысячный турецкий десант, который капитулировал. С этого времени эскадра Сенявина стала полновластным хозяином в Эгейском море и Архипелаге. Афонское сражение еще полнее раскрыло флотоводческий талант Сенявина. Наградой адмиралу за победу в этом сражении был орден Святого Александра Невского.

Однако радость одержанной победы вскоре омрачилась слухами о заключении с Францией в 1807 году Тильзитского мира и о вероятном прекращении военных действий против французов и турок.

Сенявин долго не хотел верить этим слухам, пока не получил 23 августа 1807 года рескрипт Александра I. В рескрипте Сенявину повелевалось не только прекратить военные действия, но и немедленно вернуть Ионические и Далматинские острова и Боко-де-Которо — Франции, а Тенедос — Турции и как можно скорее возвращаться со всей эскадрой в Россию. Более того, он должен возратить туркам все взятые у них суда и призы. Последнее было выше сил Дмитрия Николаевича, и он пренебрег им, не находя возможным отдавать боевые трофеи. Сколько русских матросов полегло в сражениях за эти корабли и суда! Сенявин месяцами не получал из Петербурга положенное жалование экипажам и деньги, чтобы кормить и содержать людей. Тогда шли в ход средства, полученные от продажи захваченных судов.

Подчиняясь царскому рескрипту, Сенявин повел эскадру на Корфу. Там уже всю хозяйничали французы. Погрузив войска, Сенявин спешил выйти в море, наступала пора осенних штормов в Атлантике, а почти все корабли сенявинской эскадры пообветша-

ли, не хватало рангоута и добротных парусов, многие суда требовали срочного ремонта. Кроме того, Сенявин с тревогой ждал известий о разрыве, после Тильзита, отношений с Англией. Адмирал надеялся, что в Петербурге, хоть на время перехода эскадры на Балтику, не допустят открытого конфликта с англичанами.

16 сентября 1807 года эскадра покинула остров Корфу. *«Трогательным было прощание жителей с россиянами. С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось голосом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали».*

Средиземное море эскадра миновала благополучно, но за Гибралтаром, в Атлантическом океане, она попала в полосу очень длительных, сильных штормов. Адмирал собирался, держась подальше от англичан, обогнуть Британские острова с запада на север и потом перезимовать в одном из портов Норвегии. Но штормы сделали этот план невозможным. Северные ветры не позволяли эскадре продвигаться вперед, восточные отгоняли ее далеко в море от берегов Пиренейского полуострова. Положение эскадры было крайне опасно.

27 октября ураганный шторм разметал корабли, гибель эскадры казалась неминуемой. На всех кораблях паруса висели клочьями, постоянно то с одного, то с другого судна адмиралу сигнализировали о повреждениях, которые нельзя было исправить в открытом море: корабль «Ярослав» дал знать, что не может держаться в открытом море и просил разрешения идти в ближайший порт; «Селафаил» сигнализировал, что имеет течь по 26 дюймов в час; «Ретвизан» поднял сигнал, что у него поврежден руль, что он не может следовать за эскадрой. На корабле «Рафаил», вспоминал В. Панафидин, «три обшивочные доски прорвали болты, которыми были прижаты к кораблю; вода ли-

лась рекою... Все помпы были в действии и едва могли отливать воду...».

Как только позволил ветер, Сенявин приказал идти в порт города Лиссабон. 30 октября, несмотря на крепкий ветер и сильное волнение, эскадра благополучно вошла в реку Таго.

Португальский принц Жоан радушно встретил русскую эскадру, помог, чем смог. Адмирал донес Александру обо всем и сообщил, что корабли настолько ветхи, что раньше весны не смогут выйти в море. На следующий день английская эскадра блокировала Лиссабон и не пустила туда отставший шлюп «Шпицберген». Со стороны материка вошли в Лиссабон французы генерала Жюно. Португальский принц не захотел быть вассалом Бонапарта и отплыл с двором в Бразилию. Наполеону эта страна была нужна для удушения Англии континентальной блокадой. Поэтому еще до прихода Жюно в Лиссабон он просил Александра через посла подчинить русскую эскадру Парижу, а заодно и приструнить.

«Было бы хорошо, если бы ваше величество уполномочили графа Толстого, посла в Париже, иметь власть над этой эскадрой, чтобы в случае необходимости можно было пустить их в ход, не ожидая прямых указаний из Петербурга. Это положило бы конец недоверию, которое иногда проявляют командиры к чувствам Франции».

Александр I не замедлил указать Сенявину:

«Признавая полезным для благоуспешности общего дела и для нанесения вящего вреда неприятелю, предоставить находящиеся вне России морские силы наши в распоряжение его величества императора французов, я повелеваю вам, согласно сему, учреждать все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут».

Более того, осенью, когда французы под натиском десанта англичан отступали из Лиссабона, Сенявин получил инструкцию:

«В случае, когда эскадра, под начальством вашим состоящая, подвергнется нападению англичан, неприятель будет отражен и честь российского флота защитится; если же ваше превосходительство атакованы были бы гораздо превосходящими силами и нашлись в совершенной невозможности не только к сопротивлению, но и к защите, в таком случае император предоставляет благоразумию вашему решиться, буде не останется уже никаких других средств, сняв людей, корабли затопить или сжечь».

Итак, перед Сенявиным вставал выбор: или погибнуть в бою с превосходящим в силах неприятелем, или уничтожить корабли. И то и другое сулило гибель эскадры и жертвы людей. И Сенявин, будучи наделен неординарными способностями, нашел беспрецедентный в истории дипломатии и войн выход. Адмирал вступил в переговоры с неприятелем, адмиралом Коттоном, об интернировании эскадры в английских портах. Сенявин, вопреки указаниям царя, брал на себя ответственность перед родиной и историей, но ни один корабль, ни один человек не подверглись бесчестью. Согласно договору, подписанному 23 августа 1808 года, российские военные корабли следуют в Англию и содержатся там в залоге, а после окончания войны возвращаются России. Весь личный состав отправляется на английских судах в Россию. Таким образом мудрость и инициатива Сенявина сберегли для государства сотни тысяч червонцев.

31 августа 1808 года русская эскадра под Андреевским флагом покинула Лиссабон. В устье Таго к Сенявину присоединился Коттон. Будучи старшим по чину, Сенявин во время плаванья командовал соединенными эскадрами. Со стороны можно было подумать, что идут союзники. В конце сентября эскадра отдала якоря в Портсмуте, ей были оказаны все почести, полагающиеся по международному праву: гремели салюты, били барабаны. Англичане были поражены: они надеялись увидеть позорный привод неприятель-

ской эскадры, а вместо этого в их порту гордо развевались неприятельские флаги. Такого события еще не было в истории Англии.

Адмирал Коттон подвергся резким нападкам и был отдан под суд²⁰. Его обвинили в том, что он вышел из пределов инструкции, в результате чего русская эскадра не досталась в собственность Англии²¹. В парламенте были предъявлены запросы, королю подавали адреса; в одном из них было прямо сказано, что «потеря сражения вследствие измены была бы менее унижительна для англичан, чем принятие условий Сенявина». Лиссабонский договор иначе не называли, как «посрамление чести английской нации».

Весной 1809 года с открытием навигации адмирал и весь экипаж эскадры на английских транспортах отправились в Россию.

По приходе в Ригу победителю французов и турок объявили, что он не будет принят ко двору. Александр не пожелал видеть адмирала, увенчавшего славой Россию на море в годы военных неудач на суше.

Сенявина назначили главным командиром Ревельского порта, подальше от столицы.

Вспыхнула Отечественная война 1812 года, и через неделю Сенявин отправил рапорт царю.

«В то время, когда каждый россиянин пылает мщением и опалчивается на неприятеля, вступившего в пределы государства, я занимаю здесь пост главного командира порта... Усердствуя высочайшей службе вашего императорского величества и ревнуя соотечественникам моим, я желаю обще с ними, будучи бесполезен при настоящем месте, или пасть, или поражать неприятеля».

Царь был злопамятен.

Прочитав рапорт, «правитель слабый и лукавый», наигранно спросил у министра де Траверсе:

— В каком роде службы и вообще каким образом желает он осуществить свое намерение? Узнайте о том у Сенявина...

Покоробил этот ответ, переданный Сенявину с издевкой министром Траверсе. Дмитрий Николаевич, сдерживая негодование, немедленно откликнулся: *«Намерение мое есть, — писал он Траверсе, — по увольнении отсюда заехать в Петербург и, повидавшись с женой и детьми, ехать потом к маленькому моему имению в Тульской губернии; там отберу людей, годных на службу, возвращусь с ними в Москву, явлюсь к главному предводителю второй ограды, подкрепляющей первую, и вступлю в тот род службы таким званием, как удостоены будут способности мои. Наконец, буду служить таким точно образом, как служил я всегда и как обыкновенно служат верные и приверженные российские офицеры Государю Императору своему и Отечеству».*

В дни Бородинского сражения Сенявин получил, наконец, ответ. Траверсе сообщал: *«Его величество отозваться изволил, что и занимаемый вами пост теперь для службы нужен».* Сенявин подал рапорт с прошением об отставке. Теперь он никому не был нужен. Ответ пришел через три месяца: уволить в отставку «по прошению» с половиной пенсии.

В Петербурге адмирал обосновался в небольшом домике²² на пустыре около казарм Измайловского полка. Летом его всегда можно было видеть, задумчиво сидящим на деревянной скамеечке у ворот. «Великий человек, — сказал о нем писатель С.Г. Аксаков, — нищий, которому казна должна была миллионы, жил в полном забвении и подлинной нужде». Семь лет Сенявин добивался выплаты офицерам и матросам положенных призовых денег за плененные и уничтоженные вражеские суда.

Несмотря на невзгоды жизни, Сенявин не изменял себе, оставался человеком веселого и скромного характера, отличался незлопамятностью, терпением, умел управлять собой. Дипломат П. Свинын, сопровождавший четыре года эскадру Сенявина на корабле «Рафаил», в своих записках вспоминал: *«В действиях Сенявина в продолжении четырех лет его главного началь-*

ства над столь многочисленными силами мы видели во всем блеске силу духа и неоцененные качества сердца. К ним остается еще прибавить два достоинства, необходимые для военачальника: хладнокровие и терпение, коими обладал он в высшей степени и коими умел покорить пламенную душу свою; к ним остается еще сказать, что подчиненные его страшились более всех наказаний утраты улыбки, кою сопровождал он все приказания свои и кою принимал донесения».

К изложенному следует добавить вещи слова выдающегося флотоводца, действенные и по сию пору: «Без духа ни пища, ни чистота не делают человеку здоровье. Ему надобно дух, дух и дух. Пока будут делать все для глаза (т.е. для смотря), пока будут обманывать людей, разумеется вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в сущности ни добра, ничего хорошего и полезного».

Положение Сенявина резко изменилось после 12 лет отставки с воцарением на престоле Николая I. Осознавая значение существенно запущенного флота, о чем писали царю арестованные декабристы, царь 24 декабря 1825 года распорядился о Сенявине: «Принять прежним старшинством и объявить, что я радуюсь видеть опять во флоте имя, его прославившее». Он был назначен первым из моряков генерал-адъютантом, командующим Балтийским флотом и в следующем 1826 году произведен в адмиралы.

Летом 1827 года адмирал Сенявин повел флот в Англию, где ему следовало выделить эскадру для направления в Средиземное море для совместных действий с Англией и Турцией в защиту греческого населения от турецкого произвола.

Жарким июльским днем 1827 года на обширный Спитхедский рейд, подгоняемый легким бризом, с зарифленными парусами втягивался 80-пушечный линейный корабль «Азов», лучший и образцовый корабль Балтийского флота. На грот-стенге трепетал Андреевский, с голубым перекрестием по диагонали, адмиральский флаг командующего Балтийской эскад-

рой. В кильватер «Азову» стройно держались полтора десятка кораблей.

На шканцах «Азова», опершись о фальшборт, всматривался в даль, в покрытое дымкой побережье адмирал Сенявин. Без малого два десятилетия назад покинул он эти берега и возвратился в Россию с экипажами своих кораблей.

Сенявину поручили подготовить эскадру для действий в Средиземном море. Соединившись с эскадрами Франции и Англии, русские моряки должны помочь грекам пресечь разбой турок. Внешнее благополучие эскадры не приносило полной радости и удовлетворения адмиралу. За полтора месяца пребывания на эскадре Сенявин не раз сталкивался с произволом офицеров в обращении с матросами, который претил ему. На следующее утро об этом вел разговор адмирал с контр-адмиралом Гейденом и командиром «Азова» Лазаревым. В прошлые годы службы он не знал ни того ни другого, хотя о Лазареве был наслышан — тот трижды ходил вокруг света.

— Замечено мною, ваше превосходительство, — Сенявин повернулся к Гейдену, — что господа офицеры употребляют в обращении к служителям непристойные слова, а те, глядя на них, промеж себя сорят ругательства. — Сенявин, прохаживаясь по каюте, остановился против Лазарева. — Дошли до меня сведения, что офицеры «Азова», к примеру лейтенант Нахимов, хотя часто и по усердию к службе, но преступают меру наказания, дозволяют себе, сверх того, в пылу ударять служителей во время работы.

Багровое лицо Гейдена покрылось потом. Все это было для него не новость, но такое суждение начальства слышал он впервые.

— Посему, — продолжал Сенявин, — предписываю объявить господам командирам: приложить старания, дабы искоренить дурное обращение, а коли не исполнят сей запрет, взыскать и наказать строго. А вам, господин капитан первого ранга, — Сенявин об-

ратился к Лазареву, — сие поставлю на замечание и предписываю виновных в рукоприкладстве офицеров арестовать на три дня, сделав им строгий выговор. — Сенявин сделал паузу. — О сих позициях по эскадре приказ соответственно будет отдан.

Он, конечно, понимал: ни внушения, ни его приказы не изменят сути самой системы отношений с нижними чинами на флоте, ибо эта же система господствует и во всем государстве. И все же он стремился уменьшить зло хотя бы и на время...

Приказ адмирала произвел сильное впечатление на офицеров, особенно на молодых. Переживал и Нахимов. Прежние его взгляды на службу, на матросов, от которых требовали безупречного повиновения самыми суровыми мерами, казались незыблемыми. Упрек боевого адмирала прозвучал властно и заставил задуматься и пересмотреть многое...

В Наварине 7 октября 1827 года сражение закончилось полным разгромом египетско-турецкого флота.

За подвиг экипаж «Азова», первый среди кораблей русского флота, удостоен высшей награды — кормового Георгиевского флага. Заслуги Сенявина в успехе эскадры отметили по достоинству. Его наградили алмазными знаками ордена Святого Александра Невского.

В следующую кампанию 1828 года в Средиземное море отправилась эскадра контр-адмирала Петра Рикорда. Сенявин возглавил ее на переходе Балтийским морем. Николай послал его прежде всего для поддержания порядка и дисциплины, муштры экипажей.

Сенявин же дружески советовал Рикорду:

— Не забудьте, что всюду у нас немало друзей — бжезцы в Адриатике, иониты на островах, греки — повсюду. Главное, не забывайте о служителях. Забота о здоровье, справедливости в поступках — залог успеха в бою. Высокий дух матросов в итоге решает исход дела...

В следующую кампанию он уже не выходил в море. Неизлечимый недуг подкрался незаметно. Никогда

прежде не хворал и не любил лечиться. Главное — терять начал силы в ногах. Доктора не помогли.

Взял отпуск, поехал в Москву подлечиться. Надежды на перемену климата — не помогло. Окончательно сразил еще один удар. Скоропостижно скончался младший сын, поручик Лев Сенявин.

Весной 1831 года он уже не вставал с постели. Предчувствуя кончину, шутил:

— Странно, я никогда не пил много воды, а умираю от водяной. — Он обвел взглядом стоявших вокруг боевых товарищей офицеров, улыбка не сходила с его лица. — Прошу вас об одном. Погребите меня на Охте, как есть, в халате. Попросту, без церемоний и лишних хлопот.

5 апреля 1831 года адмирал Д. Н. Сенявин скончался.

Император распорядился по-иному. Отпустил на похороны 5 тысяч рублей, приказал хоронить со всеми почестями. Похоронили адмирала в Духовской церкви Александро-Невской лавры, где покоились камергеры, шталмейстеры, статс-дамы.

Прекрасной эпитафией адмиралу Д.Н. Сенявину может служить акrostих, сочиненный его сослуживцами, подчиненными офицерами. Никто из русских флотоводцев не удостоивался таких проникновенных слов своих собратьев по оружию, которые заслужил Дмитрий Николаевич Сенявин после окончания Средиземноморской эпопеи:

Се — кто присутствием желанным

Един всех веселит сердца.

Начальник славою венчанный,

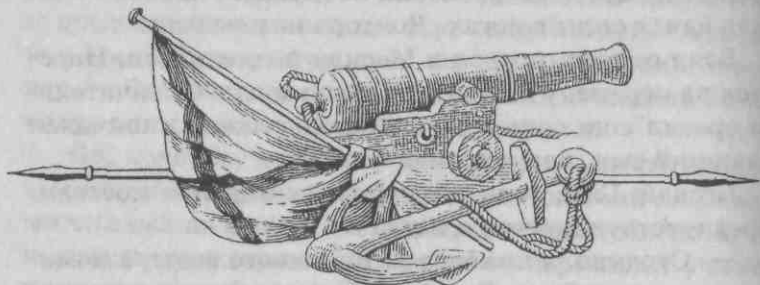
Являющий собой отца;

Врагов России победитель

И счастья нашего творец

Надежда всех и покровитель

Ть, кто незабвен в век для сердец.

Михаил Лазарев

лопоты Гавриила Романовича Державина наконец-то увенчались успехом. Весной 1797 года его стараниями старинный его приятель, земляк и одноклассник по гимназии Петр Лазарев был переведен по службе из Владимира в столицу. Три года назад скончалась супруга и мать четырех детей Лазарева, и жизнь с семьей в провинции стала тягостной. Петербург встретил порывистым ветром с Финского залива с солонятым привкусом, ошеломил провинциалов роем белоснежных парусов на Неве и взморье, лесом мачт, укутанных снастями, множеством купеческих судов, ошвартованных у причалов вдоль берегов.

Переезд Лазаревых в столицу совпал с недавней переменой власти в России. Не прошло еще и полгода, как скончалась Екатерина II, и на царство короновался Павел I. Едва вступив на престол, Павел I, давно томившийся в ожидании этого события, все дела стал поворачивать по-иному; наперекор политике своей матушки.

Лазарев старался служить без упущений, что было непросто в те времена своевольтства Павла I. В зиму 1799 года он, больной, по указу царя поехал для реви-

зии губерний в Белоруссию. По дороге он простыл, слег, и в январе 1800 года его не стало. Дети Лазарева осиротели, остались без средств к существованию. Стараниями Державина сыновья Лазарева, как того желал отец, направились на морскую стезю.

В конце января главный директор Морского кадетского корпуса адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов получил из канцелярии императора пакет с письмом:

«Государь император указать соизволил умершего сенатора, тайного советника Лазарева трех сыновей 1-го, 2-го и 3-го определить в Морской кадетский корпус».

Первым, старшим сыном, был Андрей, вторым — десятилетний Михаил, третьим, младшим, Алексей Лазарев. Всем трем было суждено стать адмиралами русского флота и совершить кругосветные путешествия.

Из Морского корпуса Михаила в 1803 году в числе лучших гардемаринов направили для практики в английский флот. Летом 1805 года гардемаринов перевели на эскадру адмирала Нельсона, а вскоре они участвовали в Трафальгарском сражении. Вместе с командой разделили они радость победы над соединенным франко-испанским флотом.

Спустя пять лет он вернулся, и мичманом служил на кораблях Балтийской эскадры.

Весной 1810 года Михаил Лазарев после семилетней разлуки встретился в Кронштадте с братьями. Оба они возвратились из Средиземного моря. Грустную историю поведали братья, служившие в эскадре адмирала Д.Н. Сенявина.

19 июня 1807 года эскадра Д.Н. Сенявина разгромила турок в Афонском сражении, а через неделю Тильзитский мир все круто изменил и поставил эскадру под удар англичан. Однако Сенявин сумел договориться с Англией сбросить корабли.

Кампанию эту и следующую Михаил Лазарев плавал на бриге «Меркурий». Там он отличился, и его произвели в лейтенанты.

В июне 1812 года Лазарев расстался с «Меркурием», где получил отличную морскую практику.

«...Поведения весьма благородного, в должности знающ и отправляет оную с особенным рвением», — аттестовал Лазарева командир, капитан-лейтенант Богданов.

Отечественную войну он встретил на борту брига «Феникс». Здесь его ждала приятная встреча с командиром и старшим товарищем по кадетскому корпусу лейтенантом Павлом Дохтуровым. И сразу в бой.

Полчища захватчиков ринулись в глубину России, к Москве. Часть их пыталась захватить с ходу Ригу. Чтобы отвлечь войска от Риги, в тыл к французам, к Данцигу, вышла вскоре с десантом эскадра кораблей, в их строю шел 40-пушечный бриг «Феникс».

Одним из первых вызвался идти охотником в десант Лазарев, и моряки лихо провели демонстрацию штурма. Французы спешно сняли войска с осады Риги, послали к Данцигу резервы армии Наполеона, двигавшейся к Москве.

За кампанию 1812 года Михаилу Лазареву вручили серебряную медаль и назначили старшим офицером.

Как-то забежал старший брат поздравить Михаила с наградой. В разговоре спросил:

— Лихая година кончается, Мишель. Где нынче ревность приложить мыслишь на пользу флоту?

Михаил достал с полки увесистый томик и, загадочно улыбаясь, протянул брату.

— «Путешествие вокруг света в 1803 и 1806 годах на корабле «Нева» под командованием флота капитан-лейтенанта Юрия Лисянского», — прочитал не спеша Андрей и вопросительно посмотрел на брата.

— Сказывают, сей отменный капитан немало крови себе попортил, прежде чем книжицу эту в свет выпустил, — произнес Михаил и, лукаво прищуриваясь, добавил: — Припомни, как Гаврила Романович сказывал про Григория Шелихова, Колумба рос-

ийского. Юрий Федорович Лисянский первый тропу проложил к российской Аляске. Думку таю, земли те увидеть.

Прощаясь с братом, Андрей взял у него записки Юрия Лисянского. В последний день марта шторм над Атлантикой начал затихать и к вечеру сменился теплым, умеренным ветром, наполнившим паруса «Суворова». Сдав вахту, Лазарев остался на шканцах, любясь безбрежным океаном. Месяц назад корвет «Суворов» Российско-Американской компании после долгой стоянки покинул Портсмут и направился в Рио-де-Жанейро. Назначение командиром «Суворова» для Михаила Лазарева было событием радостным и неожиданным.

...В конце октября 1813 года, едва «Феникс» вернулся из крейсерства, Лазарева вызвал опытный моряк, капитан 1-го ранга Спафарьев и предложил командовать «Суворовым». Корабль уже был готов к отправке, но его командира отстранили за недобросовестность. Лазарев же согласился тотчас, не каждый же день предлагают идти в кругосветное плавание. Он лишь попросил неделю, чтобы привести в порядок корабль и самому укомплектовать экипаж. Пригласил однокашников — лейтенанта Семена Унковского и Павла Швейковского...

— Справа корабль! — прервал размышления командира крик марсового.

Унковский вскинул подзорную трубу. Милях восьми-девяти дрейфовал, по-видимому, бриг.

— Михаил Петрович, неизвестный парусник справа! — Не отрываясь от трубы, доложил он.

— Позволь, Семен Яковлевич. — Взяв трубу, Лазарев несколько минут разглядывал неизвестный корабль, потом повернулся к Унковскому: — Распорядись прибавить парусов и привестись на полрумба. Сей бриг военный, он начал ставить паруса, не исклю-

чено, что французский капер. — Сдвинув брови, Лазарев вскинул голову, крутой ветер отбирал скорость.

— Нам никаким образом нельзя допустить с ним стычку, однако, ежели придется, — он повернулся к Швейковскому, — Павел Михайлович, прикажи вызывать канониров и изготовить орудия на оба борта, чем черт не шутит.

Уже невооруженным глазом было видно, что бриг задумал пересечь курс «Суворова», но в это время солнце скрылось за горизонт, короткие тропические сумерки укрыли от преследования корвет, который пошел еще круче бейдевинд.

Две недели спустя открылись берега Бразилии, и, подгоняемый бризом, «Суворов» вошел в бухту Рио-де-Жанейро.

Рано утром рейд огласился истошными людскими стенаниями. Сосед, португальский бриг, прибыл из Африки с «живым товаром», его трюмы были набиты сотнями черных невольников.

На баке «Суворова» гурьбой столпились матросы, разглядывая выгоняемых на палубу полуживых арапов-рабов, сумрачно усмехались:

— Глянь-ка, в Россее-то по холке не гладят нашего брата, однако и такого невзвидишь.

Лазарев перешел с Унковским на противоположный борт.

— Поедешь на берег, снесешься с генерал-полицмейстером. Обговоришь насчет ремонта, воды, провизии. Надобно обсерваторию на берегу соорудить.

Поздним вечером вернулась на корабль шлюпка с Унковским.

— Ну и порядки заведены, насилу добился разрешения на все потребное. Ни шагу без провожатого солдата. А в городе насмотрелся... — Унковский нахмурился. — Заглянул на рынок, думал зелени прихватить немного, отправить на шлюпку, какое там, — он махнул рукой. — Тех арапов, — Унковский кивнул на открытое оконце каюты, — аки скотину держат в заго-

нах цепями скованными, и здесь же торжище идет. От покупателей отбоя не видать, и все американцы да английские.

Лазарев задумчиво проговорил:

— Насмотрелся я на них в Вест-Индии, чай, и ты не позабыл?

Унковский согласно кивнул.

...Почти три месяца занял путь от берегов Бразилии через Индийский океан в австралийский Порт-Джексон.

«Суворов» вторым из русских кораблей посетил Джексон, первым принес в английскую колонию весть о победе над Наполеоном. Потому-то губернатор разрешил пользоваться привилегиями, которые были разрешены английским кораблям. В субботу англичане пригласили офицеров посмотреть на зрелище — сражение местных племен, оно считалось у них за развлечение. Лазарев отказался, он штудировал маршруты плавания по Тихому океану. Но офицеров и штурманов отпустил на берег.

Поощряемые зрителями-колонистами, аборигены жестоко избивали друг друга кольями, дубинами. Многие из них падали замертво. Побледневшие лица русских моряков невольно выдали их отношение к происходящему. Унковский наклонился к товарищу:

— Признаюсь, Павел Михайлович, сим токмо английские любоваться в силах...

Молча возвращались с «развлекательного» зрелища моряки «Суворова». Они отказались от приглашения англичан отобедать с ними и направились в поджидавшую их шлюпку.

Вернувшись на корабль, Унковский рассказал о виденном Лазареву. Тот невольно усмехнулся:

— Помнишь, как они на Ямайке глумились над индейцами? Я сие и предполагал, не невидаль это для меня. Да что попишешь. У всякого монастыря свой устав.

При тихом норд-остовом ветре «Суворов» снялся с якоря и вышел в океан. Вечером заштило.

— Быть буре, — вздохнул на баке пожилой матрос.

Глубокой ночью налетел шквал, закрутил вихрь, пошел дождь. Океан штормил несколько дней беспрерывно. Потом ветер ослабел и перешел на попутный северо-восточный. Пересекли тропик Козерога, и сразу наступила жара. Вокруг мачт, надстроек с криком носились птицы. Некоторые, посмелее, садились на палубу, подбегали к людям.

Протянув ладонь с крошками, Швейковский удивился — птицы клевали, примостившись на руке.

— Погляди, Семен, птицы-то совсем не пуганные, да и много их..

Унковский согласно кивнул и пошел на корму, в каюту капитана. Лазарев внимательно выслушал друга и указал на карту:

— Тишина, Сеня, вокруг, почитай, на сотню миль нет суши вокруг, а птицы откуда ни возьмись...

— Думаешь, где-нибудь суша неподалеку? — Унковский часто удивлялся, что его товарищ мыслит так же, как и он. — А што, вдруг удача, новообретенную землю сыщем?

К вечеру ветер немного стих, и корабль бесшумно скользил по безбрежному океану со скоростью около пяти узлов. На темном небе проступали первые звезды, все ярче светила луна, давно поднявшаяся над горизонтом. Лазарев вызвал двух остроглазых матросов:

— Стоять, братцы, по очереди, смотреть в оба, где-то неподалеку земля обретается, — он улыбнулся, — кто свидит, тому награда.

Постепенно темнота окутала корабль, только тугие паруса белели в вышине, покачиваясь и заслоня иногда луну. Лазарев вместе с Унковским прохаживались на шканцах. За час до полуночи громкий радостный крик с бака заставил встрепнуться всех:

— Берег видно!

Прошло не более часа, и корабль лег в дрейф.

Яркая луна высветила чернеющий вдаль берег, откуда явственно доносился шум прибоя. Глубины по-

прежнему оставались большими, и стать на якорь было невозможно.

Корабль за ночь сдрейфовало. Едва занялись сумерки, в расстоянии двух-трех миль на зюйд-ост явственно проступали очертания неизвестного острова. Спустя полчаса, когда совсем рассвело, наблюдатель с марса крикнул:

— Видно пять островов!

Громкое «Ура!» покатилося над необозримыми океанскими просторами. Невольно взоры моряков обратились к капитану, который смущенно улыбался. Полчаса спустя две шлюпки во главе с Лазаревым направились к островам, оказавшимися необитаемыми.

Моряки подробно обследовали их, описали и нанесли на карту. По предложению Лазарева острова назвали в честь корабля — островами Суворова²³. Русские мореплаватели первыми из россиян открыли необитаемые земли в Южном полушарии.

«Суворов» продолжал плавание, пересек экватор, по мере приближения к берегам Америки все чаще налетали шквалы с ливнем, их сменяла пасмурная погода с туманами и дождями, а порой и снегом. Больше недели маневрировал «Суворов» в дождливой мгле в мало изученных бухтах, усеянных подводными скалами. Наконец дождь прекратился, задул свежий норд-ост. Осторожно лавируя между многочисленными островами Ситхинской бухты, «Суворов» салютовал Новоархангельской крепости.

Четыре года назад в Новоархангельск с острова Кадьяк перенес свою резиденцию Александр Баранов — правитель Российско-Американской компании. Русские люди соорудили здесь небольшую крепость и порт для приема судов. На рейде стояли шхуны «Открытие» и «Чириков», бриг «Мария», принадлежащие компании.

Правитель компании пригласил всех офицеров на обед. Баранов посадил Лазарева рядом с собой. Рас-

спрашивал об изгнании Наполеона. Лазарев с охотой пояснил.

— Позвольте, господин советник. — Выбрав момент, Унковский повернулся к Баранову: — славным мореплавателем английским Куком сии места открываемы были прежде наших российских мореходов? — Он мельком взглянул на Лазарева, они вчера поспорили. — Сочинения сего капитана тому свидетельствуют.

Баранов сжал губы, чуть наклонился вперед и отрывисто начал:

— Сочинений сих не видывал, однако прежде капитана Кука россияне земли аляскинские ведали, почитай, за полста лет. Остров Ситху он материком счел, однако сие — остров. То ж и с Кенайскою губою, кою он за реку принял. О том его сотоварищ, капитан Ванкувер, подтверждение давал мне самолично, — правитель прищурился, — годков десятка два тому назад.

Шум за столом давно стих, все повернулись к хозяину дома. А тот, чуть помолчав, усмехнувшись, продолжал:

— Того прежде, у Кадьяка заблудился английский капитан Мире. Стало быть, наши люди охочие его под руки вывели к Аляске в пролив Кенайский, без опаски плыть ему велели. Про то мне ведал покойный наш предводитель, Григорья Шелихов. — Баранов перекрестился и нахмурился. — Сам Григорья Иванович зрил того Мирса. Токмо Мирс нагло своим открытием пролив посчитал впоследствии.

Предводитель откинулся в кресле, вздохнул. Унковский осторожно положил салфетку.

— Аглицким притязаниям дивиться не в новинку нам...

Баранов согласно кивнул, махнул рукой музыкантам и поднял бокал.

— За российских мореходов!

Здравицу дружно подхватили.

Весь декабрь стояла ненастная погода, мрачные ту-

маны совершенно скрыли берега. Шли беспрестанные дожди со снегом. Все это затянуло выгрузку товаров.

Летом «Суворов» плавал на острова Прибылова в Беринговом море, доставил продовольствие, лес и забрал меха. На Новоархангельский рейд «Суворов» возвратился, как в родную гавань, стал на якорь против крепости, салютовал ей семью выстрелами. На рейде в трех кабельтовых стоял бриг под американским флагом. С любопытством рассматривал Лазарев «американца», ранее он видел их издалека, во время стычек в Вест-Индии.

Как-то, после полудня, Лазарев увидел шлюпку под американским флагом, приближающуюся к «Суворову». На борт поднялся капитан брига «Педлар», высокий, худощавый американец Хант. Хант широко и обворожительно улыбался и еще больше обрадовался, узнав, что русский капитан прекрасно владеет английским. Отказавшись от гостеприимства Лазарева — пройти к нему в каюту, — он, широко улыбаясь, показав на яркое солнце, произнес:

— Это прекрасное светило, мистер капитан, лучше всего согреет нашу встречу.

Однако во время разговора на малозначащие темы Лазарев уловил хищный блеск в глазах американца при его взглядах на большие кипы шкурок бобров и песцов, лежащие возле трюма в ожидании погрузки.

Нервно теребя пальцами блестящий мех, он бормотал:

— О, это золото, золото...

Прошло еще несколько дней. Обходя солнечным утром корабль, Лазарев слышал громкие крики и шум, доносившиеся с американской шхуны. В подворную трубу было видно, что там происходит что-то неладное. Лазарев в шлюпке немедленно отправился туда.

У борта «Педлара» стояли два баркаса, в одном из них сидели вооруженные промышленники. На верхней палубе перед побледневшим Хантом, за которым

столпились матросы, не спеша прохаживался Баранов, посматривая, как из трюма промышленники поднимали бочонки с порохом, а из кормовой надстройки выносили и складывали на палубу ружья.

— Вот, господин лейтенант, вы человек военный, полюбуйтесь, какими гостинцами Хант одаривает тлинкитов — индейцев здешних. — Он гневно посмотрел на Ханта. — Мало ему погибели россиян в сих местах.

Лазарев взял ружье, осмотрел замок, ствол, покачал головой:

— Славно сработано.

Баранов распорядился снести все ружья в баркас, Ханта с командой отправили на американское китобойное судно, только что ставшее на рейде, а на бриг наложили арест...

В Новоархангельске «Суворов» загрузил большую партию пушнины и в конце июля 1815 года отправился, наконец, в обратное плавание в Россию. Лазарев решил пополнить запасы в Сан-Франциско, — владении испанских колонистов в Америке, а перед этим зайти в форт Росс, поселение русских, неподалеку на Тихоокеанском побережье.

В ночь перед приходом в форт Росс чуть не случилось несчастье. После полуночи корабль имел ход шесть узлов, на вахте стоял Унковский. Вдруг он услышал крик бакового матроса:

— Впереди бурун!

Мгновенно последовала команда: «Лево на борт». Снова повернули, глубины стали уменьшаться. Лазарев понял, что корабль находится между подводными камнями. Корабль быстро сделал поворот оверштаг. Луна совершенно скрылась.

— Видимо, за ночь нас сдрейфовало течением на косу у мыса Бороди-Арена. — Лазарев покачал головой. — Сии места коварны.

Взошло солнце, слева у кромки горизонта темнела полоска, за которой лежал залив Румянцева, а далее

форт Росс. Решительность Лазарева и самоотверженность команды предотвратили катастрофу...

На следующий день «Суворов» лег в дрейф на Росс — русской фактории в Калифорнии. На высоком, обрывистом берегу виднелась небольшая крепость, обнесенная свежесрубленным тыном.

Два дня спустя, неподалеку от Сан-Франциско, офицеры «Суворова» познакомились с окрестностями, побывали по приглашению настоятеля в местном католическом монастыре.

Насильно согнанные, полунагие, истощенные индейцы гнули спины на монастырских полях, а жили в казармах, подобных тюрьме.

В конце 1815 года «Суворов» бросил якорь на рейде порта Кальяо.

Это был первый русский корабль, посетивший Перу.

Не имея на то полномочий, по собственной инициативе Лазарев на свой страх и риск на деньги Российско-Американской компании закупил большую партию хинина и других товаров, впервые установил торговые связи между Перу и Россией.

16 июля 1816 года «Суворов» вернулся в Кронштадт. Завершилось первое кругосветное плавание Михаила Лазарева, который вторым из русских мореплавателей обогнул планету под парусами²⁴.

За кругосветкой «Суворова» следила публика в Петербурге. Поэт Г. Хвостов в «Духе журналов» поместил свои стихи.

На прибытие корабля «Суворов»

Хвала вам Росски Аргонавты!
Дерзали вы по безднам плыть...
Чудесный мой орел «Суворов»...
Внезапно над Невой летает.
Свое безвестным островам
Он имя славное приносит,
По грозным носится волнам,
Победы Россов превозносит...

Две следующие кампании Михаил Лазарев плавают на кораблях Балтийской эскадры. За 18 морских кампаний награжден орденом Святого Георгия IV степени.

На корабле «Память Евстафия» застала его весть о назначении командиром шлюпа в экспедицию на поиски Южного материка.

В конце второго десятилетия XIX века в кругах передовых русских моряков созрела мысль о необходимости организации экспедиции для поисков и открытия материка вблизи Южного полюса. Вопрос о существовании Южного материка, занимавший умы многих ученых с древнейших времен, оставался все еще открытым.

Три года провел в южных широтах знаменитый английский капитан Кук, сделал немало открытий, но найти неизвестный Южный материк так и не смог.

Несмотря на то что обширные пространства океана в южных широтах не были им обследованы, Кук в книге, выпущенной после окончания плавания, самонадеянно писал: *«Я обошел океан Южного полушария на высоких широтах и сделал это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка...»*

Однако многие русские мореплаватели и ученые, среди которых были В.М. Головнин, Г.А. Сарычев, И.Ф. Крузенштерн и другие, неколебимо верили в существование материка и настаивали на экспедиции к Южному полюсу и в северные края вопреки категорическому утверждению Кука.

Наконец Адмиралтейств-коллегия получила предписание министра:

«3 февраля 1819 года.

Е.И. высочайше повелеть изволил в будущую коммуникацию отправить в дальний вояж находящиеся в Кронштадте и на Охте на стапеле два шлюпа и построенные в Лодейном поле два транспорта и чтоб с наступлением июня месяца суда сии могли вступить под паруса и выйти в море по назначению...»

В июле 1819 года Кронштадт провожал две экспедиции. В южную экспедицию отправились шлюпы «Восток» и «Мирный» с целью отыскания материка у Южного полюса.

Еще в марте командиром «Мирного» назначили лейтенанта Лазарева, на которого сразу легли заботы о кораблях и людях — корабли для похода готовили заново, набирали офицеров и матросов. Переделки кораблей для плавания во льдах — дело новое и хлопотное, но Лазарев не спешал. Офицеров и матросов отбирал скрупулезно, в поход просились многие. Новый командир «Востока», бывалый моряк, капитан 2-го ранга Ф. Беллинсгаузен, назначенный вместо заболевшего капитана 1-го ранга М. Ратманова, прибыл лишь за месяц до выхода в море. На «Мирный» Лазарев взял молодых способных офицеров: М. Анненкова, И. Куприянова, Н. Новосильского. Моряки пригласили в экспедицию профессора астрономии И. Симонова из Казани и живописца П. Михайлова, чтобы оставить память о вояже для потомков. Северная экспедиция, состоявшая из судов «Открытие» и «Благонамеренный», уходила через Тихий в Ледовитый океан для исследования полярных широт. Экипажи всех кораблей полностью состояли из военных моряков.

На шлюпе «Благонамеренный» в плавание отправился лейтенант Алексей Лазарев. Братья накануне проводили Андрея. Старший брат командовал бригам «Новая Земля», который направлялся из Архангельска для обследования Новой Земли.

3 июля настало время расставания. С бастионов Кронштадта гремели залпы прощального салюта, неслось громкое матросское «Ура!», раздавались вслед приветственные напутствия многочисленных жителей, пожелания счастливого плавания.

Спустя месяц шлюпы вышли в Атлантический океан и направились к Канарским островам...

В ста милях от острова Тенерифе из-за горизонта показался остроконечный пик. Двое суток, час от ча-

су, росла на глазах громада высочайшей вершины острова. «Мирный» бросил якорь в бухте самого крупного города — Санта-Крус.

Испанцы приветливо встретили русских мореплавателей. Губернатор радушно принял Беллинсгаузена и Лазарева. Русские офицеры удивились, увидев на груди генерала Лаубери орден Святого Георгия IV степени. Губернатор не без гордости, обращаясь к Лазареву, сказал:

— Видите, капитан, я ношу точно такой же крест, как и вы.

— Это для нас тем приятнее, что мы у берегов Африки пришли к месту, где начальствует генерал, отличивший себя на поле брани за Россию, — ответил Лазарев.

— Да, Россия для меня не чужая, она пригрела меня в дни бедствия. Я служил ей полковником в сражениях против шведов, участвовал в походах фельдмаршала Румянцева. — Престарелый генерал предался воспоминаниям о годах, проведенных в России. После подробно ознакомил гостей с примечательностями Санта-Круса.

— Городу нашему около ста лет, однако он еще никому не покорялся. — Лаубери торжественно посмотрел на моряков. — Знаменитый Нельсон был бессилен против десятка крепостных орудий Санта-Крус и потерпел здесь единственное поражение. Нельсон потерял под стенами Санта-Крус руку, которую ядром оторвало во время неудачной высадки.

Атлантика встретила корабли штилем и тропической жарой. На смену им внезапно налетали шквалы, и приходила ночная прохлада.

В туманном рассвете утра 1 ноября показались берега Бразилии. На рейде Рио-де-Жанейро, к приятному удивлению, стояли «Открытие» и «Благонамеренный». Они пришли в Бразилию днем раньше.

Радостно встретились Михаил и Алексей. Тут же братья договорились завтра съехать вместе на берег.

И вновь русские моряки были невольными свидетелями гнусной работорговли европейцев на невольничьих рынках.

Спустя три недели «Мирный» и «Восток» снялись с якоря и направились кратчайшим курсом на юг, к островам Южная Георгия, Земле Сандвича и далее туда, где еще никто не бывал.

...Утро первого дня нового года Лазарев встретил на шканцах. Всю ночь «Мирный» лавировал среди плавающих гигантских ледяных гор-айсбергов, упрямо пробиваясь на юг. За минувшие недели моряки обследовали неизвестные берега Земли Сандвича, открыли острова.

Обстановка плавания осложнялась с каждым днем — кругом громоздились десятки больших и малых айсбергов, и все они таили подчас смертельную опасность для шлюпов, особенно в ночное время...

Лазарев спустился в жилую палубу. Вся команда, кроме вахты, преклонила колени в утренней молитве. Вдруг раздалась команда: «Всех наверх!» И через мгновение матросы выбежали на палубу. Перед бушпритом громоздился гигантский ледяной остров... Корабли успели вовремя отвернуть. Весь день матросы слышали с разных сторон глухой шум и сильный треск: то ли айсберги перевортывались, то ли сталкивались между собой и разбивались. К вечеру начался сильный снегопад. Такелаж и паруса обледенели...

В полдень 16 января внезапно налетели тучи и пошел снег. Мичман Новосильский принял вахту. Корабли прошли еще две мили. Погода прояснилась...

— Впереди сплошь лед! — крикнул матрос с садинга.

Командир обвел взглядом весь горизонт слева и перешел на правый борт. Справа на пять-шесть кабельтов было чисто. Дальше к западу тянулись ледяные поля, которые упирались в материковый ледник. Ла-

зарев поднял подзорную трубу, пристально осмотрел возвышающуюся кромку ледяного берега.

Внезапно, прямо по носу шлюпа, у кромки берега взметнулись вверх, сверкая на солнце, каскады битого льда.

Новосильский, закинув голову, произнес:

— Михаил Петрович, что там происходит?

Лазарев поманил его, и когда тот поднялся на салинг, протянул ему подзорную трубу.

— Взгляните на сие диковинное зрелище, Павел Михайлович, а главное, на его первопричину.

Новосильский, прищуриваясь, минуту-другую всматривался в горизонт, потом повернулся к Лазареву и изволнованно воскликнул:

— Так сие берег, Михаил Петрович!

— Вы угадали, Павел Михайлович, не чем иным это быть не может, токмо материком!

Новосильский, нагнувшись, крикнул на бак:

— Братцы, берег видно!

В тот же миг тишина разорвалась громким русским «Ура!», покотившимся над ледяными полями к открытой земле.

Корабли вновь поднялись за Полярный круг. Ветер стал крепчать, дул с порывами, повалил мокрый снег, пришлось взять рифы. Ночью стало светлее, появились первые вестники ледяного материка — плавающие льдины. Как всегда, в полночь, после четвертых склянок, Лазарев обошел корабль. На «собачью вахту» заступали надежные люди. «Мирный» шел правым галсом, удерживаясь в видимости зажигаемых каждый час огней фальшфейера «Востока».

Порывом ветра с вант фок-мачты сбило огромную сосульку, она с грохотом разбилась о палубу.

«Пора и вздремнуть», — подумал командир, спустился в каюту и, не раздеваясь, прилег на диван. Где-то рядом, за бортом, мерно шуршали, разбиваемые форштевнем волны, гулко постукивали по обшивке встречные льдины.

Вдруг шорох волн резко замедлился, на верхней палубе торопливо прогремели шаги вахтенных. Через минуту Лазарев был на шканцах. Сквозь пелену снежного заряда с правого борта виднелась ледяная громада. Еще полчаса назад тугие паруса обезветрили. Не успел вахтенный лейтенант доложить Лазареву о случившемся, как матрос на салинге громко крикнул:

— Лед сто сажений!

— Всех наверх! — скомандовал Лазарев. — Лево на борт! Боцман! Всем стоять с правого борта с крюками и рострами.

Корабль, ещедвигающийся по инерции, стал медленно уваливаться влево. Снежные заряды внезапно прекратились, и все увидели, как два ледяных острова, столкнувшись дальними краями, медленно сходятся, а между ними, словно в гигантских клещах, находится «Мирный».

«Главное, не потерять инерцию», — мелькнуло у Лазарева. По его команде все матросы, вооружившись крюками, запасными реями, стенгами стали медленно протягивать корабль, как бы выталкивая его из западни на чистую воду. Лазарев мельком взглянул наверх, и его лицо засветилось — вымпел на грот-мачте, словно нехотя, зашевелился, расправился, а потом весело затрепетал на ветру.

— Стаксея готовить на левый галс.

И спустя минуту приказ командира был лихо выполнен матросами. Но вот срез кормы миновал кромку подветренной льдины. Несколько мгновений, и страшный грохот сомкнувшихся ледяных гигантов слился с гулом пушечных выстрелов, подаваемых с «Востока», в поисках своего товарища по плаванью...

Спустя неделю в океане разыгрался жестокий шторм. Внезапно изменившийся сильный ветер задул в направлении, противоположном движению волн, и океанской зыби возникла толчея гигантских водных валов. В предрассветном мареве следующего утра по-

казался «Восток». Покрытый, как и «Мирный», от клотика до среза воды наледью и инеем, он казался сказочным видением...

Утром на «Востоке» подняли сигнал. Беллинсгаузен приглашал командира «Мирного».

— Согласно инструкции назначено нам следовать к островам Аукландским и лишь затем спускаться в порт Джексон. Как вы полагаете сей план?

— На Аукланде, слышал я, дров нет, мачтового леса совсем нет, а нам ремонт предстоит. Ежели туда идти, наперед месяца не хватит. Джексон гораздо ближе. — Лазарев подошел к карте. — В бытность мою в сем порту починку добротную произвели, леса там вдоволь. Служителям же привольный воздух, пища там отменная и времени для отдохновения поболее будет. Полагаю, Джексон для нас более благоприятен.

— Согласен с вами. Дабы более акватории обозреть, предлагаю идти нам раздельными курсами. — Беллинсгаузен прочертил карандашом курс кораблей. — В сих местах неподалеку капитан Кук со своим спутником Фюрно путешествовали...

— Мнится мне, господин капитан второго ранга, — Лазарев провел по карте, — надобно между путями Кука и Фюрно расположить наше плавание, у них разлука была случайной, а наша нарочно предполагается. Посему и пользу науке большую принести должна.

Вечером 5 марта на пушечный прощальный салют с «Востока» «Мирный» ответил двадцатью выстрелами. На фор-стеннге взвились сигнальные флаги взаимного пожеланий успеха, и корабли начали расходиться.

Не прошло и двух дней, как мореплаватели извели суровый нрав океана. Страшный шторм небывалой силы обрушился на корабли. На «Мирном» пришлось спустить брам-стенгги и реи, а вскоре убрать и нижние паруса. Одни стаксели давали возможность кое-как удерживать корабль вразрез волне. А ветер ураганной силы менял направление, и гигантская толчая волн об-

рушилась на корабль с разных сторон. Матросы едва удерживались за леер, палуба временами становилась почти отвесной, и к ней можно было припасть щекой, как к стенке. Свирепый порыв ветра изодрал в клочья только что поставленный фор-стаксель.

Медленно уваливаясь под ветер, «Мирный» разворачивался лагом к волне.

«Через мгновение корабль развернет, и прощай все...» — промелькнуло в голове у командира. Вторые сутки он не покидал шканцы.

— Боцман! Ставить гафельные триселя, да попорней! Руль на борту держать.

На минуту корабль остановился, а потом опять продолжал медленно разворачиваться бортом к волне.

— Живей, братцы, живей!

Матросы и сами поняли, что это последняя надежда. Вот когда пригодились нештатные триселя, спшитые Лазаревым в Кронштадте именно на этот случай. «Только бы выдержали! Должны. Сам Есаулов, лучший парусник Кронштадта, строчил их по его чертежам».

У всех трех мачт вздулись небольшие косые четырехугольники. «Мирный» уже не заваливался на борт, словно нехотя остановился. Звенели, выдерживая неистовый напор ветра, триселя. Шлюп медленно разворачивался и вводил на волну.

— Ура-а-а! — пронеслось над палубой сквозь рев урагана.

Кричали все — и офицеры, и матросы, повернувшись к своему командиру. Впервые за эти дни скупой улыбкой осветилось его лицо. «Сии мгновения достойны всей жизни», — подумал он.

Взобравшись на волну, шлюп проваливался теперь в бездну так, что под воду уходил бак. Выходя из воды, бушприт трещал под напором волн и вычерпывал из океанских глубин длинные водоросли. Килевая качка устранила главную опасность — опрокидывание корабля, но испытывала теперь на крепость весь набор корпуса «Мирного».

Ураганный ветер постепенно стихал. Океан в полной мере испытал стойкость русских моряков.

Минуло семь месяцев, за это время, отдохнув в Австралии, шлюпы плавали в неизведанной части Тихого океана, вдоль шестнадцатой параллели. Упорные поиски увенчались успехом. Моряки открыли четырнадцать неизвестных островов и назвали их архипелагом Россиян. Наступившее лето вновь звало первопроходцев в полярные широты продолжать прерванный вояж. Плавание началось с неприятности. На «Востоке» в носовой части открылась довольно сильная течь. Возвращаться назад для ремонта — значило упустить время и отказаться от второго похода в Антарктиду. Решили плавание продолжать, но идти медленнее, постоянно откачивая воду.

В середине декабря корабли в четвертый раз пересекли Южный полярный круг. Однажды матросы, охотившиеся на тюленя, принесли пингвина, а вскоре команду облетела обнадеживающая весть — в желудке вскрытого пингвина нашли небольшие камни горных пород, значит, берег недалеко.

Рождество моряки встретили в окружении ледяных островов и туманов, при сильном ветре и волнении. Утром 10 января море к югу очистилось ото льда, но ветер в полдень покрепчал, зашел к востоку, ледяные поля пришли в движение. Появились киты, птицы вновь кружились вокруг мачт. Колокол на «Мирном» пробил семь склянок. Все офицеры, и даже доктор вышли на шканцы. Новосильский посмотрел за борт и воскликнул:

— Ей-богу, господа, вода, как никогда, посветлела!

Не успел он закончить, как Лазарев протянул подзорную трубу Обернибесову:

— Взгляните, Николай Васильевич, виден берег!

Все невольно повернулись в ту сторону, раздались одновременно пушечные выстрелы с «Востока» и радостный крик матроса с салинга:

— Земля!

Лазарев командовал вахтенному офицеру:

— Передать сигнал на «Восток»: «Вижу землю!»

В эту минуту небо раскрыло пасмурную завесу серых облаков, и солнечные лучи высветили вдали большую гору, увенчанную конусом, покрытую снежной шапкой, обрамленной черными скалами.

Шлюпы сигналами поздравили друг друга с открытием. Сошлись, подняли флаги расцвечивания, матросов поставили на ванты, и троекратное «Ура!» возвестило об открытии неизвестной земли.

Острову дали имя Петра I — создателя русского флота. Спустя неделю континент сбросил окончательно таинственный покров.

...С утра небо было ясным и солнечным. Вахтенный пробил три склянки. На шканцах командир «Мирного» внимательно рассматривал в подзорную трубу серебристую поверхность ледяных полей по правому борту. Внезапно лицо его озарилось улыбкой — в окуляр было хорошо видно, как над бескрайними снежными просторами возвышался скалистый берег с цепочкой гор, увенчанных снежными пиками. Минуту спустя и на «Востоке» заметили берег. Могучее русское «Ура!» перекачивалось над бескрайней ледяной пустыней.

24 июля 1821 года, ранним утром, под громкие раскаты пушек Кронштадтской крепости «Восток» и «Мирный» бросили якоря на том самом месте, откуда мореплаватели уходили в трудный вояж два года тому назад.

Штурман принес шканечный журнал с последней записью: «На клюзе 75 сажений якорного каната».

Лазарев взглянул на левую страницу — «Пройдено всего миль 49 860».

— Поболее двух длин экватора. Хорош поясок, — весело проговорил он.

Участников плавания удостоили поощрения. Беллинсгаузена произвели в капитан-командоры, а Лаза-

рева удостоили редкого поощрения: произвели через чин в капитаны 2-го ранга, наградили орденом Святого Владимира IV степени. Офицеров наградили орденами, матросов — двойным окладом жалованья до конца службы, а срок службы сократили им на 3 года.

...Минула зима, и Лазарев срочно выехал в Петербург по вызову начальника морского штаба — контр-адмирала Моллера.

— Его императорское величество повелеть изволили отправить в наступающее лето к владениям Российско-Американской компании фрегат «Крейсер» и «шлюп «Ладога». — Начальник штаба бесстрастно чеканил слова. — Командиром фрегата назначено быть вам, а командиром шлюпа вашему старшему брату — капитан-лейтенанту флота Андрею Лазареву.

Для охраны поселений и промыслов, по просьбе Российско-Американской компании, отправились в прошлом году два корабля под начальством Тулубьева. На смену ему и посылали отряд под командой Лазарева к берегам Русской Америки.

Офицеров и матросов командир отбирал как и прежде, лично. Просились лейтенанты Анненков и Куприянов, служившие прежде на «Мирном». Лазарев полагал назначить старшим офицером Анненкова, но получилось по-иному. Старшим офицером прислали по протекции из окружения Аракчеева лейтенанта Кадьяна. Вначале он привлек Лазарева неутомимой требовательностью по службе к матросам, но настораживало его высокомерие и отчужденность от офицеров. Лазарев отобрал в экипаж ревностного к службе лейтенанта Федора Вишневого, приглянулись ему и молодые мичманы — Павел Нахимов, Ефим Пуятин, Александр Домашенко. В начале мая на борт крейсера поднялся Дмитрий Завалишин, друг и однокашник Павла Нахимова. Лазарев приветливо встретил восемнадцатилетнего мичмана. О нем говорил ему Беллинсгаузен, с похвалой отзывались однокашники Лазарева, Мардарий Милюков и Павел Дохтуров. Кро-

ме незаурядных способностей, они единодушно выделяли его бескорыстие, честность и искренность.

— Видимо, наставлять вас по части мореходной астрономии не следует, однако, кроме прочих обязанностей вахтенного офицера, я уповаю предложить вам и должность корабельного ревизора.

Завалишин несколько смутился:

— Но право, господин капитан 2-го ранга, сии дела мне не знакомы.

— Как и прочим офицерам, Дмитрий Иринархович, но у вас, как я наслышан, поболее иных свойств.

— Каких же?

— Хозяйственная часть, канцелярия и казначейство требуют ясного ума и чистой совести прежде всего...

Выйдя на палубу, Завалишин попал в объятия Нахимова. Их дружба началась еще в Морском корпусе. Оба были сыновьями офицеров с небольшим достатком. По настоянию отца, служившего когда-то под началом Суворова, Завалишин поступил в корпус. Нахимов пошел по стопам своих старших братьев, которые служили уже воспитателями в Морском корпусе. После выпуска дороги друзей разминулись, и они долго не виделись.

В середине августа 1822 года «Крейсер» и «Ладoga» покинули Кронштадтский рейд. Осенними штормами встретила моряков Балтика и Северное море. «Ладoga» заметно отставала.

Ураганный ветер с Атлантики несколько суток прижимал «Крейсер» к скалам у Портсмута. До берега оставалась сотня сажений. Лазарев двое суток не покидал шканцы...

Побывав в Рио-де-Жанейро, направились в Тасманию. Лазарев решил заготовить там дрова. На берег съехала команда матросов с мичманом Домашенко. Но случилось неожиданное. Матросы взбунтовались, собственно, бунт назревал еще со времени выхода из Кронштадта, но здесь все вышло наружу. Матросы изрядно потрудились на берегу, возвратились на ко-

рабль, и вместо похвалы от старшего офицера Кадьяна посыпались зуботычины. На следующий день матросы опять отправились на заготовку дров, но вернуть их на корабль отказались. Лазарев послал к ним Завалишина и лейтенанта Анненкова.

— Надо кончать это дело миром.

Матросов удалось утихомирить, и они вернулись на корабль.

Лазарев обязан был доложить незамедлительно о бунте царю, но, полагая, что все обойдется, он лишь наказал матросов и решил это дело «замять», дабы не подвергать матросов жестокой расправе. Но первопричина возмущения матросов осталась.

Вскоре «Крейсер» распрощался с «Ладогой», уехавшей на Камчатку, и взял курс на Новоархангельск, где его встретили приветственными салютами крепость, шлюп «Аполлон» и другие русские суда, стоявшие на рейде.

За время похода на фрегате развелось много крыс, и первым делом Лазарев решил от них избавиться. Разгрузив фрегат, команда съехала на берег, а корабль начали окуривать.

Матросы на берегу очищали землю от камней под огороды, заготавливали дрова. Тем временем окуривание закончилось, перевезли на корабль имущество, и опять случилось непредвиденное.

Вечером в каюту Лазарева постучал Завалишин:

— Команда опять бунтует. На корабль нынче все матросы, да и боцманы возвращаться не желают, опять Кадьяна требуют убрать.

Лазарев молча встал, застегнул сюртук.

— Распорядитесь, Дмитрий Иринархович, немедленно катер к трапу.

Многое передумал он, пока катер шел к берегу, переваливаясь через гребни крутых волн. Кадьяна он и сам терпеть не может, склочником и интриганом кроме всего оказался. Однако нынче смутьянов более сотни, почти вся команда. В случае огласки всем гро-

нит острог, каторга, если не более. Дело надо как-то за-
мнить, не дать законного хода.

Настороженным гулом встретила офицеров толпа
матросов на берегу. Впереди стояли два усатых боцмана.

— Ваше высокоблагородие! Будь что будет, а еже-
ли Кадьяна с «Крейсера» не уберете, ноги нашей на
палубе не будет!

Непривычно Лазареву выслушивать ультимату-
мы, но он знал, что правда на стороне матросов.

— Вот что, братцы, — матросы затихли, — что бы-
ло, то прошло. Кадьян нынче болен и с корабля списы-
вается.

Команда одобрительно зашумела.

— А теперь, — сказал Лазарев, нахмурясь, — все
на корабль. Да, чур, все, что было, — быльем должно
порасти, о том нигде не болтать.

В тот же день с глазу на глаз он дал ясно понять Ка-
дыню, что его служба на «Крейсере» далее невозмож-
на. По его настоятельному совету Кадьян подал рапорт
с просьбой списать его с фрегата по болезни...

В первых числах ноября из Петропавловска при-
шел шлюп «Ладога». Командир шлюпа доставил кон-
фиденциальное сообщение Лазареву об отмене всех мер
по пресечению плавания американских судов вблизи
берегов Русской Америки. Царское правительство от-
ступило, сделало первый, едва заметный шаг назад, ус-
туная напористым американским дипломатам...

«Ладога» привезла и другое неожиданное известие
для Лазарева, всех офицеров фрегата, и особенно На-
химова. По высочайшему повелению мичман Завали-
шин срочно направлялся Петербург для личной ауди-
енции к царю. Оказалось, еще в Лондоне, ни с кем не
делясь, Дмитрий Завалишин написал и отослал лично
царю трактат, в котором изложил свои соображения
по многим политическим проблемам.

Письмо произвело впечатление, и Александр I рас-
порядился срочно вызвать автора для личной с ним бе-
седы.

Корабли начали готовиться к переходу и через неделю отправились в Калифорнию. Неприветливо встретил моряков осенний океан. Ночью ветер достиг ураганной силы. Паруса трещали и лопались под его напором. Гигантские волны закрывали огни фальшфейера «Ладоги», которые скоро исчезли в крошечной тьме. Целую неделю не утихал шторм...

«Крейсер», сильно накренившись, нес полные паруса. На вахту вступил Завалишин. Внезапно с реи свалился за борт матрос. Без промедления спасать его на шлюпке отправился Нахимов. Матроса накрыло волной, а шлюпку отнесло далеко в бушующее море. Едва успели ее поднять, как набежавшая волна ударила ее о борт и разнесла в щепки. Матросы схватились за концы, и их вытянули на палубу. Огорченные, насквозь промокшие, понурившись, стояли они перед командиром. Нахимов виновато развел руками. Лазарев положил ему руку на плечо.

— Судьбы не миновать. — И повернулся к матросам: — А вы, братцы, молодцы, ради жизни товарища себя не жалели, токмо русачки способны на такое.

На Сан-Францисском рейде фрегат стал рядом с «Аполлоном» и торговыми судами русской компании.

Коренные жители Калифорнии — индейцы — тепло встретили моряков. Дружеские отношения в течение двенадцати лет с обитателями форта Росс убедили их в добропорядочности русских людей...

Истекал срок пребывания «Крейсера» в Русской Америке. Августовским утром на рейде прогремели залпы салюта — из Кронштадта на смену фрегата прибыл шлюп «Предприятие». Он доставил Лазареву предписание возвратиться в Россию.

После трехлетней разлуки, 5 августа 1825 года, Кронштадт по традиции радушно встречал мореплавателей. В шканечном журнале «Крейсера» появилась последняя запись — в плавании 1084 дня, из них под парусами 457.

Весь экипаж получил награды: офицеры — ордена,

унтер-офицеры и матросы — уменьшение срока службы на три года и денежные премии. Экипаж поздравил Лазарева с производством в капитаны 1-го ранга и орденом Святого равноапостольного князя Владимира III степени.

Итак, М. Лазарев первый²⁵, единственный из русских мореплавателей, командуя кораблями, совершил три кругосветных плавания, причем два из них — самостоятельно.

Не успел Лазарев перезимовать, как 27 февраля 1826 года получил назначение — командиром 42 флотского экипажа и строящегося в Архангельске линейного корабля «Азов».

Приехав в Архангельск, Лазарев с головой окунулся в любимое дело — перестройку и вооружение корабля. Прежних сослуживцев — Нахимова, Путятина, Домашенко — по их просьбе назначили на «Азов». Среди молодых офицеров Лазарев выделил мичмана Корнилова, заметил гардемарина Истомина. В Архангельске, а затем на переходе в Кронштадт, ежедневными тренировками Лазарев добился высокой выучки всего экипажа.

По прибытии в Кронштадт «Азов» был включен в состав эскадры под флагом адмирала Сенявина, отправляющейся в Англию, а затем в Средиземное море, на помощь греческому народу, изнывавшему под турецким игом.

27 июня русская эскадра стала на якоря на Спитхедском рейде Портсмута.

Английские моряки восхищенно смотрели на прекрасно выглядевшие корабли.

Неделю спустя, накануне отправки, Сенявин собрал флагманов и командиров кораблей отправляемой эскадры. Он передал Гейдену наставление по обращению с нижними чинами. Оно было составлено в лучших ушаковских традициях по обучению и воспитанию матросов.

«Должно требовать с господ офицеров, чтобы они ближе знали своих подчиненных, знали бы каждого из них, и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать во время работ, но что они должны входить и в частную жизнь их... Они должны знать дух русского матроса, которому иногда «спасибо» дороже всего. Непристойные ругательства во время работы не должны выходить из уст офицеров, а неисправности и проступки матросов наказуются, но по установленной военной дисциплине».

Благожелательные наставления Сенявина нашли отзвук в среде офицеров. Об этом говорило и происшествие, случившееся вскоре на «Азове».

В августе Средиземноморская эскадра покинула Спитхедский рейд в составе 13 вымпелов. Пять дней сопровождал корабли до мыса Сан-Висенти свежий попутный ветер, который затем сменился противным, и пришлось лавировать больше недели, прежде чем войти в Гибралтар. Миновали Балеарские острова и 9 сентября при подходе к Сицилии эскадра попала в сильный шторм. На «Азове» обтягивали крьюсель штык-болтом. Внезапно налетел сильнейший шквал, один из матросов сорвался с рея и упал за борт. Его крик услышал находившийся в кают-компании мичман Домашенко. Не раздумывая, он выскочил в открытое оконце на палубу и прыгнул за борт. Вслед ему кто-то из офицеров бросил кресло. Александр Домашенко был отличным пловцом. В несколько минут он доплыл до матроса и подал ему спасательное кресло. «Азов» привелся к ветру, быстро спустили шлюпку, и, налегая на весла, моряки направились к видневшимся среди волн пловцам. Когда до матроса и Домашенко оставалось пять-шесть саженей, налетел очередной шквал, и гигантская волна скрыла обоих в морской пучине. Весь экипаж почтил память погибших...

После стоянки в Палермо корабли через Мессинский пролив направились к берегам Греции, а 1 октя-

бря неподалеку от острова Занте встретили английскую эскадру под командованием Кодрингтона, в звании адмирала.

Присутствие английской эскадры у берегов Греции имело целью не столько утратить Турцию и помочь греческому народу, сколько не допустить разгрома турецкой эскадры и усиления России на Ближнем Востоке.

Кодрингтон сообщил Гейдену, что около ста турецких и египетских кораблей вошли в Наваринскую бухту под прикрытия береговых батарей.

В тот же день у острова Занте бросила якорь французская эскадра контр-адмирала де Реньи.

Командующий турецко-египетским флотом Ибрагим-паша на требование прекратить военные действия против греков и покинуть воды Эллады ответил отказом. Он знал о действительных намерениях англичан и французов и держался самонадеянно, а кроме того имел значительное, почти двойное превосходство в силах.

Между тем греческое население обратилось к союзным адмиралам с мольбой о помощи. Ибрагим-паша высадил больше восьми тысяч войск, и оно, уничтожая все на своем пути, двинулось в Мессинию и Аркадию.

Наконец на встрече адмиралов 6 октября Кодрингтон, как старший по званию, согласился с настойчивым требованием русского командующего. Было решено всем трем эскадрам войти в Наваринскую бухту, чтобы пресечь террор против греческого населения.

Утром 8 октября соединенные эскадры начали поочередно входить в Наваринскую бухту. Первыми в нее втягивались и занимали позиции английские и французские корабли. Часть из них спутала позиции и столкнулась с турецкими кораблями.

Вначале Кодрингтон пытался умиротворить турецкого флагмана и дважды направлял к нему офицеров для переговоров. Но лишь после того как были убиты два парламентаря и турецкие корабли открыли огонь,

английский адмирал вынужден был начать сражение. В этот момент русская эскадра во главе с «Азовом» входила в бухту, и на нее обрушился перекрестный огонь крепостных батарей и турецко-египетской эскадры.

Окутанный пороховым дымом, сквозь град ядер и картечи направился в глубину залива «Азов». Он шел головным, под флагом командующего, и поэтому на него неприятель перенес почти весь огонь. Опершись на подзорную трубу, хладнокровно отдавая команды, всматривался вперед Лазарев. Там в одиночестве стоял на якоре корабль Кодрингтона, и на него направили огонь сразу несколько турецких кораблей. Увидев вступивший в бой «Азов», Кодрингтон приободрился — русские брали на себя большую часть огня противника.

С ходу вступив в сражение, «Азов» в упор расстреливал и потопил два неприятельских фрегата и еще два судна.

Рядом жарким огнем пылали подожженные турецкие фрегаты. На шканцах рухнул, весь в пламени, обломок грота-реи. Черный от пороховой копоти, с расстегнутым воротником, перебегая от орудия к орудию, лихо командовал батареей на шканцах Бутенев.

Лазарев окинул взглядом мачты: переломилась фор-стеняга, в щепы разнесло реи на фок- и бизань-мачтах, перебит такелаж — турки явно метили в рангоут, чтобы лишить корабль хода. «Ну что же, нам ход пока и не понадобится».

Не прекращая огня, «Азов» подошел на пистолетный выстрел к кораблю египтян, отдал оба якоря и, развернувшись бортом, стал на шпринг. Удачным выстрелом баковой батареи перебило шпринг у египтян, и корабль «Адмирал Мухарем-бей» развернуло кормой к «Азову». Такой случай нельзя было упустить.

— Продольный огонь левым бортом! — передал Лазарев приказание на все батарейные палубы.

Полчаса спустя корма «Адмирала Мухарем-бея» была разбита вдребезги, огонь перекинулся в констанельскую, и через мгновение флагман египтян взлетел на воздух.

«Половина дела сделана», — Лазарев твердо помнил совет Ушакова — в первую очередь уничтожить флагман неприятеля.

Едва «Азов» перенес огонь на корабль флагмана турок Тагир-паши, как тот, обрубив якорные канаты, метнулся к берегу. Теперь почти все турецкие корабли прекратили огонь по англичанам и с яростью обрушили его на «Азов» и другие корабли русской эскадры.

На верхней палубе «Азова» не успевали убирать убитых и раненых, в бортах и палубах зияли пробоины, горящий рангоут воспламенял все вокруг. Рядом с командиром боковой батареи лейтенантом Нахимовым взорвался брандсугель, и вокруг орудий запылала палуба. Вместе с матросами Павел Нахимов самоотверженно боролся с огнем и, потушив пожар, вновь встал к орудиям. Мимо Лазарева просвистело ядро. На другом борту, на шканцах, вскрикнул Бутенев. Лазарев стиснул зубы. Привалившись к орудийному станку, без кровинки в лице, смотрел на плечо командир шканечной батареи. Только что взмахнул он правой рукой, отдавая команду, а сейчас она, оторванная, болталась на тонком лоскуте кожи. Из обрубка во все стороны хлестала кровь. Стоявший рядом матрос сорвал с себя рубаху и замотал культю. Подбежали еще два матроса, Бутенев отстранил их здоровой рукой.

— К орудиям, братцы, наводи!.. Пали!

Лишь после нескольких залпов по приказу Лазарева матросы чуть не силой увели Бутенева в лазарет.

Было потоплено и сожжено большинство неприятельских кораблей, подавлены все береговые батареи. Русские моряки сражались не с новичками в морском деле, а с опытным, до фанатизма упорным неприятелем. Турецкие матросы предпочитали гибель плену: закалывали себя кинжалами, обхватив ядра,

бросались в воду и шли ко дну, не покидали тонущие корабли. Нелегко одолеть такого противника, тем почетнее была победа.

В 6 часов вечера сражение закончилось полным разгромом египетско-турецкого флота. В ходе боя было взорвано 20 кораблей и судов, остальные рубили канаты, выбрасывались на берег и там сжигали себя в продолжение всей ночи.

Русская эскадра потерь в кораблях не имела, но все они получили тяжкие повреждения. Особенно пострадал «Азов». Часть палубы выгорела, стеньги и реи были перебиты и расщеплены, паруса висели клочьями, в бортах зияло 153 пробоины. На долю «Азова» пришлось половина уничтоженных неприятельских кораблей.

Действиями Михаила Лазарева восхитился Нахимов.

«Любезный друг, — писал он Михаилу Рейнеке, — я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня не хватает сил описать все его похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана».

За особые отличия в бою матросов и офицеров «Азова» кораблю впервые в истории русского флота был присвоен кормовой Георгиевский флаг, а его командир М. Лазарев произведен в контр-адмиралы. В списке отличившихся мы видим лейтенанта Нахимова, мичмана Корнилова, гардемарина Истомина. В этом сражении проявился высокий патриотизм русских моряков, их беззаветная храбрость и бесстрашие, а также верность долгу в поддержке своих союзников.

В ходе боевых действий Средиземноморской эскадры выявился облик Лазарева — молодого флотоводца. Вскоре он возглавляет эскадру, которую привел в мае 1830 года в Кронштадт без захода в какой-либо иностранный порт.

В феврале 1832 года контр-адмирал Михаил Петрович Лазарев назначается начальником штаба Черноморского флота.

В конце 1831 года в результате происков англо-французской дипломатии возник вооруженный конфликт между Египтом и Турцией. Против турецкого султана выступил его подданный египетский паша Мехмет-Али. В ходе военных действий турецкие войска потерпели ряд поражений, и египетская армия двинулась в направлении Константинополя. Попав в критическое положение, турецкий султан Махмуд I обратился за помощью к европейским державам. Европа отвернулась от султана, и на помощь пришла Россия. Уже в октябре 1832 года было отдано распоряжение о срочной подготовке эскадры кораблей для отправки в Константинополь. Вначале командовать эскадрой предписано было Грейгу, но тот, явно испугавшись ответственности, струсил и донес начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову, что кораблей, годных для похода, мало, а сам он «по состоянию здоровья» не может возглавлять эскадру. В категорической форме Грейгу было предписано вооружить корабли, а вместо него назначен контр-адмирал М. П. Лазарев. Вступив в командование эскадрой, Михаил Петрович принимает ряд срочных мер для резкого повышения боеготовности кораблей. Учтя всю важность предстоящего похода, особое внимание он обращает на оснащение кораблей и боевую подготовку экипажей.

Обстановка в Турции тем временем осложнилась: египетские войска приближались к Константинополю. В конце января 1833 года Турция обратилась за помощью к русскому посланнику в Константинополе Бутеневу. 1 февраля М. Лазарев получает от него письмо — турки срочно просят прислать русскую эскадру и с ней 3—5 тысяч войска, а уже утром 2 февраля корабли вышли в море. Войска Лазарев взять не успел, так как их не было в это время в Севастополе, и он

просил Меншикова по прибытии срочно направить их в Константинополь.

8 февраля на Константинопольском рейде бросила якоря русская эскадра в составе девяти кораблей под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева. Внезапное появление кораблей вызвало переполох в английской и французской миссиях, которые начали подстрекать султана. На борт флагманского корабля прибыли представители султана с толмачом:

— Ваше превосходительство... Султан весьма благодарит за присланную помощь, но просит, пусть русская эскадра перейдет из Босфора в Сизополь и там находится, мы дадим знать, когда потребуется ваша помощь.

Лазарев прекрасно понимал, кто стоит за спиной султана, кому необходимо удалить русскую эскадру из проливов, и решил ни при каких обстоятельствах не покидать проливную зону, занимавшую ключевое положение в бассейне Черного моря.

— Передайте высокочтимому султану, что на кораблях совсем нет воды пресной, команды устали от сильных штормов, — лукаво говорил Михаил Петрович.

Султан продолжал настаивать на выходе кораблей, и с ним даже согласился русский посланник и представитель царя в Турции, генерал-лейтенант Муравьев. Тогда предлогом для задержки в проливах Лазарев избрал противные ветры, якобы затрудняющие съёмку с якоря кораблей эскадры.

Не поддаваясь требованиям турок уйти из Босфора, не слушая советов Меншикова, Бутенева и Муравьева выполнить это требование, Лазарев реально оценил обстановку и твердо настоял на своем решении — сохранить полный контроль над проливами.

Предыдущий опыт трех кампаний в Средиземноморье дал ему немало уроков коварства Англии и Франции при совместном решении сложных международных вопросов. Для него было ясно одно: уйдя русские из Босфора, Турция была бы разгромлена руками егип-

тин, а Англия и Франция овладели бы Босфором и Дарданеллами. Дальнейшие события полностью подтвердили прозорливую политику М. П. Лазарева.

Вскоре на рейд Константинополя прибыли еще два отряда русских кораблей, имевших на борту около 10 тысяч офицеров и солдат сухопутных войск. Русский флот и армия фактически спасли от полного разгрома Турцию.

В Константинополе проявились выдающиеся способности Лазарева не только как флотоводца, но и как дальновидного государственного деятеля.

За время пребывания в Константинополе М. П. Лазареву была преподнесена специально изготовленная по указанию турецкого султана золотая медаль в знак миролюбивых целей экспедиции русского флота и его личных заслуг в мирном разрешении конфликта.

В апреле 1833 года Лазареву присваивается звание вице-адмирала. После подписания договора русский флот, погрузив десант, покинул Босфор и в конце июля прибыл в Севастополь.

А через несколько дней последовал указ Николая I о назначении М. П. Лазарева исполняющим обязанности Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. В декабре 1834 года он был утвержден в этой должности и пребывал в ней до последних дней своей жизни.

Вступив в командование, Лазарев сразу же разработал стратегический план действия флота на случай войны. Решительный сторонник наступательных действий, он предусмотрел в плане не допускать прорыва английского флота в Черное море, а в случае прохода, нанести ему сокрушительный удар.

Еще в начале 1834 года, а затем в 1836 году, на двадцать лет до Крымской войны, отвечая на запрос Меншикова, он четко и аргументированно доложил варианты действий флота по уничтожению английского флота в случае войны:

«...касательно атакования неприятеля, ежели он

появится в Черном море, высадки неприятелем десанта на берега, нам принадлежащие, и защиты Севастополя с той целью, чтобы нанести неприятелю наибольший вред...

Успех сражения, чтобы суда, флот наш составляющие, были укомплектованы вполне командами, положенными им по штату...

Ежели проход в Черное море будет с турецкого согласия и главнейшая цель Англии и Франции будет нанесение решительного удара на Севастополь и истребление флота, тогда на флоте, сильнейшем нашем, они в состоянии будут высадить в Крым десант весьма значительный.

Но однако же, достижение Черного моря с флотом, имеющим сильный десант, а следовательно, и огромное число купеческих судов, сопряжено при господствующих в Дарданеллах и Босфоре *NO* ветра с большими затруднениями и немалой потерей времени. Следовательно, лишь только посадение на суда войск в Тулоне или других портах Средиземноморья сделается известным, то войска наши будут всегда иметь время заблаговременно соединиться в Крыму или там, где назначено будет, для отражения всяких неприяженный покушений неприятеля...

Флот должен принять главнейшее участие в могущем быть сражении при нападении на Севастополь... В противном случае можно сказать, что ворота им будут отворены».

В начале 30-х годов XIX века для пресечения провокационных действий англичан и турецких контрабандистов у Черноморского побережья Кавказа устанавливается постоянное крейсирование кораблей Черноморского флота. Несение службы у берегов Кавказа было сопряжено с определенными трудностями, так как Россия не имела там ни одного оборудованного порта для стоянки кораблей, что вынуждало постоянно находиться на незащищенных рейдах или в открытом море.

Организация крейсерства резко изменилась со вступлением в командование флотом М. Лазарева. С присущей ему энергией и настойчивостью Михаил Петрович разрабатывает и внедряет ряд мероприятий, которые существенно улучшают охрану Кавказского побережья. Фактически крейсерскую службу он организовал как длительную морскую операцию сил флота по борьбе с вражескими судами. Для несения службы стали снаряжать наиболее прочные и быстроходные корабли.

Все прибрежные воды были разделены на зоны ответственности, закреплены за определенными отрядами кораблей, а каждому крейсеру назначен конкретный участок для контролирования и охраны побережья. Несение крейсерской службы при отсутствии каких-либо портов и оборудованных якорных стоянок протекало в тяжелых условиях, подчас приближенных к реальной обстановке: гибли корабли, нес потери личный состав. Действенным решением представлялась организация высадки на побережье серии десантов сухопутных войск с кораблями Черноморского флота с последующим созданием в пунктах высадки сети укрепленных фортов. Решение этой-то задачи и было возложено на Черноморский флот и войска береговой линии, которыми командовал генерал Раевский.

В организации подготовки и проведения этих десантных операций с исключительной силой развернулись организаторские способности и флотоводческое искусство М. Лазарева.

Приступая к решению этой масштабной и долгосрочной задачи, Лазареву пришлось идти непроторенной дорогой, изыскивая наиболее верные пути ее успешного выполнения.

Высокой степени организованности и проведения десантных операций способствовало установлению тесной связи и взаимодействия между офицерами сухопутных войск и флотскими офицерами.

Впервые в истории военно-морского искусства Лазарев прикомандировал к штабу командира десантных войск, постоянных офицеров связи. Также впервые Лазаревым был разработан и практически решен вопрос о непрерывности огневой поддержки корабельной артиллерией высаживающихся частей вплоть до момента высадки их на берег. Таких примеров еще не знал ни один иностранный флот.

Командующий флотом придавал большое значение руководству операциями и поэтому лично командовал проведением десантов или поручал это начальнику штаба флота. Впервые в истории он разработал ряд важнейших документов по организации десантов, которыми руководствовались как моряки, так и армейцы.

Высадка десанта — самый ответственный этап проведения операции и поэтому регламентировался особенно тщательно и четко. Небезынтересен перечень этого регламента, который практически не потерял интереса и в наши дни:

- диспозиция линейных кораблей и фрегатов;
- приказ на высадку десанта;
- расписание войск по гребным судам;
- приказ о действиях гребных судов;
- приказ о формировании сводного морского батальона из числа охотников матросов.

Всего в течение 1835—1840 годов на побережье Кавказа было высажено восемь крупных морских десантов, которые имели в своем составе свыше 30 тысяч человек. Один из крупнейших десантов у Субаши был запечатлен на полотне тогда еще начинающего художника-мариниста Айвазовского, с которым М.П. Лазарев был близко знаком, часто брал его в плавание и всячески поощрял его талант.

Образцовая организация и проведение десантных операций явилось новым вкладом в русское военно-морское искусство. В них проявилась высокая выучка матросов, воспитанных под руководством М. Лазарева, и здесь показавшего себя талантливым флотоводцем.

Вне всякого сомнения, Черноморский флот, возглавляемый Лазаревым, и в десантировании войск превзошел иностранные флоты своего времени.

Считая совместные действия сухопутных войск и кораблей флота решающим фактором в достижении победы, Лазарев развил лучшие традиции Ушакова и Сенявина в организации взаимодействия.

Отмечая роль Лазарева в осуществлении десантных операций, генерал Раевский писал:

«От самого начала и до конца он не переставал предупреждать наши желания и представил нам все средства Черноморского флота. Очищая предварительно берег ужасным огнем своей артиллерии, он выучил нас высаживаться в порядке с военных кораблей и в порядке на гребных судах приставать к берегу.

По важному влиянию своему на успех первого дела он решил успех всей кампании. Наконец, при всех высадках, заставляя моряков содействовать нам на твердой земле, он соединил их — да сухопутное войско — дружелюбными сношениями, столь необходимыми для службы и успеха».

Несение крейсерской службы у берегов Кавказа в тяжелых условиях длительных плаваний способствовало повышению боевой выучки и морской закалки экипажей большинства кораблей Черноморского флота. В длительных походах продолжалось становление сподвижников М. П. Лазарева — Н.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина.

Бдительно охраняя морские рубежи России вдоль Кавказского побережья, Черноморский флот почти полностью прекратил проникновение в этот район агентов Англии и Турции.

Проводя операции по укреплению Кавказского побережья, Лазарев понимал гнусную роль Англии и Франции, бросавших на гибель местных жителей ради достижения своих целей; он сообщает своему другу:

«Я надеюсь, что черкесы уверятся в твердом намерении... более с ними не шутить, а действовать се-

резно; хорошо, если бы они образумились и перевешали сбивающих их с толку авантюристов англичан и французов... Жаль убивать народ даром! Ядра ведь попадают и в виновного и в невинного!»

Организация надежной охраны Кавказского побережья в 30-х годах является важным периодом деятельности М. Лазарева в должности командующего флотом. Здесь проявились его флотоводческие качества по организации крейсерской службы, проведения крупных десантных операций. Здесь он и его сподвижники заложили основу стойкости и бойцовских качеств черноморцев — будущих героев Синопа и обороны Севастополя.

Но Лазарев понимал, что и крейсерство и десантирование войск на Кавказе, по сути, служит лишь отражением нападения неприятеля. В целом же флот должен не обороняться в случае начала боевых действий, а громить противника, а для того иметь мощный флот не только в составе, но и в качестве кораблей. Поэтому он первым оценивает значение железных судов в военном флоте, а в 1838 году строится по его инициативе первый железный военный корабль-пароход «Инкерман», первый в мире.

В Англии, «владычице» морей, первый военный железный пароход был построен лишь в 1843 году. В ходе Крымской войны русские корабли, применив бомбические пушки (они так же впервые были применены на вооружении кораблей Черноморского флота), выявили боевую непригодность деревянных кораблей.

Примечательна прозорливость Лазарева в части использования донецкого угля, как топлива паровых кораблей. Он специально командует офицера на Луганские угольные копи, лично руководит в Николаеве испытанием русского и завозимого английского угля. Русский уголь «сваривает железо скорее и даже лучше, нежели английский», сообщает он Меншикову, а в рапорте об использовании донецкого угля через три года добавляет: «...луганский уголь употребляется

сравной пользой, как и английский, по крайней мере, сравнение, сделанное на пароходах и в кузницах, до сих пор еще не уронило в достоинстве нашего угля против иностранного... и русский уголь делается в нашем крае одной из первых промышленности». Довольно точное предвидение будущего Донбасса.

Широкая кораблестроительная программа осуществляется Лазаревым на Черноморском флоте за период его руководства. Всего было построено в общей сложности свыше 110 боевых и вспомогательных кораблей, в том числе 17 линейных кораблей и 8 пароходов²⁶.

Лазарев предвидел, что за машинными кораблями, бесспорно, будущее; они потребны «для пособия судам в случае опасных оных положения в бурную погоду, — рапортовал Лазарев в 1845 году Меншикову и просил средств на постройку мощного парохода. — Их мало и для предстоящих схваток с нешуточным противником».

Другая существенная польза в увеличении пароходов для Черноморского флота состоит в том, чтобы в военное время, в случае надобности десанта, ускорить перевозку и высадку войск и вообще поставить флот в более грозное и опасное для неприятеля положение, особенно в нынешнее время, когда и другие морские державы стараются увеличить у себя число паровых судов». Но царь отказал в деньгах.

«Очень жаль, — огорчился Лазарев, — что Черноморский флот должен лишиться приобретения парохода в 400 сил как потому, что пароходами мы очень бедны...»

Давно беспокоил командующего флотом Севастополь. Со стороны моря его заботами порт защищали построенные первоклассные батареи Константиновская, Александровская, Михайловская, Павловская, Николаевская — всего 400 орудий. Но не раз тревожился он о слабости сухопутной обороны главной базы.

«Все обстоятельства должны обратить внимание на слабые, ничтожные укрепления Севастополь-

ского порта, — доносил он в 1836 году, — степень упадка и совершенное расстройство... потому я вынуждаюсь просить ходатайства... у государя... дабы привести ныне же порт сей в должное оборонительное положение как пункт, на который в непродолжительном, может быть, времени обращено будет внимание всех держав».

Но Севастополь заботит Лазарева не только как укрепленный форпост. Он не забывает о людях, облике черноморской столицы.

Следуя своей давней традиции, он создает на кораблях флота библиотеки, как для офицеров, так и для матросов, изыскиваются непредусмотренные сметами средства для выписки книг и журналов.

Одна из важных забот Михаила Петровича на берегу — создание в Севастополе знаменитой Морской библиотеки. Несмотря на неоднократные просьбы, царское правительство выделило на строительство ее жалкие крохи. Тогда по инициативе командующего офицеры кораблей стали отчислять два процента от своего жалованья на строительство здания библиотеки. В 1850 году фонд библиотеки составляет уже свыше 16 тысяч томов.

Любопытна рецензия на эскизы барельефов библиотеки, составленные известным скульптором Н.А. Рамазановым: *«Прежде капитана Кука справедливость требует изобразить предшествовавших ему русских мореплавателей — Беринга и Чирикова, то есть первых, которые разрешили задачу, что материки Азия и Америка разделяются проливом. Они же первые открыли северо-западные берега Америки».*

Живой интерес проявляет Лазарев к изучению истории военно-морских наук, математике, астрономии; его личная библиотека насчитывала свыше 1000 томов. В 1890 году его дочь Татьяна Михайловна²⁷ подарила книги своего отца Севастопольской Морской библиотеке.

Лазарев понимал, что для успешного ведения бое-

вых действий и безаварийного плавания на морском театре должна быть надежная система гидрографического обеспечения. Им создаются специальные экспедиции для проведения гидрографических работ. Одной из них на тендере «Скорый» руководил лейтенант Г.И. Бутаков, прославленный впоследствии адмирал. В результате была составлена подробная лоция «Черного моря», создано много карт, атласы и другие пособия для мореплавания, не потерявшие значения до наших дней.

В 1843 году Михаил Петрович за отличия производится в адмиралы.

Будучи сам отличным спортсменом, Лазарев высоко ценил спорт, шлюпочные гонки на веслах и под парусами. В июне 1836 года на катере под парусами он проходит из Инкермана в Севастополь. Внезапно шквал опрокинул катер, и тот пошел ко дну. Помощь запоздала, но все 22 офицера и матроса спаслись, благодаря хорошей морской закалке и взаимной выручке.

И на Черноморском флоте Лазарев продолжает научную деятельность, начатую еще в период кругосветных плаваний. Отечественная наука высоко оценила заслуги Лазарева перед Родиной. Он избирается почетным членом Морского ученого комитета Казанского университета, Одесского общества любителей истории и древностей и в 1851 году — почетным членом Русского географического общества. Ряд иностранных почетных обществ также избирает его своим почетным членом. Немалую заботу проявляет Лазарев о семьях матросов. Он построил специальные училища в Севастополе и Николаеве для детей матросов. Их питание и досуг всегда были предметом его внимания. Строжайше следил он за расходованием по назначению средств, отпущенных для питания и обмундирования матросов, изгоняя с флота казнокрадов и лихоимцев.

Лазарев был требователен к себе, необычайно трудолюбив, скромн и честен.

Он никогда не раболепствовал, подобно другим, перед царем держался независимо и не любил придворные визиты. В одном из писем В.И. Истомин пишет ему:

«...друзья ваши очень беспокоятся, что долгое отсутствие ваше не принялось за «небрежность», ибо государь привык и любит видеть от времени до времени в Петербурге всех, занимающих важные места...»

После одного из докладов Николаю I тот предложил Лазареву отобедать у него. Михаил Петрович вежливо, но твердо отказался.

— Ваше величество уже дал слово отобедать у адмирала Г. — И, откланявшись, Лазарев вышел.

— Представь себе, что есть в России человек, — усмехнувшись, обратился царь к вошедшему князю А.Ф. Орлову, — который отказался у меня обедать.

Отношение к царю Лазарев в минуту откровения высказал Ивану Унковскому: «Хоть я Николаю многим обязан, но Россию никогда на него не променяю».

Будучи человеком передовых взглядов среди военных деятелей того времени, живо интересовался жизнью в России. В одном из писем, вспоминая о крестьянах своей деревни, он пишет: «...и притом же крепко обируют, а вступить за них некому. Писал несколько раз губернатору и ни одного ответа не имею».

Особый интерес проявлял Лазарев к вопросу об отмене крепостного права. «Обещание твое, — пишет Лазарев другу, — уведомлять иногда, что у вас принимается насчет мысли об освобождении крестьян, я приму с особой благодарностью». В этом высказывании видно отрицательное отношение Лазарева к крепостному строю.

Деятельностью Лазарева вдохновляются все, кто с ним служит. С долей преувеличения, но в целом верно проводит эту мысль В. К. Истомин: «Для всех и каждого, удостоившихся чести носить мундир в то время, он казался божеством, повелителем всего, что на водах и на море двигалось и колыхалось. Так был

он велик и могуществен. Можно смело сказать, что подобного ему деятеля в России не существовало».

Наверняка, если бы во главе флота в период Крымской войны стоял М. П. Лазарев с его большим боевым опытом Средиземноморской кампании, экспедиции в Босфор, десантных операций со стратегической прозорливостью (еще в 1833 году разработал план разгрома английского флота в случае прорыва его в Черное море), с настойчивостью, личной отвагой и самостоятельностью при решении важнейших вопросов подготовки и ведения боевых действий, исход этой кампании был бы иным.

Много заботясь о других, Лазарев был невнимателен к себе. Еще в 1845 году он чувствовал временами недомогание, нигде не лечился, работал на износ, стремясь выполнить все, что задумал.

В начале 1851 года, когда болезнь приняла угрожающие формы, он все еще полностью руководит флотом, лично участвует во всех походах и ученьях. В январе 1851 года по указанию свыше наконец-то направляется на лечение в Вену. И здесь он решает все важные вопросы строительства родного флота, принимает доклады, отдает распоряжения. При нем безотлучно любимый ученик и соратник контр-адмирал В.И. Истомин. Болезнь быстро делала свое черное дело. Истомин знал, что семья Лазаревых живет скромно и, думая о будущем, составил прошение на имя царя. Среди официальных бумаг он положил прошение на подпись Лазареву — авось не заметит. Но тот увидел.

— Что это такое? — пробежал глазами и с укором Истомину: — Как могли вы, Владимир Иванович, обмануть мое доверие? Всю жизнь я не просил ни о чем, не теперь же изменять своим правилам.

И он разорвал бумагу.

Один из выучеников Лазарева — лейтенант Унковский неделю назад в Триесте — получил письмо жены Лазарева о том, что дни адмирала сочтены.

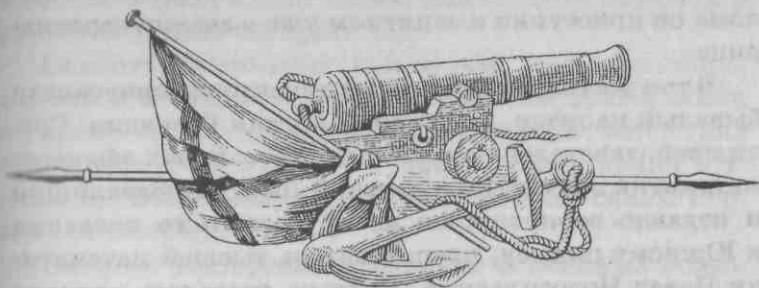

Спустя три недели 11 апреля 1851 года адмирала Лазарева не стало. Шесть адмиралов-сподвижников (Корнилов, Нахимов, Истомин, Хрущев, Юрьев, Станюкович) несли прах своего командира к последнему прибежищу. Похоронили Михаила Петровича в каменном склепе сооружаемой церкви Равноапостольского князя Владимира в Севастополе. Горевали русские моряки, а в Лондоне, как вспоминал современник: «Пили за здоровье друг друга и поздравляли, узнав о смерти русского адмирала Лазарева». Англичане, видимо, знали его силу и спустя два года развязали Крымскую войну. И все-таки, как выразился Нахимов:

«Успех Синопского дела обязан духу Михаила Петровича». Безусловно, его деяния вдохновляли защитников во время героической обороны Севастополя.

Великий Герцен, бичуя бездарей-генералов И. Паскевича, А. Меншикова, М. Горчакова и Николая I — главных виновников поражения России в войне 1854—1855 гг., — в противовес им ставил в пример моряков-черноморцев, стойко сражавшихся на бастионах Севастополя... *«Можно указать на черноморских моряков... Они воспитаны в школе Лазарева, человека образованного, честного, не стеснявшего их пустыми формами, способствовавшего всячески их образованию... они жили под его влиянием, где была гораздо менее стеснена свобода мысли».*

Проникновенно сказал В. Корнилов о своем наставнике М. Лазареве: *«Потомство оценит благотворную мысль увековечить память адмирала, жизнь которого и морская, и военная, и как гражданина, и как человека удивляет своею полнотою и послужит отрадным примером на пользу будущих поколений».*

Владимир Корнилов

январе 1818 года в канцелярии Морского кадетского корпуса появилось прошение отрока Владимира Корнилова:

«...Отец мой родной, действительный статский советник Алексей Михайлов сын Корнилов, службу вашего императорского величества продолжал на флоте, ныне мне от роду двенадцать лет, обучен по-русски и по-французски читать и писать и арифметике, но в службу вашего императорского величества никуда еще не определен, а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше и прошу.

К сему прошению недоросль из дворян Владимир Корнилов... руку приложил».

Корнилов единственный, из его предшественников-флотоводцев, происходил из «морской семьи», отец моряк — капитан 1-го ранга в отставке, мать — сестра тоже бывшего моряка. Но то ли не было вакансии в корпусе, то ли прихворнул Владимир, но в корпус он был зачислен только весной 1821 года.

Владимира зачислили сразу в старший класс,

а спустя месяц после «оморячивания» на фрегате «Малом» он приступил к занятиям уже в звании гардемарина.

В том же году помощником директора корпуса стал бывалый капитан, командор Василий Головнин. Среди преподавателей выделялись два молодых офицера: математик двадцатипятилетний Дмитрий Завалишин и недавно вернувшийся из кругосветного плавания к Южному полюсу, преподаватель высшей математики Павел Новосильский. Видимо, сказалось влияние Головнина и Новосильского, и Владимир Корнилов загорелся мечтой о дальних вояжах.

После успешной сдачи экзаменов 2 февраля 1823 года Корнилов был произведен в первый офицерский чин мичмана и назначен на фрегат «Малый». Осенью 1824 года он, с желанием совершить кругосветное плавание, отправляется на шлюпе «Смирный» в Русскую Америку. Почти неделю лавировал шлюп в Датских проливах.

Не зря спешил командир шлюпа, капитан-лейтенант Дохтуров, зная коварство Северного моря. На траверзе мыса Скаген в конце октября ветер усилился, развел большую волну. То и дело зарываясь в волнах, шлюп сотрясался от ударов водяных валов. Около полуночи зыбь прекратилась, но опять усилившийся противный ветер развел волну. Едва успели убрать верхние паруса, как жестокий ветер достиг ураганной силы.

На передней фок-мачте сильным порывом шквалистого ветра надломило стеньгу, верхнюю составляющую часть мачты. Вместе с реем и парусами она рухнула на палубу, проломив кусок фальшборта. Свалившись за борт, она повисла на вантах и, подбрасываемая волнами, колотилась о борт, угрожая поломать его.

Шлюп тем временем накренился в сторону волочившейся по волнам стеньги. Несколькими ударами топора успели отрубить ванты. Избавившись от не-

жданной обузы, шлюп начал, наконец-то, слушаться руля и медленно набирать ход.

Самоотверженными усилиями всего экипажа вконец исправили повреждения, но небольшой шлюп по-прежнему находился во власти стихии: ветер гнал его на берег. На рассвете 4 ноября стало видно Ютландское побережье, к вечеру показались скалы норвежского берега.

Высокое мастерство командира и экипажа позволило миновать прибрежные рифы и мели. На следующий день, при непрекращавшемся шторме, сильно поврежденное судно вошло в небольшой норвежский порт Арендаль.

Шлюп остался на плаву, но продолжать дальнейшее плавание оказалось невозможно, требовался капитальный ремонт. Перезимовав в Арендале, «Смирный» с открытием навигации в мае 1825 года вышел в обратный путь в Кронштадт. Кругосветное плавание, к сожалению, не состоялось.

В конце ноября Корнилова прикомандировали к Гвардейскому экипажу. Для службы здесь требовалось меньше всего познаний в морском деле и больше всего — строевой выправки. Корнилов был другого склада, в нем не оказалось «достаточной для фронта бодрости».

Как раз в ту пору в Петербурге царила суматоха, менялись владельцы трона империи. Старший брат Корнилова, Александр, служил в Московском полку, был арестован²⁸ с подозрением на причастность к событиям 14 декабря на Сенатской площади. Через три месяца его освободили, «вменяя арест в наказание».

Дошли, видимо, до командира Гвардейского экипажа, капитана 1-го ранга Качалова, сведения об Александре Корнилове. В придворном экипаже теперь должны служить только благонадежные. Незадолго перед Пасхой мичман Владимир Корнилов был отчислен в двадцатый флотский экипаж и попал на 40-пушечный фрегат «Проворный». Фрегат направился

в Северное море и почти все лето отрабатывал практическое плавание в районе Доггер-банка, отмели посредине Немецкого моря, как тогда называли Северное море.

В середине сентября, на переломе лета и осени, как бывает зачастую в средних и приполярных широтах Мирового океана, погода начала меняться к худшему. В день осеннего равноденствия штормовое море, бушевавшее несколько дней, показало характер. На фрегате начало рвать подобранный паруса, ночью переломило нижний рей на грот-мачте. Свободный от вахты Корнилов не спал, а услышав шум, выскочил на палубу. Он первым, раньше боцмана, оказался у грот-мачты. Пока поспел боцман с матросами, он успел привинтовить болтавшийся обломок к фальшборту, привязав его накрепко шкотами. Шторм к утру пошел на убыль, и фрегат направился к родным берегам.

В полдень 5 октября «Проворный» стал на якорь в Кронштадте, и на фрегате вскоре знали, что в Кронштадт из Архангельска прибыли линейные корабли «Азов» и «Иезекиил», под командой капитана 1-го ранга Лазарева.

В Кронштадте только и было разговоров о строгих порядках на «Азове», но хвалили командира за образцовый корабль. Император сам приехал на «Азов». Молча прошел по всем палубам, задержался на артиллерийских деках. Слушал объяснения командира, чуть наклонив голову, упершись взглядом в оружейные станки... Покидая «Азов», бросил министру:

— Сии новшества полезны. Надобно их впредь исполнять на всех прочих новых кораблях...

Что может быть приятней для честолюбивого командира и экипажа чем лестная оценка результатов его труда самим императором.

Но не только экипаж «Азова» гордился своим командиром, многие офицеры в Кронштадте, в том числе и Корнилов, хотя и слышали о суровом нраве и дошности Лазарева, желали попасть на «Азов».

К тому же мичман Корнилов после корпуса успешно провел три кампании, и всюду командиры отмечали его ревность в службе, отзывались единодушно «в должности знающ и благородного поведения». Так или иначе, он попал на «Азов».

В дни весеннего равноденствия Корнилова вызвали в контору командира порта и вручили предписание.

— По Адмиралтейств-коллегии указу, — объявил штабс-капитан, начальник канцелярий, — переводитесь в двенадцатый флотский экипаж.

Корнилов слегка волновался: «Так это же экипаж «Азова»? Как-то пойдет служба на линейном корабле, которому предстоит дальний вояж, а капитан весьма строгий?»

74-пушечному кораблю «Азов» в составе эскадры Балтийского флота предстоял поход в Средиземное море к берегам Греции, где в то время греческий народ изнывал от турецкого господства. С эскадрами Англии и Франции русские корабли должны были препятствовать переброске турецких подкреплений в Грецию.

В июле 1827 года русская эскадра во главе с адмиралом Д. Сенявиным на флагманском корабле «Азов» снялась с Кронштадтского рейда и отправилась в поход.

Незадолго до выхода, эскадру посетил Николай I. Довольный осмотром на верхней палубе, царь спустился на артиллерийские деки. Впервые Корнилов встречался лицом к лицу с императором. Статная, высокая фигура Николая впечатляла. На какое-то мгновение молодой мичман уловил холодный, бесстрастный блеск в глазах императора, скользнувший равнодушным взглядом по фигурам матросов, замерших навытяжку с банниками в руках. Смотр продолжался.

Вместе с императором, после «Азова», Сенявин обошел все линейные корабли, и царь остался доволен.

— Вырази всем офицерам эскадры мое благоволение, — сказал Николай на прощание, — а рядовым повели выдать из казны по рублю.

Спустя неделю, едва взошло солнце, корабли эскадры, один за другим снимались с якорей, поднимали одновременно паруса, строились в две кильватерные колонны...

Этот поход явился значительной вехой для Корнилова. И все же на первых порах новая служба на «Азове» показалась Корнилову несносной. Строгость и требовательность командира доводила подчас молодого мичмана до желания перевестись на другой корабль. Лазарев действительно не пропускал мимо ни единого промаха по службе, воздействовал на Корнилова и убеждениями, и строгими внушениями.

Особенно возмущало командира то, что его новый подопечный офицер в свободное время вместо чтения морской литературы увлекался французскими романами и не отдавался вполне той профессии, которой посвятил себя. Обнаружив способности Корнилова и зная, что он может и хочет служить на флоте, Лазарев настойчиво рекомендовал ему прекратить ненужные для службы увлечения, стать более целеустремленным, овладеть специальными знаниями.

«Владимир Алексеевич, — вспоминает его сослуживец, — очень любил рассказывать об этой эпохе своей жизни и уверял, что капитан не довольствовался силой убеждения, а выбросил всю его библиотеку за борт и заменил ее книгами из собственной своей... Достоверно, что Корнилов начал заниматься делом, учиться, следить за собой, короче — жить новой жизнью».

На переходе в Англию, общаясь с офицерами на вахте, учениях, в кают-компании, Корнилов завоевывал расположение сослуживцев, завязал дружбу с Павлом Нахимовым, Владимиром Истоминым, Ефимием Пулятиным, Иваном Бутеневым.

27 июля русская эскадра показалась у входа на Спитхедский рейд. Появились записи в «Историческом журнале эскадры»:

«Утром 27 числа... пошли к Портсмуту и на Спитхедском рейде, по назначению господина адми-

рала, расположились фертоинг... Во время плавания эскадры от Кронштадта до сего места все корабли и фрегаты соблюдали во всей точности места свои в ордерах, столь же верно ночью, как и днем, все движения управления производились быстро и правильно, ордер или колонна прохода никогда и ни в каком случае не нарушались...

Старейшие и опытные моряки Дании и Англии, посещавшие эскадру в Кронштадте и Портсмуте и видевшие ее в действиях, единодушно отзывались, что столь примерной и отличной эскадры они никогда видеть не ожидали...

...С первого дня прибытия эскадры к Портсмуту г. главнокомандующий обще с е. с-вом гр. Л.П. Гейденом приняли самые деятельные меры к скорейшему приуготовлению эскадры, в Средиземное море назначенной...

Больше месяца простояла армада кораблей на Спитхедском рейде у Портсмута, и 8 августа эскадра под флагом контр-адмирала Л.П. Гейдена направилась в Средиземное море.

«Исторический журнал эскадры» поведал:

«7 августа... Среди сих трудов и попечения в ночь с 5 на 6 августа гг. главнокомандующие эскадрами перенесли свои флаги: Г. адмирал Сенявин на корабль «Царь Константин», а е. с-во гр. Гейден — на «Азов». Начальником штаба при г. командующем назначен командир корабля «Азов», капитан 1-го ранга и кавалер Лазарев 2-й.

Сего числа г. главнокомандующий передал е. с-ву предписания, инструкции, денежные суммы и кредитивы на оную и граф на другой день пошел в путь, ко славе его ведущий...

Свежий попутный ветер наполнил паруса, погода наладилась, и с заходом солнца по корме в вечерней дымке растаяли очертания мыса Лизард. Прощай, Британия. Впереди Атлантика.

Впервые ощутил дыхание океана мичман Корнилов. Часами простаивал он, опершись о фальшборт.

За невидимым горизонтом постепенно скрывались в пучине созвездия Северного полушария, прямо по курсу на небосклоне появились незнакомые прежде созвездия, известные ранее только по картам Мореходной астрономии. Ночью впереди и по корме то и дело вспыхивали фальшфейеры, корабли эскадры показывали свое место. В океане развело волну, корабли ощутимо раскачивало с борта на борт.

Корнилов еще в Северном море на «Смирном» привык к штормовым условиям плавания, его организм принимал качку безболезненно.

Не проходило дня, чтобы не ломался где-то рангоут. То трескался гафель, то бизань, то ломались мачты, то надломился нижний рей у фок-мачты. Боцманские дудки поднимали наверх матросов по авралу. Те на ветру и в проливной дождь карабкались на ванты, заменяли негодный рангоут или порванные паруса. И так круглые сутки, что днем, что ночью.

Сменившись с вахты, Корнилов в каюте принимался за чтение солидного тома, который дал ему недавно командир: «Жизнь английских адмиралов».

От товарищей Корнилов знал, что это любимая настольная книга Лазарева.

Все было бы прекрасно, но коварная стихия всегда подстерегает человека, готовит ему разные злокозны и предательства.

До траверза Болеарских островов ровные, попутные ветры благоприятствовали плаванию, но когда эскадра повернула курсом на Палермо, в Северной Сицилии погода резко изменилась. Впервые за время похода на Средиземноморье заштормило, небо затянуло по-осеннему хмурыми тучами, непрерывный дождь хлестал как из ведра, взмокли и отяжелели паруса, по скользкой палубе, когда корабль резко кренился под порывами ветра, матросы ходили с опаской, держась за натянутый леер. Несмотря на непогоду, как обычно, у парусов стояли вахтенные матросы, готовые по первому зову боцмана работать с парусами и рангоутом.

Внизу, в кубриках, отдыхали сменившиеся с вахты матросы, а подвахтенные дремали не раздеваясь, в раскачивающихся койках, в готовности ринуться наверх по авралу на помощь товарищам.

В последней бизань-мачте «Азова» есть прямой парус, крюйсель, второй снизу. Так вот, поскольку на нем в штормовой ветер были подобраны все рифы, следовало его закрепить сбоку особой снастью, тонкой веревкой — штык-болтом. Боцман послал сделать это двух матросов, а один из них, неудачно балансируя на рее, вдруг поскользнулся, оступился и, потеряв равновесие, полетел за борт. На судах флота всего мира есть тревожный сигнал:

— Человек за бортом!

Услышав его, вахта мгновенно обезветривает паруса, поворачивают корабль против ветра и ложится в дрейф. В считанные минуты спускается на воду шлюпка и отправляется на поиски и спасение попавшего в беду человека. Еще раньше бросают за борт спасательные средства, которые попадутся под руку: буйки, бочонки, пробковые пояса, деревянные предметы. Тревожный клич «Человек за бортом» репетуется всеми, кто его слышит, и обычно через несколько минут на верхней палубе оказывается добрая половина экипажа, свободная от вахты.

Одним из первых выбежал наверх свободный от вахты Корнилов. Перегнувшись через борт, он успел увидеть, как из оконца кают-компания метнулась за борт распластанная фигура офицера. Вынырнув среди пенящихся волн, он схватил брошенное кем-то кресло и размашистыми движениями, отталкиваясь от воды, поплыл к видневшемуся среди волн матросу. Тот, барахтаясь, отчаянно кричал, видимо не умея плавать.

«Бог мой, так ведь это, никак, Александр!» — мелькнула первая мысль у Корнилова. В Портсмуте Лазарев взял его на «Азов» вместо списанного чванливого и жестокого к матросам мичмана Розенберга.

В самом деле, это был Александр Домашенко. В минуту происшествия он сидел у распахнутого оконца и читал книгу в кают-компании. Услышав крик падающего матроса, ни мгновения не раздумывая, отбросил книгу, успел снять сюртук и через оконце сиганул за борт.

На шканцах тем временем уже слышался четкий голос командира. Громадина «Азов», не более пятидесяти метров длиною, нехотя замедляя ход, еще двигалась по инерции, приводясь безветренными парусами к ветру. С кормы на воду уже спустили шлюпку. В ней вместе с матросами бешено гребли три офицера. С кормы боцман, перегнувшись через перила, показывал флажком направление к упавшему за борт матросу.

Было видно, как Домашенко подплыл к матросу, схватил его за воротник и дал ему кресло.

— Держись, братец, я сейчас!

Мичман увидел в нескольких саженях сброшенный с борта пустой бочонок. Он быстро поплыл к нему, неподалеку уже была видна и взлетающая на волнах спасательная шлюпка, но позади раздался истошный крик моряка. Видимо, он уже нахлебался воды и силы его оставляли. Александр забыл о бочонке, вернулся к обессилевшему матросу, который погрузился с головой в воду и схватил его за волосы.

Вот и шлюпка, три-четыре взмаха весел — и они спасены, но злой рок в виде огромного водяного вала в один миг подхватил ослабших людей, швырнул в пенящуюся бездну, и мрачная пучина навсегда поглотила русских моряков...

Вечером на «Азове» служили панихиду по погибшим морякам. Лазарев, обычно разделявший трапезу с Гейденом, за ужином появился в кают-компании. Офицеры молча помянули утонувших. Первым тягостную тишину нарушил командир.

— Всякое приходилось повидать, сколько людей у нас каждую кампанию в море гибнет, вам ведомо. От судьбы не уйдешь, хотя случаются и курьезы. — Ла-

ларев грустно улыбнулся и продолжал: — У братца моего младшего, Алексея, на бриге «Благонамеренный» в океане выкинуло за борт матросика. Но он сметливый был, бурундук из рук не выпустил, то его и спасло, только что страху натерпелся. К тому я говорю, что всякое бывает. Однако, господа, — лицо Лазарева преобразилось, — не припомню случая ни в нашем флоте, да и у иностранцев в Европе не слыхивал, чтобы офицер жизнью, Богом данной, рисковал ради спасения простого матроса. Чист душою и помыслами был наш покойный сотоварищ. Все вы ведаете, не был избалован излишествами, каждую копейку отсылал матери и сестрам. Помянем его душу, и царствие ему небесное.

Видимо, слова командира задели чувствительные струны в сердцах офицеров. Они начали вспоминать и добрый нрав Александра, его бескорыстие и дружелюбность, готовность всегда прийти на выручку товарищу. Корнилов подумал, что за минувший месяц он убедился в человеческом отношении Александра к матросам. Это было заметно особенно, когда вахту правил мичман Домашенко. С каким особенным усердием и быстротой исполняли матросы его распоряжения.

Прерывая размышления, слово взял Нахимов. Подернутые печалью глаза, глуховатый, прерывистый говор выражали его внутреннее переживание.

— Позвольте, по праву не один год знавшего покойного товарища, сказать кратко, что готовность его жертвовать собой для пользы ближнего и великодушный поступок его не должны быть преданы забвению и остаться примером для потомков. Посему предлагаю нынче же безотлагательно начать подписку на сбор средств для увековечения памяти Александра.

Нахимов еще не кончил, а все, как один из присутствующих, невольно воспрянули, и грустное настроение в кают-компании переменялось...

Как бы ни относились потомки к Николаю Павловичу Романову, нельзя стереть из памяти былое.

Получив донесение командующего эскадрой о поступке мичмана Домашенко, царь без раздумий решил «назначить его матери пенсию по смерти в размере двойного жалованья сына, а сестрам до замужества — в размере жалованья»...

Минул всего год, и в Кронштадте на деньги, собранные офицерами, был установлен памятник-обелиск из черного гранита в форме обводов кормы корабля. На нем надпись: «Офицеры корабля «Азов» любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившего жизнью за столь человеколюбивый поступок».

Памятник этот и поныне стоит в Летнем саду Кронштадта.

Пожалуй, в истории армии и флота России до сих пор нет примера, подобного поступку офицера. Печально и грустно, что знают о нем лишь моряки и жители Кронштадта.

Вскоре русские корабли встретились с английской и французской эскадрами. Они уже несколько недель крейсировали неподалеку от Наваринской бухты, где был сосредоточен турецко-египетский флот.

Турция к этому времени отвергла предложение о мирном урегулировании конфликта, и кровопролитие в Греции продолжалось. Положение греческих повстанцев ухудшалось с каждым днем. Но английский адмирал Кодрингтон, являясь старшим, дал указание не начинать военных действий против турецко-египетского флота; только в случае, если турки начнут первыми, предписывалось открыть ответный огонь.

В бухте Наварина был сосредоточен турецко-египетский флот, численностью около 70 вымпелов. Объединенная англо-франко-русская эскадра имела всего 27 кораблей. Турки и египтяне имели 2300 орудий, не считая береговой крепостной артиллерии, против 1300 орудий союзников.

В 11 часов утра 8 октября 1827 года соединенные эскадры входят в Наваринскую бухту. Пока в бухту

втягивались и занимали позиции английские и французские корабли, турецкий флот молчал и бездействовал. Но стоило показаться у входа в бухту русской эскадре, как береговые и крепостные батареи Наварина открыли по ней перекрестный огонь. Впереди эскадры шел линейный корабль «Азов» под командой М.П. Лазарева. Окутанные густым пороховым дымом, осыпанные градом вражеских ядер, русские корабли, открыв ответный сокрушительный огонь, вошли в бухту и с изумительным мастерством заняли свое место. Через некоторое время английские и французские корабли, обстрелянные турками, были невольно втянуты в сражение. В ходе боя англичане и французы проявили растерянность и нерешительность, а их действия носили характер пассивного сопротивления. Корабли русской эскадры с самого начала и до конца боя выдержали на себе основную мощь артиллерийского огня противника...

Накануне вечером офицеры распивали чай на артиллерийской палубе, с матросами, среди пушек. Пожелав им спокойной ночи, отправились в кают-компанию. Вместе с Лазаревым распили по рюмке, командир желал видеть всех завтра целыми. Затянули песню. Завязалась немудреная откровенная беседа, говорили о делах семейных, кое-кто писал завещание.

В десять вечера все на корабле стихло. Корнилову не спалось, поднялся на верхнюю палубу. Ветер стих. Напротив, на берегу подле крепости и в лагере турок, мелькали огни, перекликались часовые, доносился собачий лай.

«А завтра все загрохочет, заполыхает, — размышлял Корнилов, — все эти утесы огласят крики и стоны. Кто-то отдаст Богу душу...»

Побудка прозвучала утром, как обычно, в 6 часов. После завтрака матросы переоделись в чистое белье и платье, офицеры надели мундиры. Расходились, улыбаясь, глядя в глаза друг другу, пожимая руки.

Предстоит ли еще свидеться? Нахимов задержал руку Корнилова:

— Держись, Владимир Алексеевич. Ты — внизу, я — наверху. Как турок палить станет поверху ли по парусам, по декам нижним ли, — закончил, смеясь, — нам с тобой жребий и выпадет.

Весь экипаж занял места по расписанию. Дул тихий встречный ветер, и вначале все суда скучились у входа в бухту Наварина. Спустя час задул легкий ветерок, и все суда начали лавировать, чтобы выбраться выше входа в бухту и быть на ветру для свободного маневра.

С первым ударом послеполуденной склянки, оглянувшись еще раз на корабль Кодрингтона «Азию», Гейден произнес:

— Пора. Приготовиться атаковать неприятеля!

Одновременно взлетело разноцветие сигналов для кораблей русской эскадры и барабанная дробь разнеслась по всем палубам и помещениям «Азова».

В считанные мгновения офицеры и матросы разбежались по местам, задымились фитили в артиллерийских палубах, канониры прильнули к пушкам. Корнилов обвел взором матросов. Физиономии их от напряжения вспотели и лоснились. В обширной, от борта до борта, на десятки метров в длину артиллерийской палубе задувал через открытые порты легкий ветерок. В проемах виднелись ближе к носу береговые укрепления и батареи, откуда начали стрелять одиночные пушки по «Азову», но ядра падали в воду с недолетом, поднимали всплески.

Беспристрастные строки историографа отобразили начало сражения.

«Азов» едва успел миновать укрепления Наваринские, как открылся везде неприятельский огонь, залив покрылся дымом, и «Азов», осыпаемый отовсюду ядрами и картечью, как градом, но управляемый благодаря разумием, опытной и твердой храбростью, невзирая на увеличивающуюся дымную темноту, ни на гу-

бительный перекрестный огонь неприятеля, шел прямо в глубину залива, туда, куда призывали его и долг и честь и куда пути ничто преградить не могло и где он на pistolетный выстрел от вражеской линии лег на якоря со шпрингами совершенно на своем месте.

Гг. капитаны кораблей и фрегатов, воодушевленные примером начальника и чувством собственного достоинства, невзирая ни на ужасную канонаду неприятеля, ни на опасности от брандеров, коих они, идя к своим местам, топили, спешно за своим адмиралом становились вплоть неприятелей на якоря со шпрингами, будучи от него осыпaeмы ядрами, картечью и пулями, соблюдая в то же время со всей точностью диспозицию, им назначенную, и произведя по всему флангу, ими атакованному. Но такое ли было положение эскадры Кодрингтона? Она легла на якорь со шпрингами и убралась парусами, когда ни единая пуля еще не свистела. Из французской эскадры только два фрегата — «Сирена» и «Армада» заняли настоящие свои места. «Сципион» свалился с брандером, «Тридан» прикрыл «Сирену», «Бреславль» стал посреди гавани и только в конце сражения исправил свою ошибку.

Напротив же сего, российский адмирал, вспомоществуемый достойными капитанами, ввел и поставил свою эскадру с таким искусством и точностью, что оное принесло бы честь и тогда, если бы это делали в обыкновенное время и при всех для сего благоприятных обстоятельствах».

На баке «Азова» лихо распоряжался Павел Нахимов. Командуя носовой батареей, он успевал приглядывать за всеми парусами. Обвеваемый ветерком, вольготно чувствовал он себя, то и дело перенося огонь на слабые места неприятельского корабля.

Другое дело на нижнем деке. Сплошь забитая едким пороховым дымом, замкнутая камора палубы походила на ад крошечный, но моряки не робели. То и дело звонко покрикивали капралы:

- Заряжай!
- Выше по клину меть!
- Товсь!

Корнилов только этого и ждал.

- Пали!

Фитильный ткнул тлевший прут в запальную дырку, очередной грохот и страшный треск покатались вдоль палубы, слились с такими же громкими звуками, катившимися с другого конца...

А тем временем без перерыва всюду, перекрывая шум, распоряжались капралы:

- Бань крепче!
- Заряд!
- Ядро!

Пока матросы банили пушки, Корнилов выглянул в проем порта. Турецкий флагман, напротив, вдруг вздрогнул и медленно стал разворачиваться, подставляя раззолоченную корму. «Никак, у него шпринг перебило», — мелькнуло у Корнилова.

Он обернулся к матросам:

— Ребята, накатывай живей! Турок корму показал.

Капрал сам схватил канаты.

- Навались!
- Товсь!

Корнилов сделал отмашку:

- Пали!

Бортовой залп изрешетил ядрами корму флагмана турок.

Ни на мгновение не выпускал из поля зрения панораму сражения Лазарев. Флагман не вмешивался, он все видел и все понимал, о чем доносил «неустрасимый капитан Лазарев, поставив корабль «Азов» в назначенное место, произвел столь сильный и непрерывный огонь, что в скором времени огонь неприятельских кораблей начал умолкать».

Наступили сумерки, но кругом все полыхало. Тут и там горели турецкие и египетские корабли, взрыва-

лись, разбрасывая далеко горящие части рангоута. Пушечная канонада сама собой затихла. Исход битвы был очевиден.

«Взорвано и пущено ко дну 70 военных судов и 8 транспортов», — доносил Гейден.

Со склона холма почерневший от ярости верховод турок Ибрагим-паша взирав на догорающие остатки флота. Тагир-паша с нескрываемой иронией произнес:

— Аллах наказал нас ослеплением разума.

Ибрагим-паша процедил сквозь зубы:

— Кто же мог знать, что у них корабли железные, а люди настоящие шайтаны...

Командир «Азова» представил к заслуженным наградам своих подчиненных. Первыми он отметил по заслугам Баранова, Нахимова, Бутенева. Не забыл всех, в том числе и гардемарин, Владимира Истомина и Дмитрия Шишмарева.

Первую боевую аттестацию своего наставника справедливо заслужил мичман Корнилов. «Командовал тремя пушками нижнего дека и действовал как весьма деятельный и храбрый офицер».

Лазарева произвели в контр-адмиралы, а Корнилов получил первую боевую награду — орден Святой Анны IV степени.

Вскоре Россия объявила войну Турции. Корнилов два года на «Азове» участвовал в блокаде Дарданелл.

Весной 1830 года эскадра, которой командовал контр-адмирал М. Лазарев, направилась в Кронштадт. Флаг-офицером при флагмане состоял В. Корнилов. Лазарев не ошибся в выборе и по приходе на Балтику оценил сполна своего помощника:

«Во время перехода из Архипелага до Кронштадта он исполнял должность флаг-офицера, но до того времени всегда командовал вахтой. Весьма деятельный и по познаниям своим искусный морской офицер, которому с надеждою можно доверить командование хорошим военным судном».

В конце кампании на «Азов» приходит другая ра-

достная для Корнилова вестъ — «перевести в 14 флотский экипаж с назначением командиром строящегося тендера «Лебедь».

Тендер, одномачтовый парусник, по вооружению десяток пушек, моряки чаще называли катером. Предназначался он для разведки, дозора и охраны рейда.

Не ожидая начала кампании 1832 года, тендер «Лебедь» одним из первых покинул Кронштадт. Корнилов повез срочные донесения в Данциг. Там войска Дибича, который внезапно скончался от холеры, завершили усмирение польской шляхты.

С началам весны в Кронштадте знали, что контр-адмирал Лазарев убывает к новому месту службы в Николаев. Одним из первых узнал об этом Путятин и с огорчением высказался Корнилову:

— Ежели сие подтвердится, Володя, бесперемменно стану проситься под начало Михаила Петровича.

Корнилов поддержал товарища:

— Хотя государь, слышать, недоволен частыми переводами флотских офицеров, но ежели сие правда, мне тоже не с руки оставаться на Балтике.

И Корнилов добился своего. 18 января 1833 года его зачислили в 34-й Черноморский флотский экипаж. Одним из первых об этом узнал Лазарев, находившийся с эскадрой и войсками в Босфоре.

Не откладывая, в тот же день Лазарев отсылает с очередным донесением свое ходатайство командующему флотом:

«7 марта 1833 года. Босфор.

...Я нашел в последнем «Инвалиде», что лейтенант Корнилов сдал чудесный тендер, которым командовал на Балтике, для перевода на службу в Черное море. Он отличный офицер и совершенный джентльмен. Он назначен в 34 экипаж. В случае его прибытия я буду чувствовать себя лично обязанным в. пр-ву, если вы поручите его под мое начальство (по особым поручениям) и прикажете, чтобы он был при-

едан сюда с первым транспортом или другим судном, которое присоединится к эскадре. Путятин и Корнилов — это два офицера, о которых я так много и часто говорил в. пр-ву. Я не сомневаюсь, что они найдут случай встретить ваше такое же одобрение.

Лазарев».

Будучи от природы сметливым и прозорливым, Лазарев на службе всегда смотрел в перспективу. Всего месяц находился Лазарев на берегах проливов и, оценив обстановку, сразу понял, что русскому флоту не миновать действовать здесь, на военном театре. Но на флоте не было ни одной карты или описи Босфора и Дарданелл. Потому и направил срочно прибывших Корнилова и Путятину в проливы. Инструктировал их дотошно:

— На днях фрегат «Эревань» отправится в Галлиполи. Генерал Муравьев посылает туда, с разрешения турок, своих офицеров для осмотра тамошних крепостей и приведения их в порядок, на случай нападения египтян. Наиглавнейшая ваша задача — обозначить на карте якорные места, отмели, течения в Дарданеллах. Нанести на карту все укрепления азиатского и европейского берега, число орудий, калибр. Как и чем защищены. Такой случай больше может и не выпасть. А там, как знать, быть может, и нашему флоту ваши выкладки пользу принесут. Турки, они народ переменчивый.

Путятин и Корнилов начали опись с окрестностей столицы, где «Эревань» сделал первую остановку. Фрегат становился на якорь через день-другой. За месяц, пока прошли на выход из Дарданелл, у города Галлиполи, закончив съемку, Путятин и Корнилов сошли на берег и поспешили в Константинополь по сухопутью. Там их ждал сюрприз — обоих произвели в капитан-лейтенанты. Просмотрев их работу, Лазарев восхитился проделанным.

— Нынче же, не откладывая, все переложите и пересчитайте начисто. Доложим вашу съемку государю.

Вскоре русская эскадра погрузила войска и снялась с якорей. За экспедицию в Босфор Корнилова наградили орденом Святого Владимира IV степени, а турецкий султан пожаловал его золотой медалью.

В феврале 1834 года новый главный командир Черноморского флота, вице-адмирал Лазарев поздравил Корнилова с назначением командиром 18-пушечного брига «Фемистокл». В разгар лета «Фемистокл» поступил в распоряжение русского посла в Константинополе, а глубокой осенью Корнилов с бригам отправился в Архипелаг, в распоряжение посла России в Греции. Почти две кампании брига находился в самостоятельном плавании в Средиземном море. Избороздил Эгейское море и Адриатику. Побывал в Италии, Триесте, Черногории. Всюду за ним и его товарищем Путятиным ревниво присматривали английские и французские моряки, втайне восхищаясь внешним видом судов и мастерством команды и экипажей. Приятно было это знать и Лазареву:

«Слышал, что суда наши, построенные и отделанные при мне и командуемые моими питомцами, отличаются теперь между англичанами и французами в Греции».

Во время пребывания в Греции Корнилов познакомился и подружился с известным художником К. Брюлловым²⁹.

Представляя Корнилова к званию «капитан-лейтенант», Лазарев отметил: «Вот один из тех офицеров, которые поддерживают честь нашего флота».

Такой похвалы от Лазарева до сих пор никто из офицеров не заслужил.

В апреле 1835 года Корнилова произвели в капитан-лейтенанты, а в августе «Фемистокл» бросил якорь в Севастопольской бухте.

В кампании 1836—1837 гг. Корнилов командует корветом «Орест» и за усердную службу награжден орденом Святого Станислава III степени.

С января 1838 года он в Николаеве, где на стапелях

его фрегат «Флора», но в апреле Лазарев отзывает Корнилова и назначает начальником штаба эскадры. Предстоят десанты войск на Кавказе. Планировалась высадка сухопутных войск с кораблей и создание сети укрепленных фортов на Черноморском побережье Кавказа.

— Фрегат потерпит, ему еще не менее годика на стапелях красоваться, — встретил такими словами адмирал. — Будете за кампанию при мне состоять начальником штаба эскадры. Обустраивайтесь на «Силистрии». — Лазарев поманил Корнилова к карте: — Надлежит нам сперва забрать войска генерала Раевского у Керчи. Затем двинемся к Туапсе, те войска десантируем.

В Керчи забот Корнилову хватало, с первых дней сбился с ног. Распределял войска по кораблям: куда пехоту, куда пушки, куда лошадей, порох, провизию. Задумал и, получив одобрение Лазарева, практиковал солдат в посадке на шлюпки и выгрузку на берег. Как никак, а боязно пехоте, никогда не видевшей моря, сигать в пенистый прибой с ружьем и бежать сразу в атаку.

В первых числах мая эскадра становилась на якоря в Туапсинской бухте, корабли подходили к берегу как можно ближе. В прибрежных рощах, не таясь, скопились горцы, готовились к бою. Между ними разъезжали их предводители.

Корнилов еще в Керченском проливе подготовил первый приказ адмирала на высадку десанта. Все замыслы и указания адмирала были расписаны по одиннадцати пунктам. Иначе нельзя, десант сложная, совместная операция армии и флота. Все должно быть четко определено, понятно и ясно каждому офицеру на корабле и в ротах, каждому матросу и солдату в десанте.

Лазарев не оставил без работы и Корнилова. Весь десант разбили на два атакующих фланга-отряда. Правым командовал капитан 1-го ранга Серебряков,

левый фланг адмирал поручил Корнилову. Все, кажется, предусмотрено, где, когда, кому и как действовать. Выделены все гребные шлюпки с кораблей, распределены войска между ними. Заряжена артиллерия кораблей для поддержки первого броска, предусмотрены сигналы.

Корнилов накануне зашел к Лазареву:

— Ваше превосходительство, предусмотрены нами сигналы, в том числе и пушками. Во время атаки как бы не перепутать. Флажные сигналы закроет пороховым дымом, пушечные сигналы потонут в общих залпах, могут проспать или перепутать.

— Что же ты предлагаешь?

— Обозначить два важных сигнала общим криком «Ура!».

Лазарев мгновение раздумывал:

— Когда и как?

— Первый крик матросам на вантах, для начала движения десанта к берегу, другой на гребных судах кричать с приставанием к берегу, покуда не все высадется на сушу, для нашей артиллерии.

Ну что ж, Лазарев, видимо, не ошибся в Корнилове, «смышлен и озабочен делом».

— Добро, отдайте приказ от моего имени и разошлите немедленно по судам.

Так появился первый приказ за подписью Корнилова на флоте:

«Корабль «Силистрия» под парусами при Туансе. По приказанию г. командира честь имею объявить по эскадре к надлежащему исполнению следующее:

1. По окончании пальбы кораблям, следуя флагману, прокричать три раза «Ура!», что будет сигналом для гребных судов грести к берегу, на последних должны принять последнее «Ура» и, со спуском сигнала «Прекратить бой», начать греблю.

2. На гребных судах при приставании к берегу по окончании последних своих выстрелов, так же кричать «Ура!», что и продолжать, покуда не выскочит

десант. Это «Ура» должно быть принято с катера командующего отрядом, который будет в середине между правого и левого фланга.»

Начальник штаба капитан-лейтенант Корнилов».

... Начали атаку корабельные пушки. Двести пятьдесят орудий залп за залпом посылали смертельный град на береговую полосу. Треск и гром были страшные, ядра больших калибров рыли землю, косили деревья.

По новому сигналу матросы избегали на ванты с криком «Ура!», а гребные суда дружно двинулись к берегу, стреляя из карронад, находившихся на носу.

На подходе к берегу на головной шлюпке Корнилов командовал открыть огонь из ружей и первым выскочил в пенистые волны небольшого прибоя.

Высадка оказалась на редкость удачной, без потерь, кроме нескольких раненых.

На следующий день, докладывая Лазареву, генерал Раевский от души благодарил за помощь и все же выделил Корнилова:

«Начальник левой половины гребных судов десанта капитан-лейтенант Корнилов имел весьма большое влияние на успех высадки. Когда огонь с кораблей прекратился, по случаю движения гребных судов к берегу, капитан-лейтенант Корнилов открыл с гребных судов сильный и удачный огонь, который он продолжал до самого берега; с самой большой быстротой он двинул все суда к берегу, сохраняя между ними отличный порядок, через что все войска вышли на берег без малейшего беспорядка. Наконец с десятью солдатами Тенгинского пехотного полка и столько же матросами он одним из первых выскочил на берег для занятия точки, весьма важной для прикрытия прибывающих войск».

8 июня «за отличие, оказанное при занятии местечка Туапсе на Абхазском берегу», Корнилова произвели в капитаны 2-го ранга.

В первый день нового, 1839 года Корнилов вступил

в должность командира недавно заложенного на стапелях Николаева 120-пушечного корабля «Двенадцать апостолов».

Прибыв в Николаев, Корнилов увлеченно, с рвением принялся обхаживать свое судно, заложенное на стапеле три месяца назад.

Узнав от Лазарева об улучшении здоровья Нахимова, уехавшего на лечение, Корнилов искренне переживает за товарища и сообщает Матюшкину в Севастополь:

«Он должен возвратиться, только что получил облегчение... Дай Бог ему счастья»³⁰. Жаль, очень будет жаль, если он приедет в том же положении, в котором нас оставил».

Минуло всего три месяца, и Лазарев вновь назначил Корнилова в десантную операцию на Кавказе, в Субаши, неподалеку от Сочи.

На рассвете 3 мая 1839 года эскадра подошла к берегу на полтора саженей. Корабли стали на якоря, спустили шлюпки и баркасы по сигналу, начали грузить войска. И опять Корнилов, командуя всеми гребными судами десанта, одним из первых выскочил на берег и встретил огонь черкесов, во главе авангарда отразил натиск неприятеля и обеспечил высадку первого эшелона. Вернувшись на «Силистрию», он отправился с пехотой в десант, и как вновь заметил генерал Раевский:

«Никогда порядок и быстрота гребных судов не были столь полезны, как в сем случае. Несмотря на близость эскадры, неприятель встретил десант в пятидесяти саженях от берега. Несколько минут позже, и он бы встретил первый рейс еще на гребных судах». Корнилов «один из первых выскочил на берег, и когда на самой опушке леса неприятель встретил авангард, Корнилов с вооруженными гребцами бросился вместе с авангардом для их отражения, чем весьма способствовал первому и решительному успеху. После высадки второго рейса капитан Корнилов, соста-

ва сводную команду из гребцов, с примерной решительностью повел их в атаку... Во все время сражения Корнилов показывал замечательное соображение и неустрашимость».

Боевой генерал Раевский в своих выводах о Корнилове всюду подчеркивает личную храбрость и неустрашимость моряка. Все эти характерные качества с особой яркостью проявились у Корнилова во время обороны Севастополя.

За распорядительность и отвагу у Субаша Корнилова пожаловали орденом Святой Анны II степени. Вернувшись в Николаев, спешил он на стапель, где уже вырисовывались контуры его «Двенадцати апостолов». С особым тщанием он следит за качеством постройки судна. Особое внимание обращает на ударную силу — артиллерию. Сразу оценив по достоинству новшество — бомбические пушки, — Корнилов добился, чтобы его корабль впервые в России вооружили бомбической артиллерией. Правда, дело оказалось хлопотным, пришлось заново придумывать к ним новые, прочные станки. Теперь частенько вечерами Корнилов задерживался в Адмиралтействе. Второй год он вместе с мичманом Львовым до позднего вечера лопатили сотни документов, делали тысячи расчетов и таблиц, вычисляя подробный перечень штатного имущества для всех классов судов флота.

В это же время Корнилов перевел с английского и издал, снабдив своими примечаниями, книгу Гласкока «Морская служба в Англии, или Руководство для морских офицеров всякого звания». Книга стала настольным руководством для всех офицеров флота.

В марте 1840 года Корнилов опять с Лазаревым на «Силистрии» — в должности начальника штаба эскадры у берегов Кавказа. На этот раз он отличается в десантах по занятию фортов Лазарева и Вельяминовского. После экспедиции Лазарев представлял морскому министру труд Корнилова «Штаты вооружения судов флота», 66 тысяч страниц. Теперь все суда флота стро-

ят по четкому регламенту. В Петербурге оценили этот труд по достоинству, Корнилов награжден орденом Святого Станислава II степени. В конце года он произведен в капитаны 1-го ранга.

Начало следующей кампании Корнилов исполняет обязанности начальника штаба эскадры у Лазарева, а поздней осенью наконец-то приводит законченные постройкой «Двенадцать апостолов» из Николаева в Севастополь.

Следующие три кампании Лазарев поднимает свой флаг на «Двенадцати апостолах», а командир Корнилов — тот же начальник штаба и одновременно совершенствует организацию и боевую выучку экипажа. Изучая и проверяя на своем корабле на деле всевозможные случаи из морской практики и применение оружия, Корнилов скрупулезно познает корабельную жизнь во всех допустимых вариантах. И затем свои выводы и решения доводит до каждого члена экипажа путем издания десятков инструкций, приказов и наставлений, добивается, что «Двенадцать апостолов» становится образцом и лучшим кораблем на флоте.

Высокую оценку заслужил корабль не только от командующего флотом. Осенью впервые за пятнадцать лет на флоте появился князь Меншиков. Приезд князя выглядел скорее первой серьезной проверкой высшим начальством деятельности Лазарева на посту командующего флотом. Прибыл Меншиков на флот не по своей инициативе, а «по высочайшему императорскому повелению». Еще в Петербурге поставил себе целью придирчиво проверить и состояние, и боевую готовность кораблей. Поневоле пришлось выйти в море на флагмане «Двенадцать апостолов».

«Я провел с ними три дня на рейде, где осмотрел во всей подробности, потом видел их в море, — рапортовал он Николаю, — и сказать должен, что исправность, чистота и доведение в морском деле сей эскадры превзошли мои ожидания, в особенности блестящее состояние в коем находится корабль

«Двенадцать апостолов» (капитан первого ранга Корнилов), чистотой вооружения, превосходной отделкой всех подробностей, быстротой команды в пушечном учении и в корабельных работах. Для взятия двух рифов с полным потом закреплением всех парусов употреблено было только две минуты с половиной. Корабль «Двенадцать апостолов» притом едва ли не из сильнейших кораблей в Европе и Америке, ибо весь нижний дек состоит из 68-фунтовых бомбовых пушек...»

В донесении князь, быть может, несколько преувеличил, но оценка мощи пушек «Двенадцати апостолов» справедлива.

Итак, официально лучшим из всех судов эскадры признан корабль «Двенадцать апостолов». С некоторых пор, возвращаясь с моря, мнения многих командиров раздваивались, одни отдавали предпочтение «Силистрии» Нахимова, но многие ставили теперь на первое место «Двенадцать апостолов»...

Недавно вернувшись из Англии, наслышанный об успехах черноморцев, царь вознамерился воочию убедиться в достижениях моряков.

Впереди себя он послал восемнадцатилетнего сына Константина, недавно получившего звание капитана 2-го ранга.

— Поезжай на Черное море, загляни обязательно на «Двенадцать апостолов». Меншиков безмерно его хвалит.

Впервые великий князь выходил в море на 120-пушечном корабле. Без суеты, главное, в считанные мгновения разбегаются по вантам и реям матросы, распускаются десятки парусов. «Двенадцать апостолов» ложится на заданный румб. На воде играют яркие блики от заходящего, прямо по курсу, солнца.

— Позвольте, ваше высочество, сыграть тревогу? — спросил командир.

— Конечно! — не раздумывает Константин, и в ту же минуту барабанная дробь заглушила все звуки.

С момента тревоги не прошло и минуты, а уже откинута порты, раскреплены пушечные станки, матросы схватились за канаты-тали, передвигают орудия к борту, разбирают разные принадлежности, проворно подносят картузы в кокорах.

Великий князь в заметном смущении. Ничего подобного на Балтике он не видел. Константин поманил мичмана.

— Как славно управляются ваши канониры. В чем причина высокой выучки?

Мичман внутренне весьма польщен царственным вниманием, но вида не показывает. Довольно спокойно он достает из-за обшлага вчетверо сложенный лист бумаги и разворачивает его.

— Ваше величество, извольте взглянуть. Сие подробная инструкция каждому номеру орудийной прислуги. Матросы лишь добросовестно исполняют, что предписано. Само собой, сие достигнуто неустанными тренировками.

— Сие весьма поучительно, такого на Балтике я не видывал, — удивился Константин перед отъездом в Петербург.

Великий князь восхищался выучкой экипажа, не подозревая, сколько сил и энергии вложил в его выучку высокоэрудированный, мыслящий не по шаблону командир.

Еще в 1830 году он под руководством Лазарева участвовал в составлении брошюры «О сигнальных флагов». Корнилов стремился расширить кругозор у молодых офицеров. Это ярко проявилось в его участии в обновлении Севастопольской морской библиотеки. В феврале 1843 года он был избран в комитет директоров, а в самом комитете нес обязанности секретаря-казначея. Корнилов с энтузиазмом взялся за дело. Уже летом 1843 года стали заметны первые сдвиги в деятельности библиотеки. «Старая библиотека переменила свою гробовую физиономию — всегда почти полна офицерами», — отмечал Корнилов.

Артачилились адмиралы, требуя доставлять себе книги на дом.

«Казалось бы, что адмиралам в заведении этом не следовало бы и гнаться за собственными выгодами, — возмущался Корнилов в письме Лазареву, — кому же, как не высшим, думать об этой молодежи, брошенной сюда за тысячи верст, от своих родных и знакомых, и которая, не имея книг, поневоле обратится к картам и другим несчастным занятиям... Но что же делать, когда у нас на Руси не созрело понятие общего блага, общей пользы. Горько признаться, а оно так. Всякий думает только о собственных своих выгодах, о собственном своем чине».

Корнилов сам выписывал пушкинский «Современник», «Художественную газету», увлекался историей, археологией. Известно его дружелюбие с К. Брюлловым и И. Айвазовским. Корнилов не оставался в стороне и от общественной жизни.

«Нигде Россия столько не нуждается в людях благомыслящих и образованных, — писал он, — как в основе благосостояния государства по разным отраслям внутреннего управления. Но время все сделает, его не остановишь и не придашь ему рыси». Высказывал свое мнение и о внешней политике царя. «Большая часть наших заморских затей — колоброд; нам слишком много дела дома! Чтобы пускаться в океан-море, надо выстроить крепкое судно и дать ему надежное вооружение, а то первый шквал — и все планы рушатся. Что в шелку без рубахи?» И в то же время понимал безнадежность высказывать свои взгляды окружающим. «О политике я никогда ведь ни гугу, не тронь г...» — писал он в одном из писем.

Как и задумал Николай I, вскоре после сына наведлся на Черное море.

Смотрины Николая I черноморцев подтвердили впечатления великого князя. На тех же «Двенадцати апостолах» император, в отличие от сына, дотошно всматривался в каждую мелочь, начал знакомиться

с верхней палубной. Пока матросы ставили паруса, просмотрел весь корабль с юта до бака по правому борту, а назад возвратился по левому. Нигде ни пылинки, ни соринки, воцеленная палуба выглядела не хуже паркета в Георгиевском зале, всюду сверкает надраенная медяшка, на снастях все подтянуто и подобрано, зеркально блестят стекла на световых люках салонов и офицерских кают. Матросы, как на подбор, ухожены, чисто выбриты, подтянуты.

Задержавшись у грот-мачты, царь невольно залюбовался проворными действиями матросов на самом верхнем бом-брам-рее. Ловко переступая на пертах, не держась за что-либо руками, они балансировали, распускали паруса.

На верхнем артиллерийском деке император велел зарядить по две пушки с каждого борта и, глядя на хронометр, довольно ухмыляясь, проговорил:

— Выдать нижним чинам по рублю за мой счет.

Больше всего времени царь провел на нижнем деке, где на оба борта высунули черные жерла бомбические пушки. Каждая из них со станком весила около 190 пудов, но расчет канониров без видимых усилий раскатывал их на станках, орудовали ганшпугами и другими приспособлениями для наводки пушек в цель.

Как и великий князь, царь вчитывался в памятки канониров, удивленно поднимал брови, холодная улыбка пробегала по его лицу.

Остановившись в конце дека, заложив руки за спину и вглядываясь в длинные, на оба борта, уходящие далеко к носу ряды пушек, вдруг весело проговорил, обернувшись к свите:

— А ведь этот корабль порядком отделает своего противника, кто бы он ни был!

Казалось бы, это вершина желаемого, однако на поприще командира образцового парусного корабля Корнилов не забывает своей давней увлеченности новым для флота явлением — пароходами.

Три года назад, став командиром 38 экипажа, он получил в подчинение экипаж парохода «Бессарабия». Его воззрением на применение военных пароходов, замены ими парусников все больше склоняется к необходимости и быстреей замене первых. Он находит единомышленника Лазарева, который ратует за пароходы.

Но по этому поводу не раз у него происходили резкие полемики с Нахимовым, который не мог терпеть «черных, коптящих небо» пароходов.

Занимаясь подбором книг для библиотеки, Корнилов обращает внимание на те, в которых пишут о пароходах, выписывает литературу «о имеемых в России заводах и фабриках», знакомит своих офицеров с устройством парового двигателя. Говорит о заветном.

— Если бы Севастопольское адмиралтейство подарило бы нам модель паровой машины! Как бы это было полезно!

Провожая императора в Николаев, Лазарев напомнил о своем заветном:

— Ваше величество, флот наш беден пароходами. Крайняя нужда построить нам военные суда в четырехста сил. На Балтике, я знаю, имеется пароходов более нас.

— Ты про «Камчатку» вспоминаешь? — слегка нахмурился царь.

— «Камчатка», ваше величество, судно красивое, но весьма дорогая игрушка. Мое мнение, американцы с нас деньги взяли лишние.

Глаза императора сверкнули холодным блеском.

— Нынче казна пуста, не к спеху...

Эту рубленную, черствую фразу царя слышал и Корнилов и, когда царь уехал, первым заговорил о насущном:

— Будто для своей пользы выпрашиваем, ваше превосходительство, а не для нужд флота.

Зимой 1845 года во время отпуска в Петербурге Корнилов осмотрел пароходы Балтийского флота, в том числе и пароходо-фрегат «Камчатку», считав-

шийся одним из новейших пароходовых судов того времени.

В 1846 году Корнилов особенно усиленно занимается изучением механики и проблем, относящихся к паровым двигателям.

— Я принялся за пароходство, и особенно за винт, — писал он Лазареву в июне 1846 года и просил выслать литературу о паровых машинах.

После долгих мытарств Лазарев заказал в Англии военный пароход за счет средств флота. Тут же он назначил *«наблюдать за выполнением сего заказа со всеми новейшими усовершенствованиями, как в механизме, так и в корпусе, вооружении и снабжении парохода, капитана 1-го ранга Корнилова. Я уверен, что офицер этот по образованию своему и любознательности вполне оправдает настоящее назначение и, сверх того, он с особой пользой может заниматься собранием самых подробных и обстоятельных сведений о нововведениях в английских адмиралтействах и на военных судах».*

Не прошло и месяца после прибытия в Лондон, а Корнилов уже выбрал среди многочисленных подрядчиков фирму для постройки судна. Теперь надлежало внести изменения в конструкцию, подобрать для судна подходящую машину.

Особое внимание Корнилов уделил предназначению парохода: *«Всегда выгоднее военное судно готовить для сильнейшей артиллерии, чем для слабой».* Упомянул он в рапорте Лазареву и об изъянах в конструкциях. *«Несмотря на то что некоторые из английских военных пароходов одного ранга с нашим имеют порты в верхнем деке, я не полагаю прорезать их, ибо, сколько мне известно, ни один из пароходов этих не только не имеет в деке артиллерии, но и не может поставить ее; порта же иметь для виду или для воздуха считаю неблагоприятным, ибо во всяком случае они ослабляют связи судна».* Решил Корнилов поставить на пароходе три мачты, а не две. Учитывая

из опыта, что иногда при попутном ветре выгоднее использовать парус, экономить дорогостоящий уголь. *«Выгода для трехмачтового вооружения для большого военного парохода, которому иногда придется держаться при флоте под одними парусами, заставили меня войти в подробное рассмотрение этого вопроса. На пароходе «Медея» оставлены три мачты и это несколько не мешает действию ее кормового орудия. На случай, что, ваше превосходительство, мою мысль вооружить заказываемый пароход-фрегат тремя мачтами, предлагаю чертежи вооружения и парусов, составленный Дигборном. Кажется, тут ничто не мешает пароходу быть боевым судном».*

Ответ из Николаева пришел через месяц. Лазарев утвердил все чертежи и принял все предложения Корнилова, написав на полях его рапорта резолюцию: «Совершенно согласен, как на весьма умное и полезное улучшение».

Не ограничиваясь своими заданиями, Корнилов заботится о будущем парового флота, подготовке для пароходов экипажей. «Стоит только подумать о возможности разрыва с Англией, и тогда придется нам наш пароводный флот за недостатком механиков ввести в гавань и разоружить», — сообщает он Лазареву и просит срочно назначить командира на строящийся пароход «Владимир».

В конце марта 1848 года «Владимир» сошел со стапелей, заколыхался на волнах Темзы, вскоре приехал и первый командир Аркас. В августе—сентябре прошли первые ходовые испытания. Результаты испытаний были вполне успешны: машина действовала безотказно, корабль имел скорость в 11 узлов и прекрасно слушался руля.

В конце сентября «Владимир» покинул Англию и в начале ноября стал на якорь в Севастополе.

Вскоре после возвращения на родину Корнилов был произведен в контр-адмиралы.

Зимой 1848/49 г. произошли непредвиденные пе-

ремены на ответственных флотских должностях в Николаеве и Севастополе. Из-за тяжелой болезни подал рапорт об увольнении с поста командира Севастопольского порта вице-адмирал Авинов, а на его место был переведен начальник штаба флота вице-адмирал Хрущев.

Еще до присвоения Корнилову звания контр-адмирала, Лазарев ходатайствует о назначении его своим преемником, начальником штаба флота. *«Контр-адмиралов у нас много, — сообщает он Меншикову, — но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познание морского дела, и просвещение настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага, и честь нации?»*

Лазарев прозорливо предвидит испытания военной силой для России в недалеком будущем...

Ответ пришел через четыре месяца. Корнилову разрешили лишь временно исполнять должность, а назначение состоялось через полтора года.

Окунувшись в первые дни в канцелярскую заводи, Корнилов ужаснулся. «Входящих» и «исходящих» бумаг за прошлый год через канцелярию «прошелестело» семьдесят тысяч!

Лазарев посмеивался:

— Бумажная канитель увеличилась за мое время вдвое, а толку в делопроизводстве не прибавилось. Все вконец запутывают столичные борзописцы.

Корнилов никогда не жаловался на усталость от работы, но тут не выдержал:

— От бумаг, ваше превосходительство, голова идет кругом, а путаница невероятная. Дозвольте мне заняться делом на практике. Бумага потерпит. Мне кажется, больше пользы от моего присутствия на кораблях. Смотреть за порядком в арсеналах, экипажах, госпиталях. Думается, отчеты оттуда наполовину вранье.

Командир флота был согласен, но при одном условии.

— Все наши ответы Меншикову должны пересылаться без задержки. Приучите свою канцелярию пунктуальности. Главный штаб задержек не терпит. А вам без инспекции никак не обойтись. Начинайте в Николаева, потом вместе пойдем в Одессу, Севастополь, Новороссию.

В прошлые годы, начиная с брига «Фемистокл» и на других кораблях, Корнилов всегда выпрашивал у начальства недостающих в штате унтер-офицеров и мичманов. А без них как без рук. Иногда месяцами матросами верховодил старослужащий матрос. А все происходило потому, что по команде Главного штаба в Николаеве давно прикрыли Морской корпус, а из Петербурга молодых офицеров присылали вполосину меньше требуемого. В Николаеве осталась лишь штурманская рота.

Проверив подготовку штурманов, Корнилов остался недоволен. «Нет ни успеха наук, ни гимнастики, столько нужной для развития способностей». При другом смотре — экзаменовал желающих в юнкера: «Очень мало способных, другие из рук вон как слабо приготовлены, а мальчишки уже не первой молодости».

Здесь же, в Николаеве, готовили мальчиков из дворянских семей для службы юнкерами. Юнкера добровольно поступали на корабли унтер-офицерами и после экзамена становились мичманами. Пока таким образом на Черном море пополняли недостаток офицеров.

Первое впечатление начштаба удручающее. «Экзаменовал кандидатов в юнкера. Плохо. Очень плохо». Оно и немудрено. Подростки жили вразброд, на частных квартирах, занятия посещали от случая к случаю. При первой встрече изложил Лазареву свое мнение.

— Надобно юнкеров учить в школе, наподобие гардемарин. Только так подготовим достойную смену.

Комфлота согласился, поручил все обдумать.

В мае над пароходо-фрегатом «Владимир» впервые взметнулся флаг первого флагмана флота. Лазарев решил для начала вместе с Корниловым обойти

часть портов. Провожали командующего флотом и нового начальника штабом. Среди свиты выделялся дряхлеющий начальник Гидрографического департамента, генерал-лейтенант Мориц Берх. Он то и дело снимал шляпу, вытирал со лба шелковым платком испарину.

Когда «Владимир» отошел от пристани, Лазарев спросил Корнилова:

— Как ваше первое впечатление от Берха?

Корнилов пожал плечами, ответил недвусмысленно:

— Староват он для этой должности. Состояние гидрографии я не успел оценить, но по прежней службе помню — с маяками у нас на театре не в порядке. Ночью на Кавказе, да и у нас в Крыму не сыщешь маячных огней, а днем они на зеленых отрогах теряются вовсе. Надобно присмотреться, видимо, он на маяках не бывает.

Лазарев удрученно махнул рукой:

— И я к тому же толкую Меншикову не первый год. Старику скоро три четверти века, пора на покой. У нас нет ни лоции порядочной, маячная служба в загоне. Но немца в Петербурге кто-то опекает, не спроваживают на пенсию, а дело-то страдает.

Осматривая Одесский маяк, Корнилов сокрушался. В порт то и дело отовсюду гуськом тянулись купеческие шхуны, транспорта, пароходы, а хибарка маяка едва виднелась на берегу, с полусгнившим когда-то красным щитом. У пожилого зрителя не оказалось в запасе керосина для светильников.

— Как же вы ночью обходитесь? — удивился Корнилов.

— Берем взаймы у греков, покуда из Николаева не привезут, — равнодушно ответил старик. — А которую ночь и без огня сидим.

Оказалось, что за последние пять лет начальства на маяк не заглядывало.

На Севастопольском рейде Корнилова ожидал 14-пушечный пароход «Метеор». На его мачте

контр-адмиральский флаг, и он двинулся к Дунайскому гирлу...

Корнилов не упустил возможности проверить состояние на одном из трех островов в Черном море, Фидониси. Ветхая хибарка и маяк представляли жалкий вид «и в расположении, и в отделке, и в содержании». Все проверенные маяки находились в запустении.

— Непонятно, — возмущался Корнилов, — как оставлять такие серьезные вещи, как маяки, без надзора, и все это оттого, что Берх стар. Он добился в 1850 году подчинения всех маяков непосредственно начальнику штаба флота, а вскоре вышло и «Положение о черноморских и азовских маяках».

Кроме совершенствования гидрографии и подготовки штурманов Корнилов обследует все порты Черного и Азовского морей. Побывав в Геленджике, он сокрушается содержанием солдат: *«Две тысячи человек гниют в жалком укреплении <...> и что самое печальное, — пишет он брату, — встречаешь зло, видишь, что даже подлежащие за него ответу, если не начальству, то совести, и вместе с тем видишь, что бессилён».*

Корнилов добился права проверять корабли после крейсерства у берегов Кавказа. Цель их — «ознакомиться лично с теми командирами и офицерами, которые подают наибольшую надежду для службы, равно как и узнать тех, которые выполняют ее с нерадением или неспособностью». Корнилов регулярно осматривал линейные корабли. Благодаря смотрам кораблей добился установления единообразия в организации службы на них. В частности, на всех кораблях было введено такое же артиллерийское учение, как на корабле «Двенадцать апостолов». «Такие смотры или, лучше сказать, публичные экзамены судов, — вспоминал А. Жандр флаг-офицер Корнилова, — электризовали черноморских моряков».

Дополнением к инспекторским смотрам являлись плаванья отрядов судов под флагом начальника штаба флота. Составив небольшие отряды — из 5—6 фрегатов,

бригов или корветов, Корнилов поднимал на одном из них свой флаг и выходил в море для практических учений, лично руководя боевой подготовкой экипажей.

Положение Корнилова резко изменилось в феврале 1851 года. Уезжая на лечение в Вену, где он вскоре скончался, Лазарев передал дела никогда не командовавшему кораблями 75-летнему генерал-лейтенанту Морицу Берху, назначенному Главным командиром флота. Тот первым делом запросил у Меншикова звания «вице-адмирала» с присвоением права на получение положенных морских «столовых денег». Берх отсиживался в Николаеве, в море не выходил, и фактически вся нагрузка по управлению флотом легла на плечи Корнилова.

«Без всякого официального признания властью я нравственно ответственное лицо за все... Опять пошла борьба и ухищрения неутомимых негодяев здешнего гнезда опутать и завладеть болваном, брошенным царствовать над болотами нашими; опять зашевелились партии скрытых врагов покойного Михаила Петровича... И это все делается из-под старой юбки слабоумной женщины, каков Берх». Но Корнилов неутомимо правит службу, «проявляя смелость и решительность».

«Корнилов, — вспоминал современник, — был не только уважаем своими подчиненными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела и за редкую справедливость в оценке подчиненных ему людей, но мы утвердительно говорим, что он был искренне любим всеми теми, кто сам честно служил... Правда, не любили его (но все-таки уважали) все те, весьма немногие, у которых было рыльце в пушку...»

И все время мысли Корнилова занимает паровой флот. Забота о развитии парового флота на Черном море проявлялась в деятельности Корнилова повседневно. Особое внимание Корнилов обращает на паровые корабли с винтовым двигателем.

Одновременно с заказом винтовых кораблей в Анг-

нии, Корнилов принимал все меры к усилению кораблестроения на Черном море. Ввиду усиленного строительства винтовых пароходов за рубежом, Корнилов считал необходимым без промедления изменить план черноморского судостроения и срочно ввести винтовой двигатель.

«Я бы полагал, — писал он, — к перемене этой приступить теперь же... Нельзя же Черноморский флот держать на отсталой от других наций ноге и тем, в случае разрыва, предоставить случайностям неравного боя».

Настойчивость Корнилова во многом способствовала тому, что для Черноморского флота заложили на верфях и заказали за границей свыше десяти винтовых кораблей различных классов. Ни один из заложенных на русских верфях винтовых кораблей к началу войны готов не был, а заказанные за границей винтовые корабли конфисковали, включили в состав английского флота, они участвовали в боевых действиях против русского флота.

К началу войны в составе Черноморского флота находилось 6 пароходо-фрегатов и 24 малых парохода.

В октябре 1852 года, после посещения царем флота, Корнилова произвели в вице-адмиралы одновременно с Нахимовым.

Николай I не зря уделял внимание Черноморскому флоту. Он вынашивал мысль о войне с Турцией, которую считал «безнадежно больной». Близорукий император не понимал, что у султана есть давние, могущественные опекуны, которым Россия «кость в горле» — Англия и Франция.

3 февраля 1853 года прибыл нарочный из Петербурга. *«Генерал-адъютант Корнилов назначен в свиту Чрезвычайного посла в Турции — светлейшего князя Меншикова».*

Прошло еще несколько дней, и Корнилов в составе свиты Меншикова на «Громоносце» отправился в бухту Золотой Рог.

Меншиков ехал к султану исполнять надуманный наказ Николая I — потребовать от султана уважать «святые места» православных. Иначе Россия применит силу.

Еще до приезда Меншикова султану донесли, что в Бессарабии сосредотачиваются два армейских корпуса, готовых двинуться к Дунаю.

Здесь, в Стамбуле, как уже привык по-современному называть Константинополь Корнилов, переговоры приняли затяжной характер, но Корнилов не сидел без дела. Он прежде всего обошел многочисленные пристани Галаты, где впритык стояли сотни купеческих судов со всех концов света. Но его внимание — к военным судам. Тщательно осматривал расположение и количество пушек, прикидывал габариты и водоизмещение, оценивал обводы корпусов турецких пароходов. Наведался Корнилов и к причалам неподалеку от главного арсенала, Топ-Ханы. Там поблескивали ряды медных и чугунных стволов пушек. До сих пор свои пушки турки отливали под присмотром французов. Подле Топ-Ханы у причалов стояли со свежыкрашенными бортами турецкие военные пароходы. Часть из них недавно пришла из Англии, другие были сооружены на стапелях Франции. У отдельного причала, неподалеку от «Громоносца», «Бессарабии» и «Крыма», ошвартовались военные пароходы, обслуживающие английского и французского послов. Глядя на них, вспоминал он о заказанных в Англии винтовых фрегатах. «Успеет ли Шестаков привести их в Севастополь до срока? Никак, начнется смута с турками».

Через два дня отправился на «Бессарабии» через Босфор, Мраморное море и Дарданеллы определить, какие изменения у турок в береговых укреплениях произошли за три-четыре года, присмотреться к турецким кораблям в Средиземноморье. За неделю «Бессарабия» проделала путь от Стамбула в Архипелаг, побывала в Смирне, где отстаивалась турецкая

эскадра. Первое впечатление подняло настроение Корнилова. Всюду турецкие корабли выглядели неряшливо, часть парусов была подобрана и подвязана кое-как, мачты и рангоут не блистали новизной. Артиллерийские порты почти всюду были открыты, на некоторых судах у пушек виднелись явные следы ржавчины. На верхних палубах со скучающим видом бродили одинокие фигурки матросов, видимо изнывая от безделья.

Возвращаясь, Корнилов рассчитывал, что переговоры идут к концу и скоро все станет на свои места. Но оказалось наоборот: узел противоречий только начинал завязываться.

Поведение Меншикова на переговорах уже не вызывало сомнения у Корнилова — дело идет к войне, и с разрешения князя он убыл на флот. Вскоре переговоры с турками зашли в тупик и кончились разрывом дипломатических отношений.

Корнилов на случай войны сразу по возвращении действует.

В мае организует для разведки постоянное крейсерство между Босфором и Херсонесом. Вооружает эскадры до полного штата. Проверяет в море готовность кораблей. В августе срочно проводит большие маневры флота по обороне Севастополя от нападения с моря.

Неожиданно поступил приказ царя — перебросить из Севастополя на Кавказ дивизию в 16 тысяч штыков. Задание выполнено успешно, но оборона Крыма оголена. Николай I легкомысленно считает, что неприятель на Севастополь не посмеет напасть. Больше того, царь запретил кораблям первыми вступать в бой с неприятелем. А между тем 17 сентября соединенный англо-французский флот через Дарданеллы вошел в Мраморное море. В день выхода эскадры Нахимова в море — 11 октября 1853 года — турецкие батареи на берегу Дуная у Исаки обстреляли отряд судов русской военной флотилии, а 15 октября турецкие войска захватили пост Святого Николая, находившийся на

Черноморском побережье Кавказа. 20 октября Россия объявила войну Турции. Развязывая войну, царь не имел ни плана военных действий, ни определенных целей. Он полагал лишь «положить начало разрушению Оттоманской империи. Один Бог определить может, что за этим последует».

Как только стало известно о первых боях, Корнилов немедленно принял меры к обеспечению боеготовности флота. Он предписал командиру Севастопольского порта «взять все меры к изготовлению Севастополя против всякого рада случайностей». В приказе по флоту Корнилов объявил 16 октября: *«Считаю обязанностью предупредить флагманов, командиров кораблей и других военных судов, что, несмотря на мирную стоянку на Севастопольском рейде, суда должны быть всякую минуту готовы к выходу в море для поражения неприятеля».*

Сторонник активных и решительных действий флота, Корнилов еще в первых числах октября предлагал Меншикову в случае начала военных действий занять на Анатолийском берегу Синоп и на болгарском Сизополь для превращения их в маневренные базы русского флота, откуда русские корабли могли бы надежно контролировать морские сообщения противника.

Однако Меншиков, назначенный к этому времени командующим морскими и сухопутными силами в Крыму, тормозил проведение активных действий. Страхуясь от неудачи, он доложил царю, что десант в Босфор невозможен. Он не решался на принятие ответственных мер без согласия Петербурга. План Корнилова был отвергнут. Но начальник штаба настойчиво и упорно продолжал изыскивать пути для активизации действий флота.

Еще не зная об объявлении войны, в последнюю неделю октября 1853 года, Корнилов поднял свой флаг на «Владимире» и повел на запад, для разведки, к Дунаю отряд пароходо-фрегатов. Убедившись, что в ус-

тые Дуная полным ходом обустраиваются береговые батареи и укрепления, Корнилов двинулся вдоль турецкого побережья на юг, к Босфору.

Накануне от австрийского купца, прибывшего на пароходе из Константинополя, Корнилов узнал, что английская и французская эскадры пока стоят на якорах, неподалеку от бухты Золотой Рог. Турецкий флот расположился ближе к Босфору, в Буюк-Дере.

— Носятся слухи, — сказал австрийский шкипер, — что турки готовят эскадру для Батуми.

Ради таких сведений, собственно, и вышел в море на разведку начальник штаба. Не задерживаясь, отряд снялся с якоря и двинулся вдоль побережья на юг, к Калиакрии и Босфору. По пути пароходы обстоятельно обследовали порты и укрепления Коверны, Балчика, Варны. Всюду там виднелись лишь купеческие суда и небольшие почтовые пароходы. Детально разведав побережье, Корнилов отправил «Громоносца» в Одессу к Меншикову, «Херсонесу» предписал идти в Севастополь, «Одессу» оставил в море, а сам на «Владимире» пошел к Босфору. Там среди большой толчеи купеческих судов крейсировала турецкая эскадра из пяти фрегатов, корвета и парохода. «Владимир» в сумерках подошел к туркам на пушечный выстрел. На турецких кораблях ничего не подозревали, а потом всполошились, заподозрив неладное, двинулись к «Владимиру», но пароход дал полный ход и без труда оторвался от турок.

Вернувшись в Севастополь, Корнилов доложил Меншикову о разведке и в тот же день вступил в командование эскадрой и поднял флаг на 120-пушечном «Великом князе Константине». На рассвете эскадра вышла в море к турецким берегам.

В кратком приказе вице-адмирал Корнилов изложил цель похода: «Следовать немедленно для открытия и истребления турецкого флота, вышедшего из Босфора». Флагман не сомневается, что в случае встречи с неприятелем, «с помощью Божію офицеры и коман-

диры судов, со мною отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями. При могущем встретиться бое я не считаю нужным излагать какие-либо наставления: действовать соединено, помогать друг другу, и на самое близкое расстояние — по-моему, лучшая тактика».

Почитай неделю рыскала по бурному морю эскадра Корнилова, но турки как сквозь землю провалились. «Надобно повестить Нахимова», — размышлял Корнилов. Передав эскадру младшему флагману контр-адмиралу Новосильскому, приказал следовать на соединение с эскадрой Нахимова и сказать ему, что турки готовятся идти к Синопу.

На «Владимире» кончался уголь, Корнилов перешел на этот пароходо-фрегат и, распрощавшись с эскадрой, направился в Севастополь.

Едва эскадра Новосильского растаяла в дымке, в предрассветной мгле, как на «Владимире» внезапно горнист заиграл тревогу.

На траверзе Пендерекли заметили неприятельский корабль, оказавшийся турецким пароходом «Перваз-Бахри». Корнилов сразу же принял решение вступить с ним в бой. Командир парохода капитан-лейтенант Г.И. Бутаков сыграл тревогу и повел его на сближение с неприятелем. С первых же залпов пушки «Владимир» поразили неприятельский корабль прицельным огнем. Наблюдая за противником, Корнилов заметил, что у «Перваз-Бахри» нет ретирад. После этого Бутаков умелым маневрированием зашел под корму противника и поразил его продольными выстрелами. «Перваз-Бахри» уклонялся от обстрела, однако, «Владимир» вновь догнал его, заходил под корму, разворачивался бортом и посылал продольный залп из всех бортовых орудий. Бой продолжался около двух часов. Наконец «Владимир» сблизился на картечный выстрел к неприятелю, последовал завершающий залп, и «Перваз-Бахри» спустил флаг. Так закончился первый в истории бой паровых судов.

«Капитан, офицеры и команда парохода «Владимир», — писал после боя Корнилов, — вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался, как на маневрах; действия артиллерии были быстры и метки».

Как трофей русского флота «Перваз-Бахри» был приведен в Севастополь и переименован в «Корнилова».

Была одержана первая победа на море в кампанию 1853 года.

Поиски турецкого флота в юго-западном направлении Черного моря эскадрой Корнилова облегчили действия эскадры Нахимова, крейсировавшей у анатолийского побережья Турции.

Нахимов 8 ноября обнаружил в порту Синоп турецкую эскадру, следовавшую из Босфора к Кавказу. Он сразу же сообщил об этом командованию флотом. 13 ноября Корнилов направил из Севастополя к Нахимову отряд линейных кораблей, а вслед за ним Корнилов двинулся на помощь Нахимову с отрядом, в составе пароходов «Одесса», «Крым» и «Херсонес». В полдень 18 ноября пароходы Корнилова подошли к Синопской бухте, где уже гремели залпы артиллерийских орудий. За час до прибытия пароходов эскадра Нахимова вступила в ожесточенное сражение с турецким флотом.

У Синопа Корнилов заметил турецкий пароход «Таиф», быстро уходящий в море, и тотчас же пароход «Одесса» лег наперерез его курсу. На «Таифе» сбежал, покинув турецкую эскадру, английский военно-морской советник Слэд, именовавшийся в Турции «Мушавер-пашой». Неприятельский пароход, пользуясь превосходством в скорости, после непродолжительной перестрелки скрылся за горизонтом. Пароходы Корнилова пошли на Синопский рейд, где в это время уже заканчивалось сражение. Нахимов полностью уничтожил турецкую эскадру.

Сражение при Синопе было последним сражением в истории парусного флота. На смену парусным кораблям приходили корабли с паровыми двигателями, ко-

торые в годы Крымской войны держали свой первый экзамен.

Потому-то в своем приказе Корнилов обращался к пароходным командирам:

«Я надеюсь, что вы не затруднитесь в новой для всех атаки пароходом парусного судна или парохода же и сумеете согласить рыцарское стремление к ближнему бою с преимуществами большекалиберных пушек... равно как и с необходимостью избегать всегда невыгодного для пароходов боя борт о борт, ибо пароходы слабы бортовыми орудиями и должны принимать все меры к сбережению машины от повреждений».

Бой с «Перваз-Бахри» дал Корнилову первый практический опыт для тактики паровых судов. После этого боя Корнилов писал: «Имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которую они должны соблюдать». В дальнейшем эта новая тактика пароходного флота непрерывно развивалась и совершенствовалась.

После Синопа, в декабре 1853 года, англо-французский флот вошел в Черное море, а в феврале Англия и Франция порвали дипломатические отношения и в марте объявили войну России.

В зиму корабли залатывали раны после Синопа, а Корнилов готовился к отражению неприятеля, укреплял Севастополь. Потушили маяки и уничтожили навигационные вехи, для защиты рейда установили боны из мачт и якорь-цепей поперек бухты; для наблюдения за кораблями противника в море выставили пикеты от м. Сарыч до м. Лукулл. На внешние приморские батареи выделили дежурных офицеров с кораблей для связи эскадры с батареями; для взаимодействия между флагманским кораблем «Константин» и всеми батареями объявлены условные боевые сигналы; дежурному пароходу вменено в обязанность выходить навстречу к каждому иностранному судну, подходящему к Севастополю.

Получив известие о разрыве отношений с Англией

и Францией, Корнилов, не ожидая начала войны, объявил боевое расписание флота для обороны Севастополя в случае нападения противника с моря.

Четко обозначив задачу эскадры для защиты рейда и гавани, расположение и готовность кораблей, фрегатов, пароходо-фрегатов он 18 марта выдал командирам инструкцию, детально определив порядок действий в разных ситуациях.

«Манифест 9 февраля объявил России возможность войны с Англией и Францией.

Предприимчивый и притом сильный на море неприятель может против Севастопольского порта предпринять следующие действия:

а) правильную атаку десантом и флотом самого порта и флота, в нем стоящего;

б) внезапную атаку внешних укреплений;

с) истребление стоящих в порту судов брандерами и

д) бомбардирование с внешних рейдов.

Но противника ждет нелегкая прогулка. «Неприятелю предстоит преодолеть 40 000 народонаселения, составленного из военных людей, разных войск, и при том людей русских, не привычным к уступкам; более 700 береговых большого калибра орудий и 13 сильных кораблей, занимающих позиции, не доступные атаке иначе, как равными силами. Я не упоминаю уже о 5 больших фрегатах, пароходах и других судах, которые в русских руках, конечно, не останутся праздными зрителями в победе за их родные дома».

Все предусмотрел начальник штаба для встречи противника. И возможные места высадки десантов, и вероятность прорыва пароходов и брандеров. Особенно ночью. Он приводил исторические примеры, когда успех атакующей стороне приносил «беспорядок и следствие оного — панический страх». Самое верное средство — «суть хладнокровные распоряжения или даже выжидание, ибо торопливость необходимо породит беспорядок, а беспорядок — гибель».

Кроме забот об ударной мощи флота, эскадрах, у начальника штаба флота ответственность и переживания за весь морской театр от Дуная и Одессы до Азовского моря и Редут-Кале. Он знает, что в портах практически для обороны нет войск, одна-две легкие батареи, а в Евпатории кроме таможенника и градоначальника шаром покати.

Корнилов отозвал от берегов Абхазии все одиночные бриги и фрегаты, иначе их ждала неприглядная участь погибнуть или попасть в плен.

Надлежало вывезти на судах из укреплений от Редут-Кале до Цемесса все войска.

Тем временем на западе русские войска осадили Силистрию, и крепость должна была пасть со дня на день. Внезапно генерал-фельдмаршал Паскевич, имея 80-тысячную армию, узнав о высадке союзников в Варне, с благословения Николая I отдал приказ снять осаду и отступить. Армия, по сути, уже капитулировала в этой войне и развязала руки неприятелю для наступления на главном направлении, достижения цели в войне Англии и Франции — уничтожение Черноморского флота и его базы, Севастополя.

Союзники все лето усиленно вели разведку у Севастополя и вдоль побережья. Меншиков в это время благодумствовал, отписывал царю, ничего не предлагая.

1 сентября англо-французский флот при полном бездействии 30-тысячной русской армии, возглавляемой Меншиковым, спокойно выгрузился на берег и двинулся к Севастополю. Шесть дней противник спокойно высаживал пехоту, конницу, пушки, припасы. Был упущен самый удобный момент — сбросить неприятеля в море во время высадки и обычной в это время неразберихи на берегу. Заняв Евпаторию и завершив высадку десантных войск, союзники двинулись к реке Альме. Здесь были сосредоточены русские войска под командованием Меншикова, почти вдвое уступавшие врагу по своей численности.

8 сентября на Альме разыгралось первое сражение в Крыму, закончившееся отступлением войск Меншикова. Русские полки отошли к западу. Путь к городу с севера оставался открытым для врага.

С момента появления вражеского флота вблизи Севастополя Корнилов принял неотложные меры по противодействию врагу: 2 сентября он определил диспозицию флота, отдал распоряжение о готовности кораблей, перевел на берег первые батальоны, сформированные из моряков, отправил отряд в помощь войскам к Альме, организовал караульную службу в Севастополе, переключил всех мастеровых на строительство оборонительных укреплений. Ввиду того что союзники высадились к северу от города, наибольшее внимание было уделено защите Северной стороны. К началу сентября здесь имелось лишь одно старое сооружение, которое можно было легко обойти. На Северной стороне день и ночь строили укрепления. Остро встал вопрос: выходить ли флоту из Севастополя на сражение с противником в открытом море?

7 сентября Владимир Алексеевич пишет завещание: «Моя последняя воля».

Обращается к детям: «...мальчикам — избрав один раз службу государю, не менять ее, а приложить все усилия сделать ее полезную обществу... Лучшим примером для них в отношении последнего их дел, и дядя, и, могу смело сказать, — отец. Дочкам следовать во всем матери...

Благословляя жену и детей,³¹ я со спокойствием готов кончить, как жил для блага моей родины, которую Бог не оставит и которая, конечно, по окончании несправедливо начатой с нею станет еще выше в судьбах нации».

Утром 9 сентября Корнилов собрал военный совет, на котором присутствовали флагманы и командиры кораблей Черноморского флота. Корнилов настаивал — выйти флоту в море и дать бой противнику. Его мнение было поддержано несколькими адмиралами

и командирами кораблей. Но большинство высказалось против предложения Корнилова и поддержало капитана 1-го ранга Зарина. Он предложил затопить часть кораблей на рейде для предотвращения прорыва вражеских эскадр в порт и усилить сухопутные части экипажами с затопленных кораблей.

В тот же день, когда на кораблях сыграли зарю, в вечерних сумерках писаря развозили на корабли приказ генерал-адъютанта Корнилова.

«По случаю ожидания сюда неприятеля, который, пользуясь своим численным превосходством, оттеснил наши войска и грозит атакой северному берегу Севастопольской бухты, следствием которой будет невозможность флоту держаться на позиции, ныне занимаемой, выход же в море для сражения с двойным числом неприятельских кораблей, не обещая успеха, лишит только бесполезно город главных своих защитников, я, с позволения его светлости, объявляю следующие распоряжения, которые и прошу привести немедленно в исполнение... Корабли затопить на фарватере. Людей, оставшихся от затопленных кораблей и от стрелковых и абордажных батальонов, оставить на кораблях для действия артиллерии по балкам северного берега до тех пор, покуда потребуется, а потом составить из них батальоны, для усиления уже образованных».

Два дня спустя Корнилов обратился к защитникам Севастополя:

«Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходящим неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защитить его.

Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтобы наступить на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства.

Главнокомандующий решил затопить 5 старых

кораблей на фарватере: они временно преградят вход на рейд и, вместе с тем, свободные команды усилят войска.

Грустно уничтожать свой труд: много было употреблено нами усилий, чтобы держать корабли, обреченные жертве, в завидном свету порядке, но надобно покориться необходимости.

Москва горела, а Русь от этого не погибла, напротив, стала сильнее, Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному ему народу русскому такую же участь.

Итак, помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя. Он целый год набирал союзников и теперь окружил царство русское со всех сторон. Зависть коварна. Но царь шлет уже свежую армию, и если мы не дрогнем, то скоро дерзость будет наказана и враг будет в тисках».

Вслушиваясь в слова приказа, на кораблях изумленно вытягивали шеи, переглядывались без утайки матросы, слегка покашливая, удивляясь, крутили усы офицеры. Никто и никогда из прежних начальников не объяснялся с ними так просто и доходчиво, не обращался как к единому целому, не умаляя чести стоявших на правом фланге офицеров, не принижал человеческого достоинства нижних чинов.

С этого момента Корнилов на деле становится во главе защитников Севастополя, стержнем его обороны. Только напрасно ждал он от царя «свежую армию». Более того, Меншиков, не известив никого, покинул Севастополь с войсками.

Покидая Севастополь, князь назначил Корнилова начальником обороны Северной стороны, где ожидали нападение неприятеля.

Корнилов принял начальство над войсками, отдал приказ об организации обороны, назначил своим начальником штаба Истомина. «С Северной стороны, — объявил он, — ретирады нет; все, кто туда попал, ляжет навеки». Сразу он перевел морские команды на

берег в связи с малочисленностью сухопутных войск. Приказами Корнилова были переформированы созданные ранее резервные батальоны, переведены с кораблей на берег десантные батальоны, созданы морские батальоны.

Спустя сутки на берегу было уже 17 флотских батальонов; общая численность их составляла 12 тысяч. Корнилов призвал на защиту города и гражданское население. «По первому призыву его о высылке рабочих людей для постройки укреплений Северной стороны, — писал современник, — весь Севастополь ожил и стал на ноги».

Вскоре союзники изменили свои планы и отказались от атаки Северной стороны.

13 сентября неприятельская армия двинулась из долины Бельбека к хутору Мекензи. Теперь опасность угрожала не Северной, а Южной стороне, где был расположен сам город. Корнилов, не теряя ни минуты, приказал перевезти с рассветом на пароходах в город одиннадцать флотских батальонов... Святая ревность гражданина говорила и ему, что его долг не оставаться на Северной стороне.

13 сентября в Севастополе объявили осадное положение, а на следующий день Корнилову было вверено фактическое руководство всем гарнизоном. Генерал-лейтенант Моллер самоустранился от руководства и специальным приказом обязал «всех начальников войск исполнять все приказания вице-адмирала Корнилова».

Основой деятельности Корнилова в Севастополе стала забота о высоком духе защитников. Появляясь на самых различных участках оборонительной линии, он обращался с проникновенными словами к защитникам:

«Здесь на этом флоте мы возмужали и состарились, здесь приобрели мы первые уроки и опытность и здесь должны лечь костьми, защищая его до последней капли крови! Отступить нам некуда: позади нас

море, впереди — неприятель. Помни же — не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто попробует ретираду, и, если я сам прикажу отступить — коли и меня». Корнилов возглавил работу по подготовке города к длительной и тяжелой борьбе, распределил силы гарнизона, разработал диспозицию по обороне Южной стороны. Оборонительную линию разделил на три дистанции, командовать которыми поручил генерал-майору Аслановичу, вице-адмиралу Новосильскому и контр-адмиралу Истомину. На бастионы и батареи назначили начальниками флотских офицеров.

Корнилов на белом коне, в мундире, ежедневно объезжал все участки оборонительной линии, следил за работами, указывал на недостатки, обращал внимание на главное.

18 сентября на Северной стороне Севастополя показалась, наконец, армия Меншикова. По требованию Корнилова в состав севастопольского гарнизона были включены три пехотных полка и две легкие артиллерийские батареи. За три недели с 15 сентября по 5 октября было выстроено более двадцати батарей, и артиллерийское вооружение укреплений возросло до 340 орудий. Неприятель все эти дни готовился к штурму, надеясь на успех.

По усиленным приготовлениям в лагере врагов Корнилову стало ясно, что противник готовится к решительной атаке. «Завтра будет жаркий день», — проговорил он вечером 4 октября.

Наступило 5 октября 1854 года — «день крещения Севастополя огнем и железом». С рассветом заговорили сотни орудий, разгорелась ожесточенная артиллерийская дуэль. Корнилов и Нахимов с первыми же выстрелами прибыли на оборонительную линию. Корнилов в мундире поскакал на четвертый бастион, против которого враг направил главный удар. Под шквальным огнем Корнилов подходил к каждому орудью, общался с солдатами и матросами, пояснял им задачи,

поднимал их боевой дух. На пятом бастионе матросы и солдаты горячо встретили Корнилова, а когда он уехал, солдаты восхищенно проговорили: «Вот так генерал, отец родной, а не генерал».

Спустя три часа после начала артиллерийского поединка огнем русских батарей был взорван пороховой погреб французов. Вскоре замолчали все французские батареи. Жарко было у Истомина. Около 11 часов дня Корнилов прибыл к нему на третий бастион. Несмотря на большие потери, защитники бастиона сражались мужественно и отважно. С третьего бастиона под огнем неприятеля Корнилов направился на Малахов курган, где шла ожесточенная перестрелка. До полудня оставалось полчаса. На Малаховом кургане его встретило громкое матросское «Ура!». Обращаясь к экипажу, Корнилов ответил:

— Будем кричать «Ура!», когда собьем английские батареи.

Град неприятельских снарядов осыпал укрепления, батареи, блиндажи Малахова кургана. Подбодлив защитников, дав советы Истомину, Корнилов направился к лошади, собираясь ехать к Бутырскому полку в Ушакову балку. В этот момент он был сражен вражеским ядром. Несколько офицеров бросились к нему, подняли его на руки. «Отстаивайте же Севастополь!» — проговорил Корнилов.

Смертельно раненного адмирала отвезли в госпиталь. В полном сознании расставаясь с жизнью, Корнилов, не унывая, достойно встретил последний час.

— Я счастлив, что умираю за отечество и царя, — сказал он забежавшему проститься гардемарину Новосильцеву, брату жены.

Быстро оформив подорожную, Новосильцев заехал в госпиталь в ту минуту, когда лейтенант Львов привез с Малахова кургана радостную весть — «Батареи англичан сбиты».

Лицо Корнилова преобразилось, он приподнялся:

— Ура! Ура!

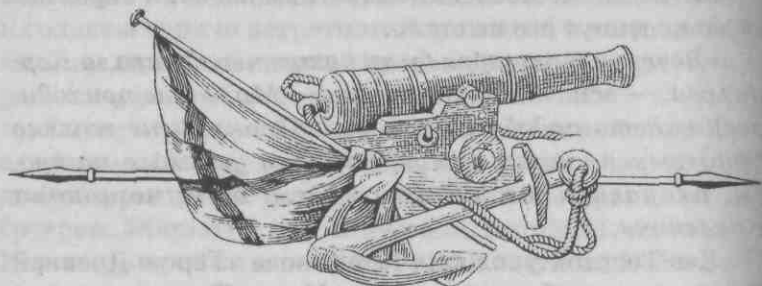
Это были его последние заветные слова, и через несколько минут его не стало.

«Вечером 6 октября были похороны адмирала Корнилова, — вспоминал очевидец. — Мало мне приходилось видеть подобных похорон. Плакали не только офицеры... плакали чужие, плакали угрюмые матросы, плакали и те, которым слеза была незнакома с пеленок».

Лев Толстой уподобил Корнилова «Герою Древней Греции», а его боевой товарищ Павел Нахимов, узнав о кончине сподвижника, произнес:

— Он умер как герой.

Павел Нахимов

известно, в России офицерство жило и живет до сих пор скудно. Не имея достаточного состояния, трудно содержать семью. У отставного секунд-майора Степана Нахимова кроме среднего сына, Павла, который появился на свет 23 июня 1802 года, было пятеро детей. Когда в апреле 1813 года Павел и его брат Иван подали прошение о зачислении их в Морской корпус, там уже служили воспитателями два старших брата, офицеры Платон и Николай. Два года ожидал Павел вакансии в корпусе. Летом 1815 года его и брата Ивана вызвали для морской практики на бриге «Симеон и Анна». Палуба плоскодонного брига, который не плавал дальше «Маркизовой лужи», пришлась по нраву смышленому и не по годам бойкому Павлу. По окончании плавания, видимо проверив знания Павла и Ивана, их сразу произвели в гардемарины. Среди однокашников Нахимова оказались Д. Завалишин, М. Бестужев, В. Даль. Павел сразу подружился, как говорится, «на всю жизнь» с немного застенчивым Мишей Рейнеки. Нахимов был всегда среди отлично успевающих воспитанников. Потому-то в третью кампанию 1817 года

ему выпало совершить вместе с дюжиной товарищей первое заграничное плавание на бриге «Феникс».

За четыре месяца бриг побывал у берегов Швеции, в Стокгольме, Карлскроне, в Копенгагене. Уже в ту пору Нахимов выделялся среди товарищей морской выучкой.

«Тогда уже между всеми нами, — вспоминал его одноклассник Александр Рыкачев, — Нахимов замечен был необыкновенной преданностью и любовью к морскому делу и тогда усердие, или, лучше сказать, рвение к исполнению своей службы, во всем, что касается морского ремесла, доходило в нем до фанатизма».

После кампании на море Нахимов успешно выдержал экзамены и в пятнадцать лет 9 февраля 1818 года был произведен в мичманы. Первые две кампании он плавал в Финском заливе на тендере «Янус». В 1821 году Нахимова переводят в 23-й флотский экипаж, и в его составе сухим путем он марширует в Архангельск. Там экипаж участвует в постройке судов. Со стапелей недавно спущен на воду «Крейсер», где служит приятель Нахимова, Михаил Бестужев, который потом вспоминал: «Время быстро летело в дружеских беседах с ним, в занятиях по службе и приятных развлечениях, какими был так обилён в то время Архангельск...» Бестужев отправился на «Крейсере» в Кронштадт, а Нахимов опять вместе с экипажем маршировал по суше в тот же Кронштадт.

Весной 1822 года капитан 2-го ранга М. Лазарев подбирал экипаж на фрегат «Крейсер» для кругосветного плавания. Наметанный глаз опытного морехода среди сотен офицеров в Кронштадте примечал самых одаренных, среди них оказался и Павел Нахимов. Попасть под его начало почиталось за честь. — Вот как отмечал М. Рейнека: *«Я помню, когда знаменитому моряку Михаилу Петровичу Лазареву, назначенному командовать фрегатом «Крейсер», представлено было право выбора офицеров и он предложил Нахимову служить у него, с каким восторгом Нахимов согла-*

сился. Он считал за верх счастья службу в числе офицеров фрегата «Крейсер», который тогда по всей справедливости был признан товарищами и моряками вообще за образец совершенства военного судна».

Вскоре на «Крейсере» объявился Д. Завалишин. Побывав у командира и выйдя на палубу, Завалишин попал в объятия Нахимова. Павел сразу же затащил Дмитрия к себе в каюту и стал расспрашивать о житебытье.

— Ты ведь знаешь, — начал Завалишин, — после выпуска меня сразу же оставили при корпусе, преподавать астрономию и математику. К ним я питаю страсть, да и кадетов хотелось вразумить наукам понастоящему. Припомни, как нас учили — ни шатко ни валко:

Дмитрий на минуту замолк.

— Однако науки науками, но потянуло меня в море. Вспомнилась наша славная компания на «Фениксе». А у тебя как сложилась служба? — спросил друга Завалишин.

Нахимов пожал плечами, несколько застенчиво улыбнулся:

— Откровенно, Митя, до сей поры середняком. Первую кампанию плавал на тендере «Янус» по заливу, зимой побывал у родных на Смоленщине. Следом две кампании отплавал между Кронштадтом и Красной Горкой. Потом с экипажем попал в Архангельск. — Нахимов заметно оживился. — Там Мишу Бестужева встретил, он на «Крейсере» служил и меня Михаилу Петровичу нахвалял, и вот я нынче здесь и весьма доволен.

На палубе засвистели боцманские дудки.

— Пойдем обедать, — сказал Нахимов другу, — а потом располагайся в соседней каюте, она покуда свободна.

На следующий день они постучали в каюту Лазарева.

— Господин капитан второго ранга, — начал Нахимов, — мы с Дмитрием Иринарховичем давние дру-

ая, дайте нам переборку прорубить и дверь между нашими каютами скрозь сделать?

Лазарев внимательно посмотрел на обоих, понимающе улыбнулся:

— Добро, только с мастером согласуйте и все по порядку сделайте.

Среди новых сослуживцев на фрегате оказались мичман Ефимий Путятин, Александр Домашенко.

В середине августа 1822 года «Крейсер» и его спутник шлюп «Ладога» под командой брата Михаила Лазарева, капитан-лейтенанта Андрея Лазарева, покинули Кронштадтский рейд. Осенними штормами встретила моряков Балтика и Северное море. «Ладога» заметно отставала. Ветер неумолимо гнал фрегат на скалы. Ураганный ветер с Атлантики прижимал «Крейсер» к скалистому берегу неподалеку от Портсмута. Полтора месяца как покинул фрегат Кронштадтский рейд, и противные ветры, шквалы, туманы преследовали его на всем переходе. Дни и ночи вышгивал на шканцах командир.

До мрачных скал оставалась сотня саженей.

— Фок и грот ставить! — раздался чуть охрипший, но твердый голос командира. — Двойные рифы брать! Триселя изготовить!

Сменившись с вахты, Нахимов оставался на палубе, прислушиваясь и присматриваясь к действиям капитана.

Казалось, что корабль должен еще больше уваливаться к берегу, приближаясь к смертельным камням. Но Лазарев каким-то особым чутьем предугадывал малейшую перемену ветра, а главное, ощущал, как отзывается на эту перемену корабль, тотчас ложится на новый галс и медленно, но все-таки выбирается на ветер.

На третьи сутки, уловив благоприятный момент, Лазарев вывел корабль в открытое море и там, лавируя, переждал шторм.

Едва «Крейсер» встал на якорь на Портсмутском рейде, командир приказал всем отдыхать. Офицеры

и матросы, не успев выпить чаю, не раздеваясь, повалились на койки и заснули мертвым сном.

На вахту заступил Нахимов. Увидев поднимавшегося на шканцы командира, он поразился — двое суток тот ни на мгновение не покидал мостик, а теперь опять на палубе и, улыбаясь, смотрит на молодого мичмана. Медленно прохаживаясь на шканцах, он делился с Нахимовым перипетиями минувшего испытания.

— В сие время, имея под ветром берег совсем рядом, можно было бы нести все паруса только благодаря превосходным качествам «Крейсера». — Он остановился, всматриваясь в проступавшие из тумана берега бухты и обступившие их улицы порта. — Ни один фрегат, с неуменьшенными против обыкновенного положения рангоутом, не вынес бы того. Несомненно, успех сей лавировки сноровкой команды достигнут.

На «Крейсере» первыми пробили три склянки, и тотчас десятки судов на рейде отозвались нестройным перезвоном разноголосых колоколов. Для Павла Нахимова наступила многолетняя пора приобщения к великому искусству мореплавания, воспитания самоотвержения в служении Родине...

В кают-компании командир объявил, что впредь Кадьян вахту стоять не будет. Лейтенанта Кадьяна, с пронзительным взглядом черных глаз, Лазарев зачислил на фрегат по рекомендации свыше.

Оставшись наедине, Завалишин поделился с Нахимовым:

— Кадьян благорасположения Михаила Петровича добился не по заслугам, льстит, а с командой зверем.

Нахимов согласно кивнул:

— И вахту правит худо, то и сам командир видит, и в части астрономии неуч полный...

Благоприятные пассаты были весьма кстати, и без особых приключений фрегат и шлюп пересекали Атлантику.

Берега Бразилии встретили противными ветрами,

пришлось встать на якорь, не доходя Рио-де-Жанейро, на видимости горы Сахарная Головка.

22 февраля 1823 года «Крейсер» и «Ладога» покинули Рио-де-Жанейро. Атлантический океан встретил их умеренной зыбью и попутным свежим ветром. Однако через неделю погода резко ухудшилась. Начались жестокие штормы, которые сопровождали корабли почти все три месяца плавания. Поднявшись до субтропических широт, они поймали попутные ветры, но вошли в полосу бурь и непогоды. С особой силой обрушился океан на мореплавателей после пересечения меридиана мыса Доброй Надежды. По несколько суток работали люди с парусами. Подвахтенная смена то и дело вызывалась наверх. Горячую пищу на камбузе не готовили целыми неделями, питались всухомятку, сухарями.

Пошел третий месяц плавания, экипажи не роптали на постоянные невзгоды, а, наоборот, с еще большим самоотвержением боролись с океанской стихией.

В середине мая на подходе к Тасмании шторм усилился, горизонт был закрыт пеленой дождя и тумана. К вечеру следующего дня шторм несколько стих, и корабли перешли на рейд порта Дервент. Наконец-то команды после трехмесячного перерыва вдоволь пили свежую береговую воду. Помимо обычного ремонта и пополнения запасов свежей воды и продовольствия, решили заготовить дрова и уголь. Через две недели на берег съехала команда матросов с мичманами Домашенко и Путятиным, и они направились вверх по реке.

Здесь впервые Нахимов находился в гуще необычных событий, бунта матросов по причине издевательств над ними Кадьяна. Однако Лазарев умело утихомирил команду, не придав делу законного хода.

Зачинщиков судили, но больше для проформы — всех разжаловали в низший разряд. Долго беседовал Лазарев с глазу на глаз с Кадьяном. В кают-компанию тот пришел злой, не поднимая глаз на офицеров, поужинал и молча вышел.

Наутро «Крейсер» и «Ладога» снялись с якорей и направились к острову Таити.

В тропики «Крейсер» вступил под полными парусами. Теперь его не обременяла тихоходная «Ладога». Постоянные шквалы с дождем и градом разлучили шлюп и фрегат, и они продолжали плавание самостоятельно к месту встречи — острову Таити.

После вахты Нахимов, промокший до нитки, спустился в каюту. Переодевшись, он заглянул к Завалишину. Тот сидел на койке с раскрытой книгой, задумчиво смотря в оконце, сплошь покрытое сеткой дождя. У него частенько собирались офицеры — поделиться новостями по вахте, поразмышлять, посоветоваться.

— О чем грустишь, Дмитрий? — Нахимов опустился в кресло.

Завалишин отложил книгу:

— Который раз размышляю о неприятном случае в Дервенте...

— Бунтовщиков может оправдать лишь необузданный нрав Кадьяна и его нечистоплотность. А впрочем, — Нахимов устало прикрыл глаза, — корабль подобен сложному механизму, вроде хронометра. Каждый винтик-гвоздик должен быть при месте и строго свой маневр исполнять. Иначе гибель. Посему, — Нахимов насмешливо прищурился, — почитаю все средства употребимы для пользы службы. О том же и Михаил Петрович повседневно толкует.

— Не мыслишь ли ты, что Лазарев во всем прав безоговорочно? Линьками возможно не столь истерзать тело, сколь возмутить дух человека, — ответил Завалишин.

— Для искусного исполнения маневра матросу надобно поначалу сноровисто с парусами управляться. Михаил Петрович прав, что лень и нерадивость одного матроса могут служить причиной гибели сотен людей. Суть, чтобы наказание было справедливо и в меру проступка, — возразил Нахимов.

— Надобно все толково пояснить матросу... — Завалишин не успел закончить, как от сильного толчка слетел на пол, а Нахимов еле удержался в кресле.

Через мгновение оба офицера выскочили на верхнюю палубу. Фрегат на большой скорости под всеми парусами остановился словно вкопанный.

В считанные мгновения вся команда разбежалась по местам.

— Бросай лот! Слева магерман и грота-булинь отдай! Рей раз-брасопить! — четко командовал Анненков, поглядывая на стоящего в одной рубашке командира. Фрегат слегка увалился.

— Боцман, смерить воду в льяле! Осмотреть форпик и форштевень! — скомандовал Лазарев.

— Лот проносит справа!

— Лот проносит слева! — кричали лотовый с бака.

— Приводитесь к ветру, ложитесь на заданный румб. — Командир внимательно осматривал в подзорную трубу горизонт. Невольно вспомнились острова Суворова, открытые десять лет тому назад в этих же акваториях, ближе к экватору на несколько градусов. Там они располагались на выступающих из воды коралловых рифах, их окружали большие лагуны, часто скрытые под водой...

— Воды в льяле не прибывает, ваше высокоблагородие! — радостно доложил боцман.

Неделю спустя «Крейсер» встал на якорь в огромной лагуне Матавайского рейда, самой удобной гавани Таити. Дружелюбно и приветливо встретили таитяне русских моряков. Молодой правитель острова, сын Помаре, хорошо помнил Лазарева и других офицеров, посетивших Таити три года назад, при плавании к Южному полюсу.

— И заметьте, господа, — делился за чаем в каюткомпании Завалишин, — при полном доверии нашем к туземцам и отсутствии предосторожностей нет ни одного случая на кражу, хотя бездна мелких вещей вокруг на палубе. — Он оглядел всех за столом. — Ино-

земные же мореплаватели о другом толкуют, будто воровством они промышляют...

Помощь радужных островитян сократила стоянку, а когда пришло время расставаться, многие из них не хотели покидать палубы кораблей. За дружескую помощь таитянам преподнесли разные поделки.

Наблюдательный Андрей Лазарев начал вести заметки о плавании еще в Кронштадте. С оттенком сентиментальности описывает сцену прощания:

«Вместо радости, которую мы привыкли видеть на их лицах, слезы горести лились из глаз; они ничего не хотели принимать от нас, и я думал, что они мною недовольны, — записал он, — почему приказал щедро увеличить подарки, но увидели противное: плач их происходил не от алчности к сокровищам, а от сожаления, что расстаются с товарищами, коих убедительно просили взять их с собой в Россию».

Четыре дня шли корабли на север до параллели островов Суворова и легли в дрейф. Отсюда «Ладога» направилась к Камчатке...

Залпы взаимных салютов разорвали утреннюю тишину Новоархангельского рейда в Русской Америке. «Крейсеру» отвечали крепость и шлюп «Апполон» на рейде.

На берег свезли все имущество и оборудование. Начали окуривать судно, избавляясь от крыс. Команда жила на берегу в палатках. Матросы очищали от камней землю на одном из островов под огород, надо было помочь малочисленным жителям Новоархангельска.

После окуривания перевезли на корабль имущество, и команда начала переселяться. И опять на глазах Нахимова разразилась драма. Экипаж взбунтовался, люди отказывались переходить на корабль, пока не уберут Кадьяна. И вновь Лазарев сумел утихомирить матросов.

В тот же день с глазу на глаз он дал ясно понять Кадьяну, что его служба далее на «Крейсере» невозможна. По его настоятельному «совету», Кадьян подал ра-

порт с просьбой списать его с фрегата по болезни. Сравну стали заметны перемены в настроении экипажа.

«С удалением Кадьяна все вздохнули свободнее, как бы освобождаясь от какого-то кошмара. Исчезли сплетни, интриги, неприятные сцены; команда работала отлично, вела себя безупречно».

Корабли начали готовиться к переходу и через неделю отправились в Калифорнию за хлебом.

Неприветливо встретил моряков осенний океан. К вечеру разыгрался шторм. Ночью ветер достиг ураганной силы. Паруса трещали и лопались под его напором. Гигантские волны закрывали огни фальшфейера «Ладоги», которые скоро исчезли в кромешной тьме. Целую неделю не утихал шторм.

«Крейсер», сильно накренившись, нес полные паруса. На вахту заступил Завалишин, а через полчаса к нему — Нахимов.

— Соскучился по доброму ветру, — улыбаясь, проговорил он. Закинув голову, придирчиво осмотрел паруса, снасти. — Барометр нынче упал довольно, быть буре. — Завалишин только что записал метеорологические наблюдения.

Прохаживаясь на шканцах, они делились впечатлениями о стоянке в Новоархангельске.

— Человек за бортом! — донесся вдруг громкий крик с бака.

В воду сорвался с рея матрос Давыд Егоров.

— Право руль на борт! Справа грота-булинь от-
дать!

«Крейсер», пробежав два-три кабельтова, теряя ход, приводился к ветру. Штормовые волны сильно раскачивали его.

В ту же минуту Завалишин послал в шлюпку на левый борт первых попавшихся матросов.

— Павел Степанович! — Завалишин понимал, что он не вправе приказывать: на баке для этой цели подвахтенный мичман, а Нахимов здесь случайно. — Отправляйся с ними!

Спустя мгновение Нахимов был в шлюпке. Спускать ее на такой качке было бессмысленно: разобьет в щепки. Улучшив момент, когда фрегат едва не черпнул бортом, Нахимов скомандовал:

— Руби тали!

Шлюпка полетела вниз, матросы с ходу отошли от борта. Матрос на салинге красным флажком отмахивал в сторону кормы, где едва-едва виднелась голова упавшего за борт.

— Стало быть, — докладывал боцман Лазареву, — канонир Давыдка Егоров на левых фор-русленях юнферс раскручивал, видать, волной сшибло, а может, соскользнул. Однако успели ему лестницу сбросить.

Тем временем шлюпка, скрываясь за огромными волнами, едва виднелась; матрос вдруг исчез в пучине, видимо, схватила судорога.

Лазарев сосредоточенно всматривался в бушующий океан, временами вскидывая голову вверх. Два матроса и унтер-офицер на раскачивающихся салингах до боли в глазах всматривались в горизонт. Прошел час-другой, шлюпка не показывалась. Постепенно сумеречная мгла опускалась над бунтующим океаном.

— Шлюпка по корме! — радостно закричал унтер-офицер³² на грот салинге.

Гигантские волны зыби и крепкий порывистый ветер сильно раскачивали фрегат. Сквозь плотно прикрытые порты орудий заливалась вода на батарейную палубу. Подойти на такой волне к борту — значит наверняка погубить не только шлюпку, но и гребцов.

Лазарев приказал спустить за борт матросские койки, чтобы смягчить удар и выбросить матросам концы на случай, если шлюпку разобьет. Заложили тали и, выждав мгновение, когда фрегат начал наклоняться в сторону шлюпки, быстро выбрали тали, но не успели поднять шлюпку. Набежавшая волна ударила ее о борт и разнесла в щепки. Матросы успели схватиться за концы, и их вытянули на палубу. Огорченные,

насквозь промокшие, стояли они перед командиром. Нахимов виновато развел руками. Но взволнованный Лазарев положил ему руку на плечо:

— Молодцы, братцы, ради жизни товарища себя не жалели.

По приходе в Сан-Франциско он отметил благородство и мужество своих подчиненных и сообщил в Адмиралтейств-коллегию:

«Сию готовность г. Нахимова при спасении человека жертвовать собою я долгом почитаю представить на благорассмотрение г.г. членов государственной Адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждою, что такой подвиг не найдется недостойным внимания моего начальства».

На Сан-Францисском рейде «Крейсер» встал на якорь рядом с «Апполоном» и торговым судном Русской компании.

После обеда на шканцы фрегата вышли офицеры, утомленные нелегким переходом из Ситхи. Несмотря на позднюю осень, теплый береговой ветер приятно ласкал лицо...

Полтора месяца прошло с той поры, как «Ладога» доставила из Петропавловска ошеломляющее для Нахимова и всех офицеров известие: по высочайшему повелению мичмана Дмитрия Завалишина предписывалось ближайшей оказией отправить в Петербург для аудиенции у царя.

Больше других изумился и огорчился Нахимов:

— Как же так, брат! От сотоварища, соседа по каюте, утаил...

Смущенный Завалишин, как мог, объяснил, что прежде не мог поделиться с другом, пошутил:

— А вдруг в кандалы бы заковали?

Только с ним и с Лазаревым поделился Дмитрий сокровенными мыслями, изложенными в письме к царю. Через две недели отправлялись «Апполон» и «Ладога», и ему предстояло решить, как ехать в Петербург: морем или через Сибирь.

Лазарев настоятельно советовал ехать сушей: шлюпы возвращались уже знакомым маршрутом.

— Вам, Дмитрий Иринархович, редкий случай выпадает ознакомиться с такой малоизученной, но важной для России стороной. Ничем вы не обременены в пути, лучшей возможности для путешествия не сыщешь, а кроме прочего, — командир лукаво улыбнулся, — прежде времени с вами расставаться огорчительно.

Утром 12 января «Ладога» и «Апполон» поставили все паруса, произвели прощальный салют и, окутанные клубами порохового дыма, направились к выходу из залива в океан.

Оставшееся время экипажи заготавливали пшеницу для Новоархангельска. Ее покупали по всему побережью, посылая баркасы к северу и югу от залива. Спустя месяц, загрузившись пшеницей и другим продовольствием, «Крейсер» ушел в Ситху. Лазарев рассчитывал прийти в Новоархангельск через две недели, но океан внес свои поправки. Больше месяца жестокие штормы трепали «Крейсер», противные ветры гнали на юг.

Приходу фрегата были рады все: и промышленники, и население. Для жителей, особенно для детей, хлеб из свежей муки казался лакомством. Охочие люди готовились к промыслу и могли теперь отправляться безбоязненно и спокойно добывать зверя на далекие острова. Присутствие «Крейсера» служило порукой от любых нападений.

В середине мая, исполняя обязанности штурмана на компанейском бриге «Волга», отправился в Охотск Завалишин. Оттуда путь его лежал через Сибирь в Петербург. Офицеры и матросы тепло проводили его, а Нахимов перед разлукой обнял друга:

— Когда доведется свидеться...

Это была их последняя встреча.

Лазарев отослал с этой же оказией рапорт начальнику Морского штаба с характеристикой Дмитрия За-

валишина: «Пользуясь сим случаем я обязанностью поставляю рекомендовать г. Завалишина как весьма исполнительного и ревностного к службе офицера и с сим вместе довести до сведения... что в продолжение двухлетнего его служения под моим начальством он как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех возложенных на него обязанностей приобрел право на совершенную мою признательность».

Истекал срок пребывания «Крейсера» в Русской Америке.

Утром 16 октября жители Новоархангельска вышли проводить «Крейсер». Крепкий ветер не заставил долго ждать и, сопровождаемый прощальными залпами крепостных орудий, фрегат под полными парусами направился к выходу из залива...

Едва успели миновать многочисленные острова, как задул сильнейший южный ветер, начался шторм, и фрегат, беспрестанно меняя галсы, две недели лавировал неподалеку от Ситхинского залива. Путь до Сан-Франциско занял больше месяца. Пополнив запасы, в конце декабря «Крейсер» вышел в океан. На шканцы поднялись офицеры, шкафут заполнили матросы, свободные от вахты. Вдали за кормой, постепенно удаляясь, едва чернела в утреннем мареве полоска отвесного берега форта Росс.

Направляясь к мысу Горн, мореплаватели рассчитывали использовать благоприятные западные ветры, обычно господствующие здесь в это время года. Однако опять не повезло: их встретил противный восточный ветер, временами переходящий в штиль. Наконец ветер переменился. «Крейсер», благополучно обогнув Южно-Американский континент, через 93 дня беспрепятственного плавания прибыл в Рио-де-Жанейро.

Здесь Нахимов стал свидетелем заботливого отношения сурового на службе капитана к матросам.

За время перехода заболело 10 матросов, и доктор сказал, что вылечить их можно только на берегу. Рас-

ходы на лечение не предусматривались никакими положениями и статьями, но Михаил Петрович снял на берегу специальный дом, окруженный садом, в котором поместил больных матросов. Сухой береговой воздух быстро оказал благотворное влияние на больных, и уже через 10 дней большинство из них перебрались на фрегат.

Сердца моряков рвались на родину.

...5 августа, после трехлетней разлуки, Кронштадт радушно встретил мореплавателей. В шканечном журнале «Крейсера» появилась последняя запись: «В плавании 1084 дня, из них под парусами — 457». На следующий день фрегат посетил начальник Морского штаба, прошел по всем палубам, тщательно осмотрел каждый закоулок и пришел в восхищение.

«Я осмотрел фрегат, — донес он в тот же день Александру I, — и нашел его во всех отношениях не только в отличной, но даже необыкновенной, превосходной исправности».

Окончание плавания для Нахимова совпало с радостными известиями: 22 марта 1823 года он был произведен в лейтенанты, а за кругосветное плавание удостоен первой награды — ордена Святого Владимира IV степени.

В рапорте начальнику Морского штаба об итогах плавания Лазарев упомянул лейтенантов Никольского, Куприянова, Нахимова. *«...Осмеливаюсь представить на благоуважение в. пр-ва тех отличных г.г. офицеров, которыми я имел честь командовать в продолжение трехгодичного сего плавания... Они на самом деле удостоверили меня в отличных своих достоинствах и тем приобрели право на совершенную мою признательность».*

Видимо, эти качества Нахимова учитывал Лазарев, комплектуя экипаж строящегося на верфях Архангельска, 74-пушечного линейного корабля «Азов». Вернувшись в марте 1826 года из отпуска, Нахимов на перекладных отправился в Архангельск. В экипаже

«Азова» он встретил прежних сослуживцев по «Крейсеру»: Путятин, Домашенко, Бутенева. С первого дня Нахимов с головой отдается службе. Деятельный и опытный Лазарев неустанно занимается разными переделками и усовершенствованиями в конструкции и вооружении «Азова». В этом деле он нашел верного помощника, Нахимова, который без усталости трудится на верфи.

«С пяти часов утра до девяти вечера, — сообщает он другу, — бывал на работе, после должен был идти отдать отчет капитану обо всем, откуда возвращался не ранее одиннадцати часов, часто кидался в платье на постель и просыпал до следующего утра. Таким образом протекал почти каждый день, не включая и праздников...»

19 сентября 1826 года на Кронштадтском рейде стал на якоря отряд кораблей, прибывших из Архангельска под командой Лазарева. На борт сразу поднялся командующий Балтийской эскадрой адмирал Роман Кроун. Придирчиво осмотрел «Азов».

Из доклада командующего эскадрой Балтийского флота морскому министру: *«С удовольствием уведомляю вас, что прибывший на Кронштадтский рейд корабль «Азов» примерной опрятностью и чистотой обращает на себя внимание!»*

Выслушав похвалу в докладе министра, Николай вспомнил фрегат «Крейсер» и приказал:

— Пускай с пристрастием перепроверит правильность похвалы Кроуна Адмиралтейств-коллегия.

Комиссия собралась солидная — ушаковцы, вице-адмирал Семен Пустошкин, капитан-командор Федор Митьков, генерал-интендант Василий Головнин и другие важные чины. Проверяли дотошно пять дней.

На всех кораблях «найдена должная исправность, — доносили комиссары, — что касается до корабля «Азов», то комиссия, входя в подробное рассмотрение устройства оного, по силе означенного предложений начальника морского штаба, нашла многие устройства

действительно отличными, ибо расположение и части того корабля отделаны отменно, удобны и полезны для флота, которым и описание комиссия вскорости засим имеет представить вместе с чертежами».

Император не вытерпел, услышав похвалу адмиралов, сам приехал на «Азов». Молча прошел по всем палубам, задержался на артиллерийских деках. Слушал объяснения командира, придирчиво осматривая новшества.

Все эти дотошные проверки, инспекции новшеств, смотры волновали Нахимова. Ведь во многое и он вложил свой труд, отдаваясь с душой любимому делу. Наконец-то «Азов» признан образцовым не только начальством, но и всеми моряками Кронштадта.

Нахимов преисполнен гордости за своего командира и делится впечатлениями с другом: *«Надо послушать, любезный Миша, как все относятся о капитане, как все его любят. Право, такого капитана русский флот не имел, и ты на будущий год без всяких оговорок изволь переходить в наш экипаж, и тогда с удовольствием моим ничего не в состоянии будет сравниться».*

Прелюдия закончилась, «Азов» готовился к походу к берегам далекой Эллады на боевую службу, вызвать греков от турецкого ига.

В начале июня 1827 года эскадра под флагом адмирала Сенявина тронулась в путь. Головным флагманом шел «Азов». Умудренный опытом, адмирал Сенявин, гордость моряков в прошлом, присматривался не только к состоянию и выучке экипажа «Азова», но и заведенным порядкам. По приходе в Портсмут, подводя итоги, он издал приказ:

«...Замечено мною, что гг. офицеры употребляют весьма часто во время работы на корабле вовсе неприличные слова, также и то, что на многих кораблях служители употребляют между собою ругательства. Видя, что таковые гнусные изречения нисколько не уменьшаются, для отвращения сего предписываю

гг. командирам кораблей, фрегатов и прочих судов приложить всемерное старание, дабы искоренить таковые дурные обыкновения и, в случае неисполнения сего запрещения, взыскивать и наказывать строго.

Сверх того, дошло до сведения моего, что гг. офицеры корабля «Азов», хотя часто и по усердию к службе, но переступают меры наказания, дозволяя себе, сверх того, в минуту запальчивости ударять людей во время работы своими руками. Поставляя сие на замечание капитану корабля «Азов», предписываю ему арестовать на три дня капитан-лейтенанта Кутыгина, лейтенанта Нахимова и мичмана Розенберга, сделав им строгий выговор, дабы впредь остерегались подобных поступков».

Приказ адмирала произвел сильное впечатление на офицеров, особенно на молодых. Среди наказанных за усердие был Нахимов. Прежние его взгляды на службу, на матросов, от которых требовали прежде всего беспрекословного повиновения, казались незыблемыми. Упрек боевого адмирала прозвучал властно, заставил задуматься и пересмотреть многое.

8 августа эскадра с попутным ветром направилась в Средиземное море. Миновали Гибралтар, не доходя Палермо, корабли попали в сильный шторм. На «Азове» в один из шквалистых порывов упал за борт матрос, крепивший паруса. В кают-компании мичман А.А. Домашенко услышал крик матроса за кормой. Не раздумывая, через окно сиганул за борт, схватил брошенный в воду кем-то стул, подплыл к матросу и отдал ему стул. К ним уже приближалась спущенная с корабля шлюпка, но в этот момент водяной вал накрыл моряков, и они оба скрылись в пучине.

Всех офицеров, матросов «Азова» глубоко взволновал благородный поступок Домашенко: «...какой великодушный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, если этот поступок не будет помещен в историю нашего флота...» — сообщает другу Нахимов.

Спустя месяц русские корабли встретились с английской и французской эскадрами. Они уже крейсировали несколько недель неподалеку от Наваринской бухты, где был сосредоточен турецко-египетский флот.

В полдень 8 октября 1827 года эскадры союзников вошли в бухту Наварина и вскоре начался бой. «Азов» шел головным в русской эскадре, и на него обрушилась лавина огня турок.

На шканцах «Азова» рухнул, весь в пламени, обломок грот-реи. Черный от пороховой копоти, с расстегнутым сюртуком, перебегая от орудия к орудию, лихо командовал батареей лейтенант Бутенев. Только что он вместе с Нахимовым, командиром баковой батареи и его матросами погасили пожар. Лазарев окинул взглядом мачты. Переломилась фор-стенга, в щепы разнесло реи на фок- и бизань-мачтах, перебит такелаж, — турки явно метили в рангоут, чтобы лишить корабль хода.

— Передать на бак Нахимову: «С отдачей якоря завести шпринг!» — Лазарев решил атаковать флагманский корабль египтян.

Не прекращая огня, «Азов» подошел на пистолетный выстрел к кораблю египтян, отдал оба якоря и, развернувшись бортом, стал на шпринг. Удачным выстрелом баковой батареи пережил шпринг у египтян, и их корабль развернулся кормой к «Азову».

— Молодец Нахимов! Продольный огонь левым бортом! — передал Лазарев приказание на все батарейные палубы.

Спустя полчаса корма египетского флагмана была разбита вдребезги, огонь перекинулся в констапельскую каюту, и минуту спустя флагман взлетел на воздух.

Едва «Азов» перенес огонь на корабль флагмана турок, как тот, обрубив якорные канаты, метнулся к берегу. Теперь почти все турецкие корабли прекратили огонь по англичанам и с яростью обрушили его на «Азов» и другие корабли русской эскадры.

На верхней палубе «Азова» не успевали убирать убитых и раненых, кое-где зияли в бортах пробоины, горящий рангоут воспламенял все вокруг. Рядом с командиром баковой батареи, лейтенантом Нахимовым, порвался брандскугель, и вокруг орудия запылаха палуба. Вместе с матросами Павел Нахимов самоотверженно бросился в огонь и, потушив палубу, вновь встал к орудиям. Мимо уха Лазарева просвистело ядро. Рядом на шканцах вскрикнул Бутенев. Раздробленный, оторванный по локоть обрубков правой руки беспомощно повис на коже, во все стороны хлестала кровь. Подбежавший матрос сорвал с себя рубаху, замотал культю. Подбежали еще два матроса. Бутенев отстранил их здоровой рукой.

— К орудиям, братцы, наводи! Пали!

Матросы чуть не силой увели Бутенева в лазарет.

Бой продолжался до вечера, и его окончание по свежим следам описал Нахимов:

«В 6 часов кончилось сражение совершенным истреблением всего турецкого и египетского флота. В продолжение сражения взорвано на воздух до 15 судов, не включая 7 брандеров. И я не понимаю, как ни одно судно из соединенного флота не сгорело во время сражения. До 6 судов было взято в плен. Остальные, будучи совершенно разбиты, все рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали. Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, непрерывно видели горящие и взрывающиеся на воздух суда так близко, что, стоявши наверху, чувствуешь довольно сильный жар...»

И тут же в письме Рейнеке восхищался Лазаревым: «О, любезный друг, я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня неостанет слов описать все его похвальные дела, и я

смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана».

С честью прошел испытания в боевом крещении Павел Нахимов. В декабре поступило известие о производстве его в капитан-лейтенанты, и он был удостоен первой боевой награды и ордена Святого Георгия IV степени.

Эскадра продолжала боевую службу в Средиземноморье, началась война с Турцией. В кампанию 1828 года пленили турецкий корвет «Нассаби саббах». Этот корвет оказался отличным судном, недавно построенным из дуба. Корвет переименовали в «Наварин», и по настоянию Лазарева командиром назначили Нахимова.

После небольшого ремонта под присмотром Нахимова корвет «Наварин» стал образцовым судном на эскадре. Нелегко далось это Нахимову. «Павел Степанович служит 24 часа в сутки», — отзывались о нем в ту пору сослуживцы.

Весной 1830 года, после возвращения эскадры на Балтику, Лазарев аттестует Нахимова: «Отличный и совершенно знающий свое дело морской капитан.» За образцовое состояние «Наварина» ее командир удостоивается ордена Святой Анны II степени. Но рутинная служба в Кронштадте тяготит молодого, полного энергии моряка. В конце 1831 года его переводят командиром строящегося фрегата «Паллада». Царь хотел видеть в этом судне образец новейшего кораблестроения. И Нахимов, «тонкий мастер морского дела», оправдывает доверие, делает «Палладу» примером для всей Балтики. Но Нахимов не только знаток корабельного устройства, а и отменный командир.

Плавая в составе Балтийской эскадры осенью 1833 года, он своими решительными действиями предотвратил катастрофы.

...Пасмурной осенней ночью 17 августа 1833 года эскадра под командой вице-адмирала Фаддея Беллинсгаузена сбилась с курса. Нахимов сам вел счисление и прокладывал курс. Вдруг на мгновение проясне-

ло, и Нахимов сумел запеленговать маяк и точно определить свое место. «Эскадра идет на камни, — молниеносная мысль обожгла Нахимова, — а адмирал почему-то не дает сигнала о повороте».

Нахимов еще раз проверил расчет — ошибки нет! Он пригласил к себе лейтенанта Алферова, только что сменившегося с вахты, с ним вновь определили местоположение и окончательно убедились в правильности расчета. Немедля он приказал дать сигнал кораблям эскадры: «Флот идет к опасности» — и стремительно отвернул на новый галс. Вслед за ним шел корабль «Память Азова». Там приняли тревожный сигнал с «Паллады», и «Память Азова» тоже изменила курс. Вскоре были замечены сигналы с других судов. Эскадра была спасена от катастрофы. Лишь головной корабль «Арсис» не успел отвернуть и выскочил на камни...

В зиму 1834 года капитан-лейтенант Нахимов по ходатайству Лазарева прибыл на Черноморский флот, получил назначение командиром строящегося линейного корабля «Силистрия». В том же году производится в капитаны 2-го ранга.

В ноябре 1836 года «Силистрия» бросила якорь в Севастопольской бухте. Вскоре этот корабль стал лучшим на флоте. Нахимов «служит здесь образцом для всех командиров кораблей», — аттестует его Лазарев.

В конце 1839 года за отличие по службе Нахимов произведен в капитаны 1-го ранга. Тепло поздравили его Корнилов и Путятин, но его успехи не даются даром. В марте 1838 года он уволен в отпуск за границу «впредь до излечения болезни». Две кампании пропустил Нахимов и, кое-как подправив здоровье, вернулся на флот, ступил на палубу родной «Силистрии». И сразу в бой. На «Силистрии» поднял свой флаг Лазарев в 1840 году, высаживая десант у берегов Кавказа. И в последующие кампании Нахимов не раз участвовал в крейсерстве, оберегая Кавказское побережье от вылазок турецких контрабандистов и английских лазутчиков. В сентябре 1845 года по ходатайству Лаза-

рева он произведен в контр-адмиралы и назначен командиром бригады кораблей. Совершенствуя выучку кораблей, новый флагман особенно отличился в пяти-месячном крейсерстве у берегов Кавказа.

По-прежнему он правит службу в боевом содружестве с контр-адмиралом Корниловым, новым начальником штаба флота.

В 1851 году скончался М. Лазарев, и командующим флотом назначили 75-летнего старца, генерал-лейтенанта Берха. Престарелый Берх сидел в Николаеве, и, по сути, все дела Нахимов решал с Корниловым.

В 1852 году флот посетил царь Николай I. Близилась развязка войны с Турцией. Берх оплошал, нелепо командовал эскадрой, но Николай I понял, кто истинные командиры. Нахимова и Корнилова произвели в вице-адмиралы, а Нахимов стал начальником 5-й флотской дивизии, то есть командующим эскадрой.

В феврале 1853 года, ускоряя события, царь направил морского министра князя Меншикова в Стамбул «увещевать» султана.

В середине марта из Константинополя вернулся в Николаев начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов, сопровождавший Меншикова по поручению царя. При первой же встрече со своим старинным товарищем, вице-адмиралом Нахимовым, он поделился впечатлениями о переговорах с турками.

— Сиятельный князь ведет себя так, будто не миротворцем прибыл, а нарочно вознамерен поссориться с турками. Видимо, большие полномочия от его величества имеет.

Нахимов разделял беспокойство своего товарища:

— Сиятельный князь уповает на флот наш, но сие справедливо лишь супротив турок.

По плану, разработанному Корниловым, в начале августа флот разыграл нападение на Севастополь со стороны моря. Начальник штаба флота поднял свой флаг на «Двенадцати апостолах» и вышел в море с эс-

надрой Нахимова. На рейде Севастополя для помощи береговым бастионам осталось несколько кораблей. Имитируя прорыв в бухту, эскадра еще на подходе к Константиновской батарее открыла огонь из всех орудий. Однако батарея огнем из всех пушек поставила перед носом флагманского корабля огневую завесу, и он был вынужден лечь в дрейф. Вскоре в артиллерийскую дуэль с эскадрой вступили Павловская, Александровская и другие батареи и корабли, стоявшие на рейде...

Корнилов остался доволен и атакой Нахимовской эскадры, и обороной Севастопольской бухты на случай войны. А в том, что она неумолимо приближалась, мало кто сомневался, и ее верные признаки все явственнее проступали на обоих берегах Черного моря.

Стремясь к развязыванию войны с Турцией, Николай I, как это случалось и раньше у его предшественников, не имел плана ее ведения и сказал однажды в кругу своих приближенных:

— Главное, положить начало разрушению Османской империи, а там один Всемогущий Бог определить может, что за этим последует.

В середине сентября Корнилов получил предписание Меншикова готовить флот, погрузить 13-ю дивизию со всеми припасами, перевезти ее морем и высадить на Кавказе.

По привычке Корнилов, отдав предварительные распоряжения, тут же послал адъютанта за Нахимовым и стал набрасывать план действия. Прямо от начальника штаба флота Нахимов отправился к командиру дивизии и договорился о местах и порядке погрузки войск.

Спустя два часа на эскадре объявили приказ флагмана: принять дивизию на корабли и транспорты и быть готовыми к походу.

Море встретило эскадру сильной зыбью. Она тягуче накатывалась ленивыми валами издалека с юга, от берегов Турции, изнуряюще мотала корабли

и транспорты, которые, будто игрушечные ваньки-встаньки, переваливались с борта на борт между ее гигантскими гребнями. При подходе к берегам Кавказа море несколько утихомирилось. Высадку войск эскадра произвела почти «с ходу», в двух местах, на Сухумском рейде и в Анакрии.

Докладывая о десанте на Кавказе, Корнилов и Нахимов настойчиво убеждали Меншикова, пока не поздно, упредить события и овладеть проливами. В противном случае там в любой момент могут появиться англичане и французы, и тогда не миновать беды. Ссылались на прозорливый план адмирала Лазарева на этот случай и напоминали его стремительную экспедицию в Босфор два десятилетия тому назад, которая предотвратила занятие проливов англичанами.

Меншиков наконец-то решился на полумеры и предписал Нахимову выйти с эскадрой в крейсерство к берегам Анатолии, но тут же приказал турок не затрагивать и открывать огонь по ним только в случае явного нападения.

Однако Нахимов понял предписание князя по-своему. В приказе по эскадре потребовал с выходом в море все орудия зарядить ядрами, ударные трубки снарядить на «товсь», ружейные патроны и оружие для абордажа изготовить, а на салингах выставить часовых и немедленно извещать флагмана о всех замеченных судах. Первый выстрел любого судна приказал считать сигналом к атаке и уничтожению неприятеля.

Эскадра две недели крейсировала вдоль турецких берегов.

В конце октября Нахимов направил в Севастополь пароход «Бессарабию», на нем кончался уголь. Накануне он вызвал командира «Бессарабии», капитан-лейтенанта Щеголева, и вручил ему пакет для Корнилова:

— Передайте на словах Владимиру Алексеевичу, что турки не прекращают своих рейсов к Батуми и жмутся ныне к берегу, да темными ночами, а нам ту-

да плавать запретил князь Меншиков. Вы и сами о том знаете не хуже меня. Посему поясните все подробности и просьбу мою передайте, дабы ответ по изменению порядка крейсирования не затягивали.

Весь следующий день, 30 октября, шел проливной дождь. Над морем проносились мрачные свинцово-серые, с бирюзовым отливом тучи, гонимые порывистым норд-остом. К полуночи ветер достиг ураганной силы, шквалы налетали беспрерывно. Не выдерживали и рвались зарифленные паруса и снасти, трещали и ломались реи и стеныги.

Нахимов вместе с командиром «Императрицы Марии», капитаном 2-го ранга Барановским всю ночь напролет провели на шканцах.

Послеполуденное солнце окончательно вышло из облаков. Вскоре обнаружилось, что эскадра сблизилась с фрегатом «Коварна» и пароходом «Бессарабия». На фрегате прибыл адъютант Корнилова с письмом от него, а «Бессарабия» привезла из Севастополя царский манифест от 20 октября об объявлении войны Турции.

Прочитав манифест, Нахимов тут же передал Барановскому:

— Поднять сигнал командирам всех кораблей эскадры: «Война объявлена. Турецкий флот вышел в море».

3 ноября на эскадре объявили приказ Нахимова:

«Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов, я считаю нужным предупредить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело...»

За ночь ветер окончательно стих, и рассвет наступил в полной тишине, море заштило, из-за облаков показалось наконец долгожданное солнце. Неожиданно в тишине над морем прокатились слабые отзвуки далекой канонады. Все невольно повернулись к западной половине горизонта, но там, насколько хватал

глаз, расстилалась спокойная гладь моря. Через несколько минут канонада повторилась, только звучала она теперь чуть слышно.

На эскадре Нахимова слышали отзвуки боя пароходов «Владимира» и турецкого «Перваз-Бахри». Эту весть принесла вторая эскадра.

В ночь на 6 ноября сошлись обе русские эскадры. Едва рассвело, Новосильский, как младший флагман, отправился на катере к Нахимову на «Императрицу Марию», где и состоялось свидание двух флагманов. Новосильский подробно рассказал о бое «Владимира» с «Перваз-Бахри». В полдень флагманы распрощались. Новосильский забрал с собой в Севастополь для ремонта корабль «Ягудиил» и бриг «Язон». Они наиболее пострадали во время штормов. Эскадра Нахимова взяла курс на Синоп.

На другой день ветер усилился и после полудня перешел в штормовой. В наступившей затем темноте сигнальные огни изредка мерцали, закрываемые то парусами, то мглой. Пришлось опять жечь фальшфейеры. Продолжавшийся, с каждым часом усиливавшийся ветер раскидал корабли.

У Синопа обнаружили четыре турецких фрегата. Но шторм повредил наши корабли. «Святослава», «Храброго» и «Коварну» Нахимов направил в Севастополь для ремонта. Остальные корабли вступили в крейсерство для блокирования неприятеля в Синопе.

Шторм несколько стих. С тремя потрепанными кораблями флагман крейсировал галсами несколько восточнее Синопа, чтобы дать бой противнику, если тот сделает попытку уйти на Кавказ.

Задул попутный восточный ветер, и 11 ноября отряд Нахимова снова подошел к Синопу. На этот раз в Синопской бухте расположилась целая эскадра — 7 фрегатов, 2 корвета, 2 парохода и шлюп.

— Прибавьте к этой армаде шесть береговых батарей турок, и все это против наших трех кораблей, — задумчиво произнес Нахимов.

Барановский озабоченно ответил:

— Павел Степанович, с этакой армадой при стычке нам не совладать. Да и корабли наши пообтрепались изрядно.

— Первым делом-с я сам намерен-с при случае атаковать неприятеля, — ответил Нахимов, — а другое, Бог даст, Осман-паша не скоро образумится, мне его повадки известны, не больно прыток против нашенских-с. — Нахимов минуту-другую размышлял. — Придется немедля с донесением отправить бриг «Эней».

В Севастополе в этот день Корнилов уже встречал «Бессарабию» с первыми вестями о Нахимове. Узнав обстановку, он тут же отправился к Меншикову:

— Ваше сиятельство, Нахимову незамедлительно требуется поддержка.

Меншиков недовольно сморщился:

— К чему такая спешка, Владимир Алексеевич? Как только речь заходит о Нахимове, все становится срочным.

— Обстоятельства крайне неблагоприятные у Синопа, — настаивал Корнилов, — можно упустить случай.

Меншиков развел руками:

— К тому же у нас с вами нет кораблей. Новосильский после шторма лишь сегодня вошел в бухту, и корабли его требуют ремонта.

Корнилов настаивал:

— С Новосильским, ваша светлость, уже все обговорено, и он готов за ночь привести часть кораблей в порядок.

Князь нахмурился. Он терпеть не мог, когда что-нибудь делалось без его ведома. В этот раз он вспомнил о почте из Петербурга. Государь торопил, требовал произвести какое-либо дело против турок.

Меншиков безразлично махнул рукой, вызвал адъютанта и продиктовал предписание.

На рассвете 12 ноября отряд Новосильского, едва успев починить корабли и пополнить припасы, вышел

в море. Под флагом контр-адмирала Новосильского следовали линейные корабли «Париж», «Три Святителя», «Великий князь Константин». В пути к ним присоединился фрегат «Кагул».

Мрачные тучи, дождь, штормовой, часто противный ветер сопровождали отряд трое с лишним суток.

Рано утром 16 ноября матрос на марсе впереди идущего фрегата «Кагул» закричал:

— Мачты и паруса на зюйд-ост!

Это была эскадра Нахимова, лежавшая в дрейфе. В 20 милях находился Синопский полуостров, он хорошо просматривался в подзорную трубу. В вечерних сумерках эскадры соединились.

Утром 17 ноября ветер задул свежо, но ровно, с востока. Небо несколько очистилось от облаков, отчего вспененное волнами море просветлело. В 9 часов на фалах «Императрицы Марии» был поднят сигнал: «Младшему флагману и командирам прибыть для сообщения им плана атаки и нужных при этом наставлений».

Прежде всего Нахимов ознакомил всех прибывших с расположением и силами неприятеля.

На турецких судах и пароходах было предположительно около 500 орудий.

Пригласил всех к карте и начал излагать свой план:

— Мое намерение атаковать турок двумя колоннами. Первую, ближайшую к неприятелю, поведу я сам, с «Великим князем Константином» и «Чесмой», вторую колонну поведете вы, Федор Михайлович, — обратился он к Новосильскому, — «Тремя Святителями» и «Ростиславом». Сей порядок, полагаю, с быстротой позволит нам развернуться расхождением колонн в удобный для нас боевой порядок, — Нахимов показал начерченные стрелы маневра, — и одновременно атаковать всю эскадру турок. Огонь открывать из всех деков — верхних и нижних. Чтобы бить наверняка, становиться будем лишь со шпрингами, насколько возможно ближе к неприятелю. Шпринги

в якорные канаты завести сей же час, как направимся к Синопу.

Нахимов помолчал, оглядывая командиров.

— Другое, — Нахимов лукаво усмехнулся, — Осман-паша будет ждать, когда мы пошлем на реи матросов убирать паруса и наверняка первый залп даст картечью по рангоуту и парусам, дабы выбить побольше матросов. Однако мы его перехитрим, паруса убирать не станем, а лишь подберем их с палубы на гитовы, горденями. Сигнал для открытия огня — второй выстрел флагмана. Ежели первым откроет огонь турок, то стрельбу вам надлежит начинать без моего сигнала, самостоятельно, по усмотрению. Я отменно знаю всех вас и уверен в вас, как в себе.

К 9 часам утра 18 ноября тучи начали рассеиваться, но моросящий дождь не прекращался. Сквозь его завесу, временами разгоняемую ветром, уже просматривался высокий скалистый берег полуострова.

В половине десятого флагман поднял сигнал: «Сняться с якоря, занять места в строю». Тут же на фалах замелькали другие флаги, обозначающие приказ: «Приготовиться к бою».

На батарейных палубах откинули орудийные порты, успели снять орудия с найтов. Тем временем эскадра постепенно склонялась к западу, огибая с юга Синопский полуостров. Хронометр показал без трех минут одиннадцать. Нахимов не спеша вынул часы, открыл крышку.

— Стало быть, Петр Иванович, время у нас еще есть, а большого дела с пустым желудком не сотворишь. Передайте на корабли: «Командам обедать».

Этим будничным сигналом Нахимов как бы показывал, что все идет как следует...

Полчаса обеда пролетели незаметно. И только бачковые успели убрать посуду, как звуки горна и дробь барабанов призвали матросов по тревоге на свои боевые места.

Двухкильватерная колонна атакующих кораблей

легла курсом на внутренний Синопский рейд, до которого по карте оставалось две с половиной мили. В это время пелена дождя, скрывавшая побережье, внезапно отодвинулась к югу. Прямо по курсу открылась турецкая эскадра, а справа по траверзу на берегу хорошо просматривались первая и вторая батареи.

Противник явно был застигнут врасплох. Это было видно по той суеде, которая поднялась на рейде. На палубах туда и сюда забегали матросы, по бухте во всех направлениях засновали шлюпки, задымил пароход.

На стеньге «Императрицы Марии» появился сигнал, обычный для повседневной жизни. Флагман показывал время полудня и тем самым как бы вновь повторяя, что все в порядке.

В эти мгновения по первому выстрелу с «Ауни Аллаха» все суда турецкой эскадры открыли пушечный огонь.

Нахимов взглянул на часы и сказал Барановскому:

— Запишите в вахтенном журнале: «В двадцать восемь минут первого часа пополудни противник открыл огонь». Поднять сигнал: «Взять на гитовы».

Первый выстрел, как и первый залп, в военном деле значит много. Открывающий огонь первым ожидает немало.

Первые залпы турецкой эскадры были произведены картечью и пришили на рангоут. На «Императрице Марии» они расколотили рангоут, особенно на готмачте. Саженный кусок расщепленной стеньги, падая, задел и ударил по плечу Нахимова. Тот слегка поморщился, стряхнул с эполета щепки, произнес, отвечая адъютанту Острено:

— Так-с, чепуха-с. — Затем повернулся, чтобы идти на юг, и вдруг увидел стоящего на коленях матроса. Побледневшие губы его бормотали молитву, и он беспрерывно крестился трясущейся рукой.

Подойдя сзади, адмирал несильно вытянул его вдоль спины подзорной трубой; матрос вскочил, глядя

ошалелыми глазами на Нахимова, а тот, перекрывая шум стрельбы, сказал, едва сдерживая улыбку:

— На это, братец, у тебя будет время, а нынче ступай делай свое дело!

Пушечный огонь турок перебил почти все ванты у грот-мачты, нижние и средние паруса на всех мачтах зияли большими дырами, свисали клочьями.

Но главного турецкие залпы не достигли — люди, как и корпуса кораблей, были целы. К тому же все артиллерийские деки турецких судов заволокло дымом от пальбы собственных пушек, и артиллеристы не знали, куда целить.

В эти минуты русский флагман отдал якорь в 150—200 саженях напротив «Ауни Аллаха», развернулся на шпринге и дал залп всеми орудиями правого борта. 38 пушек и 4 бомбических орудия начали громить батальным огнем корабль Осман-паши.

Следом за флагманом в 200 саженях от противника стали на якоря корабли первой колонны под командой капитанов 2-го ранга Ергомышева и Микрюкова и открыли огонь по турецким судам и береговым батареям. Слева заняли места по диспозиции и начали губительным огнем сокрушать неприятеля «Париж», «Три Святителя» и «Ростислав».

Противник, почувствовав смертельную опасность, ответил ураганной стрельбой.

На юте, переходя от борта к борту, следил за боем Нахимов. Один за другим вступали в сражение русские корабли. Вокруг свистели ядра, разлетались в стороны осколки бомб, раздробленные куски рангоута, горящие куски парусины и щепы. Дым и пламень попеременно с копотью обволакивали временами ют. Перебитая рея грот-мачты внезапно с треском полетела вниз, прямо на адмирала, но в полуметре над ним вдруг повисла, зацепившись за ванты. Нахимов остановил пробежавшего матроса:

— Ступай-ка, братец, в салон, пускай вестовой нальет мне стакан воды, а ты принесешь. — Он придер-

жал рукой бросившегося исполнять поручение матроса. — Да пусть стакан даст дареный, лазаревский.

Едва успел матрос отбежать, а Нахимов отойти к борту, как на том месте, где они стояли, упала раскаленная бомба. Закрутившись, шипя, разбрасывая снопы искр, она зажгла все вокруг и через несколько мгновений с треском разорвалась.

Нахимов оторвал от левого рукава вырванный осколком бомбы кусок доскута с ватой, вытер платком вспотевшее лицо, на котором краснела ссадина, и направил подзорную трубу на корабли Новосильского.

— Вашдितство! — вдруг возник из-за завесы пороховой копоты матрос с салинга. — Велено доложить, пароход туретчины снялся с якоря и отходит!

Нахимов кивнул и двинулся на бак. Так и есть, даже без подзорной трубы видно, как «Таиф», выпустив из трубы шапку дыма, медленно разворачивается на месте и направляется к выходу из бухты. «Удирает, подлец», — подумал Нахимов. Но он спокоен. У входа в бухту им поставлены фрегаты «Кагул» и «Кулевич». Однако парусникам придется нелегко. «Таиф» — новейший военный пароход.

Вскоре от огня флагмана загорелся фрегат «Фазли Аллах», он бросился к берегу и сел на мель.

В это время громовое «Ура!» долетело до кормы флагмана с «Великого князя Константина» и «Чесмы». Они взорвали бомбами пушечный фрегат «Навек Бахри». Его горящие обломки упали на четвертую батарею, турецкую часть Синопа, и там занялись первые пожары. Второму противнику «Константина» — фрегату «Несима Зефир» меткие канониры перебили якорь-цепь, его понесло вдоль берега, и он так же прикнулся на мель.

Завершился лишь первый час сражения, а Синопская бухта походила уже на гигантский кипящий котел.

Ближе к краю, в сизой туманной мгле пожарищ, бешено отстреливались турецкие суда, а сама кромка

бухты ежесекундно озарялась зловещими вспышками береговых батарей.

«Чесма» после взрыва «Навек Бахри» развернулась на шпринге и убийственным шквалом огня уничтожила и срыла до основания третью и четвертую турецкие батареи.

Батареи противника били все время прицельно калеными ядрами. Раскаленные до красна ядра зажигали палубу, разрываясь на батарейных деках, грозили взорвать крюйт-камеру.

Каленое ядро попало в одно из орудий на средней батарейной палубе «Ростислава» и разорвало его. Осколками ранило десятки матросов, пробило палубу. Загорелся и взорвался кокор с картузами. Взрывом приподняло сукно, закрывающее вход в подбатарейную камеру. Там, рядом с крюйт-камерой, взорвались приготовленные для стрельбы еще 20 коколов, а до открытой крюйт-камеры рукой подать.

— Братцы, за мной! — крикнул батарейный командир мичман Николай Колокольцев и спрыгнул вниз.

В тот же миг он хлопнул дверью крюйт-камеры и, навалившись на нее телом, запер на задвижку. Следом за ним спрыгнули матросы, среди них и раненые, и принялись тушить пожар.

— Закрывай люк сверху! — крикнул Колокольцев.

Отрезанный от воздуха огонь постепенно затух. Обгорелых, полуживых матросов подняли наверх и окатили водой...

Турецкие батареи продолжали губительный обстрел кораблей, и командир «Парижа», капитан 1-го ранга Истомин, решил заставить их замолчать. Выполняя предписание Нахимова, фрегаты «Кагул» и «Кулевич» крейсировали у входа в бухту. Заметив, что из бухты выходит пароход «Таиф» под командой английского капитана Слейда, фрегаты двинулись на перехват. Едва фрегаты произвели первые выстрелы, как пароход вдруг застопорил ход, затем отработал

машинами назад и стал выворачивать на ветер. И вдруг вдалеке из-за мыса появились три парохода, это был отряд под флагом вице-адмирала Корнилова. Увидев турецкий пароход, Корнилов сразу отослал фрегаты на помощь Нахимову, поднял сигналы «Крым» и «Херсонесу». «Атаковать неприятеля, поставив его в два огня», а сам устремился навстречу «Таифу».

Английский капитан вновь показал нежелание вступать в бой. Он резко изменил курс, уклоняясь от встречи, и развил полный ход.

Отстреливаясь, «Таиф» отрывался, как мог, но преимущество в скорости не замедлило сказаться, и погоня вскоре прекратилась.

В бухте тем временем сражение подходило к концу. Боевое ядро турецкой эскадры было уничтожено. Все корабли турок или взорвались, или, потеряв управление, сидели на мели. Часть из них полыхала. Разгорались пожары и на берегу.

Как бы подводя итог, с невозмутимым видом Нахимов распорядился:

— Передайте на все корабли: «Прекратить бой. Всем кораблям переменить место стоянки, отойти от берега». Не ровен час, ветер зайдет, огонь перекинется на них.

Слабый ветер постепенно разгонял клубы дыма, но небо не просветлело. Его заволокло серыми тучами, пошел мелкий дождь.

В бухту вошел отряд вице-адмирала Корнилова. Тепло обнялись адмиралы. Корнилов сердечно поздравил товарища:

— Виктория славная, Павел Степанович, выше Чесмы и Наварина, — взволнованно воскликнул он, — сокрушен цвет турецких фрегатов и корветов!

Нахимов, смущенно улыбаясь, развел руками:

— Не вижу своих заслуг особых, Владимир Алексеевич, это все они, — он показал на матросов, на корабли, — а я только верный выученик Михаила Петровича.

Вечером пожары усилились. Команды сидевших на мели у берега судов, не желая отдавать корабли, поджигали их. Когда огонь добирался до крыйт-камер, они взрывались и горящие обломки залетали на берег. Мощный взрыв потряс бухту, когда взлетел на воздух фрегат «Фазли Аллах». Горящие головешки от него упали и подожгли турецкую часть города. Ветер крепчал, и пламя разгоралось все быстрее.

При зареве бушующих пожаров команды принялись за ремонт судов. Узнав от Корнилова подробности бегства «Таифа», Нахимов выразил опасение:

— Полагаю, Владимир Алексеевич, елико возможно, быстрее исправиться и уйти в море, чем черт не шутит. Вспокошатся англичане и французы в Константинополе.

Корнилов согласился и сказал:

— А те суда, что не успеем исправить, возьмем на буксир. Завтра должен подойти «Громоносец».

Утром Нахимову доложили рапорты командиров кораблей о потерях:

— Всего на эскадре выбито тридцать восемь офицеров и матросов и двести тридцать раненых, у неприятеля убитыми не менее четырехсот человек.

— Раненых около тысячи наберется, много пленных...

— Ко всем взятым в плен человеческое обращение непременно проявлять, довольствовать пищей и одеждой, раненым оказать помощь, — распорядился Нахимов.

Утром 20 ноября эскадра Нахимова покинула Синоп. Корнилов на «Громоносце» отправился в Севастополь, чтобы сообщить радостную весть о разгроме турецкой эскадры.

Спустя два дня первые корабли эскадры бросили якоря на Севастопольском рейде.

— Севастополь и флот гордится вами, Павел Степанович, — сказал Корнилов, поднявшись на борт, сопереживая с Нахимовым радость победы.

За Синоп Нахимов удостоился ордена Святого Георгия II степени. И все же разгром турок при Синопе навевал иногда Нахимову тревожные мысли. Однажды он высказал их адъютанту штаба, своему земляку, лейтенанту Ухтомскому:

— Только ужасно то, господин Ухтомский, — сказал адмирал, — что эта победа подвинет против нас войну, ибо англичане увидят, что мы им действительно опасны на море, и поверьте, они употребят все усилия, чтобы уничтожить Черноморский флот.

Нахимов интуицией предчувствовал то, о чем не знал. Война с Турцией еще не началась, а русскому послу в Лондоне Бруннову было заявлено: «Флоты Англии и Франции войдут в Черное море, в случае, если русские атакуют турецкие порты».

23 декабря 1853 года англо-французская эскадра вошла в Черное море.

25 декабря Корнилов отдал приказ о приведении флота в боевую готовность. Командующему эскадрой Нахимову придавались в поддержку все береговые батареи и предписывалось «быть в полной готовности принять атаку, равно, как сняться с якорей и выйти в море».

Всю весну и лето флот приводил в порядок корабли после Синопа, выходил в море, следил за неприятелем.

14 марта Англия и Франция объявили войну России, а в конце апреля начали высадку войск в Варне. После позорного отступления войск за Дунай, союзники начали подготовку к высадке десанта в Крым.

1 сентября неприятель беспрепятственно начал высадку войск у Евпатории, а 7 сентября армия Меншикова потерпела поражение на рубеже реки Альмы.

Критическое положение Севастополя вынудило моряков безотлагательно решать, что делать флоту?

Утром 9 сентября Корнилов созвал совет, на котором присутствовали флагманы и командиры кораблей Черноморского флота.

Корнилов высказался за выход кораблей в море³³, чтобы постоять за честь флота. Он предложил атаковать неприятеля у мыса Лукулл. Если его удастся уничтожить, армия союзников останется без припасов и не сможет уже получить подкрепление. В случае неудачи он предложил сцепиться на abordаж и умереть со славой, взорвав свои корабли и часть неприятельского флота. Враг не решился бы атаковать сильные приморские батареи, а без его содействия неприятельская армия вряд ли сломит оборону русских войск. Наши войска могли бы продержаться до подхода подкрепления, а потом разбить врага превосходными силами.

Его поддержал Истомин.

— Надо выйти в море, Владимир Алексеевич, — сказал он, — погибать флоту, так погибать с честью.

«Истомин решительным голосом поддержал мнение Корнилова, — заметил командир парохода «Эльбрус» Асланбегов — я, Ильинский, Вукотич — также. Но все остальные задумались и стали рассуждать. Какой неувядаемый блистательный венок, — Асламбегов высказал свое видение дальнейших событий, — готовился Черноморскому флоту: 14 кораблей, 7 фрегатов и 10 пароходов хотели сразиться с 33 кораблями и 50 пароход-фрегатами. С какой дивной чудной памятью погреб бы себя в волнах Черного моря Черноморский флот! Если ему назначено уже погибнуть, то может ли быть славнее смерть? И какие чудеса храбрости увековечил бы за собой этот сонм героев, эта гордость храбрых? Россия бы отпела по нас вечную память; родные и друзья гордились бы, считая нас в числе этих доблестных русских, которые так мужественно презрели жизнь.

Но с выходом флота и удалением армии, что бы последовало? Город был бы взят, и неприятель торжествовал бы занятие первого русского порта. А что важнее для России: порт или флот? Конечно, порт — это ключ Черного моря.»

Вечером, покидая город, Меншиков никого не поставил в известность о своих намерениях, не отдал никаких распоряжений по обороне, не сообщил даже о том, где будет располагаться его армия. Вопрос о командовании гарнизоном в это трудное время князь решил легкомысленно: поручил престарелому бездействию начальнику 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Моллеру. Под его подчинение поступили как Нахимов, на которого возлагалось руководство морскими частями на Южной стороне, так и Корнилов, которому вверялась Северная сторона Севастополя.

Получив распоряжение князя, пока он не уехал, Нахимов направился к нему объясняться:

— Ваша светлость, увольте, не гожусь я в пехотные начальники-с, не обучен и непривычен.

Меншиков, как всегда, не переносил обсуждений своих приказов.

— Мы с вами, Павел Степанович, на службе у государя, и не к лицу вам отлынивать. Хотя Корнилов и упрям, а уже приступил к своим обязанностям. Берите с него пример, и извольте исполнять. Я спешу.

Князь надел фуражку, давая понять, что разговор окончен. Но не таков был Нахимов. Спустя несколько часов он наведлся к номинально старшему морскому начальству в Севастополе, командиру порта, вице-адмиралу Станюковичу.

— Ваше превосходительство, получив приказ его светлости заведовать морскими командами для защиты Южной части Севастополя, я не могу в то же время командовать судами, стоящими на рейде. — Нахимов положил на стол рапорт и закончил: — Покорнейше прошу разрешить мне спустить флаг и поручить эскадру младшему флагману.

Престарелый Станюкович съежился, повел плечами. Последние месяцы, с прибытием Меншикова, он старался оставаться в тени, поменьше принимать какие-либо решения.

— Добро, Павел Степанович, я постараюсь доложить вашу просьбу князю до его отъезда.

И Нахимов добился своего. На следующее утро он получил записку от Станюковича: *«Его светлость, князь Меншиков, приказал мне не приводить в исполнение приказа, которым ваше превосходительство назначены заведовать морскими командами на берегу, а потому и прошу оставаться на рейде с флагом»*.

Спустя два дня обстановка изменилась, неприятель двинулся в обход для атаки Южной стороны.

В полдень, когда Нахимов обходил корабль, вахтенный мичман доложил ему:

— Ваше превосходительство, сигнальные матросы усмотрели в Инкермане неприятеля.

Нахимов, не торопясь, перешел на корму, вскинул подзорную трубу, с которой не расставался. «Так и есть, алые мундиры французов. — Нахмутив брови, Нахимов еще долго, не отрываясь, вглядывался в беспрерывный поток батальонов неприятеля, извивающихся по склонам Мекензевых гор. Расхаживая по корме, он размышлял, то и дело наводил трубу на устье Черной речки. — Значит, неприятель решился не атаковать Северную сторону, а спешит обойти Севастополь с юга. — В душе зародилась тревога, приправленная досадой. — На склонах высот морские батальоны в безначалии, а ведь мне надлежало их возглавить, открестился я от них».

В томительно тянувшиеся вечерние часы Нахимов то и дело поднимался на ют. Вдали у Инкермана беспрерывной лентой мерцали огоньки факелов над батальонами англичан, французов и турок. Завтра они появятся на высотах, сомнут и опрокинут слабую защиту, выкатят орудия на Малахов курган. Чем можно исправить дело? Не дать в руки неприятеля самое ценное — корабли. С экипажей эскадры наберется не менее трех тысяч, они встанут хоть какой-то преградой перед неприятелем.

Ранним утром, в сумерках, Нахимов позвал вахтенного мичмана:

— Передайте по линии на эскадру: «Писарям не медля прибыть на борт флагмана».

Полчаса спустя, когда поднятые спозаранку писаря расположились вокруг большого стола в салоне флагмана, Нахимов, неторопливо расхаживая по салону, размеренно диктовал свой приказ: *«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона, я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону».*

Нахимов вторично зачитал первый абзац приказа и, убедившись, что все писаря точно его записали, продолжал:

«Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой: нас соберется до трех тысяч, сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю».

Отпустив писарей, Нахимов выпил чай и распорядился адъютанту, капитан-лейтенанту Острено:

— Феофан Христофорович, видимо, писаря добрались до своих кораблей. Прикажите поднять второй заменительный флаг, пора начинать.

На «Ростиславе», опережая события, уже поторопились вынуть пробки в заранее прорубленных отверстиях.

В это время Нахимову доложили о прибытии шлюпки под вице-адмиральским флагом. Не поднимая трубу, Нахимов узнал Корнилова.

«Стало быть, Владимир Алексеевич покинул Северную сторону». — подумал он, направляясь в сопровождении Острено в каюту.

Едва распахнув дверь, Корнилов, не поздоровавшись, громко спросил:

— Кто отдал приказ топить корабли?

Нахимов, не спеша, ответил:

— Приказал я, как первый флагман эскадры.

— Позор и безумие, Павел Степанович! — воскликнул Корнилов, не стесняясь присутствия адъютанта, который успел прикрыть дверь. — Потрудитесь немедленно приостановить распоряжение!

Лицо Нахимова покрылось пятнами, брови поднялись. Но он сдержал себя.

— Добро, Владимир Алексеевич, это возможно. — Нахимов кивнул Острено: — Распорядитесь, Феофан Христофорович, поднять отменительный сигнал и доложите об исполнении.

Когда дверь закрылась за адъютантом, Корнилов, нервно расхаживая по каюте, продолжал:

— Никогда не мог подумать на вас, Павел Степанович, что вы самовольно решитесь на такой позорный поступок. По эскадре не сделано ни одного неприятельского выстрела, а вы топите корабли со всеми орудиями!

— Но неприятель вот-вот появится на Малаховом кургане, и тогда будет поздно, — ответил Нахимов.

— Пусть даже и так, но вы должны прежде принять бой, а не сдаваться.

Нахимов несколько пришел в себя.

— Об этом я и подумал, Владимир Алексеевич, после затопления судов собрать все экипажи и героически встретить неприятеля.

Корнилов, наконец, перевел дух.

— Малахов курган, Павел Степанович, уже защищен на первый случай. Сейчас на Графскую пристань перевозят морские батальоны с Северной стороны.

Нахимов удивленно пожал плечами.

— Я думал, Владимир Алексеевич, что вы еще на Северной стороне.

— Ваши сигнальщики, Павел Степанович, скверно смотрят за рейдом и, верно, спят. Еще вчера днем я перешел на Графскую, а сегодня пароходы перевозят оттуда наши морские батальоны.

Постепенно утихли страсти, разговор вошел в нор-

мальное русло, и собеседники договорились, что приказ Нахимова впредь в случае необходимости будет исполняться только с ведома Корнилова, для чего на «Константине» поднимут соответствующий сигнал.

Здесь же, в присутствии Нахимова, Корнилов распорядился об этом на все корабли эскадры. *«По сделании от г. вице-адмирала Нахимова затопить или сжечь корабли исполнение это тогда только привести в действие, когда сей сигнал будет отретирован на корабле «Великий князь Константин». Не исполнивший сего подвергается наказанию, как государственный преступник; приказание же об исполнении прописанного будет передано посланным от г. начальника штаба, генерал-адмирала Корнилова».*

Прощаясь, Корнилов пригласил Нахимова вечером обсудить создавшееся положение.

— О князе ни слуху ни духу, а неприятель стоит у ворот, надобно отстаивать Севастополь...

Союзники рассчитывали на легкую победу. Но защитники города моряки, солдаты, жители — успели соорудить укрепления, оборудовать батареи из трехсот орудий.

5 октября неприятель открыл огонь со всех сторон. Начался первый штурм бастионов.

Корнилов и Нахимов находились на передовой, но затем Нахимов вернулся на эскадру. Со стороны моря приближалась вражеская армада кораблей. Огнем береговых батарей и корабельных пушек неприятеля заставили ретироваться. Яростный натиск противника на суше отбили по всем линиям. Во время бомбардировки на Малаховом кургане ядром смертельно ранили Корнилова, и в тот же день он скончался. Эта горестная весть застала Нахимова на «Двенадцати апостолах», откуда он, флагман, руководил схваткой с неприятелем на морских подступах к Севастополю. Вечером он отправился в Михайловскую церковь, простился с Корниловым, целовал холодный лоб боевого товарища, лицо его было мокрое от слез.

Теперь он понимал, что оборона Севастополя лишилась своего организатора и главного руководителя.

Отправляя в Николаев курьера с бумагами Корнилова к его семье, он в записке контр-адмиралу Метлину сокрушался: *«Он умер как герой... Завтра снова дело. Я не знаю, что будет с Севастополем без него и на флоте, и в деле на берегу»*.

Теперь на плечи Нахимова легла новая ноша: по долгу и по совести исполнять обязанности Корнилова, хотя формально он не имел никаких прав. Редкий день он не объезжал линию обороны, показывал пример мужества, никогда не кланялся вражеским ядрам.

Сменивший Корнилова вице-адмирал Станюкович предупреждал Нахимова, чтобы он ни во что не вмешивался. Но как мог быть равнодушным наблюдателем флагман эскадры, когда на берегу, на Малаховом кургане, на бастионах, отстаивали Севастополь экипажи его кораблей, под командой моряков Истомина, Новосильского, Панфилова, Зарина и многих других?

Только в конце февраля 1855 года Нахимова назначили командиром Севастопольского порта и военным губернатором Севастополя. В этот же день начальник гарнизона генерал Остен-Сакен представил в Петербург ходатайство о производстве Нахимова в адмиралы.

«Вице-адмирал Нахимов во все время 165-дневной осады Севастополя сначала не принадлежал к ее обороне, потом с 28 ноября в качестве помощника и замещения меня в случае смерти или раны чрезвычайно способствовал успешной обороне Севастополя: блистательною неустрашимостью, влиянием на войска, приобретенною любовью и уважением, неусыпною деятельностью, доходящую до того, что непрерывным осмотром бастионов, редутов, батарей и траншей ему известно направление орудий в каждой амбразуре.

Вице-адмирал Нахимов имеет неисчислимые заслуги».

В первую неделю марта на Камчатском редуте был сражен насмерть вражеским ядром контр-адмирал

Владимир Истомин, один из сподвижников Нахимова, душа обороны Малахова кургана. Провожая тело В. Истомина в склеп, где лежали тела М. Лазарева, В. Корнилова, Нахимов сквозь слезы проговорил с сожалением:

— Эти приткие молодые люди, они... да-с, они очень спешат-с.

Он не скрывал от окружающих после смерти Корнилова, что его желание иметь последнее прибежище рядом с ними... и Михаилом Лазаревым.

В конце марта 1855 года за отличие при обороне Севастополя П. Нахимов произвели в адмиралы. Вскоре он сдал эскадру контр-адмиралу П. Юхарину и все силы отдавал теперь обороне колыбели флота. Каждый день во флотском скюртуке с эполетами объезжал всю линию обороны на шести бастионах, Малаховом кургане и 10-й батарее. Находился в самых опасных местах, во весь рост ходил на передовой, не прячась за укрытия, не страхась проносившихся ядер и свистевших вокруг вражеских пуль. Всюду его появление воодушевляло матросов и солдат. Нахимов стал для защитников Севастополя своеобразным символом неколебимости обороны. Во время ожесточенных неприятельских штурмов 26 мая и 6 июня 1855 года Нахимов своим примером и действиями предотвратил захват неприятелем Малахова кургана, «ключа всей обороны». 28 июня противник возобновил усиленную канонаду, обстреливая 3-й бастион и Малахов курган. В тот же день Нахимов направился вначале на 3-й бастион, затем побывал на батарее лейтенанта Жерве и оттуда к вечеру поскакал на Малахов курган. Всюду слышались разрывы бомб и посвист пуль.

Нахимов взял у сигнальщиков зрительную трубу и, несмотря на возражения командира бастиона, поднялся на банкет, привстал над бруствером, осматривая неприятельские позиции. Его высокая, чуть сутуловатая фигура хорошо просматривалась со всех сторон...

Прежде каждый день Нахимов видел на бастионах, в госпиталях и лазаретах неистощимую энергию и отвагу защитников Севастополя. Этих людей не нужно понукать и ободрять, они сами рвутся на самые опасные дела и, рискуя ежеминутно, нисколько не дорожат собственной жизнью. Главной обязанностью начальников он считал — *«удержать людей от напрасного удальства, ведущего к напрасным потерям, ничем не оправданным»*.

Совсем недавно приказом Нахимов напоминал всем начальникам обязанность, которую считал священной: *«Предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшит число подвергающихся опасности»*.

Нахимов требовал думать о сохранении жизни офицеров — разделять их на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах; просит начальников внушить всем, *«что жизнь каждого из них принадлежит отечеству и что не удальство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь...»*.

Приказ адмирала подчеркивал, что, *«решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства, еще более громадные»*.

И в то же время Нахимов подчеркивал: *«одержать успех при большей потере со своей стороны не есть еще полное торжество»*.

Заботясь о подчиненных, сам Нахимов пренебрегал своей жизнью. Что и случилось 28 июня... Приподнявшись над бруствером, он хладнокровно осматривал позиции неприятеля. Рядом, просвистев, тюкнула пуля в мешок с землей, следующая попала

в бруствер, осколок камня попал в козырек стоявшему рядом лейтенанту Колтовскому.

— Они сегодня довольно метко целят, — успел проговорить Нахимов и тут же упал без стопа и крика: пуля попала ему в голову, пробила насквозь и вышла у затылка.

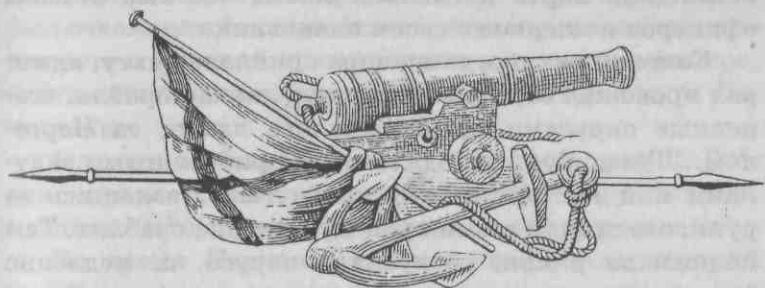
Колтовский нащупал пульс, он не бился.

Офицеры отнесли Нахимова в блиндаж, сделали перевязку. Павел Степанович что-то неразборчиво проговорил. На носилках его перенесли в Апполонову балку, а оттуда на катере переправили в госпиталь на Северную сторону.

30 июня 1855 года в одиннадцать часов, не приходя в сознание, Нахимов скончался.

Нескончаемым потоком проходили мимо тела усопшего адмирала, покрытого Андреевским флагом, прощались со своим кумиром матросы, солдаты, офицеры, жители Севастополя. Вечером следующего дня состоялись похороны. После отпевания в Михайловской церкви, Нахимова похоронили во Владимирском соборе, рядом с М. Лазаревым, В. Корниловым, В. Истоминым.

Спустя десятилетия вице-адмирал С. Макаров кратко, но выразительно произнес: *«Да последуют деяния адмирала Нахимова добрым примером настоящему и будущему поколению моряков».*

Владимир Истомин

пределяя в Морской корпус троих сыновей — Константина, Павла и Владимира, — скромный чиновник, секретарь камерального суда Эстляндии, Иван Истомин руководствовался здравым смыслом. Содержать семью, пятерых детей, было не под силу. Какого-либо состояния в родной Псковской губернии не имел, считался однодворцем. К тому же на Ревельском рейде белоснежные паруса манили к себе ребят-малолеток. Младший, Владимир, появился на свет в 1809 году.

С началом весны в бухте, как правило, обосновывалась эскадра из Кронштадта. На берег сходили моряки. Матросы разбредались по портовым кабакам, офицеры прогуливались с барышнями, заглядывая в дешевые ресторанчики. По их облику и обхождению секретарь делал вывод о сравнительно неплохой степени воспитанности морских офицеров.

В ту пору главным морским начальником в Ревеле был известный вице-адмирал Дмитрий Сенявин. По долгу службы секретарь бывал иногда в конторе

командира порта и слышал самые лестные отзывы офицеров и клерков о своем начальнике.

Каждый раз, когда эскадра покидала бухту, адмирал провожал ее, стоя на причале, пока корабли, осененные парусами, не скрывались вдаль, за Наргеном... Где-нибудь неподалеку, за прибрежными валунами или кустарниками, мальчуганы, взявшись за руки, следили за всеми процедурами на кораблях. Там поднимали якоря, распускали паруса, и, медленно разворачиваясь, суда один за другим покидали бухту и, построившись в колонну, тянулись к выходу.

Разве могли предполагать юнцы, что судьба сведет их когда-нибудь с молодцеватым, довольно симпатичным на вид адмиралом, который, расправив плечи, заложив руки за спину, широко расставив крепкие ноги, с некоторой грустью сопровождает взглядом исчезающие за горизонтом паруса?

Так уж случилось, что десяток с лишком лет спустя на линейном корабле «Азов» в составе экипажа отправились в Средиземное море мичман... Константин Истомин и его младший брат, гардемарин Владимир.

На «Азове» поднял свой флаг адмирал Д. Сенявин. Командовал кораблем капитан 1-го ранга М. Лазарев. В эскадре шел и младший флагман, контр-адмирал Логин Гейден, на корабле «Святой Андрей».

Кроме уже известных и знаменитых моряков, Д. Сенявина и М. Лазарева, гардемарин Истомин впервые воочию лицезрел императора Николая I, который посетил «Азов» перед уходом в Англию.

В плавании Истомины на вахтах и в кают-компании познакомились и общались с В. Корниловым, П. Нахимовым, Е. Путятиным, А. Домашенко и другими офицерами. Шестнадцатилетний гардемарин Владимир Истомин был свидетелем всех корабельных событий. В Портсмуте адмирал Д. Сенявин арестовал, в числе других офицеров, на три дня П. Нахимова за то, что он «дозволял себе в минуту запальчивости ударять руками матросов во время работ». В противо-

положность этому в Средиземном море гардемарин был очевидцем благородного поступка, свидетельствовавшего о высокой нравственности русского офицера. Спасая упавшего за борт матроса, погиб мичман А. Домашенко.

На переходе морем командующий эскадрой Л. Гейден, присмотревшись к расторопному гардемарину, назначил Владимира Истомина своим порученцем.

Во время Наваринского сражения флагманский корабль «Азов» принял на себя основной огневой шквал египетско-турецкой эскадры.

Отражая атаки пяти вражеских кораблей, ответный орудийный шквал «Азова» вскоре вывел из строя флагманов неприятеля. *«Все русские корабли отважно сражались против превосходящих сил противника, — в тот же день доносил флагман. — Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей; нижние чины отличались храбростью и повиновением, которые достойны подражания.*

Неустрасимый капитан первого ранга М. Лазарев... управляя движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным; капитаны Авинов, Хрущев, Богданович и Свинкин равно отличились. Сей последний, хотя при начале дела был тяжело ранен картечью, но продолжал командовать во все сражение, держась около четырех часов за канат и на коленях на палубе своего корабля. Капитан «Гангута» Авинов явил также пример редкого присутствия духа; турецкий фрегат, обращенный в брандер, пробрался между сим кораблем и адмиральским бугшпритом, уже сцепился с «Гангутом», капитан Авинов велел брать сей фрегат на abordаж, и человек, готовившийся оный зажечь, убит с фитилем в руках.

Один из турецких фрегатов, сражавшихся против корабля «Александр Невский», сдался и спустил флаг, который взят; турки на другой день отправлены на берег, а фрегат потонул».

Контр-адмирал Гейден под огнем неприятеля умело руководил действиями кораблей русской эскадры. Ему помогал и юный порученец Владимир Истомин, получивший боевое крещение в этом сражении. Наградой ему был серебряный крест Святого Георгия.

Среди отличившихся в Наваринском сражении Гейден отметил и своих помощников — «должность исполняли с необыкновенным усердием и деятельностью, а особенно Истомин, коего не могу довольно нахвалиться».

Спустя десять дней Гейден, превышая свои полномочия, произвел Истомина и его товарищей в мичманы — первый офицерский чин, о чем доносил Меншикову: «Во уважение отличной их храбрости и деятельности во время сражения».

Два года мичман Истомин во время войны с Турцией на «Азове» крейсирует в Средиземном море, участвует в блокаде Дарданелл и затем возвращается с эскадрой М. Лазарева в Кронштадт.

Представляя список офицеров, достойных награды, Лазарев характеризует 19-летнего мичмана В. Истомина: «Весьма исправен и в должности ревностный и деятельный офицер». Адмирал упоминает Истомина среди «тех офицеров, которые в продолжении времени соделались, так сказать, украшением нашего флота».

Последующие две кампании В.Истомин крейсирует на Балтике в составе эскадры на фрегате «Мария» и корабле «Память Азова».

В 1833 году он произведен в лейтенанты, а кампании 1836 года начал на Черноморском флоте в составе экипажа 120-пушечного линейного корабля «Варшава».

Эскадра, в составе которой крейсировала и «Варшава», была в готовности принять десант для высадки в Босфоре. В это время в связи с обострением отношений с Францией и Англией не исключалась вероятность появления в Черном море англо-французской эскадры. Следующую кампанию лейтенант Истомин

встречает командиром 10-пушечной яхты «Резвая», а затем назначается командиром одного из первых на Черном море парохода «Северная звезда».

В 1837 году на берега Черного моря пожаловал император Николай I с супругой, императрицей Александрой Федоровной. Царствующие особы совершали прогулку вдоль берегов Черного моря на военном пароходе «Северная звезда». Для ее командира пребывание на борту императора закончилось благополучно. В. Истомина наградили орденом Святого Владимира IV степени, а «их величества» пожаловали его двумя бриллиантовыми перстнями.

Недавно построенная на верфях Николаева 16-пушечная шхуна «Ласточка» предназначалась в кампанию 1838 года в Абхазскую экспедицию для крейсерства у берегов Кавказа, но поступило указание Морского штаба срочно отправить ее в Афины в распоряжение русского посланника. Зарекомендовавший себя прекрасным моряком командир шхуны лейтенант В. Истомин, как никто другой, знал акваторию Архипелага и Средиземного моря. Посланник России в Афинах Гавриил Катакази был весьма доволен прибытием «Ласточки». Вскоре все капитаны английских и французских судов в Архипелаге восхищались образцовым состоянием «Ласточки» и отличной выучкой ее экипажа во главе с ее капитаном В. Истоминим. Одним из первых «Ласточку» посетил английский посланник, капитан флота ее величества Эдмунд Лайонс. Англичанин давно питал особый интерес не только к русским военным судам, но и их колыбели, — Севастополю. По заданию своего Адмиралтейства в прошлом он не раз на шхунах, крадучись, пробирался в Севастополь, но в последнее время, с появлением там Лазарева, это стало невозможным. Знал и В. Истомин о визитах в Черное море английского лазутчика, но при общении с Лайонсом вида не подавал.

В чем был откровенно искренним англичанин, так это в оценке «Ласточки».

— Я нахожу вашу шхуну и матросов в прекрасном виде, — сказал он Истомину при первом же визите.

Истомин пригласил Лайонса в каюту, и за вполне дружеским застольем оба моряка нашли общий язык, несмотря на разницу в возрасте: Лайонс был старше Истомина на двадцать лет.

Прощаясь, английский капитан пригласил Истомина в гости, и с тех пор, пока «Ласточка» находилась в Афинах, они постоянно общались.

За время пребывания в Средиземном море, В. Истомин не раз бывал со шхуной на Мальте, в Адриатике, избородил греческий Архипелаг.

Зимой 1840 года «Ласточка» возвратилась в Севастополь, и вскоре ее экипаж включился в подготовку к очередной десантной операции на Кавказ. Уже в марте 1840 года «Ласточка» в составе эскадры контр-адмирала Станюковича, погрузив часть десанта, отправилась в Феодосию. В десантной операции у Туапсе шхуне «Ласточка» предписывалось действовать на левом фланге десанта. Участвовал в высадке десанта 20 мая и брат В. Истомина, адъютант Лазарева, Гвардейского экипажа капитан-лейтенант Константин Истомин. Десантная операция прошла успешно, на берег было высажено 9000 человек с артиллерией, боезапасами, провизией.

На шхуне «Ласточка» износились паруса, и ее отправили в Николаев обновить снаряжение.

Лазарев, скупой на похвалу, по достоинству оценил службу В. Истомина, вскоре посылает рапорт Меншикову о повышении в должности и звании.

«Лейтенанта В. Истомина, в. с-ть непременно произвели бы сами, если бы увидели возвращение в зимнее время шхуну «Ласточку»; описываемые мне в партикулярном письме Катакази отзывы о ней англичан и французов, командовавших военными судами в Архипелаге, и в особенности флота капитана Лайонса, возвышают честь российского флота за границей... Истомин восьмой год как служит лейтенан-

*том и 13 лет — офицером, я намерен представить в св-ти о назначении его командиром на имеющей зало-
житься послезавтра корвет и в таком случае чин ка-
питана-лейтенанта очень соответствовал бы тако-
вому командованию. Познания его и заботливость по
службе доставят флоту отличнейший корвет».*

В июле 1840 года Истомин произведен в капитан-лейтенанты и назначен командиром корвета «Андро-маха».

Две кампании «Андромаха» с перерывами на ремонт и отдых экипажам крейсировала в Абхазской экспедиции у берегов Кавказа. Турецкие контрабандисты в эту пору присмирели, не решались действовать в открытую, использовали непогоду и темными ночами под берегом иногда ускользали от дозоров. Во-все прекратили свои визиты английские лазутчики, так как Лазарев решительно пленил их суда без оглядки на Петербург. Другое дело, что на побережье горцы продолжали частыми набегами на укрепления наносить иногда значительный урон войскам. Тогда армейские начальники обращались за помощью к морякам.

В 1844 году корабли флота для усиления армии на Кавказе переправили через Керченский пролив пехотную дивизию. С приходом нового командующего, наместника на Кавказе, генерала Воронцова, действия против горцев активизировались. Для налаживания более тесного взаимодействия с войсками Лазарев назначил В. Истомина своим представителем при ставке наместника:

— Поимейте в виду, Владимир Иванович, —ставлял Лазарев перед убытием Истомина, — Воронцов вояка стрелянный со времен Наполеона. Потому старайтесь лицом в грязь не ударить. Впрочем, вы дипломатии в Греции обучились.

Три с лишним года провел Истомин в ставке Воронцова. Приходилось ему не только обеспечивать взаимодействие войск на Кавказском побережье, но и сопровождать Воронцова на Каспий, где он начал опера-

цию против Шамиля. Но связи с флотом Истомин не порывал, о чем свидетельствует его переписка с Лазаревым.

Лазарев благодарит Истомина за сведения о Каспийском театре, старается подбадривать его в борьбе с местными казнокрадами:

«Честность, самолюбие и деятельность, соединяясь вместе, расторгают всякие преграды, и никакая бестия против них не устоит».

Лазарев сообщал Истомину о всех важных событиях флотской жизни, о строительстве офицерского собрания, о восстановлении Морской библиотеки. Не забывает и о дружбе Истомина с Нахимовым. «Кагул» назначен в Абхазский отряд, и на нем пойдет П.С. Нахимов. Может быть, вы там его увидите».

«Зимой 1848 года в Новороссийской бухте, во время жестокого урагана, бури, — Лазарев делился своими переживаниями за утраты, — выкинуло на берег корвет «Пилад», бриг «Паламед», пароход «Боец» и транспорт «Гостогай», а тендер «Струя» затонул на бриделе со всем экипажем, командиром и офицерами! Подобного ужасного случая никогда еще не было... Бедная «Струя»! Если бы он догадался отдать ночью свои цепи у бочки, то хоть и разбило бы его на берегу, но спаслись бы люди! Если ко всему этому, т.е. к ужасному этому урагану, прибавлю вам, что морозу тогда было -14° , то вы можете представить себе, в каком положении суда наши в Новороссийске находились и что они вытерпели! Многие из офицеров и нижних чинов остались с отмороженными членами!..»

Истомин в курсе всех событий на флоте. Получив от Лазарева известие о закладке новых кораблей, он отвечает: «Я был душевно рад прочесть, что взамен «Варшавы» заложен 120-пушечный корабль «Париж» и что он строится по плану «Двенадцати апостолов».

Распространяться об этом прекрасном корабле считаю излишним, но не могу не поздравить в.в. пр-во с тем, что постройкой этого нового корабля вся ста-

рая грейговская ветошь Черного моря окончательно вычеркнется из списков и что, следовательно, таких пятнадцать кораблей, какие теперь в Черном море находятся, не представит ни одна из морских держав».

Истомин еще не знает, что Лазарев уже прочит ему командовать «Парижем», а пока он участвует в схватках Кавказской войны...

За отличия в сражениях он удостоивается ордена Святой Анны II степени. В 1847 году проявляет отвагу при штурме укрепления Шамиля в Салтах, ему присваивают звание капитана 1-го ранга и назначают командиром 120-пушечного корабля «Париж». С первых шагов он приводит корабль в образцовое состояние, а выучку экипажа строит по образцу подготовки на «Двенадцати апостолах». Первую кампанию 1850 года «Париж» успешно крейсирует в Абхазской экспедиции у восточных берегов Черного моря. Возвратившись из плавания, зимой 1851 года, Истомин по просьбе Лазарева сопровождает его на лечение в Вену и находится с ним до последних дней. «В это время, — вспоминает племянник В. Истомина, — несмотря на жестокие мучения, изо дня в день увеличивающуюся слабость, Лазарев продолжал заниматься делами, заботился о родном флоте, делал распоряжения, подписывал бумаги. Дяде пришлось в голову, в интересах семьи умиравшего, воспользоваться его доверием. Не говоря никому, дядя подготовил всеподданнейшее письмо на имя Государя, в котором Лазарев вручал свою семью его милостивой заботливости. Лазарев, лежа в постели, подписывал бумаги и заметил необычный формат одной из них. «Что это такое?» — спросил он. Дядя молчал. Лазарев взял бумагу, пробежал ее глазами и обратился с укором к дяде. «Как могли вы, Владимир Иванович, обмануть мое доверие? — сказал он. — Во всю жизнь я ни разу не просил ни о чем; не теперь изменять своим правилам». И он разорвал бумагу».

Истомину довелось сопровождать останки скончавшегося 11 апреля адмирала на пароходе «Влади-

мир» до Севастополя и участвовать в похоронах своего наставника.

В кампанию 1852 года «Париж» показал отменную выучку при посещении флота Николаем I и его командира удостоили ордена Святого Владимира III степени.

Готовность Черноморского флота не зря интересовала императора. У него в предвкушении легкой победы созрела мысль о скором нападении на Турцию.

Кампания 1853 года началась в тревожных ожиданиях предстоящих военных действий. В июне, по распоряжению Корнилова с целью разведки, усиливается крейсирование у Босфора, берегов Кавказа и побережья Анатолии. Выставляется постоянное наблюдение на подходах к Севастополю со стороны моря. В начале августа начальник штаба флота Корнилов выходит в море с эскадрой кораблей, в составе которой и «Париж», и устраивает двусторонние боевые маневры с эскадрами контр-адмиралов Новосильского и Панфилова. Их цель — отражение внезапной атаки неприятеля на Севастополь. В сентябре «Париж» участвует в успешной переправе из Севастополя в Сухуми за короткий срок в полном составе 13-й дивизии с боевым снаряжением. Как заметил в то время историк А. Соколов: «Высажено всего привезенного на этом отряде 16 000 войск с двумя батареями, колесными обозами и 262 лошадьми. Освободившийся от своего груза флот немедленно возвратился в Севастополь».

Летописец всех флотов новейшего времени не представляет ни одного, столько обширного, особенно принимая в соображение большого числа лошадей, столько совершенного во всех подробностях, сопряженного с такими опасностями, так хорошо удавшегося примера высадки. Всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с делом, поймет и оценит по достоинству этот прекрасный подвиг наших моряков, это торжество морского искусства, свидетельствующее распорядительность, подчиненность, рвение, силу и мужество — да-

ющее верное ручательство за будущие успехи в так называемых действительных делах, в сущности столько же действительных, как и настоящий подвиг, по совести говоря, стоящий доброй победы!»

Минула неделя, и Турция развязала войну против России, атаковав суда Дунайской флотилии. Еще не получив манифеста об объявлении войны с Турцией, Корнилов выходит в море с эскадрой для разведки и поиска неприятеля. Командир «Парижа» Истомин получает приказ Корнилова: *«Если бы счастье нам благоприятствовало и мы бы встретили неприятеля, то с помощью Божиею офицеры и команда судов, со мной отплывающих, вполне воспользуется случаем увеличить наш флот новыми кораблями...»*

Так как манифеста о войне нет, то судам нашим разрешено истреблять и брать одни только турецкие военные суда...

При могущем встретиться бое, я насчитаю нужным излагать какие-нибудь наставления: действовать соединенно, помогая друг другу, и на самое близкое расстояние — по-моему лучшая тактика».

Отделившись от эскадры на пароходе «Святой Владимир», Корнилов 5 ноября встретил турецкий пароход «Перваз-Бахри» и после ожесточенного боя взял его в плен. Эскадра Новосильского идет тем временем к эскадре Нахимова, оставляет ему два корабля и возвращается в Севастополь для ремонта и пополнения припасов. Минуло всего два дня, и эскадра Новосильского отправляется на помощь Нахимову, эскадра которого блокирует неприятеля в Синопе.

В полдень 16 ноября эскадры соединились неподалеку от Синопа, и Истомин совместно с другими командирами кораблей прибыл к старшему флагману Нахимову на «Императрицу Марию». Нахимов вызвал их «для сообщения плана атаки и нужных при этом наставлений».

Вскоре Истомину стало ясно, что Нахимов решил атаковать турок двумя колоннами. Первую поведет он

сам, вторую — контр-адмирал Новосильский, который избрал флагманским кораблем «Париж». Немного более часа пробыл Истомин на совещании и отправился на «Париж», готовить корабль к бою.

После полудня 18 ноября обе эскадры вошли в бухту, и начался бой. «Париж» и «Императрица Мария» стремительно двинулись к флагману, 44-пушечному фрегату «Ауни Аллах», под флагом Осман-паши.

Подойдя на дистанцию картечного огня от противника, русские корабли отдали якоря строго по диспозиции. Турки сосредоточили весь огонь на флагманских кораблях. Но русские канониры посылали ответные залпы без промаха. Ядра и бомбы обрушились на «Ауни Аллах». Не выдержав натиска, Осман-паша велел отклепать якорь-цепи, и его течением понесло между боевыми линиями. Едва он поравнялся с «Парижем», как Истомин приказал весь огонь перенести на него. Изрешеченный ядрами, неуправляемый «Ауни Аллах» приткнулся к мели у береговой батареи № 6, но продолжал огрызаться.

Теперь русские флагманы завезли верпы и развернулись бортом к линии неприятеля. Турки особенно яростно обстреливали «Париж». Но флагман ответил меткими залпами, и вскоре от его бомб взорвался корвет «Гюли-Сефир», а 56-пушечный фрегат «Даминад» отброшен к берегу. После этого «Париж» перенес огонь на 62-пушечный фрегат «Низамие», где находился второй флагман турок «Гуссейн-паша». Вскоре это судно, потеряв мачты, начало дрейфовать к берегу, где потом загорелось.

Истомин, увидев, что береговая батарея № 6 прицельно бьет по «Трем Святителям», развернул «Париж» на шпринге и заставил замолчать эту батарею турок. Следом «Париж» подавил и соседнюю неприятельскую батарею № 5. Нахимов, руководя сражением, все время восхищался действиями командира «Парижа». Когда сражение уже подходило к концу, он подозвал командира «Императрицы Марии»:

— Прикажите, Петр Иванович, изъяснить командиру «Парижа» мою благодарность.

Барановский смущенно сморщил лоб.

— Павел Степанович, на мачтах нет ни единого сигнального фала, все перебиты.

Нахимов недоуменно посмотрел на него и подозревал адъютанта Острено.

— Прошу вас, Феофан Христофорович, со шлюпкой направиться на «Париж» и передать командиру лично мою благодарность.

Четверть часа спустя от левого борта флагмана отчалила шлюпка. Шестерка матросов-гребцов, бросив фуражки под банки, налегли на весла. Сидя на транце, Острено держал на корму «Парижа». Здесь, на воде, не было такого ажиотажа боя, в котором только что они находились на корабле. Непривычное затишье прерывалось лишь редкими всплесками вблизи шлюпки шального ядра, пущенного с берега или залетевшего сюда с продолжающихся сопротивляться турецких судов.

«Поднявшись на борт «Парижа» в $1\frac{1}{2}$ третьего часа, — записано в вахтенном журнале «Парижа», — от вице-адмирала приехал на наш корабль старший адъютант его, лейтенант Острено, и от адмирала передал нашему кораблю благодарность за хорошую пальбу».

Спустя несколько минут Нахимов распорядился прекратить бой и «сигналом повелел отойти от берега», который был объят пламенем.

«В 3 часа пальба с нашего корабля окончена», — появилась запись в вахтенном журнале «Парижа».

Турецкая эскадра была разгромлена полностью и уничтожена.

«Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями командира корабля «Париж», — доносил Нахимов в отчете о сражении.

26 ноября В. Истомин был произведен в контр-ад-

миралы, то есть, по сути, объявлен младшим флагманом. Но развернувшиеся события уготовили ему роль предводителя экипажей кораблей на суше.

В феврале 1854 года англо-французская эскадра вошла в Черное море, и спустя месяц Англия и Франция объявили войну России. На борту эскадры 60 тысяч войск.

Об угрозе вторжения царя предупреждали военные агенты, но самонадеянный Николай I, упоенный жандармскими акциями в Европе, успокаивал себя и Меншикова: *«Ежели точно англичане и французы войдут в Черное море, с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты их примешь с салютом, какого они, может быть, и не ожидают. Высадки не опасаясь, а ежели бы позднее и была, то, кажется, и теперь отбить их можно; а в апреле же будем иметь всю 16 дивизию [ее намечалось перебросить с Дуная в Крым] — с артиллерией, бригаду гусар и конную артиллерию. Более чем нужно, чтобы заставить их дорого поплатиться».*

По-иному рассуждали англичане: *«Политическая и стратегическая цель предпринятой войны не может быть достигнута, пока существует Севастополь и русский флот. Как скоро этот центр русского могущества на Черном море будет разрушен, рушится и все здание, вооружением которого занималась Россия столько веков... Севастополь — это ключ позиций между Дунаем и берегами Мингрелии...»*

Правители России пока благодумствовали, а на флоте еще 5 декабря 1853 года Корнилов приказом объявил боевую готовность, эскадре предписывалось *«быть в полной готовности принять атаку, равно как сняться с якорей и выйти в море».*

Еще до вторжения союзников в Черное море, Корнилов представил Меншикову проект укрепления Севастополя с суши, но князь бесцеремонно отверг его.

Гром грянул 1 сентября 1854 года — союзники начали высадку десанта в Евпатории, а неделю спустя

в сражении у г. Альмы армия, предводительствуемая Меншиковым, потерпела поражение.

9 сентября на военном совете, созванном Корниловым, решалась судьба флота. Предложение Корнилова выйти в море и сразиться с превосходящим неприятелем поддержали контр-адмиралы Вукотич и Истомин, капитан «Эльборуса» Асланбетов и некоторые другие офицеры. Однако большинство флагманов и командиров не поддержали предложение Корнилова. Было решено затопить часть судов у входа в бухту и преградить тем доступ туда неприятелю.

Вечером Истомина вызвал Корнилов:

— Владимир Иванович, князь назначил меня начальником обороны Северной стороны, прошу вас исполнять должность начальника штаба. Мы с вами мыслим по-единому. Сейчас прежде осмотрим местность и что успели прежде возвести инженеры генерала Павловского.

Укреплений, по сути, не было, едва обозначались лишь некоторые контуры будущих бастионов.

Корнилов не унывал:

— С Северной стороны нам ретирады нет: все, кто сюда попал, лягут навечно. Потому сегодня же готовы указ, формируйте наши морские и десантные батальоны, не менее семи-восьми, на них вся надежда. Меншиков собирается сегодня-завтра увести все войска, бросить нас на произвол судьбы.

Истомин недоумевал.

— Что задумал князь?

Корнилов сердито пожал плечами:

— Отмалчивается, замыслы утаивает, мудрит непозволительно. Сегодня же отправляйтесь к градоначальнику. Надобно нам рабочих рук тысячу-другую, строить укрепления. Не позабудьте выслать дозоры по берегу и в сторону Качи. Нам все надобно доподлинно знать о неприятеле. Располагайтесь со штабом здесь, в домике Павловского. Завтра с утра и я за работу, а сей же час наметьте, где расположить наши морские батальоны, установить батареи.

Спустя два дня на Северной стороне обозначилась линия обороны, появились брустверы, блиндажи, разместились пушки, снятые с кораблей, на позициях разместились 17 флотских батальонов, до 12 тысяч человек. Но неприятель решил атаковать Севастополь с юга. Потому и основные силы защитников были переброшены на Южную сторону.

Севастопольские укрепления Корнилов разделил на 4 дистанции: первая — генерал-майора Аслановичи, от 10 батарей у входа в бухту до пятого бастиона напротив Рудольфовой горы, вторая — вице-адмирала Новосильского, от пятого до третьего бастиона против Воронцовской высоты, третья — контр-адмирала Панфилова, третий бастион, четвертая — контр-адмирала Истомина — на Малаховом кургане и прилегающих склонах.

Малахов курган являлся господствующей высотой, и его оборона имела ключевое значение...

С присущей ему редкой энергией принялся Истомин за создание и оборудование своеобразной крепости на Корабельной стороне. За несколько дней обозначились контуры двух бастионов, три редута и знаменитый впоследствии Камчатский люнет, или, как прозвали его защитники в шутку, «Камчатка». На эти высоты с кораблей переправили десятки орудий. Попробуй-ка сгрузить с судна и перетащить на гору орудийный ствол в добрую сотню пудов весом! Но моряки сладили.

Истомин с раннего утра до поздней ночи трудился над созданием укреплений, изыскивая силы и средства, продумывая новую организацию обороны. Многие подсказало ему посещение Малахова кургана Корниловым с Тотлебенем.

Тотлебен изложил Корнилову необходимость выдвинуть на правом фланге пятого бастиона люнет и определил число и калибр орудий. Корнилов здесь же что-то прикинул и распорядился Истомину:

— Посчитал я прислугу, необходимую при этих пушках, и по памяти знаю, что все соответствует эки-

пажу брига «Эней». Потому назначаю командиром этого люнета капитан-лейтенанта Ильинского и поручите ему без промедления команду «Энея» для устройства люнета и obsługi орудий.

С той поры все морские батальоны были переформированы по экипажам кораблей.

«Вся оборонительная линия, — вспоминал артиллерийский офицер Пестич, — была вооружена морскими орудиями и снабжалась в продолжение всей обороны морским ведомством. Таким образом наша оборонительная линия до некоторой степени представляла собой прежний наш Черноморский флот, перешедший на берег со всеми судовыми правилами и порядками, и морской обстановкой. Так, например, прислуга при орудиях, состоящая из морских команд, действовала по правилам морского артиллерийского учения, принятого на кораблях. На батареях командовали артиллерией те же лейтенанты, которые были батарейными командирами на судах. Установка артиллерии со всей принадлежностью целиком была перенесена с корабельных палуб на настоящие сухопутные платформы».

Стоит добавить, что моряки дежурили у орудий повахтенно, как и на корабле, команды при стрельбе звучали по-корабельному, а время исчислялось пробитием склянок в корабельный колокол.

4 октября в лагере противника началось необычное оживление. К сооруженным батареям подкатили пушки, подвозили снаряды.

— Ну, молодцы, держись, — подбадривал вечером Истомин матросов и солдат, — никак, нынче неприятель готовится назавтра штурмовать.

— Не подкачаем, вашбродь, — отвечали вразнобой, но твердо батарейцы.

5 октября неприятель предпринял атаку укреплений, предваряя штурм артиллерийской канонадой. Бастионы ответили орудийным шквалом огня, началась своеобразная артиллерийская дуэль.

Истомин непрерывно обходил батареи, подбадривал моряков и солдат, стряхивал осколки щебня и пыли с блестящих эполет. Около полудня на Малаховом кургане раздалось громкое «Ура!». Матросы приветствовали Корнилова. Спустя полчаса его унесли на носилках смертельно раненного.

Улучшив момент, Истомин наведлся в госпиталь к умирающему своему наставнику и другу. Холодеющей рукой Корнилов благословил Истомина, и тот, рыдая в первый и последний раз, выбежал из госпиталя и помчался, не разбирая дороги, на Малахов курган. Все кипело в нем от ненависти к врагу, который отнял у него кумира.

В этот день неприятель был отбит во всех направлениях. Теперь Истомин ежедневно оказывался в самых опасных по обстрелу местах.

Когда его пытались убедить уйти в укрытие, он отвечал, памятуя о гибели Корнилова:

— Пятого октября я выписал себя в расход. Мне бы следовало еще тогда погибнуть. Да, видно, англичане и французы — худые стрелки.

Теперь вся энергия была направлена на поднятие духа защитников, заботу о них, совершенство защиты порученного ему четвертого отделения. Под его начальством вскоре, кроме морских команд, оказалась едва не больше чем дивизия. Он всюду успевал, спал не раздеваясь, два-три часа в сутки.

В первые дни декабря ему неожиданно доставили пакет и сверток из вражеского лагеря.

— Нынче шлюпка с белым флагом подошла к Константиновскому рavelину, — докладывал офицер, — парламентар просил передать вам сие от ихнего флагмана. Осмелюсь доложить, что англичанин не остановился на наши сигналы, а высадился на берег и нахально разглядывал бастион и батареи. Пришлось его быстро спровадить.

Недоумевая, Истомин вскрыл пакет и, взглянув на подпись: «Адмирал Лайонс», развернул сверток. В аккуратной упаковке лежала круглая головка сыра.

Невольно усмехаясь, Истомин читал написанное в изысканных выражениях послание своего давнего знакомого и, как знал Истомин, нынче флагмана английской эскадры. Его флагманский корабль «Агамемнон» стоял на якоре головным напротив Константиновского равелина и методично обстреливал Северную сторону. Случилось необычное, свойственное только морякам. В мирную пору, принадлежа к разным державам, они могут запросто дружить, коротать время в каком-либо порту за бокалом доброго вина. Но придет время, и они окажутся врагами. Будучи человеком хорошего воспитания, Истомин не задержался с ответом.

«Любезный, адмирал! Я был очень доволен вашей присылкой. Она привела мне на память наше крейсерство, от которого сохранились у меня неизгладимые впечатления и вызвала передо мной со всей живостью обстановки то время, какого теперь нет. Я не забуду Афины и Мальту.

Ныне через столько лет мы опять вблизи друг от друга, но хотя мне и можно вас слышать, чему доказательством служит 5 октября, когда голос мощного «Агамемнона» раздался очень близко, но я не могу пожать вам руку.

В таких-то слишком, по-моему, церемонных формах благодарю я вас за добрую память и за дружескую присылку. Позвольте мне в свою очередь предложить вам добычу недавней охоты: крымские дикие козы превосходны.

Вы отдаете справедливость нашим морякам, любезный адмирал; они действительно заслуживают похвалу, похвалу судьи, столь сведущего, но, как мне кажется, несколько взыскательного.

Они наша гордость и наша радость...

Примите, любезный адмирал, изъявление моей преданности».

Но Истомин не оставил без внимания бесцеремонность послания Лайонса.

«Заговорив о морском деле, пользуясь случаем заявить об одном обстоятельстве, которое, без сомнения, есть дело случая, но которое, если будет повторяться, то может повлечь к неприятностям. В последний раз стимер, посланный для переговоров, подошел к самым пушкам крепости, тогда как он должен был вне линии наших огней дожидаться гребного судна, высланного к нему навстречу. Вы хорошо сделаете, сказавши словечко на этот счет и впредь, конечно, не выйдет недоразумений».

Отдавая должное неустрашимости защитников Малахова кургана, Истомин не скупился на награды. Во время первого штурма вместе с моряками на бастионах отважно сражались заключенные, освобожденные из тюрьмы Корниловым. Среди них был Демьян Пассек. Дважды раненный, он не покидал бастион, вызвался идти в самые опасные места. В ту пору законом запрещалось награждать осужденных. Вопреки закону, Истомин приколот на робу Демьяна Георгиевский крест.

Переживая за надежность обороны Малахова кургана со стороны Килен-бухты, Истомин три месяца добивается у Меншикова разрешить устроить на холме Кривая пятка солидное укрепление.

В феврале батальоны Селенгенского и Волынского полков начали строить редуты под носом у неприятеля. Французы ночью атаковали их, но с Малахова кургана и пароходов на них обрушился шквал огня. Появились новые редуты Селенгенский и Волынский, а летом и Якутского полка. «Инженерные сооружения на Малаховом кургане, без содействия Тотлебена, Истомин с помощью инженера Ползикова сооружал сам». Другой участник обороны, инженер А. Орда, красочно описал труд людей на Малаховом кургане.

«Исполнение этих огромных работ под огнем неприятеля... при твердости грунта... при постоянно весьма ненастной погоде, зачастую сменявшейся метелями и морозами, доходившими до 5 и 8 градусов

и притом, что войска не имели теплой одежды, было сопряжено с весьма большими затруднениями. Но при необыкновенном воодушевлении и усердии наших войск, при энергии главного начальника 4 отделения оборонительной линии контр-адмирала Истомина, всегда выказывавшего горячее участие к инженерным работам, и благодаря настойчивости, неусыпной деятельности и постоянному присутствию среди рабочих ближайшего их руководителя полковника Ползикова все оборонительные работы как на Малаховом кургане, так и на прочих участках 4 отделения безостановочно и успешно продвигались вперед».

Несмотря на большие потери в людях, Истомин время от времени тревожит неприятеля вылазками охотников.

Однажды, приехав в Якутский полк, выстроил поредевший батальон, подозвал офицеров и обратился к солдатам:

— Братцы, надобно супротивника потревожить вылазкой в эту ночь. Кто есть охотники, выходи!

Необычная тишина была в ответ, никто не шелохнулся.

Истомин недоуменно посмотрел на командира батальона. Кашлянув, Истомин по-корабельному зычно скомандовал:

— Охотники, пять шагов вперед!

И тут же весь батальон, не ломая строй, подался вперед на пять шагов, пристукнув каблуками.

Истомин повеселел:

— Мне, братцы, надобны охотники, а не все!

Загалдели солдаты.

— Все охотники, вапдитство! Все пойдем!

Истомин и сам являл собой пример мужества и отваги. За оборону Малахова кургана он был удостоен ордена Святого Георгия III степени. Подобно Нахимову он ходил под пулями на виду противника в морском сюртуке с золотыми эполетами, никогда не накидывал поверх солдатскую шинель. Обитал он в уцелевшем

нижнем этаже Малаховой башни, и так частенько за-сыпал где придется, спал урывками, по два-три часа, в готовности вскочить в любую минуту. Получив контузию и легкое ранение, он ни на минуту не покидал оборонительных рубежей. Неприхотливый в быте, не успев обзавестись семьей³⁴, отсылал все свое жалованье престарелой матери и двум сестрам.

Приближалась весна, и французы генерала Боске с ожесточением, иногда по несколько раз в день начали атаковать ложементы у Кривой пятки, оберегавшие Малахов курган со стороны Килен-бухты. Но прибывший на его защиту батальон Камчатского полка стойко сдерживал натиск неприятеля. Нахимов отметил стойкость «камчатцев» и приказал впредь именовать эту позицию «Камчатским люнетом». Редкий день не бывал здесь Истомин. В ночь на 6 марта французы вновь безуспешно атаковали «Камчатку». Уже в полночь Истомин был здесь, наблюдая, как под вражеским огнем солдаты устанавливают новую пушку. Ночь прошла незаметно, занялась заря, и вдруг в тишине запели жаворонки.

— Чего же больше, верх благополучия, — добродушно усмехнулся Истомин, приняв рапорт капитан-лейтенанта Сенявина.

Тишину прервал залп французов.

Взобравшись на бруствер траншеи, Истомин направился к Малахову кургану в сопровождении капитан-лейтенанта. Над головами с визгом пролетело ядро. Сенявин, хоть и не из пугливых, тревожно проговорил:

— Ваше превосходительство, по нас целят прямой наводкой, сойдите в траншею!

Истомин устало усмехнулся, кивнул в сторону французов:

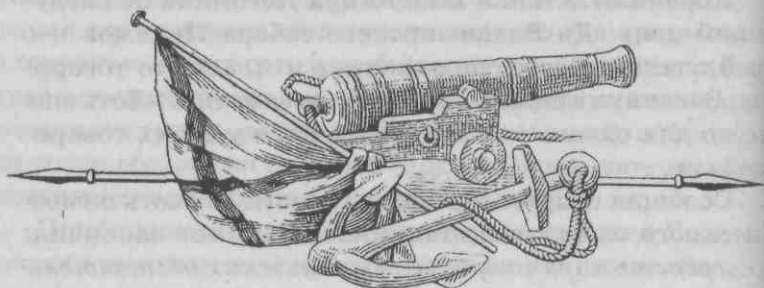
— От ядра, батенька, все одно не скроешься.

Словно подтверждая сказанное, донесся свистящий звук, и вражеское ядро напроць снесло голову контр-адмиралу беспримерной отваги.

Хоронили останки Владимира Истомина на следующий день. До Владимирского собора Нахимов нес гроб с телом своего сподвижника и младшего товарища. Заглянув в склеп, он с грустью заметил: «Есть еще место для одного — лягу хоть в ноги у своих товарищей...»

Сообщая супруге Лазарева горестную весть о гибели одного из его воспитанников, Нахимов закончил: *«Твердость характера в самых тяжелых обстоятельствах, святое исполнение долга и неусыпная заботливость о подчиненных снискали ему общее уважение и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнив завет, он оправдал доверие Михаила Петровича...»*

Григорий Бутаков

ригорию Бутакову, родившемуся 27 сентября 1827 года в Риге, на роду было написано стать моряком. Произошел он из семьи моряка же, Ивана Бутакова, завершившего службу в чине вице-адмирала.

Окончив гардемаринном Морской корпус, он в кампанию 1836—1837 гг. крейсировал на фрегатах в Балтийском море. На исходе 1837 года в чине мичмана отправился служить на Черное море. Видимо, его отец, начальник 5-й дивизии кораблей флота, понял, что нет лучшей школы для сына, чем «лазаревская».

В первую же кампанию 1838 года Григорий, флаг-офицер Лазарева, получает боевое крещение при высадке десанта у Туапсе, в отряде генерала Раевского. Награда ему — орден Святой Анны IV степени, за храбрость. После успешного десанта Бутаков на тендере «Луч» в последний майский день внезапно попадает во власть разбушевавшейся стихии моря. «Тендер «Луч» и бриг «Фемистокл», — вспоминал очевидец Иван Зеленой, — имели несчастье попасть в устье реки Туапсе, где их бросило к черкесскому берегу. Экипа-

жи этих судов, подверженные всей свирепости стихии, должны были вытерпеть еще свирепость дикарей. Черкесы сделали засаду за выкинутым к ним баркасом и под защитою его наносили матросам сильный вред. Несколько человек с брига и тендера погибли от пуль и шашек черкесских. На противоположном берегу реки устроили батарею, которая защищала несколько бедствующих моряков, но и тут еще черкесы отчаянно бросались на матросов и, увлеченные хищничеством, кидались на бриг за добычей.

Около полудня 31 мая после нескольких неуспешных попыток удалось нашим войскам переправиться на противный берег реки. Тогда черкесы были прогнаны, гора, командующая устьем реки, занята, и экипажам тендера «Луч» и брига «Фемистокл» подана немедленная помощь».

За схватку с горцами, боевым крещением на суше, Бутакова наградили орденом Святого Станислава III степени, с мечами.

Две последующие кампании Григорий Иванович перенимает тонкости морской выучки у своего командира В. Истомина на шхуне «Ласточка» в Средиземном море. Возвратившись, он попеременно крейсирует у восточных берегов на фрегате «Флора», старшим офицером на шхуне «Вестник», тендере «Струя». В 1843 году произведен в лейтенанты и вновь плавает на шхуне «Вестник» в Средиземном море. Неаполь, Ливорно, Рим, Мальта — всюду новые впечатления, знакомство с портами, порядками на судах иноземцев.

За отличие в трех кампаниях у Абхазских берегов Бутакова награждают орденом Святой Анны III степени. Наконец в 1847 году Бутаков становится капитаном. На тендере «Поспешный» вместе с лейтенантом И. Шестаковым выполняет важное поручение Лазарева — производит гидрографические работы, описание побережья для составления лоции Черного моря. Три года понадобилось морякам, чтобы досконально обследовать берега, выполнить тысячи промеров и расчетов

для лоции, основополагающего руководства для мореплавателей.

За время прошедшей службы он глубоко вникает в тонкости морского дела, привносит новое в морскую практику — усовершенствует брашпиль, способы сигналопроизводства. Переводит с английского дельные пособия.

Шаг за шагом постигает Бутаков основные уроки «лазаревской школы» — беззаветную привязанность к службе, самоотверженное служение отчизне, честность во всех делах, инициативу и активность в деятельности. Ему достается печальная участь — перевезти останки своего кумира, Лазарева, на «Владимире» от устья Дуная в Севастопольскую бухту.

В 1851 году Бутаков в чине капитан-лейтенанта по ходатайству Корнилова направлен в Англию для наблюдения за постройкой парохода «Дунай» и приводит его в Черное море. Ему выпадает честь командовать первым винтовым судном — шхуной «Аргонавт».

Назревает война. Бутаков в феврале 1853 года сопровождает Корнилова в Константинополь в свите Меншикова. Война еще не объявлена, а, возвратившись, Бутаков получает приказ Корнилова с основными положениями тактики военных пароходов в предстоящих схватках с неприятелем. *«Пароходам, имеющим артиллерию, усугубить заботливость об усовершенствовании тревоги; особенно стараться усилить носовую и кормовую артиллерию... Пароходным командирам надлежит также иметь под руками всевозможные средства исправления повреждений в машине, в котлах, паровиках и трубах... Пароходные команды должны также обдумать меры, дабы всегда предупредить замешательство, могущее произойти от перебитого штуртроса, ибо руль на пароходе еще важнее, чем на парусном судне, по неимению на пароходе правильной парусности, заменяющей иногда руль. Я надеюсь, что вы не затруднитесь в новом для всех деле атаки пароходом парусного судна или паро-*

хода же и сумеете согласить рыцарское стремление к близкому бою с преимуществами большекалиберных пушек... равно как и с необходимостью избегать всегда невыгодного для пароходов боя борт о борт, ибо пароходы слабы бортовыми орудиями и должны принимать все меры к сбережению машины от повреждений».

Войну с Турцией Бутаков встретил на мостике пароходно-фрегата «Владимир».

Корнилов 28 октября поднял свой флаг на «Владимире» и отправился крейсировать с эскадрой контр-адмирала Новосильского в поисках турецкого флота. Неприятеля не обнаружили, но «Владимир», распрощавшись с эскадрой, возвращаясь в Севастополь, внезапно вступает в бой с неприятелем. Не найдя противника у румелийских берегов, Корнилов направился на восток. На рассвете 4 ноября он приказал Новосильскому с эскадрой следовать на соединение с Нахимовым, а сам на пароходно-фрегате «Владимир» направился в Севастополь. Едва эскадра Новосильского скрылась за кормой в предрассветной мгле, как на корабле горнист заиграл сигнал тревоги. Адъютант Корнилова, лейтенант Железнов, запыхавшись, вбежал в каюту адмирала:

— Ваше превосходительство, на горизонте неприятельский пароход. Корнилов через минуту был наверху.

Командир «Владимира» капитан-лейтенант Бутаков передал подзорную трубу и доложил:

— По румбу норд-норд-вест открылся дым неприятельского парохода. Видимо, следует курсом норд. «Владимир» к бою изготавливается.

На верхней палубе матросы успели расчехлить все орудия, открывали ящики с зарядами, ядрами, бомбами, банили стволы, готовились заряжать пушки.

— Что намерены предпринять, Григорий Иванович? — спросил Корнилов, не отрываясь от трубы.

Из-за горизонта постепенно появлялись мачты, сильно дымившая труба парохода.

— Сблизиться и атаковать с ходу, по-черноморски, — лихо ответил командир «Владимира».

— Ну, коли по-черноморски, так с Богом. Разводите полные пары и приступайте к погоне. — Корнилов вернул трубу Бутакову и перешел на левый борт.

Клубы дыма обволакивали надстройки, под напором встречного ветра убегали за корму и стелились по кильватерной струе пышным шлейфом.

Капитан турецкого парохода тоже заметил русских. Однако, судя по действиям, намерения его были, видимо, отличные от замысла командира «Владимира». Собственно, военный пароход «Перваз-Бахри», команда и капитан парохода Саид-Али прибыли из Египта, повелением египетского паши, по долгу союзников и единоверцев, верой и правдой они служили Османской Порте, и султан охотно принимал ту помощь. Он ценил отвагу и выучку египтян и ставил их всегда в пример своим турецким адмиралам.

На этот раз Саид-Али решил уклониться от схватки с русскими. Силы были равны — десять пушек «Перваз-Бахри» могли достойно ответить на залпы одиннадцати пушек русского парохода. Но где-то поблизости должна быть русская эскадра, ночью он видел на горизонте ее многочисленные огни.

«Перваз-Бахри» прибавил обороты, стремясь оторваться от русских. Прошло не менее часа, однако расстояние между пароходами не уменьшалось. Впереди Крым, Севастополь, а угля становилось все меньше... Русские вынуждали Саида-Али принять бой. Это была единственная возможность достойно возвратиться домой, и он приказал положить руль лево на борт. «Перваз-Бахри», описав большую циркуляцию, начал сблизжаться с русскими. Египетские матросы в широких шароварах сноровисто готовились к бою. На гафеле, блистая зеленым шелком, затрепетал турецкий флаг. Команда стала на молитву, призывая аллаха покарать неверных в предстоящей схватке...

— Пароход ворочает влево! — почти одновременно доложили сигнальные матросы и вахтенный офицер.

— На гафеле поднят турецкий флаг! — звонко доносилось вдогонку с марса.

Бутаков стоял на левом подветренном борту, опустив подзорную трубу. Невооруженным глазом было видно, как следом за изменившимся курсом пароходом, стелилось на воде гигантское черное кольцо дыма. Все это время «Владимир», постепенно набирая ход, шел прежним курсом, решительно сближаясь с турецким пароходом.

— Поднять флаги на гафеле! Комендорам орудия зарядить! — спокойно, но властно отдавал приказания Бутаков.

Он решил начать бой на встречном курсе, на предельно малой дистанции, чтобы бить наверняка.

Лежавший почти на контр-курсе «Перваз-Бахри» внезапно снова стал отворачивать влево.

— Право на борт! На румб ост! — отреагировал Бутаков, едва турецкий пароход начал поворачивать, и тут же, не глядя на артиллериста, лейтенанта Ильинского, скомандовал: — Орудия левого борта, товсь!

Расстояние до турецкого парохода сократилось до нескольких кабельтовых, что составляло не более полуверсты.

Как только «Владимир» закончил маневр и лег на устойчивый курс, параллельно турецкому пароходу, раздалась команда:

— Носовые орудия, пли! — Бутаков взглянул на часы, они показывали ровно десять.

Раздался первый выстрел. Через несколько секунд перед самым форштевнем «Перваз-Бахри» взметнулся белый фонтан.

Турецкий пароход продолжал идти, не спуская флага, а на палубе засуетились фигурки матросов.

На правом борту сверкнули зарницы. Донеслись три резких хлопка, и в четверти кабельтова от «Вла-

димира», чуть по корме тремя всплесками упали три ядра.

Бой начался. Третьим залпом с «Владимира» на неприятельском корабле раздробили шлюпку и срезали флагшток с турецким флагом. Матросы закричали «Ура!». Но неприятель поднял на гафеле новый флаг, что говорило о его решимости продолжать бой. Постепенно противоборство стало равным, с той разницей, что ядра «Перваз-Бахри» часто ложились с перелетом, а если и попадали в борт, то отскакивали от железной обшивки. Бомбические же снаряды, попадая в корпус или на палубу неприятеля, разносили все на куски.

Во время поворота «Перваз-Бахри» несколько вышел вперед, и, присмотревшись, Бутаков понял, что наиболее слабое место у противника — кормовая часть. Там не было ни одного орудия. Поэтому, когда «Перваз-Бахри» начал поворот вправо, пересекая курс «Владимиру», Бутаков приказал замедлить ход, пропустить вперед турок.

До сих пор Корнилов не проронил ни слова. Корнилову впервые, как и всем морякам «Владимира», довелось стать участником первого боя военных пароходов. Многое здесь было по-новому, а главное, независимость маневра курсом и скоростью от ветра. Бутаков действовал грамотно и решительно, а теперь почему-то промедлил.

— Что вы задумали? — спросил Корнилов, подойдя к Бутакову, пока турецкий пароход на циркуляции прекратил стрельбу.

Показав на корму «Перваз-Бахри», Бутаков ответил:

— Ваше превосходительство, у турок на корме нет ни одной пушки, а бортовые нас не достанут, мешает надстройка. Нынче он ворочает на зюйд в сторону Анатолии, безусловно, улепетывать собрался. Думаю, пропустить его, зайти с кормы и ударить всем бортом продольным огнем.

Слушая командира, Корнилов улыбался в усы, не мог внутренне не восхищаться действиями Бутакова, его сметливостью в совершенно новом деле.

Пропустив «Перваз-Бахри», Бутаков зашел с кормы, прибавил скорость, повернув влево, открыл беглый огонь правым бортом. Ядра и бомбы разнесли в щепки все шлюпки, прострелили трубу, сбили готмачту. Турецкие матросы заматались по палубе, но их пушки молчали. Было видно, как матросы торопливо вытаскивали из трюмов мешки с углем, бревна и снаряжали на корме баррикаду против губительного огня русских.

Развернувшись на новый галс, «Владимир» открыл огонь левым бортом. Перед поворотом Бутаков приказал перетащить на левый борт кормовое бомбическое орудие. Теперь на турецкий пароход обрушился огонь шести орудий. В его борту появились пробоины, на палубе лежали неубранные трупы матросов.

Сраженный ядром, упал на кормовой надстройке Сеид-Али, а вскоре всю надстройку смело залпом бомбического орудия. Не потеряв надежды, противник отчаянно отстреливался, пытаясь уйти к спасительным анатолийским берегам. Но машины «Перваз-Бахри» были уже повреждены, и «Владимир», догнав его, лег на параллельный курс. В этот момент турки открыли непрерывный огонь. На глазах у Корнилова у кожука упал за смертью его любимый адъютант Железнов, рядом убило горниста. Это были первые, и последние, жертвы русских моряков в бою.

— Лево на борт! — распорядился Бутаков. — Заряжай картечью!

По внешнему виду избитого «Перваз-Бахри» было видно, что его время сочтено. Но Бутаков не желал больше терять своих людей. Сблизившись на пистолетный выстрел, «Владимир» залпом картечи смел половину турок на верхней палубе. Не прошло и минуты, как «Перваз-Бахри» спустил флаг и застопорил машины.

Внезапная тишина повисла над морем, где только что гремела канонада, свистели ядра, рвались бомбы, кипело от всплесков море.

Возбужденно сияющий Бутаков, с перемазанным угольной копотью лицом, скомандовал:

— Барабаны, дробы! — это означало отбой тревоги.

Тут же на «Перваз-Бахри» направилась шлюпка с вооруженными матросами, для взятия пленных на призовом судне, а следом баркас с унтер-офицерами, машинистами, кочегарами.

Корпус «Перваз-Бахри» оказался пробитым в нескольких местах, переборки внутри разворочены.

— То-то наши бомбические пушки хороши, — обрадовался Корнилов.

На корме «Перваз-Бахри» испуганно толпились пленные, 9 офицеров и 84 матроса. Корнилов приказал оказать помощь раненым пленным, похоронить более тридцати убитых из команды. Он сам обследовал взятый трофей.

Удивляясь меткости канониров «Владимира», сказал Бутакову полусуто:

— Ваши молодцы, Григорий Иванович, впредь должны целить разумно. И неприятеля выбить, и приз сберечь.

Корнилов решил, не задерживаясь, идти в Севастополь.

Четыре часа латали пробоины, чинили рулевое управление машины. С «Владимира» на захваченный пароход завели буксир, и в это же время матрос с марса крикнул:

— Вижу паруса по румбу вест! — И через две-три минуты, продолжая наблюдать: — Вижу мачты по румбу зюйд!

Вахтенные офицеры, Бутаков и Корнилов, силились не столько разглядеть, сколько угадать внезапно появившиеся эскадры. Бутаков вопросительно посмотрел на Корнилова. Тот минуту-другую смотрел на юг, в сторону только что появившихся мачт, затем пере-

шел на другой борт. Всматриваясь в медленнодвигающиеся из-за наступившего штиля корабли, Корнилов размышлял: «С момента расхождения с эскадрой Новосильского прошло более десяти часов. За время боя «Владимир» тоже значительно удалился к северу. Следовательно, это и есть эскадра Новосильского. Паруса же обнаружены к югу — это, видимо, эскадра Нахимова. С ним-то и надо ему встретиться и передать важные новости. Но до Нахимова далеко, а скоро ночь».

— Берите на румб вест, Григорий Иванович, — не поворачиваясь, проговорил Корнилов, — и прикажите не мешкать. Нам до темноты необходимо встретиться с Новосильским, — он указал подзорной трубой на запад.

Все подтвердилось еще до наступления сумерек, когда «Владимир» встретился с этими судами. Это оказалась эскадра Новосильского, следовавшая на соединение с Нахимовым... Рассказав о бое с «Перваз-Бахри» и передав пакет для Нахимова, Корнилов растался с Новосильским, и «Владимир» с призом на буксире взял курс на Севастополь.

Высоко оценил действия экипажа «Владимира» Корнилов:

«Капитан, офицеры и команда «Владимира» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался как на маневрах; действия артиллерией были и быстры, и метки, чему лучшим доказательствами служат разрушения, ими проведенные на неприятельском судне. Состоявшие при мне флаг-офицеры лейтенанты: князь Барятинский, Железнов, Добровольский и Ильинский, не имея у себя дела по флагманской части, поощряли команду своим примером и указаниями. Лейтенант Железнов, подававший большие надежды, был убит картечью на кожуховой лодке, откуда замечал действия наших ядер.

Смею надеяться, что первое пароходное дело в истории флота удостоится высочайшего внимания и не отказано будет вознаградить отличившихся

офицеров, в особом списке поименованных, наградами, к коим представляются».

За этот бой Бутаков был награжден орденом Святого Георгия IV степени, произведен в капитаны 2-го ранга.

В Севастопольскую бухту «Владимир» вошел, буксируя весь избитый, плененный «Перваз-Бахри». Турецкий пароход едва не затонул от пробоин в бою, и его поставили на ремонт. Не обошлось без повреждений машин и на «Владимире». Неожиданно Бутакова вызвал Корнилов:

— Сей же час, Григорий Иванович, отправляйтесь на «Одессу» и вступайте в командование. Завтра выйдем в море к Синопу, на подмогу Нахимову.

Корнилов, отправив из Севастополя Новосильского, сразу же начал готовить к выходу пароходы. Все они были довольно ветхими и требовали ремонта. «Херсонес» и «Крым» развозили по побережью почту, и только недавно каждый из них вооружили двумя пушками. Пароходо-фрегат «Одесса» старой постройки отставал в ходу. 18 ноября, следуя из Севастополя, у Синопского перешейка на флагмане «Одессе» услышали и увидели громовые раскаты и дым пушечных залпов сражения. Немедля пароходы дали полный ход и поспешили к месту боя. Однако, увидев выходящий из бухты турецкий пароход, Корнилов сразу отослал преследовавшие его фрегаты на помощь Нахимову, поднял сигнал «Крыму» и «Херсонесу»: «Атаковать неприятеля, поставив его в два огня», а сам устремился навстречу «Таифу», но его капитан явно не хотел рисковать.

Английский капитан Слэд вновь показал нежелание вступать в бой. Он резко изменил курс, уклоняясь от встречи, и развил полный ход. Сблизившись, насколько было возможно, «Одесса» и «Крым» открыли огонь. Отрываясь, «Таиф» отстреливался, как мог, но преимущество в скорости не замедлило сразу сказаться, и погоня прекратилась.

В бухте тем временем сражение подходило к концу. Боевое ядро турецкой эскадры было уничтожено. Все корабли турок или взорвались, или, потеряв управление, сидели на мели. Часть из них полыхала. Разгорались пожары и на берегу.

Приведя в порядок корабли, устранив часть повреждений, эскадра вышла в море.

Море заштило. и, взяв на буксир поврежденные в сражении корабли, пароходы помогли эскадре благополучно возвратиться в Севастополь. Спустя два месяца в Черное море вошли корабли Англии и Франции. «Владимир» под командой Бутакова, невзирая на угрозу превосходящих сил противника, все лето 1854 года в составе отряда пароходов и самостоятельно неоднократно производил разведку, крейсируя вплоть до Синопа.

После высадки союзников у Евпатории, отступления русской армии и осады Севастополя «Владимир» с другими пароходами активно поддерживает оборону города огнем своих пушек.

5 октября 1854 года, помогая защитникам Малахова кургана, «Владимир» выпустил по неприятельским позициям более 250 бомб и ядер. В конце октября, маневрируя, меткими залпами поддерживал войска, сражавшиеся на Инкерманских высотах.

Спустя месяц Бутакова вызвал Нахимов. После гибели Корнилова он, приверженный «парусникам», все больше проникался уважением к пароходам.

Когда Бутакова наградили за бой с «Перваз-Бахри» орденом Георгия, Нахимов, не дожидаясь поступления награды, снял с себя орден, полученный за Наварин, и вручил его Бутакову.

— Союзники расположились на виду Севастополя, будто в своем порту, — сказал Нахимов, — надобно их проучить. Возьмите «Херсонес» и атакуйте пароход, который стоит на фарватере, а то и завладейте им.

Вылазка двух пароходов была предпринята 24 ноября. В час дня «Владимир» и «Херсонес» вышли за

буи, миновали линию затопленных кораблей. «Владимир» первым устремился к вражескому пароходу. Стреляя на ходу из орудий по неприятельскому лагерю у Стрелецкой бухты и стоявшим там двум пароходам, продолжал атаковать пароход. Тот дал сигнал своему флоту, стоящему у Камышовой бухты, и, отстреливаясь от «Владимира», стал отступать. «Владимир» кинулся за ним, ведя огонь из двух носовых орудий, а когда подошел к кораблям близко, на дистанцию пушечного выстрела, положил лево руля и стрелял по беглецу всеми орудиями левого борта. Повернув затем к Стрелецкой бухте, «Владимир» стал помогать «Херсонесу» обстреливать вражеские пароходы и лагерь. Ими уже был подбит один французский пароход, когда к месту боя стало приближаться несколько английских и французских кораблей.

Чтобы не подвергаться атаке превосходящих сил противника, «Владимир» и «Херсонес», открыв огонь из кормовых орудий, пошли к Севастополю. На рейде на флагмане «Двенадцать апостолов» их приветствовал Нахимов сигналом: «Изъявляю особенное удовольствие».

«Молодецкая вылазка наших пароходов, — доносил Нахимов, — напомнила неприятелям, что суда наши, хоть разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке, что, составляя стройные батальоны для защиты Севастополя, мы ждем только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева...»

Не раз «Владимир» с другими пароходами содействовал своим метким огнем бастионам при отражении атаки союзников. Редкий день не прикрывал «Владимир» своим огнем защитников Малахова кургана. В январе 1855 года Бутакова просил помочь В. Истомин «дальностью сокрушительных бомб».

В конце марта Бутакова произвели в капитаны 1-го ранга, теперь он командовал отрядом пароходов, кото-

рый и днем, и ночью, на ходу, и на якоре «бросал бомбы на занятые неприятелем редуты». В ночь на 5 июня неприятель предпринял четвертую атаку Севастополя. Тысячи бомб обрушились на русские позиции. Особенно досталось защитникам Малахова кургана. В вечерней мгле появился на Малаховом кургане Бутаков, разыскал Нахимова.

— Славно трудитесь на «Владимире», славно-с! — ответил адмирал, поздоровавшись.

— Ваше высокопревосходительство, — обратился к нему Бутаков, — нынче судьба Севастополя решается, на пароходе я под защитой брони и поспокойнее, чем здесь. — Бутаков кивнул на разорвавшуюся неподалеку бомбу. — Так что прошу меня зачислить на какую-либо батарею, на передовую.

Темнота скрыла черты лица Нахимова, но, судя по голосу, адмирал был недоволен:

— Нельзяс-с никак, Григорий Иванович, вас надо сохранить для будущего флота! — Голос адмирала смягчился. — Да и ваши пароходики нам подмога великая. Вот-с нынче ночью ожидаем неприятеля здесь, на Малаховом, и у Черной речки. Будьте настороже.

Действительно, в ту ночь около 14 тысяч французов-зуавов штурмовали курган. Корабельная артиллерия помогала меткими бомбовыми ударами. В этот раз неприятель был отбит.

Тем временем новый царь, Александр II, был явно против дальнейшей обороны Севастополя «до последней капли крови». Эту линию проводил и сменивший А. Меншикова генерал М. Горчаков. Но царь приказал напоследок «хлопнуть дверью», предпринять наступление. Бездарь М. Горчаков, не подготовив как следует войска, 4 августа бросил людей на верную смерть, в атаку на отвесные и неприступные Федюнинские высоты против в полтора раза превосходящих сил противника. Русские потеряли у Черной речки до 10 тысяч человек и отступили. Судьба Севастополя была решена. 27 августа неприятельские

колонны двинулись со всех сторон на штурм Севастопольских бастионов. Маневрируя у Килен-балки, «Владимир» на ходу открыл губительный огонь по вражеским колоннам. *«Командир «Владимира», — рассказывал очевидец, — капитан Бутаков первый подавал экипажу пример редкого хладнокровия и неустрашимости. Все приходило в восторг, глядя на него, стоящего на площадке над колесами и спокойно распорядившегося, как будто возле него не летали ядра и не было вероятности быть убитым каждое мгновение. Хвала тебе, храбрый! Хвала и тебе, наш славный «Владимир»!»*

Увы, на этот раз одолел числом неприятель. Вечером 27 августа начался отход войск. Всю ночь пароходы перевозили людей и кое-какие грузы. «Владимир» в эту ночь перевез 2490 человек. Ночью легли на дно парусники «Париж», «Храбрый», «Мария», «Чесма», «Иегудил».

В ночь на 31 августа Бутаков получил приказ затопить все пароходы. В час ночи свезли на берег команды пароходов, а в три по условному сигналу все пароходы: «Владимир», «Крым», «Херсонес», «Одесса», «Бессарабия», «Эльбрус», «Дунай», «Турок», «Грозный» — подожгли, открыв предварительно кингстоны. Морская поверхность озарилась багряными отблесками горящих кораблей, погружающихся в пучину. Подожженный в нескольких местах «Владимир» взлетел на воздух под грохот пушек — это в последний раз выстрелили заряженные и наведенные на неприятеля орудия «Владимира», которые не удалось свезти на берег.

За отличие и мужество при обороне Севастополя Григорий Иванович Бутаков был произведен во флигель-адъютанты и награжден орденом Владимира IV степени с бантом.

Севастопольская эпопея послужила для Бутакова боевой школой. Он впервые применил новинки: открывал пароходы для увеличения угла возвышения орудия, стрелял на ходу по невидимой цели. Но глав-

ное — верно оценил значимость и преимущество нового парового флота, на практике в бою применил неизвестные ранее тактические приемы, приведшие к победе над противником.

Печальным итогом войны 1813—1855 гг. явился запрет России иметь военный флот и базы на Черном море. Век парусных кораблей закончился Синопом. Наступала пора паровых кораблей.

На Черном море среди командиров военных пароходов тогда первенствовал Бутаков. Он же остался единственным из славной плеяды выучеников «лазаревской школы», кого пестовал Лазарев, подобно Корнилову, Нахимову, Истомину. Видимо, все это учитывал великий князь Константин Николаевич. Новый император спустя четыре дня после вступления на престол уволил А. Меншикова от всех должностей и повелел великому князю Константину Николаевичу, по званию генерал-адмирал, «управлять как флотом, так и Морским министерством».

26 августа 1856 года Г. Бутаков был произведен в контр-адмиралы с назначением в свиту его величества, заведывающим морской частью в Николаеве и военным губернатором в Николаеве и Севастополе.

Бутакову надлежало заботиться о возрождении флота, а о сокращении до минимума остатков прежнего флота.

Началась незнакомая прежде моряку докучная и нудная канцелярская работа. Сокращали береговые учреждения, отправляли в отставку множество офицеров, определяли пенсии, раздавали награды, комиссовали раненых офицеров и нижних чинов...

С первых шагов Бутаков столкнулся с крючкотворством, взяточниками, казнокрадами. На все это прежде смотрели сквозь пальцы и начальники и чиновная братия. Вскоре Бутаков узнал, что его помощник по интенданту, контр-адмирал Швенднер, замешан в спекуляциях с поставкой военно-морскому ведомству 13 тысяч четвертей гнилой муки. Вместе с ним дейст-

вовал купец-спекулянт Киреевский и чины управления. Назначенная Бутаковым комиссия изобличила мошенников. Киреевского арестовали, и вскоре в Николаев прибыла из Петербурга «высочайше утвержденная комиссия» во главе с князем Оболенским. Оболенский на словах возмущался и обещал наказать преступников, но конфиденциально посоветовал Бутакову: «Мой совет вам, Григорий Иванович, оставить в забвении проведенное вами следствие...»

Комиссия пригласила в «советники» специалистов-торговцев, которые участвовали в мошенничестве. Вся эта свора постаралась прекратить разбор дела, потому что в нем оказались замешаны лица из Петербурга — подобно обер-интенданту Н. Метлину и другие. С горькой обидой доносил Бутаков рапортом генерал-адмиралу: *«Это раскрыло мне, к горькому сожалению, ход, который был дан делу. Зная, что бедное мое отечество подрываемо страшным червем взяточничества, этой повсеместной гангреной нашей, — я выбрал удобный случай, чтобы нанести в пределах вверенного мне управления удар всеобщему врагу...»* Бутаков просил генерал-адмирала об отставке, но тот отказал и неожиданно объявил ему выговор за «неприличную придирчивость и за неисполнение его воли».

С той поры великий князь стал явно недолюбливать Бутакова, а тот в 1859 году представил ему «Секретную записку о положении в Черноморском управлении», в которой дал обстоятельный анализ положения дел в Морском министерстве в целом. По мнению Бутакова, министерство пришло в упадок из-за морального разложения его чиновников. Приведенные в записке факты подтверждали мысль ее автора. Бутаков понимал, что он один не в силах вести борьбу с этим злом, а обещанной реальной поддержки не имел. *«...Надо же было мне попасть на свою должность в такое время, — восклицает он, — когда все в России говорило: «Бросьте официальную ложь! Кто же после Севастопольской войны не знает, что у нас*

сверху блеск, а снизу гниль. Перестаньте молчать об этом...»

И вновь Бутаков просит освободить его от должности и уволить в отставку.

В ожидании ответа Бутаков продолжает работать над рукописью о тактике парового флота. В это время ему прислали на отзыв новый устав, и он в своих замечаниях упоминает о порядках на флоте: *«Пора отменить линьки совсем, как вредные по последствиям своим для здоровья, определительно ограничить меру исправительных наказаний, представленных командиру корабля...»*

В конце 1859 года Бутакова награждают орденом Святого Владимира III степени и переводят на Балтику начальником практической эскадры винтовых кораблей. С первых шагов на новом месте Бутаков получает от подчиненных прозвище «беспокойный адмирал». Главная задача — готовить подчиненных к грамотной эксплуатации паровых кораблей, а их командиров обучать новой методике маневрирования и использования оружия. За одну кампанию эскадра стала образцом на Балтике. Осенью Бутакова награждают орденом Святого Станислава I степени и командируют к недавним противникам — в Англию и Францию для ознакомления с их флотами.

Проявляя интерес к многим новинкам, Бутаков убедился, что в этих флотах до сих пор нет четких правил и приемов использования военных пароходов. Докладывая о результатах командировки, он откровенно сообщает: *«Не желая уступить кому-либо за границей первенство изобретения этой теории, я очень мало ознакомил с нею иностранных адмиралов».*

Следующие две кампании 1861—1862 гг. Бутаков командует флотилией винтовых канонерских лодок и доводит до совершенства ее подготовку.

В 1863 году Бутаков в должности военно-морского атташе командировается в Англию и Францию. В этом же году увидело свет фундаментальное исследование

Бутакова «Новые основания паровой тактики»³⁵. Этот труд был высоко оценен современниками в России и за рубежом, а Академия наук присудила за него Бутакову Демидовскую премию.

Последующие десять кампаний Бутаков успешно командовал броненосной эскадрой на Балтике, внедряя на флоте все новое, поощряя инициативу подчиненных. Как-то к нему явился мичман Степан Макаров с броненосной лодки «Русалка» и предложил оригинальный пластырь для заделки пробоин судна, а также систему откачки забортной воды из поврежденных отсеков паровых судов. Бутаков сразу же высоко оценил эти новшества и доложил о них Морскому учебному комитету. «Пластырь Макарова» и его система водоотлива применяются на флоте до сих пор.

В 1866 году Бутакову присваивают чин вице-адмирала, а в Кронштадте, по представлению Бутакова, открывается «временная школа морских минеров».

Бутаков явился зачинателем внедрения минного оружия на флоте. Под его руководством на броненосной эскадре делал первые шаги лейтенант С. Макаров, будущий флотоводец.

Весной 1878 года Бутаков был произведен в адмиралы и в связи с обострением обстановки с Англией назначен начальником береговой и морской обороны Свеаборга. За короткий срок крайне запущенное состояние обороны крепости не было устранено. Особое внимание Бутаков уделил подготовке приданной ему эскадры и применению минного оружия как в целях обороны, так и для атаки.

Опасность войны миновала, и «беспокойного адмирала» министерская челядь отстранила от руководства кораблями и соединениями.

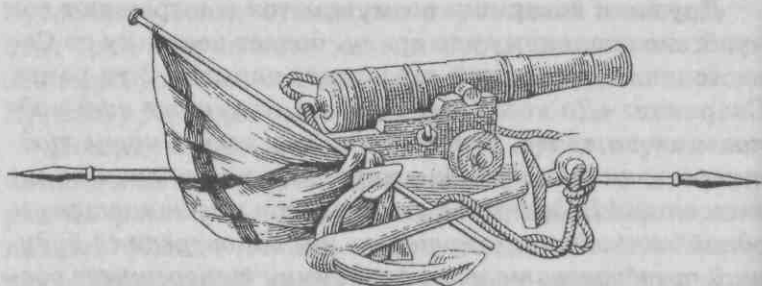
Но и на берегу, уединившись на даче, по сути в изгнании, Григорий Иванович продолжает трудиться, разрабатывает возможности улучшения боевой техники, повышения уровня подготовки офицеров, воспитывает детей³⁶.

Друзья и товарищи возмущаются и выражают сочувствие опальному адмиралу, подает весточку из Севастополя его бывший адъютант, капитан 2-го ранга Скарятин: *«Да когда же, наконец, кончится эта подпольная интрига, более двадцати лет в корне подтягивающая наш флот, устраняя от него лучшие силы и опыт! Ведь скоро в этом флоте не останется ни одной личности, на которую мог бы опереться будущий преобразователь, по окончании теперешнего растлевающего начала. Правда, мы живем в такое время, что не мешало бы Петрухе восстать из гроба, хоть на один день, чтобы разогнать дубиной всю эту сволочь, извините за выражение, изуродовавшую одну из лучших его созданий!»* Сказано метко и будто о дне сегодняшнем.

Спустя два года Бутакова назначают командиром Петербургского порта, но адмирал вновь ведет борьбу с жульем и казнокрадами. Одновременно болеет за дело, отправляет в Морское министерство записку о перспективах русского военного кораблестроения. И снова у Бутакова конфликт с министерством на почве разоблачения махинаций при постройке кораблей, и это затрагивает честь августейших особ. В марте 1882 года Бутакова снимают с занимаемого поста и назначают в Государственный совет, где обычно доживают век дряхлые сановники.

Спустя два месяца Григорий Иванович Бутаков внезапно скончался от апоплексического удара. Несмотря на весьма большие заслуги Г. Бутакова, правящие сановники старались не вспоминать о нем, а официальные историки принижали значимость его трудов по тактике, которые использовали во флотах Европы и Америки при подготовке броненосных кораблей.

Но русские моряки, последователи Бутакова, в частности Степан Макаров, всегда помнили заветные слова Бутакова: *«Отстать легко, догнать трудно!»*

Степан Макаров

з всей плеяды русских флотоводцев, Макаров выделился своей родословной уже при появлении на свет, 28 декабря 1848 года в городе Николаеве. Его родители не имели статуса дворянства. Отец из матросов дослужился до штабс-капитана. Мать — дочь унтер-офицера. Рано потеряв мать, Степан «с девяти лет был совершенно заброшен».

В десятилетнем возрасте он поступает в морское училище в Николаевске-на-Амуре, где сразу привлекает внимание преподавателей тягой к знаниям, начитанностью и необычным трудолюбием. В июле 1863 года кадет Макаров на клипере «Абрек» и флагманском корвете «Богатырь» в составе эскадры адмирала А. Попова совершает плавание в Сан-Франциско. Спустя год, расставшись с Макаровым, адмирал А. Попов в знак расположения к талантливому юноше, подарил ему свою фотографию с надписью: «Моему молодому другу...»

После успешной сдачи экзаменов Макарова назначают на Тихоокеанскую эскадру. На флагмане «Аскольд» он совершает плавание в Кронштадт, где ста-

новится гардемаринном, а в 1869 году произведен в первый офицерский чин — мичмана — и назначен на броненосную лодку «Русалка». Здесь впервые выявляются его качества вдумчивого исследователя и практика.

Осенью, в конце кампании 1869 года, «Русалка» маневрировала в финских шхерах и коснулась днищем каменной банки. Произошло это на малом ходу, никто даже не почувствовал толчка. Однако командир приказал осмотреть все трюмы. «Русалка» имела двойное дно. Внутреннее оказалось целым, но когда отдраили носовую горловину, из междудонного пространства хлынула вода. Стало ясно — в днище пробоина, но где и каких размеров, определить сразу было нельзя. В то время начала железного кораблестроения корабли старались конструировать попрочнее, и проникнуть в трюм было практически невозможно. Командир принял верное решение — осторожно подвел лодку к мелководу и «легко» посадил на мель. Много часов ушло на отыскание пробоины, изготовление пластыря и заделку пробоины. Случись авария в открытом море, «Русалка» наверняка бы затонула. Кроме того, почти глухое второе дно закрыло доступ к отсеку с пробоиной. Чтобы откачать воду помпами, пришлось искать обходные пути. Авария на «Русалке» поразила Макарова. В обычных условиях команда не была готова к немедленным действиям — борьбе за живучесть корабля. Тем более что в эту кампанию произошла катастрофа — фрегат «Олег» столкнулся с броненосной батареей «Кремль», получил большую пробоину и пошел ко дну. Под рукой не оказалось ни водоотливных средств, ни, главное, готового пластыря для заделки пробоины. Не откладывая, Макаров делает необходимые расчеты и в этом же году излагает свои мысли в первой научной работе «Броненосная лодка «Русалка». Исследования плавучести и средств, предлагаемые для ее устранения». Просто и доходчиво молодой мичман показывает: для успеха в борьбе за жизнь корабля надо заранее изготовить доброт-

ный пластырь из парусины для заделки пробоины, а для быстрой откачки воды вдоль всего днища проложить трубу с отводами и в нужный момент быстро подключать к ним насосы из машинного отделения. Но от работы Макарова морские чиновники отмахнулись, как от предложения даровитого мичмана «из низов». Но все же Макаров не бросил задуманное и отнес свою работу в виде статьи в журнал «Морской сборник». Печатное слово возымело действие. Скоро в газете одобрительно отзываются о проекте, и Макаров решается поделиться мыслями с начальником броненосной эскадры Балтийского флота вице-адмиралом Григорием Бутаковым. Бутаков сразу понял и оценил практическую важность для флота предложений Макарова и встал на его защиту. С первой встречи с Бутаковым Макаров проникся идеями адмирала и на всю жизнь стал талантливым учеником «бутаковской школы». Спустя небольшое время «пластырь Макарова» рекомендовали применять командирам всех русских судов, и этот метод предотвратил не одну катастрофу на море.

В 1871 году Макаров в звании лейтенанта назначается на шхуну «Тунгус», которая отправляется в плавание во Владивосток. По прибытии туда Макарова неожиданно вызвали в Петербург. Вице-адмирал А. Попов привлекает его для разработки водоотливных средств для сооружаемых «поповок» и других судов. Теперь на всех судах Балтики внедряют «пластырь Макарова» и систему водоотливных «магистральных труб». В Морском сборнике появляется статья Макарова «О непотопляемости судов». Новизна захватила молодого лейтенанта надолго. Вычисления, чертежи, обследования строящихся судов, организация работ на них, чтение лекций, статьи, инструкции. «Работа по части непотопляемости невидная, результаты ее скажутся только после аварий, никто не вспомнит, кому корабль обязан своим спасением». Здесь Макаров познает тонкости конструкций судов

и кораблестроения. За успехи на поприще непотопляемости Макарова наградили орденом Святого Станислава III степени. Между тем на верфях Петербурга закладываются новые броненосные корабли по проектам Попова. Первые из них «Генерал-адмирал» и «Александр Невский». Сначала их отнесли к корветам, потом перевели в ранг фрегатов, а позднее по новой классификации стали называть крейсерами 1-го ранга. Эти корабли были много мощнее, чем любые иностранные фрегаты того времени. Все эти и другие корабли сооружаются на Балтике, а на Черном море, где обострилась обстановка, флота как такового не было: две тихоходные «поповки» для обороны побережья и несколько слабеньких корветов и шхун. Строительство флота на Черном море запрещалось договором, и Россия старалась восполнять эту недостачу хотя бы постройкой коммерческих пароходов. Турция же обладала мощными кораблями — 13 броненосцев, 2 монитора, 7 канонерок и много мелких судов.

Боевые действия в этой войне для моряков, как и в Крымскую войну, начались внезапно в 1877 году на Дунае. Здесь впервые в мире начали боевые действия минные катера. Во-первых, были заминированы все подходы к мостам и намеченным переправам наших войск. Для скрытности мины ставили ночью или в тумане. Потом на этих минах подорвалось немало турецких судов, и неприятель побаивался атаковать русские позиции. Минные катера сами начали атаковать турок новым видом орудия — шестовыми минами. На Черном море нашим морякам пришлось бороться с врагом «не числом, а умением». Война еще не началась, а лейтенант Макаров предложил командованию смелый проект борьбы с неприятелем на Черном море. Проект его заключался в том, чтобы парализовать действия турецкого флота, используя как средство нападения минные катера. Но катера не могли добраться к дальним местам базирования неприятеля. Зная, что на Черном море есть быстроходные торговые парохо-

ды, Макаров предложил использовать их для доставки к месту атаки минных катеров. Имея на борту несколько таких катеров, пароход незаметно ночью подходит к вражеской эскадре и спускает на воду минные катера, катера внезапно атакуют противника, немедленно возвращаются к пароходу, их поднимают на борт, и, как говорится, «только их и видели».

Сначала мысли Макарова не нашли поддержки, но он продолжал настойчиво искать единомышленников. Наконец-то после перевода на Черное море его проект нашел союзника в лице главного командира Черноморского флота адмирала Н. Аркаса. Макарова назначили командиром самого быстроходного парохода «Великий князь Константин», зафрахтованного у торгового пароходства. Его вооружают артиллерией, оборудуют подъемными средствами — для четырех минных катеров — «Чесма», «Синоп», «Наварин», «Минер». Макаров решил использовать не только шестовые мины, но и попробовать для атаки буксируемые на специальных тросах. В этом случае катер резким разворотом у борта или под кормой неприятельского корабля подводил буксируемую мину под днище... Взрыв происходил от соприкосновения с корпусом ударного механизма или мина подрывалась электричеством по проводам...

В первый день войны 12 апреля 1877 года Макаров построил команду на верхней палубе и обратился к матросам и офицерам.

— Война объявлена, — начал он несколько взволнованно, — мы идем топить турок. Знайте и помните, что наш пароход есть самый сильный миноносец в мире и одной нашей мины достаточно, чтобы утопить самый сильный броненосец. Клянусь вам честью, что я не задумываюсь вступить в бой с целой турецкой эскадрой. Мы дешево не продадим нашу жизнь!

Громкое «Ура!» покрыло последние слова командира.

Макаров приказал развести пары и хотел сразу ид-

ти для атаки в Константинополь, чтобы застать неприятеля врасплох. Однако командование не думало торопиться, дело было новое и неизвестное, чем еще обернется.

Тем временем турки, уверенные в безнаказанности, начали громить русские порты — Поты, Гудауты, Сухуми. Спустя две недели после начала войны, получив наконец «добро» командующего флотом, «Константин» вышел в море на поиски неприятеля. Вечерними сумерками подошли к Батуми. Вдали на рейде мерцали огни турецких кораблей, и, застопорив машины, в полной тишине спустили на воду все четыре катера и направились к берегу. Макаров шел первым на катере «Минер». Было решено провести атаку буксируемыми минами. Первым стремительно вышел вперед самый быстроходный катер «Чесма» под командой опытного лейтенанта Зацаренного. Он ловко подвел мину под корму турецкого корабля, но она почему-то не взорвалась. Турки всполошились, открыли бешеный огонь и бросились вдогонку. Пришлось уходить, так как вступать в бой слабо защищенному пароходу с несколькими боевыми кораблями было бессмысленно. Первый «блин вышел комом», основной элемент успеха — внезапность — был упущен. Однако неудача не обескуражила Макарова и его единомышленников.

Не прошло и месяца, в мае 1877 года Макаров повел «Константин» в Сулин, в устье Дуная. Там между островом Змеиным и портом Сулин крейсировал отряд броненосцев, затрудняя действия нашей армии. Для успеха Макарову придали для усиления два крупных минных катера, которые «Константин» взял на буксир. Первым катером командовал лейтенант Рождественский, вторым — лейтенант Пущин.

Турки явно не ожидали русских. Безмятежно мерцали огни в Сулине и на Змеином. Неожиданно «Константина», застопорившего ход, потянуло сильным течением к берегу и приткнуло к мели. С большими

потугами к рассвету снялись с мели. В туманной дымке, в сторону моря из Сулина, проследовал турецкий броненосец. Макаров собрал командиров:

— План атаки таков. Малые катера берут на буксир оба больших катера, дабы не обнаружить себя шумом машин больших катеров. Как только определится на рейде неприятель, буксиры отдаются, катера выстраиваются в кильватер и атакуют врага. Рождественский и Пущин охватывают турок с флангов, остальные катера бьют по центру.

Приближалась полночь 27 мая. У турок — полное спокойствие.

— В добрый час! — напутствовал моряков Макаров.

Завидя стоявшие на рейде броненосцы, катера разделились и устремились в атаку. «Чесма» атакowała первой, но Зацаренного опять постигла неудача. Как только он сбросил мину, трос намотался на винт и катер остановился. Турки восторжествовали и открыли ружейный огонь. Несмотря на обстрел, лейтенант Рождественский спокойно подошел к борту одного из трех броненосцев и подвел мину. Раздался глухой взрыв, а вслед за ним дружное «Ура!» с «Чесмы». Одновременно открыли огонь орудия броненосцев. Он осветил огромный столб воды, поднявшийся от взрыва. Турецкий броненосец «Иджалие» не затонул, но вышел из строя до конца войны. К сожалению, катер Пущина изрешетили, он потерял ход, и, чтобы не достаться неприятелю, командир затопил его. Команда спаслась вплавь, но на берегу ее, безоружную, пленили турки.

Это был первый несомненный успех Макарова и нового вида оружия. За дело на Сулинском рейде Макарова наградили орденом Владимира IV степени с бантами. Рождественского Святым Георгием IV степени. Следом «Константин» отправляется в разведку к Босфору. Во время рейда были уничтожены четыре турецких судна.

Война шла своим чередом, вооруженные русские

пароходы все чаще тревожили турок: жгли и захватывали в плен шхуны с десантами и снаряжением, отвлекали турецкие корабли от Кавказского побережья, там действовали наши войска.

Мастерски маневрируя, «Константин» отвлек турецкий броненосец от берегов Абхазии, где в критическом положении находился отряд полковника Шелковникова, который доносил телеграфом: *«Колонну князя Аргутинского рассвет застал в сфере огня со стороны броненосца. Она была спасена от страшных потерь пароходом «В. кн. Константин».*

В день лунного затмения Макаров решил атаковать турок на Сухумском рейде. 11 августа 1877 года в темноте «Константин» скрытно подошел к Сухуми, спустил четыре минных катера и те направились в бухту, поджидая начала затмения. Наконец диск луны покрылся тенью. Катера устремились в атаку на лучший турецкий броненосец «Шевкет». В это время на берегу вспыхнул сильный пожар и осветил бухту. Турки открыли бешеный оружейный огонь, а потом начали стрелять из пушек. Осыпаемые градом пуль и картечи, катера упрямо шли к броненосцу. Первым бросился в атаку катер «Синоп». Раздался страшный взрыв, к небу взвился огромный столб воды, перемешанной с углем. Броненосец заколыхался и стал крениться на правый борт. В отчаянии метались на его борту турки. Многие бросались в воду. Броненосец до конца войны вышел из строя.

«Веселый дух офицеров и команды, твердо верящих в силу своего оружия, не имеет границ», — доносил Макаров.

В сентябре С. Макарова произвели в капитан-лейтенанты.

После набега на Сухумский рейд и успешной атаки самодвижущимися минами-торпедами турецкого броненосца «Шевкет» Макаров в конце войны повторно атаковал турок на рейде Батуми. В ночь с 13 на 14 января 1878 года двумя торпедами с минных

катеров был потоплен турецкий сторожевой корабль «Интибах». Сильнейший взрыв, гигантская стена воды на мгновение заслонили от русских моряков корабль противника. Когда завеса рассеялась, на поверхности плавали только обломки и случайно спасшиеся турки...

Макаров досрочно получает чин капитана 2-го ранга. На его мундире два новых ордена, Святого Георгия IV степени и Святого Станислава II степени.

Победоносное окончание русско-турецкой войны принесло освобождение болгарскому народу от пятивекового османского ига...

В 1879 году С. Макаров возвращается на Балтику. Он назначается командиром отряда миноносков, но вскоре приказ был отменен.

Генерал Скобелев, опытный колонизатор, жестокий по натуре, познакомился с Макаровым во время Русско-турецкой войны. Теперь Скобелеву поручили Ахал-Текинскую операцию, чтобы России утвердиться в Средней Азии.

Без помощи морем успеха не достичь, и Скобелев попросил назначить заведовать морской частью С. Макарова. Со своими задачами Макаров успешно справился и был произведен в капитаны 1-го ранга.

В 1881 году Макарова командируют в Константинополь командиром «Тамани» в распоряжение посла. И здесь Макаров находит себе дело — проводит исследование характера течений в Босфоре. В результате было открыто два течения: верхнее — из Черного моря в Мраморное и нижнее — из Мраморного моря в Черное. Появилась работа «Об обмене вод Черного и Средиземного морей», за которую Макарова удостоили премией Академии наук. И вновь Макаров на Балтике, командует броненосным фрегатом «Князь Пожарский», который становится образцовым кораблем. В зимнее время Макаров читает лекции в Кронштадтском морском собрании, Географическом обществе и готовится к кругосветному плаванию на корвете

«Витязь», куда он был по его просьбе переведен осенью 1885 года.

31 августа 1886 года «Витязь» отправляется из Кронштадта в кругосветное плавание. Посетив Мадейру, острова Зеленого мыса, Рио-де-Жанейро и благополучно пройдя Магелланов пролив, корвет через четыре месяца вышел в Тихий океан. Из Вальпараисо «Витязь» направился в Иокогаму, останавливаясь по пути на Маркизовых и Сандвичевых островах. Побывав в Японии, корабль вошел в состав Тихоокеанской эскадры. Полгода «Витязь» тщательно обследует Дальневосточное побережье, обходит порты и гавани Охотского моря, Камчатки, посещает острова Беринга и Медный... Цель этого плавания — выяснить и определить пригодность их к базированию кораблей на случай войны.

Во время болезни адмирала А. Корнилова, Макаров временно назначается командующим эскадрой. Макаров знал, что рано или поздно неизбежно столкновение с Японией. До прибытия «Витязя» подготовка кораблей шла вяло, по-казенному. Став во главе эскадры, Макаров немедленно принялся за боевую подготовку, приближенную к реальным условиям войны. В непогоду, днем и ночью он учит тому, что может быть на войне. В эту пору родился его знаменитый призыв-завет: «Помни войну...» Обратившись в Россию корвет отправился через Индийский океан, Суэцкий канал, Средиземное море. 20 мая 1889 года «Витязь» стал на якорь на Большом Кронштадтском рейде. Почти 1000 дней находился корвет в десятках стран, пересек океан, добрый десяток морей. Его экипаж провел тысячи наблюдений и замеров окружающей среды. Все они были тщательно обработаны и проанализированы Макаровым и легли в основу его капитального труда «Витязь» в Тихом океане».

В 1890 году «за отличие по службе» он был произведен в контр-адмиралы. На следующий год его назначили инспектором морской артиллерии, и тогда же за

свой труд «Витязь в Тихом океане» он удостоился Академией наук престижной Макарьевской премии и Золотой медали Русского географического общества. В 1894—1896 годах Степан Осипович совершил второе кругосветное путешествие: в конце 1894 года из Петербурга он прибыл в Средиземное море, а в 1895 году перешел на кораблях объединенной Тихоокеанской эскадры через Суэцкий канал на Дальний Восток. Получив назначение старшего флагмана дивизии Балтийского флота, перешел через Тихий океан в Северную Америку, по сухопутью пересек ее и Атлантическим океаном вернулся на родину. В 1896—1897 годах выступал перед военными моряками с лекциями «Рассуждения по вопросам морской тактики»³⁷, в которых излагал прогрессивные взгляды на развитие Российского военно-морского флота. Тогда же начал усиленно заниматься проблемами освоения Арктики с помощью ледоколов.

В 1896 году Макарову присвоили звание вице-адмирала. В январе 1897 года он подает записку морскому министру:

«Полагаю, что при помощи ледокола можно открыть правильные товарные рейсы с рекой Енисей, считаю возможным с ледоколом пройти к Северному полюсу. Дело может иметь и стратегическое значение, дав возможность нам при нужде передвинуть флот в Тихий океан, кратчайшим и безопаснейшим в военном отношении путем...»

Наконец-то средства выделены, и на верфях Ньюкасла под наблюдением Макарова началась постройка ледокола «Ермак». Весной 1899 года «Ермак» прибыл в Кронштадт, а в конце мая вышел в первое полярное плавание. Спустя месяц началась схватка с полярным льдом. За Шпицбергом «Ермак» вошел в обширные ледяные поля и двинулся на среднем ходу напрямик, проламывая и раздвигая лед. Несмотря на повреждения, «Ермак» раскалывает ледяные поля толщиной 3—4 метра, разбивает торосы, оправдывает все ожида-

ния относительно возможности пробиваться сквозь льды. За время прохода всесторонне изучена ледовая обстановка в арктическом районе.

Наступившая зима и суровые морозы заставили вскоре призвать «Ермак» на помощь на Балтике. Крейсер «Громобой», следуя в Кронштадт, задержался в пути, и его сковали льды. На следующий день Макаров пришел на «Ермаке» на подмогу и выручил «Громобой». Во время этого же похода ледакол освободил из ледового плена 12 пароходов, застрявших в Петербургском порту.

В снежную бурю и шторм броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» на полном ходу наскочил на камни возле острова Гогланд. «Ермак» решил все дело: всю зиму велись спасательные работы. Потребовалась надежная и быстрая связь. И тут Макаров вспомнил изобретение своего друга, преподавателя Кронштадтских минных классов А.С. Попова. Установленная вскоре радиосвязь впервые в мире связала отдаленные пункты острова Гогланд с материком. Радио не только выручило моряков, но и вскоре спасло жизни десятков рыбаков, унесенных в море на оторвавшейся льдине, на помощь которым вовремя подоспел «Ермак».

В декабре 1899 года Макарова назначили главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта.

С приходом главного командира порта, которому подчинялась эскадра, кронштадтское «болото» ожило. Вице-адмирал Макаров, он же военный губернатор, наперво уделяет внимание флоту и кораблям, офицерам и матросам. Он отвечает за подготовку и выучку эскадры, ее боевую готовность. Сразу же он разрабатывает план мобилизации флота, предлагает держать корабли готовыми к войне. Каждый уходящий в дальнее плавание корабль в любую погоду он провожает лично. Отрываясь от «текучки» на берегу, часто внезапно посещает корабли на рейде. Первым делом

идет на матросский камбуз и снимает пробу щей. Когда щи скверные, тут же предлагает командиру и старшему ревизору съесть по полной тарелке...

Обычно уравновешенный, Макаров страшно гневался, когда узнавал от потерпевшего или другим путем, что матроса ударил офицер или боцман. Зимой командир порта нередко заглядывал в матросские казармы. Однажды в одной из казарм, как всегда, адмирал неспешно обходил в сопровождении офицера выстроившихся матросов.

Офицер кратко докладывал:

— А вот этот любит читать книжки и даже иногда пишет.

Адмирал удивленно поманил матроса Шишмарева.

Матрос встревожился, мало ли что, хотя о «бороде», как прозвали матросы Макарова, плохого не слышал.

Узнав, что читает Шишмарев, адмирал посоветовал прочесть Станюковича, Короленко, Мамина-Сибиряка.

— Так ты еще и сочиняешь? — улыбнулся Макаров. — Любопытно взглянуть, что и как пишешь. Есть ли у тебя что-нибудь?

Шишмарев полез в сундучок, смущенно протянул две тетрадки.

Макаров спрятал их в боковой карман и пообещал прочесть и вернуть.

Минуло два месяца. Шишмарев ушел в плавание, думая, что о нем позабыли. Вернувшись в Кронштадт, матрос получает пакет: «Матросу Шишмареву от вице-адмирала Макарова». В пакете тетрадка и записка. Макаров сообщал, что другую тетрадку со стихами оставил у себя, чтобы поместить в журнале «Море и его жизнь», приглашал Шишмарева навестить его в свободное время, хотел потолковать с ним о его будущем. Впоследствии Шишмарев стал литератором.

Макарова, как военного губернатора, беспокоит положение в заведениях на берегу. Он добивается

улучшения положения рабочих паровозного завода, которых уволили без пенсии, предоставления им отпуска, что было немыслимо в те времена. Для рабочих создали клубы для отдыха, где вечерами бывал и сам адмирал. Нередко посещал он гимназию, реальное училище, садился за свободную парту, внимал ответу ученика или пояснению учителя. Часто видели его в Морском инженерном училище, Минном офицерском классе, фельдшерской школе.

Много внимания уделял Макаров благоустройству Кронштадта, где на улицах оборудовали даже по тому времени редкое газовое освещение.

В вопросах служебных отношений адмирал не шел ни на какие компромиссы, не уступая никому, даже великим князьям. Не переносил хамелеонов, подлиз и самоуправство. «Самодуры не создают дисциплины, а только развращают людей, — неоднократно повторял Степан Осипович. — Весь мой дисциплинарный устав укладывается в одну фразу: «не только за страх, но и за совесть».

Еще до назначения в Кронштадт Макаров в кругу приятелей откровенничал:

— Мне бы надлежало быть в Порт-Артуре, командовать Дальневосточной эскадрой. Боюсь, что этого не миновать, только случится сие, когда дела наши там будут совсем плохи. Наш флот и без того слабее японского, — говорил он, — а с устройством военного порта в Порт-Артуре наши морские силы разбиты надвое и между ними находится неприятель».

Он вырос и служил на Дальнем Востоке и знает не понаслышке положение дел на Тихоокеанской эскадре, где служил раньше.

Своей тревогой он делится не только с друзьями, следуя своему принципу «Помни войну!», в секретной записке от 22 февраля 1900 года докладывает морскому министру Авелану: *«Неприятель будет брать Порт-Артур открытой силой, а не долговременной осадой... Вследствие этого вся сухопутная оборона со-*

стоит из орудий небольших калибров, и нет ни одной пушки на сухопутной обороне, которая могла бы отвечать на огонь больших осадных орудий (неприятель может подвести большие осадные орудия и безнаказанно расстреливать наши укрепления)...

Я подробно указывал на важное значение Порт-Артура для нашего флота, причем высказал, что Порт-Артур по отдаленности своей должен быть настолько укреплен, чтоб представлять вполне самостоятельную единицу, что японский флот имеет перед нами стратегические преимущества...

В случае войны между Россией и Японией, Япония употребит все свои средства, чтобы выиграть дело. Война эта будет для Японии первая с европейской нацией, от нее будет зависеть все будущее положение Японии. Это будет война за обладание портом Артур, к которому они подступят с потребною для сего силою, и мы должны быть готовы к должному отпору с сухого пути». И кончает доклад пророческим: «Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке, флот, лишившись своего главного опорного пункта, останется лишь при одном Владивостоке, будет крайне стеснен в своих операциях... Чтобы этого не случилось, Порт-Артур должен быть непреступным и снабженным провизией, порохом и углем в таком количестве, чтобы выдержать продолжительную осаду, пока не будет подкрепление...»

Увы, военный министр Куропаткин, как и все генералы до сих пор, равнодушен к тревоге моряков, о чем говорит его резолюция на записке: «Читал, не имея сил и средств на Западе, мы не можем особо расходоваться на Порт-Артур уже в настоящее время. Куропаткин».

Минуло три года, и Макаров опять в секретной записке выказывает свои опасения. «Нужно иметь на Дальнем Востоке флот значительно более сильный, чем у Японии, и быть готовыми к военным действи-

ям во всякую минуту. Разрыв последует со стороны Японии, а не с нашей... Успех Японии возможен лишь при условии недостаточности нашего флота, если же наш флот будет в состоянии командовать морем, то Япония будет совершенно бессильна что-нибудь сделать».

Обстановка на Дальнем Востоке обострилась, и в январе 1904 года Япония ультимативно давила на Россию, видя свой перевес в силах.

Макаров, зная коварство японцев, пристально следил за событиями и, узнав, что Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, предупредил вечером 26 января 1904 года морского министра:

«Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем сделать это после первой же ночной атаки, дорого заплатив за ошибку».

В Порт-Артуре командующий эскадрой не раз докладывал наместнику царя, внебрачному сыну Александра II, адмиралу Е. Алексееву, о необходимости повысить боевую готовность, но своенравный и надменный наместник неизменно отказывал и говорил: «Преждевременно». Ночью 27 января японцы без объявления войны вероломно атаковали стоявшую на внешнем рейде Порт-Артурской русской эскадры и вывели из строя 3 броненосца. Одновременно 6 японских крейсеров и 8 миноносцев вломились в нейтральный порт Чемульпо, блокировали стоявший там крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Русским кораблям предложили ультиматум — сдаться в плен. Оба корабля подняли пары и двинулись в атаку на японцев.

После трехчасового неравного боя «Варяг» нанес тяжелые повреждения крейсеру «Такашихо», но огонь японской эскадры вывел из строя все орудия крейсера. Командир «Варяга», капитан 1-го ранга Руднев, предпочел затопить крейсер, но не сдавать врагу, а канлодку «Кореец» взорвал.

1 февраля морской министр Авелан сообщил Макарову, что он назначен командующим флотом на Тихом океане. Сразу же Макаров начал готовиться к отъезду, не ожидая поступления официального приказа. За два-три дня создал свой штаб из дельных офицеров. Пригласил бывшего командира «Ермака» капдва М. Васильева, минного офицера К. Шульца с «Витязя», полковника Генштаба А. Агапеева. Для ремонта поврежденных кораблей в Порт-Артуре с Макаровым отправилась группа опытных мастеров с Обуховского и Балтийского заводов.

Утром 24 февраля Макаров прибыл в Порт-Артур и сразу направился на крейсер «Аскольд». Первым делом он побывал на поврежденных броненосцах «Ретвизан» и «Цесаревич», ускорил их ремонт.

Обстановка на море сложилась в пользу превосходящих сил японцев. Однако Макаров определил сразу же главную задачу — флот должен не только оборонять Порт-Артур, но и атаковать неприятеля. Японский адмирал Того, который намеревался блокировать русскую эскадру в Порт-Артуре, вскоре понял, что с появлением нового флагмана его планы рушатся. Спустя два дня после приезда Макаров вышел в море, и японцы, до этого безнаказанно шнырявшие около Порт-Артура, опешили. Макаров за два дня в корне реорганизовал дозорную службу.

Уже 25 февраля отряд русских миноносцев вступил в бой и повредил миноносец «Акацуки». Начали действовать инструкции и требования Макарова.

Утром 27 февраля снова произошла схватка. В неравном бою, возвращаясь с дозора, миноносцы «Решительный» и «Стерегающий» вступили в бой с эскадрой японцев. «Решительный» прорвался в базу, а «Стерегающий» сражался до последнего и погиб, не спустив флага. Узнав об этом, Макаров без промедления отправился на быстроходном крейсере «Новик» к месту боя на выручку. Японцы, увидев русские крейсера, спешно удалились. В этот день японцы безуспешно обстре-

ливали бухту перекидным огнем через гору Ляотешань.

28 февраля флагман Макаров впервые вывел эскадру на внешний рейд и провел учения.

Дальнейшие события в течение месяца по противодействию японцам развивались стремительно, о чем кратко повествует Боевая летопись флота:

«В ночь на 9 марта успешно отбита атака японских миноносцев. Выход эскадры в море, адмирал Того ретировался. 13 марта выход эскадры в море, уничтожен японский пароход. В ночь на 14 марта сорвана попытка атаки брандерами японцев, отражены атаки противника эскадрой под флагом Макарова».

И все это происходило в борьбе Макарова с надменным наместником Алексеевым, бездарным генералом Куропаткиным, трусливо отступившим перед десантом японцев, предателем генералом Стесселем.

Все они не только мешали, но и противодействовали инициативам вице-адмирала С. Макарова.

В ночь на 31 марта два отряда миноносцев скрытно вышли на поиски для атаки неприятеля. Два миноносца в темноте отстали. Один из них, «Страшный», по ошибке в темноте сблизился с шестью миноносцами японцев и на рассвете вступил с ними в неравный бой. Японцы окружили «Страшный», который сражался до последнего, пока не скрылся под водой. Узнав об этом, Макаров сразу же утром выслал к месту гибели крейсер «Баян» и, подняв флаг на броненосце «Петропавловск», с эскадрой направился на внешний рейд. Отогнав огнем японские крейсера, эскадра начала возвращаться в Порт-Артур. В 9 часов 39 минут броненосец «Петропавловск», идущий во главе кильватерной колонны, попал на минную банку, взорвался и через полторы-две минуты скрылся под водой. Погиб командующий флотом вице-адмирал С. Макаров, его начштаба, контр-адмирал Молас, 27 офицеров и 620 матросов.

Вот как описал эту трагедию очевидец, бывший адъютант Макарова, лейтенант В. Семенов:

«Глухой, раскатистый удар заставил вздрогнуть не только меня, но весь крейсер. Словно где-то близко хватили из двенадцати дюймовки. Я с недоумением повернулся... Удар повторился еще грознее... Что такое? «Петропавловск»! «Петропавловск»!.. Как-то жалобно и беспомощно раздалось кругом разрозненные испуганные восклицания, заставившие меня сразу броситься к борту в предчувствии чего-то ужасного... Я тут же увидел гигантское облако бурого дыма («пироксилин, минный погреб», — мелькнуло в мозгу) и в нем, как-то нелепо наклонно повисшую в воздухе не то летящую, не то падающую фок-мачту... Влево от этого облака еще была видна задняя часть броненосца, совсем такая же, как и всегда, словно там на носу ничего не случилось... Третий удар... Клубы белого дыма, заслонившие бурый дым... Котлы!.. Корма броненосца стала подниматься так резко и круто, точно он тонул не носом, а переломившись посередине... На мгновение в воздухе мелькнули еще работающие винты... Были еще новый взрыв? — не знаю... Но мне казалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара кормовая часть «Петропавловска» вдруг словно раскрылась и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана... Мне казалось, что даже несколько мгновений спустя после того, как скрылись под водой остатки броненосца, море еще выбрасывало это пламя...

Никогда после сигнала «Слушайте все» не наступало на крейсере такого глубокого безмолвия, как перед этим зрелищем...»

Так внезапно оборвалась жизнь великого адмирала русского флота Степана Осиповича Макарова, талантливого флотоводца, ученого и исследователя, честного и доброжелательного человека.

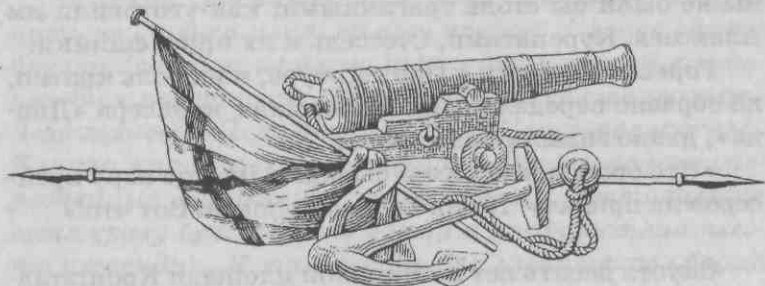
Как знать, что случилось бы с Порт-Артуром, если бы не погиб вице-адмирал С.О. Макаров. Несомненно одно, участь флота, крепости, а быть может, и всей вой-

ны не были бы столь трагичными, как уготовили им Алексеев, Куропаткин, Стессель и их приспешники.

Горевали моряки в Порт-Артуре, и их боль кратко, но образно передал пожилой боцман с крейсера «Диана», давно знавший адмирала:

«Что броненосец? Хоть бы и два! Да еще пару крейсеров на придачу! Не то! Голова пропала! Вот что!»

Спустя десять лет на Якорной площади Кронштадта, на деньги, собранные офицерами флота, был воздвигнут величественный памятник вице-адмиралу С.О. Макарову, девизом которого всю жизнь был призыв — «Помни войну!».

Николай Эссен

родословной остзейских немцев Эссен-
нов, имеющих титул «баронства»
и соответственно приставку «фон»,
в 1723 году произошло немаловажное
событие. Их отпрыск, Густав Эссен,
эстляндский дворянин, получил при
Петре I звание гардемарина и начал
службу в русском флоте. С той поры об-
русевшие вконец потомки пошли по морской стезе. Вну-
ки Густава в эпоху Екатерины участвовали в Гогланд-
ском и Эландском сражениях со шведами. Капитан-по-
ручник Отто Эссен, служивший на линкоре «Мстислав»,
заменил своего капитана Григория Муловского, убитого
в бою, и был награжден орденом Святого Георгия IV сте-
пени. Отец Николая Эссена прервал традицию и пошел
по линии юриспруденции, дослужился до статс-секрета-
ря, товарища министра юстиции. Но вот его сына Нико-
лая, родившегося 11 декабря 1860 года, потянуло к мо-
рю. Оно плескалось рядом, в устье Невы.

С отличием закончив в 1860 году Морской корпус, он
гардемаринком совершает первое дальнее плавание на
броненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». На борту
фрегата — великие князья Сергей и Константин. В Бис-

кайском заливе фрегат попал в жестокий шторм, но Средиземное море вознаградило хорошей погодой. За две кампании фрегат побывал во всех краях, и гардемарин Эссен увидел Неаполь и Пирей, Алжир и Триест. Великие князья взяли его с собой при поездке в Яффы, Иерусалим и Вифлем. Из плавания Николай возвращается мичманом, и его тянет к новым знаниям, изучению машин. Наступает эпоха парового флота. В 1886 году он посещает курс лекций на механическом факультете Николаевской морской академии. Видимо, тогда же молодой мичман твердо решил стать командиром корабля.

Для этого требовались твердые знания по основному корабельному оружию, артиллерии. Эссен поступает на учебу в Артиллерийский офицерский класс, который оканчивает в 1892 году. В должности артиллерийского офицера на крейсере «Адмирал Корнилов» он совершает переход на Дальний Восток. Первую кампанию в составе Тихоокеанской эскадры плавает на том же крейсере, следующие три кампании — на крейсере «Владимир Мономах» и возвращается на Балтику лейтенантом.

В 1897 году начинается флотская, командирская карьера Эссена. Сначала командиром миноносца № 120 в Средиземном море, затем старшим офицером канлодки «Грозный» и командиром флагманского корабля миноносцев «Славянка». В этой должности в 1899 году он произведен в капитаны 2-го ранга. Среди командиров Эссен выделяется глубокими знаниями дела, умением работать с людьми и способностью быстро наладить боевую выучку экипажа.

В зимнюю стоянку 1901 года он преподает в Морском корпусе теоретическую механику и девиацию. Следующую кампанию Эссен встречает старшим офицером, а затем командиром крейсера 2-го ранга «Новик», спущенного на воду в Германии. Крейсер совершил переход на Тихий океан и вошел в состав Порт-Артурской эскадры.

Уже в первый день войны 27 января крейсер «Новик», посланный в разведку, сблизился с японцами на 17—19 кабельтовых. Эссен решил атаковать японский крейсер «Якумо» торпедами.

— Торпедная атака! — донесся с мостика твердый голос командира. — Аппараты товсь!

Когда «Новик» лег на боевой курс, торпеды выстрелили, и одна из них прошла под самой кормой «Якумо». В это время японцы открыли шквальный огонь по «Новику», один из 8-дюймовых снарядов разорвался на палубе. Но цель атаки была достигнута. Адмирал Того повернул эскадру на курс отхода. Эссен первым из командиров, на «самом слабом корабле, показал, что дух врага в личном составе еще не убит и что врагу не так-то просто воспользоваться своим первым успехом». За беспримерную лихую атаку превосходящего в силе противника Николай Оттович был награжден Золотой саблей с надписью: «За храбрость».

Но инициативу моряков сдерживала формула наместника адмирала Алексеева — «Беречь и не рисковать». Положение резко изменилось с приездом 24 февраля вице-адмирала С. Макарова.

Уже через два дня «Новик» вступил в стычку с неприятелем. Утром 27 февраля миноносцы «Стерегающий» и «Решительный», возвращаясь из разведки, подверглись нападению четырех неприятельских миноносцев. «Решительный» на скорости прорвался в Порт-Артур, а «Стерегающий», потеряв ход, сражался до конца и был затоплен оставшимися в живых моряками, чтобы не быть плененным.

Едва узнав о бое «Стерегающего», Макаров появился на «Новике»: ему импонировал решительный и грамотный командир быстроходного крейсера.

— Готовы выйти в море? — первый вопрос адмирала командиру.

— Немедля, — коротко ответил Эссен.

— Снимайтесь с якоря, идем к «Стерегающему», — приказал Макаров.

Спустя мгновения, горнист играл «Тревогу», «Новик» снялся с якоря.

«Как только сигнальная станция Золотой горы донесла, что в море идет бой между нашими и японски-

ми миноносцами, для прикрытия их вышли из гавани «Аскольд» и «Новик». «Новик» — впереди, — вспоминал В. Семенов. — Неужели адмирал сам отправился в эту «авантюру?» — вопрос живо всех интересовавший и вполне естественный.

Офицеры, собравшиеся на мостике, усиленно протирали стекла биноклей, напрягали зрение... На «Аскольде» не было флага командующего...

— Ну понятно, нельзя же так рисковать... На легком крейсере... Мало ли что... — говорили некоторые...

— На «Новике»! Флаг на «Новике»! — вдруг, словно захлебываясь от азарта, закричал сигнальщик.

Все кругом разом всколыхнулись. Команда, бросив завтрак, кинулась к бортам. Офицеры вырывали друг у друга бинокли из рук... Сомнения не было! На мачте «Новика», этого игрушечного крейсера, смело мчавшегося на выручку одинокому миноносцу, развевался флаг командующего флотом!..

— Не утерпел, не дождался «Аскольда» — пересел на «Новик»!.. Черт возьми! Это уже чересчур!..

Но это было не «чересчур», а именно то, что требовалось, это были похороны старого лозунга «Не рисковать» и замена его чем-то новым.

Схватка миноносцев происходила милях в десяти к югу от Порт-Артура. «Новик» и «Аскольд» как ни спешили, не могли подойти вовремя. «Стерегающий» уже был затоплен, а бросившись преследовать японские миноносцы, они встретились со всей неприятельской эскадрой, шедшей к Порт-Артуру. Пришлось уходить. По счастью, скорость обоих этих крейсеров не только числилась в справочной книжке, но существовала и в действительности. Ни броненосцы, ни броненосные крейсера японцев не могли за ними угнаться, и лишь четыре «собачки» пытались некоторое время, более или менее успешно, преследовать наступающих...

«Новик» и «Аскольд» возвратились благополучно.

Но какое это было возвращение! Десятки тысяч людей, усеявших борта судов, высыпавших на брустверы

батарей, толпившихся на набережных, жадно следили за каждым движением маленького крейсера, который, бойко разворачиваясь в узкостях, входил в гавань...

Это было больше, чем какая-нибудь победа, случайная удача в бою, — это было завоевание. Отныне адмирал мог смело говорить: «Моя эскадра!» Отныне все эти люди принадлежали ему душой и телом.

Еще не раз с эскадрой выходил в море «Новик», показывая выучку экипажа, готовность к бою. В середине марта, во время одного из выходов эскадры, из-за неумелого маневрирования столкнулись два эскадренных броненосца «Севастополь» и «Пересвет». Макаров решил заменить командира «Севастополя», пригласил к себе Эссена.

— Принимайте «Севастополь», — кратко приказал он.

Эссен опешил. Хотя броненосец — это повышение, но он тихоходен.

— Ваше превосходительство, «Новик» — мой родной крейсер, лихое судно и экипаж сплавался...

Макаров, поглаживая бороду, усмехнулся:

— Вот-вот, для службы на «Севастополе» вы будете нужны. Вашу хватку я вижу.

Вступив в командование, Эссен через неделю-другую увидел плоды своих усилий. Экипаж броненосца с душой принял нового командира. К сожалению, 31 марта, в день гибели Макарова, «Севастополь» и другие броненосцы из-за сильного прижимного ветра долго не смогли отойти от стенки, и Макаров приказал броненосцу оставаться в бухте. Непродолжительное общение с вице-адмиралом С. Макаровым наложило отпечаток на всю дальнейшую службу Н. Эссена, воспринявшего методы ведения боевых действий своего флагмана.

Новый командующий эскадрой, контр-адмирал В. Витгефт, вначале поднял свой флаг на «Севастополе». Вскоре Эссен настаивает на активных действиях, вплоть до прорыва эскадры во Владивосток, но осторожный флагман противится и в конце концов из-за

разногласий с флаг-капитаном переносит свой флаг на «Цесаревича».

И все-таки от наместника поступает указание прорываться во Владивосток. Во время этой безуспешной попытки 10 июня, при возвращении, «Севастополь» подорвался на вражеской мине и получил большую пробоину в носовой части. Спустя полтора месяца броненосец под командой уже капитана 1-го ранга Эссена снова вышел в море. 28 июля Витгефт вторично повел эскадру для прорыва во Владивосток. При выходе эскадры флагман поднял сигнал: «Приготовиться к бою. Государь император повелел идти во Владивосток». Бой с превосходящим противником продолжался до темноты, окончился потерей нескольких кораблей, гибелью Витгефта, прорывом части эскадры в нейтральные порты Китая.

«Севастополю» досталось, он шел почти концевым в строю. Из-за повреждений ход упал до 8 узлов, и броненосец вернулся в Порт-Артур. После ремонта «Севастополь» 10 августа снова подорвался на мине и вышел из строя на два месяца. Теперь японцы обстреливали броненосец с окружающих высот. Часть команды и орудий свезли на берег для усиления обороны Порт-Артура. В конце ноября Эссен добился разрешения у нового флагмана, контр-адмирала Р. Вирена, вывести «Севастополь» на внешний рейд, в бухту Белый Волк. Организовав надежную противоминную оборону, броненосец своим огнем отбивал атаки неприятеля на Порт-Артур. Японские миноносцы в течение декабря произвели шесть безуспешных ночных атак, выпустив 180 торпед. Но все же из-за близких разрывов в обшивке появилась течь, и броненосец принял 2500 тонн воды.

По броненосцу вели огонь и японские крейсера, и один из снарядов практически вывел «Севастополь» из строя, и он превратился в плавучую батарею. Н. Эссена назначили начальником Ляотапшанского отдела обороны с подчинением ему сухопутных частей и береговой обороны. Между тем дело шло к капитуляции. От Вирена в ночь на 20 декабря поступило распоряже-

ние выполнить секретный приказ об уничтожении всех кораблей эскадры. По условиям капитуляции надлежало все корабли без взрывов затопить в бухте. Эссен, единственный из всех командиров, сумел отбуксировать «Севастополь» для затопления на глубокое место, что не позволило занявшим Порт-Артур японцам использовать его в своих целях.

Капитан 1-го ранга Н. Эссен последним покинул борт погружавшегося в воду «Севастополя». После плена в марте 1905 года Эссен вместе с другими офицерами возвращается на родину. За боевые заслуги Эссен был награжден орденом Святого Георгия IV степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». Он занимает должность заведующего стратегической частью военно-морского учебного отдела Главного морского штаба, командира 20-го флотского экипажа, с марта 1906 года — командир строящегося в Англии броненосного крейсера «Рюрик».

Но вскоре Эссена отозвали, произвели в контр-адмиралы, и он возглавил отряд минных крейсеров, построенных на добровольные пожертвования для Балтийского флота. По сути, на Балтике в то время не было действенного флота. В разгромленных Тихоокеанских эскадрах, отправленных с Балтики, ушли на дно лучшие корабли Балтийского флота. Именно Н. Эссену выпало заняться восстановлением боеспособного флота. Маневры 1908 года выявили низкую боеспособность устаревших кораблей флота. Кроме того, все отряды на Балтике были разобщены, и в конце кампании Н. Эссен назначается начальником Соединенных отрядов, ядра будущего флота. Начинается строительство линейных кораблей, основы ударной силы. Но Эссен не забывает уроков Порт-Артура и обращает особое внимание на подготовку минных заградителей для борьбы с минами специальных сил траления. Вскоре Н. Эссен был произведен в вице-адмиралы.

В 1909 году Эссен — начальник морских сил Балтийского моря, с 1911 года — командующий флотом Бал-

тийского моря. Он добился коренной перестройки деятельности всех учреждений, поставив их на службу потребностям действующего флота. Показал себя прямым последователем идей С.О. Макарова, руководил разработкой и принятием в 1912 году плана действия флота на случай войны, созданием минно-артиллерийских позиций для обороны петербургского направления.

«За это время деятельность нашего Балтийского флота неразрывно связана с именем Н.О. Эссена, — сообщал «Морской сборник», — и она проходила незаметно для нашего общества, которое совершенно не знало, что делается на наших многочисленных кораблях. За этот период Эссен из начальника отряда минных крейсеров сделался начальником морских сил Балтийского моря и добился подчинения себе всех портовых учреждений, совершив этим самым крупную ломку в организации наших морских сил и проводя идею, согласно которой все береговые учреждения должны служить и существовать для флота, а не наоборот. В этом деле он является прямым последователем идей адмирала С.О. Макарова».

Командуя Балтийским флотом, еще в 1912 году вице-адмирал Эссен предвидел главенствующую роль флота в будущей войне и в связи с этим обратился в Государственную Думу с письмом, в котором указывал, «что всякое отклонение вопроса о создании флота убьет дух личного состава и тогда не создать России флота, каких бы трудов и денег на это не жертвовали... Линейный флот, укрепленная база и сильная подвижная минная оборона — вот три фактора, без которых немислимо думать о какой-либо обороне Балтийского побережья».

В 1913 году Николай Оттович был удостоен звания полного адмирала. Он упорно и плодотворно трудился над разработкой плана действий Балтийского флота в войне и успешно руководил его осуществлением в начале Первой мировой. *«Война решается боем, — объявлял он накануне войны с Германией в своем приказе по Балтийскому флоту 19 июля 1914 года. — Пусть каж-*

дый из вас напряжет все свои силы, духовные и телесные, приложит все свои знания, опыт и умение в день боя, чтобы наши снаряды и мины несли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строи и корабли».

15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, и адмирал Эссен приказал выключить все маяки на Балтике. Из данных радиоперехватов Эссен знал, что германский флот на Балтике начал переходить в Данциг. Однако, несмотря на необъявленную мобилизацию в Германии, Николай II запретил минные постановки. Адмирал, помня о судьбе Порт-Артура, 17 июля 1914 года послал телеграмму морскому министру: «Если не получу ответ сегодня ночью, утром поставлю заграждение».

В ночь на 18 июля пришла телеграмма министра о возможности появления германских сил у Центральной позиции. Эссен собрал совет флагманов и отдал приказ о постановке минных заграждений.

Когда поступило разрешение ставить мины, корабли были уже на позиции. А 19 июля Германия объявила войну России. В тот же день адмирал издал приказ, в котором поздравил моряков с днем, «к которому они готовились всею жизнью и службой». Первоначально действовали оборонительно. Германские легкие силы обстреляли Либаву, оставленную русскими.

Через неделю выставили минное заграждение в проходе, оставленном для купеческих судов в Наргене. Эссен обрадовался, ибо в этом месте следовало ставить свои мины. Явно немцы пока не собирались действовать против Финского залива, однако и Эссену были запрещены активные действия западнее Оденсхольма. Но комфлотом был настороже. Из Боевой летописи:

«26 августа. Германский крейсер «Магдебург», участвуя совместно с легким крейсером «Аусбург» и 2 миноносцами в операции против русских в тумане дозорных кораблей в устье Финского залива, ночью в тумане наскочил на риф у северной оконечности острова Оденсхольм. Поврежденный неприятельский крей-

сер был тотчас обнаружен русским постом связи и наблюдения в Оденсхольме. По его донесению командующий флотом Н.О. Эссен спешно вызвал на место аварии крейсера и миноносцы. Истощив за ночь все средства для того, чтобы снять корабли с камней, командир «Магдебурга» решил перевести личный состав крейсера на находившийся при нем миноносец «У-26», а крейсер взорвать.

При приближении на рассвете к Оденсхольму крейсера русских «Паллада» и «Богатырь», заметив под кормой «Магдебурга» миноносец, принимающий команду, обстреляли последний. Открыв ответный огонь, германский миноносец, имея попадание в корму, полным ходом скрылся в тумане. В этот момент на «Магдебурге» произошел взрыв, разрушивший всю носовую часть корабля до фок-мачты. Потери на крейсере «Магдебург» и эскадренном миноносце «У-26» — 3 убитых и 17 раненых.

На захваченном русскими крейсере были взяты в плен командир, 2 офицера, 54 матроса. Во время водолазных работ, предпринятых для выяснения возможности снять крейсер с камней, были подняты со дна выброшенные за борт сигнальные книги и шифры, которые вместе с найденными на корабле кодами и другими секретными документами дали возможность русским и их союзникам овладеть системой германских шифров, расшифрование радиопереговоров противника». Инициатива комфлота была вознаграждена.

В конце августа германский крейсер «Аугсбург», подойдя к входу в Финский залив, обстрелял русские тральщики, определявшие границы поставленного немцами минного заграждения на линии Ганге—Такхона.

Подошедшими дозорными крейсерами «Адмирал Макаров» и «Баян» противник был отогнан. Он пытался увлечь за собой русские крейсера с целью навесить их на находившуюся вблизи на позиции подводную лодку «U-3».

После короткой погони и перестрелки на дистан-

ции, доходившей до 60 кабельтовых, русские крейсера вернулись на свои позиции.

1 сентября отряд крейсеров под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Эссена в составе броненосных крейсеров «Рюрик», «Россия» и легких крейсеров «Олег» и «Богатырь», эскадренного миноносца «Новик» и миноносцев полудивизиона особого назначения — «Сибирский стрелок», «Генерал Кондратенко», «Охотник», «Пограничник» — вышел из Ревеля в море для операции против германских крейсеров, несущих дозор в районе Готланда и для разведки на линии Стейнорт — Хоборг.

Ввиду встреченной при выходе в Балтийское море свежей погоды, миноносцы, кроме «Новика», были возвращены обратно. В ночь на 2 сентября в районе Готланда отряд обнаружил германский крейсер «Аугсбург», который, опознав русских, быстро стал уходить на юг. Посланный для его атаки эскадренный миноносец «Новик», хотя и нагнал противника, но не мог подойти на дистанцию надежного торпедного залпа и выпустил торпеды без результата. Ввиду встречи с «Аугсбургом», а позже еще с одним шведским пароходом, адмирал Эссен решил отказаться от дальнейшего проведения операции и вернуться обратно, так как его отряд не мог осуществить внезапное появление в южной части Балтийского моря для нападения на крейсера противника. Утром 3 сентября отряд прибыл в Ревель.

Случались потери и у наших моряков.

Во время траления подорвался на mine и погиб тральщик «Проводник», причем погибло 11 человек.

При обследовании границ поставленного немцами 17 августа перед входом в Финский залив заграждения взорвались на минах и погибли тральщики «№ 7» и «№ 8». Погибло 12 человек.

Броненосный крейсер «Паллада», возвращавшийся совместно с броненосным крейсером «Баян» из дозора в устье Финского пролива, был атакован германской подводной лодкой «U-26». Торпеда, попавшая

в середину корабля, вызвала взрыв погребов, вследствие чего крейсер почти мгновенно пошел ко дну со всем экипажем.

Но Эссен настойчиво усиливал минные позиции.

8 октября миноносцы полудивизиона особого назначения: «Генерал Кондратенко», «Сибирский стрелок», «Пограничник» и «Охотник» — произвели установку минного заграждения на востоке от Виндавы, на пересечении обычных курсов следования противника. Поставлено две банки по 50 мин в каждой. Два миноносца другого дивизиона выставили банку в 50 мин на зюйд-вест от Либавы.

Вся операция была выполнена скрытно.

На этом заграждении 4 июня 1915 года подорвался германский авиатранспорт «Глиндер».

Адмирал считал, учитывая опыт войны с Японией, что пора флоту переходить к активным действиям. Он доносил:

«Оставляя основной задачей Балтийского флота обеспечение безопасности столицы, прошу разрешения на выполнение минных постановок на пути передвижения боевых кораблей и коммерческих судов противника, уничтожение наблюдательных постов на его побережье и пр.

Выполнение указанных задач требует выхода в море главных сил или, по крайней мере, части их для обеспечения работы как наших крейсеров, так и заградителей, самостоятельные операции которых, не поддержанные линейными кораблями, получают слишком случайный характер. Но мною при этом принимается за основное требование возможность отойти в Финский залив. Бой с противником вне Финского залива я допускаю лишь при уверенности в успехе, в противном случае флот заранее отходит к подготовленным позициям...»

К сожалению, флот был связан по рукам и ногам, он подчинялся командующему шестой армией, который считал главной своей задачей оборону Финского залива.

И все же Эссен не собирался сидеть сложа руки. В октябре прибыли присланные англичанами подводные лодки, которые скоро вышли на патрулирование к Данцигской бухте и заставили германские корабли укрыться в базах.

Адмирал Эссен поручил штабу подготовить план минных постановок у берегов противника. Так как 22 октября начальник Морского Генерального штаба подтвердил, что дредноуты можно перемещать лишь с разрешения морского министра, флагман решил обойтись своими силами. 31 октября и 5 ноября эскадренные миноносцы Балтийского флота поставили мины у Мемеля и Пиллау. На одной из них подорвался и затонул броненосный немецкий крейсер «Фридрих Карл». В ночь на 19 ноября минный заградитель «Амур», замаскированный под крейсер, при поддержке эскадры, выставил мины восточнее Готланда. Затем вновь миноносцы выставили мины у Мемеля и Пиллау. Вскоре русские заграждения блокировали выход из Данцигской бухты к северу, а миноносцы ставили мины западнее, на подходах к Германии.

Минные операции проводились скрытно, и долгое время германское командование не знало о русских минных постановках. Гибель «Фридриха Карла» и других судов приписывали атаке подводной лодки. Наконец, обнаружив причину гибели своих судов, германское командование стало наращивать тральные силы на театре военных действий. В ответ русские минеры придумали средства для защиты мин от траления, готовили крейсера для минных постановок. По распоряжению флагмана флота 14 декабря крейсера и заградитель «Енисей» поставили сотни мин западнее Данцига. Сам адмирал на «Рюрике» участвовал в этом походе. Немецкая эскадра Беринга вышла на поиски русских, но не помешала постановке, ибо немецкий контр-адмирал при виде подводных лодок, выходящих из базы, ретировался. Вскоре германские силы оставили Данциг как военно-морскую базу и переместились в Свиномюнде.

В Зимнем дворце 1 января 1915 года Эссен получает орден Белого Орла. Но непрерывное напряжение Эссена, отдавшего все силы флоту, начало подрывать здоровье. Сказались перегрузки последних месяцев, пришлось подлечиться. Но дома адмирал оставался недолго.

В начале 1915 года, несмотря на зимнюю погоду, ставка предписала нанести максимальный урон перевозкам грузов из Швеции в германские порты. Эссен выехал в штаб и издал приказ ставить минные заграждения между Борнхольмом и минами у банки Штольпе, а также у мыса Аркона, на основных коммуникациях противника. 14 января отряд крейсеров выставил заграждение скрытно от противника. Спустя 10 дней на этом заграждении подорвался германский крейсер «Гадемс», который вскоре был исключен из списков флота.

Несмотря на суровую зиму, сковавшую русские базы льдом, в море продолжали действовать подводные лодки. Германский флот терял корабли от подрывов на минах, ко дну шли транспортные суда. Теперь на счет мин немцы относили даже гибель судов от атак подводных лодок. Теряя тральщики, германский флот был вынужден очищать от мин море у собственных берегов, но гибель на минах продолжалась.

Февральский поход крейсера прервали из-за того, что «Рюрик» получил повреждения при столкновении с камнями недалеко от Готланда, но эскадренный миноносец выставил минное заграждение и без их поддержки. Эссен уже в Ревеле встречал возвращающиеся корабли.

17 марта русские войска заняли Мемель, но скоро вынуждены были его оставить. Генералы не учли предложение Эссена отложить наступление до апреля, ранее льды не позволили оказать поддержку с моря армии. Теперь командовавшему немецким флотом на Балтике принцу Генриху передали часть сил открытого моря с задачей разрушить Либавский порт и прервать морскую торговлю на северных путях. Обстрел отходящих от Мемеля русских войск не дал больших

результатов, а шторм прервал действия в Або-Аландском районе, и немцы вернулись в Свинемюнде. Сказались потери неприятеля на минных заграждениях.

За успешную зимнюю кампанию Эссена наградили орденом Святого Владимира II степени. Однако весенняя кампания усложнилась. Германское командование сменило коды, и теперь нельзя было следить, как прежде, за действиями противника. Выход германский войск к побережью Балтийского моря неминуемо вел к повышению активности немецкого флота. 23 апреля немецкая «U-26» потопила финляндский пароход «Фрак», что заставило Эссена приказать вооружить все наличные противолодочные сети. Адмирал также приказал крейсерам и миноносцам обновить минные заграждения перед Либавой. Сам флагман флота на ледоколе «Сампо» отправился в Ревель инструктировать канонерские лодки. Он уже чувствовал себя больным, и бодрости придавали лишь сообщения, что новый германский код разгадан и действия командира полудивизиона особого назначения эсминцев, поставивших мины перед Либавой, успешны, чтобы сразиться с неприятелем.

Понимая важность Ирбенских проходов для обороны столицы, он распорядился выставить там свыше 2000 мин, собирался пополнить силы в проливе линейными кораблями и объединить их под единым командованием. Однако болезнь одолевала, но по-прежнему адмирал старался не поддаваться. 1 мая он ушел на миноносце в Ревель и здесь окончательно слег. На третий день врачи признали положение опасным, и 7 мая Эссен скончался.

Тело адмирала перевезли в Петербург на эсминце «Пограничник» и 15 мая предали земле на кладбище Новодевичьего монастыря.

Памятник флотоводцу сохранился до наших дней. На могиле установили камень с надписью: «Николай Оттович Эссен» с Георгиевским крестом и флагом командующего — гюйсом, наложенным на Андреевский флаг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически русскому флоту повезло. Два с лишним века его возглавляли неординарные флагманы. В отличие от европейских флотоводцев, морскими силами России руководили люди, которые старались привить офицерам и матросам коренные заповеди и традиции русского народа, всегда отдававшего все силы и жертвуя жизнью на благо Отечества.

Зародившиеся во времена создателя русского флота Петра Великого преданность морской службе, высокое мастерство, наступательный дух, отвага и самоотверженность передавались беспрерывно от флагмана к флагману.

Присовокупим сюда такие человеческие ценности, как инициативность, неустанный поиск новизны в своем деле, честность и бескорыстие, высокая нравственность, гуманное отношение к матросам. Все эти жизненные составляющие были присущи характерам всех без исключения русских флотоводцев. Федор Апраксин и Григорий Спиридов, Алексей Сенявин и Федор Ушаков, Дмитрий Сенявин и Михаил Лазарев, Владимир Корнилов и Павел Нахимов, Владимир Истомина, Григорий Бутаков, Степан Макаров, Николай Эссен — вот та

неразрывная цепь ярких и своеобразных личностей, деятельность которых за короткий исторический срок выдвинула Россию в ряд великих морских держав.

Вечна истина — все познается в сравнении. Не в упрек будет упомянуть об армейцах, но в ряду российских полководцев лишь один генералиссимус Александр Суворов обладал подобными качествами в полной мере.

Из названных российских флотоводцев ни один не потерпел поражения в битвах на море. Опять же чего не скажешь о российских полководцах, за исключением разве Петра Румянцева и его последователя Александра Суворова.

И после Октября 1917 года Военно-морской флот, благодаря толковым флотоводцам, не уронил честь державы в океанах и морях.

22 июня 1941 года, несмотря на внезапность нападения Германии, флоты, в противоположность армии, под командой своих флагманов, руководимых адмиралом Н.Г. Кузнецовым, дали достойный отпор агрессору. В первый день войны флот, в отличие от армии, не потерял ни одного корабля или самолета и не отступил.

Более того, моряки Дунайской флотилии успешно форсировали Дунай, высадили десант на вражеском берегу и больше недели удерживали 70-километровый фронт на территории Румынии.

Там, где в годы войны сражались моряки, немцы ломали зубы. Героическая оборона Заполярья, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Северного Кавказа была бы немыслима без поддержки флота и стойкости моряков.

Единственный участок западной госграницы всю войну удерживали морские пехотинцы при поддержке Северного флота на полуострове Среднем в Заполярье.

Без содействия Волжской флотилии, окруженные и прижатые к Волге войска, не сдержали бы немцев. Все ресурсы, 6 дивизий и танковая бригада были переправлены моряками через Волгу в октябре—ноябре 1942 года. «Флот до конца выполнил свой долг перед Родиной».

В послевоенный период флот нашей Родины по огневой мощи сравнялся с флотом США. Однако за по-

следние 15 лет все разрушено. Ныне морские рубежи России никем и ничем на деле не оберегаются. Боевое ядро флота, достояние народа, уничтожено недалеко-видными правителями, продано как металлом за бесценок за рубеж. По сути, совершено государственное преступление. На Тихом океане, Севере, Балтике, Черном море у берегов России безнаказанно хозяйничают иноземные боевые корабли.

За последние полтора десятка лет на стапелях России заложен один (!) боевой корабль. Не проспать бы! Корабли не блины, на их создание потребны годы.

Разорена система базирования, в уцелевших портах и бухтах у причалов ржавеют, гниют и доживают свой век жалкие остатки еще недавно могучего флота России. Увы, олигархи, захватив топливо, держат флот на голодном пайке. Экипажи теряют мастерство, у моряков окончательно исчезают дух боевитости и романтики. Нынешние флагманы заботятся лишь о своем благополучии, «изгибаясь» перед властью имущими, служат по принципу «чего изволите».

Беспризорными в морях и океанах оказались морские торговые и рыболовные флоты. Всюду их унижают, притесняют; арестовывают у берегов Европы, Азии, Африки и Америки подчас страны с весьма сомнительными режимами.

Современные правители державы не ведают, что Мировой океан — это будущая арена противостояния. В его водах неисчерпаемые биоресурсы для жизни человека, под толщей воды скрыты минеральные богатства планеты.

Забыты уроки истории. Дорого обошлась России недооценка флота. Спесивость Николая I привела к позору Крымской войны. Слабость Николая II надолго покрыла Россию бесславием и унижением перед Японией и всем миром. Об этом следует помнить и не забывать будущим здравомыслящим политикам, и пока еще есть время, возродить флот России, следуя примеру самоотверженного служения отечеству русских флотоводцев минувших веков.

КОММЕНТАРИИ

ФИРСОВ Иван Иванович (родился в 1926 году в Ростове-на-Дону) — современный русский писатель, капитан 1-го ранга в отставке. Окончил Военно-морскую спецшколу, Высшее военно-морское училище и Высшие специальные офицерские классы. Служил штурманом на крейсере и эсминцах, помощником командира сторожевого корабля; закончил службу в Главном штабе Военно-морского флота.

Публикуется с 1959 года. Истории русского флота и русским флотоводцам посвящены многие его книги: «Паруса над колыбелью» (Ярославль, 1986), «Полвека под парусами» (М., 1988), «Колумбы российские» (М., 1996), «С чистой совестью» (М., 2001), «Лисянский» (ЖЗЛ, М., 2002) и др.

Книга «Русские флотоводцы. Исторические портреты» печатается впервые.

¹ **Каперы** — вооруженные частные суда, с разрешения своего правительства захватывающие торговые суда противника и нейтральных стран, перевозящих грузы для неприятеля.

² *...бот, построенный в Дединове...* — Многие историки утверждают, что «английский ботик» построен в Англии и привезен в Россию из-за границы. Но до сих пор нет ни одного документа, подтверждающего эту версию. Напротив, при сооружении первого корабля «Орел» в Дединове на Оке, в документах неоднократно упоминается о боте. Надзиратель за строением судов «Полуехтов дважды доносил об этом царю: «два и шлюпа и бот сделаны»... и следом «... да два шлюпа и бот сделаны совсем наготове...» Факт постройки ботика в Дединове утверждает и А. Щекотов в словаре Географическом Российского государства» (М., 1804) «... тогда же в Дединове построенный малый бот, или ботик, который государь Петр Великий назвал дедом Русского флота. Точку поставил писатель-историк А. Сергеев-Ценский: «Голландцы-плотники построили русскому царю бот, ходивший на парусах. С этого бота и началось строительство Военно-морского флота».

³ **капитан Федор Салтыков** — первый «мастер корабельного строения», за три года скрытно закупил в Голландии, Франции и Англии и отправил в Россию 15 линейных кораблей и 5 фрегатов. Скромный по натуре, Салтыков жил впроголодь, экономил каждую копейку, а по навету царь, не разобравшись, хотел его арестовать за растрату денег. Но указ царя не состоялся. Салтыков от перенапряжения заболел и скончался в Лондоне сорока лет от роду, а его имя незаслуженно затерялся в истории...

⁴ *Под Азов отправился и старший брат Апраксина,*

Петр... — Некоторые историки, в том числе и П. Белавенец, путают, что в Азовских походах участвовал Федор Апраксин.

⁵ *...а письмо отдал жене твоей.* — Бытует мнение, что Федор Апраксин был холостяком. Согласно «Российской родословной книге» (1854) ч. II, Федор Апраксин был женат на урожденной Хрущевой, которая скончалась в 1702 году, не оставив потомства.

⁶ *Апраксин продолжал из Москвы руководить флотом.* — Видный историк Ф. Веселаго в «Краткой истории русского флота» писал: «Ф.М. Апраксин, в последнее время уклонявшийся от дел флота, также переехал в Москву». Эта версия затем перекочевала во все официальные издания, но она не объективна. Обратимся к документам, в частности, к журналу Адмиралтейств-коллегий. В кампании 1725, 1726 годов Апраксин лично командовал Балтийским флотом, выходил с эскадрой в море, отражал попытки англичан проникнуть к Ревелю и Кронштадту. В 1727 году эскадра отставалась в Кронштадте, Ревеле из-за недостатка денег, но Апраксин, несмотря на вокруг престольную чехарду после смерти Екатерины I, продолжал заботиться о флоте. В феврале 1728 года, как член Тайного верховного совета, Апраксин обязан был сопровождать Петра II на коронацию в Москву. В Петербург шли его указания о снаряжении двух фрегатов для плавания в Голштинию — приведению в порядок верфей и др.

В Москву поступали донесения Адмиралтейств-коллегий об исполнении указаний Ф. Апраксина.

24 октября 1728 года Адмиралтейств-коллегия слушала «Е.С. генерал-адмирала... предложение о посылке строящихся в Воронеж кораблей вице-адмирала Сенявина...» В это же время Апраксин рассматривал донесение В. Беринга о Тихоокеанской экспедиции.

⁷ *Григорий Спиридов родился в 1713 году.* — До сих пор неизвестно месторождение Г. Спиридова. Можно предполагать, что он родился в родовом имении — сельце Еросимово, Клинского уезда. Его отец, капитан, поручик А. Спиридов, в ту пору участвовал в войне со шведами, в Финляндии.

⁸ *Григорий Спиридов уехал в Москву.* — Видимо, Спиридов переехал поближе к родным местам и своему младшему сыну Матвею, известному историку. Внук Спиридова — майор Пензенского полка Дмитрий Матвеевич — примкнул в свое время к декабристам и был осужден по первому разряду. Старший сын Алексей дослужился на флоте до чина контр-адмирала.

⁹ *Самуэль Грейг* — родился 30 ноября 1735 года в г. Инкваридзинг, в Шотландии.

¹⁰ *«Святой Евстафий».* — В своих записках С. Грейг несколько принижает роль старшего флагмана Спиридова. Об этом заметили «Морской сборник» в 1849 году и историк П. Белавенец в «Материалах по истории русского флота». Свою оценку высказал и адмирал М. Лазарев: «Следует назвать имя Спиридова, вместо Грейга, как действительно командующего флотом в Чесменском сражении».

¹¹ *жена Грейга.* — С. Грейг был женат на двоюродной сестре

знаменитого мореплавателя Д. Кука, Саре. У них было четыре сына: старший Алексей служил в русском флоте, адмирал. Остальные три сына после кончины отца уехали в Англию.

¹² *...вынужден был сдаться...* — В. Чичагов порицал Грейга за то, что он с неподготовленной эскадрой атаковал шведов. По сути, Гогландское сражение окончилось «вничью».

¹³ *...императрица, разочарованная итогами экспедиции.* — Вот оценка экспедиции В. Чичагова известным полярником, профессором, контр-адмиралом Н. Зубовым: «...С морской точки зрения, обе экспедиции В. Чичагова были проведены безукоризненно. Три парусных корабля среди льдов, в штормах и туманах все время держались вместе. Что же касается маршрута, предложенного Чичагову, то теперь мы знаем, что задача, поставленная ему Ломоносовым, невыполнима».

¹⁴ *Его сын Павел.* — Из десяти сыновей В. Чичагова большинство служили на флоте, а Павел поначалу был самым удачливым, дослужился до министра, но потом его карьера стала медленно сползать вниз. Окончательно добил его Кутузов, обвинив виновником упущения «Наполеона при Березине». Здесь Кутузов явно погрешил, выгораживая и себя, и Витгенштейна, и Штейнгеля. Оскорбленный Чичагов навсегда уехал за границу, а потом, в знак протеста против самодура Николая I, вернул ему все личные письма Александра I и царские награды.

¹⁵ *...в двадцать один год от роду...* — Один из казусов биографии Ушакова. — В 1990 году после многочисленных поисков наконец-то в архиве города Ростова была обнаружена запись с датой рождения Федора Федоровича Ушакова — 13 февраля 1745 года. Но еще в 1954 году писатель Георгий Шторм нашел в Центральном государственном архиве «сказку», собственноручно подписанную недорослем Федором Ушаковым, согласно которой он родился в 1752 году. Чему верить? Дело историков разобраться и устранить это противоречие.

¹⁶ *«почитаю я вместо детей моих».* — Ушаков не был женат, всю жизнь прожил холостяком.

¹⁷ *...с товарищами гостил на берегу у негоциантов.* — В ту пору, в 18 лет, Сенявин, видимо, впервые испытал чувство любви. «Были две сестры англичанки по фамилии Плиус, — вспоминал Сенявин. — Меньшая называлась Нанси, и ей было около 15 лет. Мы один другому очень нравились, я всегда просил ее танцевать, она ни с кем почти не танцевала кроме меня, к столу идти — я к ней подхожу или она ко мне подбежит и всегда вместе. Она выучила по-русски несколько приветливых слов, говорила мне, я на другой день, выучив по-английски, отвечал ей прилично, и мы так свыклись, что в последний раз на прощание очень скучали и чуть ли не плакали. Это еще не все. А будет продолжение, только не скоро, а ровно через 28 лет под конец моей молодости и при начале ее старости».

¹⁸ *... в этот период между Ушаковым и Сенявиным произошел конфликт.* — Все началось с того, что Сенявин не выполнил приказание Ушакова выделять с кораблей лучших и здоровых матросов на

комплектование экипажей строящихся кораблей в Херсоне. Сенявин, как и другие командиры, старался списать и «хворых» и нераспорочных матросов. Причем Сенявин проделывал это не раз. Замечтим, что такая тенденция сохранилась на флоте и по сей день.

¹⁹ *Осенью Сенявина назначили капитаном Херсонского порта.* — К этому времени Сенявин обзавелся семьей. В 1797 году он женился на дочери австрийского консула в Яссах И. Розоровича Терезе. Сенявин имел двух сыновей и двух дочерей.

²⁰ *Адмирал Коттон... был отдан под суд.* — Суд оправдал Коттона, но его сместили с должности.

²¹ *...русская эскадра не досталась в собственность Англии.* — Действительно, исправные корабли сенявинской эскадры после мира, заключенного с Англией в 1812 году, были возвращены России. За остальные корабли, пришедшие в ветхость, английское правительство полностью заплатило России их стоимость.

²² *В Петербурге адмирал обосновался в небольшом домике...* — По свидетельству современников, Сенявин «жил в Петербурге, но вдали от своего семейства и от тех людей, которые смотрят на других, соображаясь с обстоятельствами — ласкают и чествуют по связям или личным видам».

²³ *Острова назвали в честь корабля — островами Суворова.* — Открытие островов в широте 13°03'S и долготе 163°26'W зафиксировано в корабельных документах, по праву принадлежит России. На берегу моряки оставили бутылку с запиской, в которой, в частности, указали, что «острова являются новоизобретенною землей России». Теперь здесь владения Новой Зеландии. По какому праву?

²⁴ *...вторым из русских мореплавателей он обогнул планету под парусами.* — До сих пор ошибочно считают, что после первого кругосветного плавания Крузенштерна (1803—1806) В. Головин на «Диане» и Гагамейсер на «Неве» повторили это плавание, но ни «Диана», ни «Нева» не совершали кругосветного плавания. Их экипажи в неполном составе по суше добирались с Камчатки в Петербург.

²⁵ *М. Лазарев первый...* — Из истории кругосветных плаваний известно, что лишь англичанин Уильям Дампир трижды обошел вокруг света, но эти плавания Дампира, подобно Дрейку, по сути были пиратством. Из трех путешествий Дампир только в одном командовал судами, меняя их по пути. Поэтому М. Лазареву по праву принадлежит приоритет трех кругосветок среди переходов всего мира.

²⁶ *...было построено... 8 пароходов.* — Лазарев последние десять кампаний держал свой флаг на пароходах.

²⁷ *...его дочь Татьяна Михайловна...* — Лазарев женился в 1835 году на Екатерине Тимофеевне, урожденной Фандерфлит, дочери отставного моряка. У них было четверо детей: два сына и две дочери.

²⁸ *Старший брат Корнилова, Александр... был арестован.* — Александр после окончания лицея, в 1817 году, служил в Лейб-

гвардии Московском полку. 12 декабря был на совещании членов Северного общества. Дослужился до полковника. После отставки — губернатор, сенатор, о нем упоминает А. Герцен в «Былое и думы».

²⁹ *...подружился с... К. Брюлловым.* — Долгие годы Корнилов поддерживал связь с К. Брюлловым. По его просьбе К. Брюллов написал известный портрет М. Лазарева.

³⁰ *Дай Бог ему счастья.* — Корнилов все время весьма дружелюбно относился к П. Нахимову, который всегда бывал в его семье желанным гостем в Николаеве и Севастополе. Их отношения несколько охладели после того, как Нахимов не поддержал Корнилова в вопросе о затоплении кораблей 9.09.1854 года.

³¹ *Благословляя жену и детей...* — Корнилов был женат на Е.М. Новосильцевой, сестре мичмана А. Новосильцева. У них было пятеро детей, два сына и три дочери.

³² *Закричал унтер-офицер.* — Нахимов дал слово и всю жизнь выплачивал пенсию своему спасителю, унтер-офицеру.

³³ *Корнилов высказался за выход кораблей в море.* — Но уже в тот же день Корнилов согласился с большинством: «Выход в море для сражения с двойным числом неприятельских кораблей, не обещая успеха, лишает только бесполезно город главных своих защитников». Необходимо учесть, что парусный флот в Севастополе зависит полностью от наличия попутного ветра, а неприятель обладал почти тройным превосходством в военных пароходах, в большинстве своем винтовых.

³⁴ *...не успев обзавестись семьей...* — В. Истомин в 45 лет оставался холостяком, как и его старший товарищ и наставник П. Нахимов.

³⁵ *«Новые основания паровой тактики».* — Этот труд Г. Бутакова Академией наук был удостоен Демидовской премии.

³⁶ *...воспитывает детей.* — Зная и протестуя против системы жестокого воспитания в Морском корпусе, основанной на страхе наказания, Г. Бутаков, несмотря на настойчивые просьбы своих сыновей — Александра и Алексея, — не определил их в Морской корпус, а после окончания гимназии послал в Петербургский университет. Только после этого он определил их на флот юнкерами.

³⁷ *«Рассуждения по вопросам морской тактики».* — Этот труд впервые опубликован в «Морском сборнике» в 1897 году и сразу получил мировую известность, изучался даже в Японии. Но в России морские чинуши избегали публиковать все, что ломало устоявшиеся рутинные порядки. Летом 1902 года в Кронштадт пришло судно с гардемаринами из далекой Аргентины. Капитан в присутствии экипажа приветствовал Макарова, как великого учителя аргентинских моряков, и преподнес адмиралу его «Морскую тактику», изданную в Буэнос-Айресе на испанском языке.

«Хоть наш флот еще совсем молод, — сказал капитан, — но странно было бы, если бы не знали книгу, достоинства которой оценены во всех странах Европы и Америки».

В России этот ценный труд С. Макарова увидел свет лишь после его гибели.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Петр Великий	13
Федор Апраксин	52
Григорий Спиридов	97
Самуил Грейг	155
Василий Чичагов	181
Федор Ушаков	207
Дмитрий Сенявин	253
Михаил Лазарев	308
Владимир Корнилов	355
Павел Нахимов	410
Владимир Истомин	457
Григорий Бутаков	480
Степан Макаров	500
Николай Эссен	520
<i>Заключение</i>	535
<i>Комментарии</i>	538